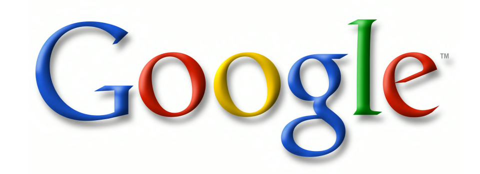
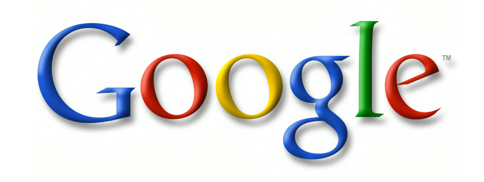
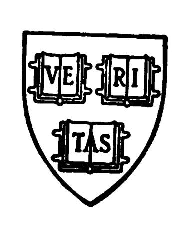

VE
RI
TAS

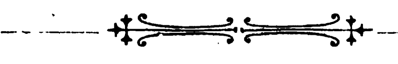

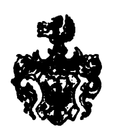
ВОЗМУЩЕНІЕ

СОЛОВЕЦКИХЪ МОНАХОВЪ-СТАРООБРЯДЦЕВЪ

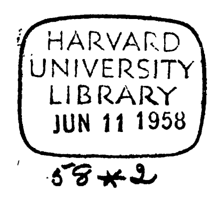
ВЪ XVII ВѢКѢ.

И. Я. Сырцова.

КОСТРОМА.
Типо-литографія Ф. А. Фалькъ, на Сусанинской площ.
1888.

Дозволено цен. Московскаго духовно-цензурнаго комитета. Ноября 3 дня 1888 года.

Цензоръ Протоіерей С. Вишняковъ.

Ставропигіальный Соловецкій монастырь, основанный въ первой половинѣ XV вѣка (около 1440 года) преподобными Зосимою, Савватіемъ и Германомъ на необитаемыхъ до тѣхъ поръ и заброшенныхъ природою на значительное пространство въ Бѣлое море Соловецкихъ островахъ, хорошо извѣстенъ всякому русскому человѣку; онъ извѣстенъ какъ монастырь, обладающій завиднымъ богатствомъ, благоустроенный, многолюдный и славный трудолюбіемъ и аскетизмомъ иноковъ. Въ матеріальномъ обезпеченіи онъ долженъ уступить нѣсколько такимъ монастырямъ, какъ лавры: Троицкая, Кіевопечерская и Александроневская; но въ отношеніи нравственномъ онъ считается лучшимъ многихъ другихъ русскихъ монастырей; и потому Русскій народъ называетъ иногда Соловецкія острова «Сѣвернымъ Аѳономъ».

Но тѣмъ не менѣе исторія Соловецкаго монастыря не безъ черныхъ пятенъ. Въ этомъ случаѣ самымъ выдающимся и прискорбнымъ событіемъ можетъ быть названо возмущеніе Соловецкихъ монаховъ въ XVII столѣтіи по поводу введенія въ церковное богослуженіе исправленныхъ при патріархѣ Никонѣ церковныхъ книгъ, когда монахи не только отказались принять ихъ, но и взялись за оружіе, чтобы отстоять старые церковные порядки, и отстаивали ихъ съ оружіемъ въ рукахъ, пока не были въ 1676 году побѣждены и казнены почти поголовно.

Возмущеніе соловецкихъ монаховъ по поводу выхода во второй половинѣ XVII столѣтія исправленныхъ церковно-славянскихъ богослужебныхъ книгъ, имѣетъ весьма важное историческое значеніе. Это, съ одной стороны,—явленіе небывалое ни въ Соловецкомъ монастырѣ, ни въ русскомъ монашествѣ, ни даже, въ русской церкви. До этого прискорбнаго случая въ Соловецкомъ монастырѣ, въ продолженіи многихъ столѣтій Русская церковь и русское гражданское правительство всегда находили и привыкли видѣть въ монашествующихъ лучшихъ себѣ помощниковъ, неутомимыхъ, святыхъ тружениковъ, подвиги которыхъ начертаны въ исторіи Русской церкви и всего Русскаго государства, такъ сказать, золотыми буквами. До этого случая и послѣ, и соловецкіе монахи, такъ или иначе, служили и служатъ церкви и отечеству, и заслуги ихъ цѣнятся по достоинству всякимъ русскимъ человѣкомъ. Но вотъ, въ то самое время, когда духовное и гражданское правительства, можетъ быть, больше всего нуждались въ помощи иночествующихъ, соловецкіе монахи не только не изъявляютъ готовности помогать имъ, но являются непокорными ихъ распоряженіямъ, противодѣйствуютъ, вступаютъ въ кровопролитную съ ними борьбу! Съ другой стороны соловецкое возмущеніе своею необычайностію и своими основными мотивами произвело въ русскомъ народѣ такое впечатлѣніе, которое не можетъ забыться и до сихъ

поръ. Дѣло въ томъ, что оно случилось въ то самое время, когда лишь только зарождался нашъ расколъ старообрядства, т. е. когда большая часть Русскаго народа, сосредоточивъ все свое вниманіе на церковной реформѣ, начатой Никономъ, колебалась въ выборѣ путей спасенія, предлагаемыхъ съ одной стороны Никономъ, съ другой—Аввакумомъ съ товарищами. Соловецкіе монахи, для которыхъ, по представленіямъ народной массы, чистота вѣры и спасеніе души составляютъ цѣль жизни и дороже всего на свѣтѣ, стали на сторону Аввакума. Выборъ ихъ сразу разрѣшилъ недоразумѣніе многихъ изъ благочестивыхъ людей, до сихъ поръ колебавшихся въ выборѣ и путей спасенія, и они послѣдовали примѣру соловецкой братіи. Такимъ образомъ соловецкое возмущеніе дало силу и авторитетъ раскольническому движенію.

Но этимъ еще дѣло не кончилось. Старообрядцы, благодарные соловецкимъ монахамъ за разрѣшеніе своихъ недоумѣній относительно вѣры, причислили казненныхъ въ 1676 году монаховъ къ лику святыхъ страдальцевъ-мучениковъ, а извѣстную челобитную ихъ, поданную царю Алексѣю Михайловичу въ 1667 году, сдѣлали своею настольною книгою, которою должны были руководиться, и дѣйствительно руководятся новыя старообрядческія поколѣнія ([1]).

Между тѣмъ нѣкоторые изъ соловецкихъ монаховъ-старообрядцевъ, не дождавшись конца соловецкой борьбы, вышли изъ монастыря и начали усердно бросать сѣмена старообрядчества по сѣверному поморью. Таковы: старецъ Епифаній, одиннадцать лѣтъ ходившій съ проповѣдью по селамъ и деревнямъ, расположеннымъ у рѣкъ Сумы и Онеги; старецъ Савватій, 12 лѣтъ проповѣдывавшій «старое благочестіе» жителямъ кемскаго уѣзда; діаконъ Игнатій, который по словамъ Семена Денисова, «вся олонецкія и каргопольскія страны во православія догматѣхъ стояти утверди и непроходимыя пустынныя дебри благочестивыми насади жительми» ([2]) и т. д. Брошенныя этими старцами сѣмена старооб-

([1]) «Истина Соловецкой обители» изд. 1847 г. стр. 1—3.

([2]) «Исторія о отцѣхъ и страдальцѣхъ соловецкихъ» Семена Денисова, л. 104 и сл.

рядчества принесли къ сожалѣнію обильный плодъ по роду своему. На разработанной ими, удобовоспріимчивой бѣломорской почвѣ, въ скоромъ времени появилась знаменитая Выговская пустынь, которая цвѣла и оплодотворяла почти весь русскій расколъ чуть не 200 лѣтъ (1). Благодаря именно проповѣди соловецкихъ старцевъ, поморскій край олонецкой и архангельской губерніи 200 лѣтъ коснѣлъ и теперь коснѣетъ въ расколѣ и невѣжествѣ (2). Нынѣшній миссіонеръ архангельской епархіи, священникъ Макаровъ, говоря о сильно укоренившемся почти во всей архангельской губерніи расколѣ, прибавляетъ: «причиною сильнаго укорененія раскола въ этихъ мѣстностяхъ (архангельскомъ, холмогорскомъ, шенкурскомъ и пинежскомъ уѣздахъ), какъ замѣчено мною при собесѣдованіяхъ, послужило, и въ настоящее время служитъ сочиненіе Семена Денисова «Исторія о отцѣхъ и страдальцѣхъ соловецкихъ» съ соловецкою челобитною къ царю Алексѣю Михайловичу, которую не только раскольники, но даже и нѣкоторые изъ православныхъ, по своему невѣжеству, считаютъ чуть не выше св. Евангелія» (3). Таковы слѣдствія соловецкаго возмущенія, обнаруживающіяся до сихъ поръ въ архангельской и олонецкой губерніяхъ. Но при этомъ можно съ увѣренностію сказать, что соловецкое возмущеніе до сихъ поръ не утратило своего значенія и въ остальномъ старообрядческомъ мірѣ, потому что, какъ архангельскіе,такъ, наприм., и херсонскіе раскольники одинаково знаютъ и чтутъ «соловецкихъ страдальцевъ»; какъ тѣ, такъ и другіе въ своей религіозной жизни руководятся одной и той же соловецкой челобитной 1667 года (4).

Въ виду столь важнаго историческаго значенія соловецкаго возмущенія, нельзя не пожалѣть, что ни въ духовной, ни въ свѣтской нашей литературѣ до сихъ поръ не появлялось еще ни одного сочиненія, или хотя бы журнальной статьи, спеціально посвященной изслѣдованію этого пе-

(1) Исторія Выговской пустыни Ив. Филипова, изд. 1862 г. Спб.

(2) Истина Соловецкой обители, изд. 1847 г. стр. 1—3.

(3) Письмо о. Макарова ректору семинаріи архимандриту Донату преданное намъ.

(4) Истина Соловец. обители изд. 1847 г. стр. 1—3.

чальнаго, но въ тоже время въ высшей степени замѣчательнаго историческаго событія; а между тѣмъ раскольники имѣютъ подъ руками печатныя изданія «Исторіи о отцѣхъ и страдальцѣхъ соловецкихъ», написанной въ началѣ XVIII ст. авторитетнымъ раскольническимъ наставникомъ Семеномъ Денисовымъ и представляющей событіе въ превратномъ видѣ, съ цѣлью укрѣпить въ старообрядцахъ вѣру въ мнимыхъ соловецкихъ мучениковъ.

Предлагаемое сочиненіе написано по достовѣрнымъ, современнымъ событію памятникамъ, не малая часть коихъ сохранилась и была изслѣдована авторомъ лично на мѣстѣ произшествія—въ Соловецкомъ монастырѣ. Излагая по этимъ памятникамъ исторію Соловецкаго возмущенія отъ начала ея до конца авторъ руководился искреннимъ желаніемъ: если не поколебать вѣру старообрядцевъ въ мнимыхъ соловецкихъ мучениковъ, основанную и опирающуюся на легендарной «Исторіи о отцѣхъ и страдальцахъ Соловецкихъ», то покрайней мѣрѣ—предостеречь православныхъ отъ подобнаго почитанія бунтовщиковъ. Правду говоритъ Архангельскій миссіонеръ о. Макаровъ, что и изъ православныхъ многіе не менѣе старообрядцевъ интересуются этимъ, до сихъ поръ для всего русскаго народа, памятнымъ событіемъ и за недостаткомъ достовѣрно-правдивой исторіи нерѣдко пользуются исторіей Семена Денисова.

Въ двадцати двухъ-лѣтней (съ 1654 по 1676 г.) исторіи Соловецкихъ смутъ изъ за новыхъ церковныхъ книгъ и обрядовъ замѣчаются четыре главныхъ переходныхъ момента: 1) отъ начала церковной реформы до полученія въ Соловецкомъ монастырѣ въ 1657 году новаго служебника, отвергнутаго монахами, когда монахи постепенно воспринимая различныя не благопріятныя отзывы о реформѣ только еще настраивались на тонъ оппозиціи; 2) съ 1657 по 1666 г., когда монахи совсѣмъ настроились и сдѣлали уже нѣсколько нерѣшительныхъ шаговъ по пути противленій; 3) съ 1666 по 1668 г., когда монахи вступили въ открытую борьбу съ правительствомъ имѣя орудіемъ одни только челобитныя и 4) съ 1668 по 1676 г., когда монахи заперлись въ мона-

стырѣ и взялись за оружіе, отстрѣливаясь отъ осаждавшихъ монастырь московскихъ стрѣльцовъ.

Въ этой постепенности и излагается исторія Соловецкаго возмущенія въ настоящемъ сочиненіи.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Первоначальныя предубѣжденія соловецкой братіи.

Двоякій характеръ возмущенія монаховъ.—Начало первыхъ смутъ въ монастырѣ.—Отношенія Никона къ соловецкому братству въ бытность его: а) анзерскимъ пустынникомъ, б) московскимъ архимандритомъ, в) новгородскимъ митрополитомъ и патріархомъ и вызванное этими отношеніями глубокое нерасположеніе монаховъ къ Никону.—Первые и главные пропагандисты старообрядчества между соловецкими монахами: а) архимандритъ Илья, б) князь Львовъ, в) протопопъ Нероновъ, г) архимандритъ Никаноръ и др.

Соловецкое возмущеніе имѣетъ двоякій характеръ— религіозный и политическій, потому что, какъ извѣстно, соловецкіе монахи оказали сопротивленіе волѣ правительства духовнаго и гражданскаго. Въ началѣ, впрочемъ, до 1667 года, пока къ усмиренію ихъ не было принимаемо со стороны государя никакихъ мѣръ, оно носило характеръ чисто религіозный. Непокорность государю вытекла какъ необходимое слѣдствіе непокорности патріарху и собору 1666 года, когда государь рѣшительно принялъ сторону духовныхъ властей и сталъ помогать имъ въ церковной реформѣ. До 1667 года, когда соловецкіе монахи послали къ царю Алексѣю Михайловичу свою челобитную и не получили по ней удовлетворенія, они нисколько не думали и не желали быть ослушниками царя, и вступили въ борьбу съ царскими стрѣльцами, можетъ быть, со слезами на глазахъ, лишь желая быть послѣдовательными и покорными, по ихъ мнѣнію, больше Царю небесному, нежели царю земному. Но подъ конецъ борьба приняла почти чисто политическій характеръ; религія была оставлена далеко на второмъ планѣ; монахи, отстрѣливаясь отъ осадившаго ихъ царскаго войска, больше

думали о томъ, какъ бы не попасть въ руки «слугъ антихристовыхъ» и спасти свою жизнь!

Но и сопротивленіе духовнымъ властямъ у монаховъ произошло какъ-то случайно, ненамѣренно, само собой. По крайней мѣрѣ большая часть простой, безграмотной братіи никогда не думала не повиноваться высшему духовному начальству и введена была въ это заблужденіе немногими фанатичными вожатаями. Тѣхъ и другихъ, конечно, необинуясь можно назвать слѣпцами; но послѣдніе отличались отъ первыхъ тѣмъ, что шли впереди и потому первые упали въ яму. При томъ умственномъ и религіозно-нравственномъ состояніи соловецкаго братства, въ какомъ оно было застигнуто выдающимся по своимъ реформамъ въ Русской церковной исторіи патріаршествомъ Никона,—заблужденіе и возмущеніе въ монастырѣ было дѣломъ весьма возможнымъ; почва была самая удобовоспріимчивая для сего (1) Соловецкіе монахи начали смущаться церковными перемѣнами не позже 1654 г., когда по предложенію Никона московскій духовный соборъ порѣшилъ приступить къ немедленному исправленію церковно-славянскихъ богослужебныхъ книгъ. Въ 1655 году они уже сочувственно принимали у себя въ монастырѣ бѣжавшаго изъ ссылки протопопа Іоанна Неронова (2). Въ 1657 году у нихъ ходили уже по рукамъ тетрадки о двуперстномъ сложеніи крестнаго знаменія, изложенныя соловецкимъ монахомъ Герасимомъ Фирсовымъ. (3)

Изъ исторіи русскаго раскола мы знаемъ, что первымъ камнемъ преткновенія для московскихъ старообрядцевъ была личность Никона, съ его необыкновенно-правдивымъ и строгимъ характеромъ, а церковная реформа его, по крайней мѣрѣ на первыхъ порахъ, была для недовольныхъ имъ только однимъ изъ лучшихъ средствъ къ подрыву его авторитета и репутаціи въ народѣ. Первые противники Никоновой церковной реформы и проповѣдники старообрядчества—Павелъ еп. ко-

(1) См. ст. «Соловец. мон. предъ возмущеніемъ». Правосл. Собес. 1879 г. октябрь и ноябрь.

(2) Сборн. соч. Неронова Казан. дух. акад. № 1986 стр. 14.

(3) Матеріалы для ист. роск. т. III стр. 10.

ломенскій, протопопы: Іоаннъ Нероновъ, Аввакумъ, Даніилъ, Логинъ и др., всѣ были лично недовольны «многомятежнымъ» Никономъ и на первыхъ порахъ въ борьбѣ съ Нимъ руководились только желаніемъ досадить ему ([1]). Подобно сему и въ основѣ соловецкаго возмущенія лежитъ на первомъ мѣстѣ личное нерасположеніе къ Никону соловецкаго настоятеля и нѣкоторыхъ изъ передовой братіи,—нерасположеніе, вызванное строгимъ отношеніемъ Никона къ соловецкому братству въ бытность его новгородскимъ митрополитомъ, къ епархіи коего принадлежалъ Соловецкій монастырь, а затѣмъ и—патріархомъ.

Нерасположеніе соловецкой братіи къ Никону росло постепенно, по мѣрѣ прикосновеній его къ ихъ житейскимъ интересамъ, и подъ конецъ патріаршества Никона дошло до глубокой ненависти. Между тѣмъ началось исправленіе церковныхъ книгъ и обрядовъ. Москва, въ лицѣ нѣкоторыхъ непримиримыхъ враговъ Никона, поспѣшила провозгласить его латинникомъ. Соловецкіе монахи въ своемъ негодованіи какъ будто того и ждали, чтобы опереться на какую нибудь хотя бы ложно возведенную на Никона вину и прикрывшись, какъ и московскіе враги Никона, ревностію о православіи, съ готовностію подали руку Москвѣ, чтобы затѣмъ вмѣстѣ съ нею идти противъ мнимаго врага православія.

а) У соловецкихъ монаховъ много было поводовъ къ непріязни противъ Никона, которая, впрочемъ, изъ страха, обнаруживалась робко и не такъ часто. Монахи были лично знакомы съ Никономъ съ тѣхъ поръ, какъ онъ былъ еще простымъ анзерскимъ пустынникомъ. На первыхъ же порахъ это знакомство не было искреннимъ, дружелюбнымъ. Никонъ поселился на Анзерскій островъ въ 30-хъ годахъ XVII столѣтія и жилъ здѣсь нѣсколько лѣтъ, пока въ 1639 г. не удалился въ Кожеозерскій монастырь ([2]). Въ это время здѣсь въ уединеніи подвизался схимникъ Елеазаръ, устраивая скитъ для любителей строгой пустыннической жизни. Никонъ сдѣлался его ученикомъ и ревностнымъ помощникомъ. Заботы

([1]) Исторія раскола преосв. Макарія 1855 г. стр. 163.

([2]) Истор. опис. Солов. м. ч. II стр. 9.

по устройству скита этихъ подвижниковъ постоянно вынуждали ихъ обращаться къ богатымъ соловецкимъ монахамъ — то съ тою, то съ другою просьбой. Но монахи не только отказывали имъ въ помощи, но и притѣсняли ихъ; имъ непріятно было, что анзерскіе пустынники живутъ на ихъ землѣ, надоѣдаютъ просьбами, и въ тоже время стремятся быть отъ нихъ въ независимости. Особенно не нравилось монахамъ благоволеніе къ пустынникамъ царя Михаила Ѳедоровича, который въ 1633 году далъ имъ нѣкоторую независимость отъ Соловецкаго монастыря, а между тѣмъ соловецкому настоятелю повелѣвалъ выстроить для нихъ новый храмъ. Преподобный Елеазаръ цѣлыхъ восемнадцать лѣтъ (съ 1638 до 1656 г.) умолялъ игумновъ Рафаила и Илью о помощи, согласно царской волѣ, въ построеніи храма и, однако, умеръ въ 1656 году, не дождавшись окончанія постройки. Мало того, игуменъ Илія пріискалъ на святаго мужа какую-то вину и выдержалъ его въ соловецкой тюрьмѣ (¹). Эти непріязненныя отношенія монаховъ къ анзерскимъ пустынникамъ, въ числѣ коихъ былъ Никонъ, не могли конечно возбуждать и въ самомъ Никонѣ особеннаго почтенія къ соловецкой братіи. Но зато онъ изъ этихъ отношеній извлекъ себѣ ту пользу, что коротко познакомился съ соловецкою жизнію, бывая въ монастырѣ по нуждамъ скита, видѣлъ хорошую и дурную ея стороны, на что и обратилъ свое вниманіе впослѣдствіи, сдѣлавшись новгородскимъ митрополитомъ

б) Пока Никонъ былъ анзерскимъ пустынникомъ, соловецкая братія конечно, мало обращала на него вниманія, и относилась къ нему не лучше, чѣмъ къ Елеазару и другимъ анзерцамъ, надоѣдавшимъ имъ своими просьбами. Когда же Никонъ удалился въ Кожеозерскую пустынь, иноки можетъ быть и совсѣмъ забыли, что когда-то какой-то чернецъ Никонъ былъ въ Анзерскомъ скитѣ. Но, вотъ, Никонъ вдругъ является въ Москвѣ, въ санѣ архимандрита и близь самого царя; царь дѣлаетъ его своимъ другомъ и повѣряетъ ему свои тайны. Соловецкіе монахи до сихъ поръ сами считали себя близ-

(¹) Истор. опис. Солов. мон. част. II стр. 9—12.

ними къ царю, свободно обращались къ нему со всякимъ челобитіемъ и имѣли при дворѣ своего представителя. По этому близость Никона къ царю не могла быть имъ по душѣ и не могла не возбуждать въ нихъ нѣкоторой зависти и опасеній за свое благополучіе и за свои отношенія къ царю.

в) Въ 1649 году Никонъ сдѣлался новгородскимъ митрополитомъ, не переставая быть другомъ царя, довѣріе котораго къ нему все болѣе и болѣе возрастало. Соловецкій монастырь, какъ мы знаемъ, принадлежалъ новгородской митрополіи Никонъ такимъ образомъ сталъ непосредственнымъ начальникомъ соловецкихъ монаховъ. Зная уже характеръ и силу Никона, соловецкіе монахи не могли и думать, что и этотъ митрополитъ будетъ относиться къ нимъ такъ же легко, какъ относились прежніе митрополиты ([1]). И опасенія ихъ на этотъ разъ были не напрасны. Никонъ энергично принялся за дѣла митрополіи, запущенныя прежними митрополитами. На первыхъ же порахъ онъ подчинилъ своему строгому надзору все бѣлое и черное духовенство ([2]), потребовалъ отъ него строгой нравственности, точнаго и усерднаго выполненія своихъ обязанностей и, особенно, благочинія церковнаго. Не составлялъ въ этомъ случаѣ для него исключенія и Соловецкій монастырь, обычаи и порядки котораго были ему хорошо извѣстны. Напротивъ, онъ на Соловецкій монастырь обратилъ свое особенное вниманіе.

Въ 1650 г. Никонъ предписывалъ игумну Ильѣ съ братіей отмѣнить обычай печь «раздаточныя», т. е. продаваемыя богомольцамъ просфоры изъ ржаной, или съ примѣсью ржаной муки. Богатому средствами монастырю ничего, конечно, не стоило исполнить это распоряженіе митрополита. Но монахи слишкомъ дорожили своими матеріальными выгодами. Въ сравненіи съ ними для нихъ мало имѣло значеніе то: бѣлая ли просфора будетъ принесена къ святому жертвеннику, или полуржаная, или даже ржаная ([3]). И монахи

([1]) Правосл. Собесѣд. 1879 г. Октябрь, ст. Соловецк. мон. предъ возмущеніемъ.

([2]) Акты эксп. том. IV, № 50, стр. 70.

([3]) Здѣсь идетъ рѣчь о просфорахъ раздаточныхъ. Но они не могли быть раздаваемы, прежде чѣмъ будутъ принесены во св. алтарь и освятятся чрезъ отдѣленіе для евхаристіи извѣстной частицы.

въ первый разъ смиренно осмѣлились протестовать предъ Никономъ противъ этого распоряженія, прося, чтобы «поволилъ въ Соловецкомъ монастырѣ печь раздаточныя просфоры по прежнему жъ во ржаной мукѣ, опричь служебныхъ просфоръ». Но Никонъ пригрозилъ за это непослушаніе игумену Ильѣ запрещеніемъ (¹) и монахи должны были скрыть неудовольствіе въ сердцѣ.

Въ 1651 году Никонъ получилъ отъ царя Алексѣя Михайловича особую грамоту, давшую ему безграничное право «вѣдать судомъ и управою во всякихъ управныхъ дѣлахъ въ великомъ Новгородѣ, въ великихъ Лукахъ, въ пригородахъ и уѣздахъ всей новгородской десятины, архимандритовъ, игуменовъ, братіи и поповъ, и всѣхъ ружныхъ и приходскихъ церквей поповъ, дьяконовъ и причетниковъ и монастырскихъ служекъ и крестьянъ» (²). Самая подсудность мѣстному митрополиту для соловецкихъ монаховъ могла казаться большой обидой: они отъ начала основанія монастыря были совершенно свободны отъ всякаго суда гражданской и духовной власти, зная въ этомъ случаѣ одну только верховную царскую власть, постоянно благоволившую къ нимъ и никогда ни въ чемъ ихъ не судившую. До сихъ поръ ни одинъ изъ новгородскихъ митрополитовъ не только не смѣлъ судить ихъ въ чемъ бы то ни было, но и «приставовъ своихъ не всылалъ ни по что, опричь духовнаго дѣла». Но эта подсудность была тѣмъ болѣе для монаховъ непріятна, что Никонъ скоро и сильно началъ примѣнять ее къ нимъ, дѣлая имъ строгія замѣчанія, выговоры, предписанія, а иногда и налагая заслуженныя наказанія на провинившуюся въ чемъ-либо братію. Въ томъ же 1651 году онъ писалъ соловецкому настоятелю съ братіею слѣдующее: 1) «вѣдомо намъ учинилось, что у васъ въ монастырѣ въ великій постъ въ субботу и въ недѣлю рыбу ядятъ, и то вы дѣлаете не по преданію святыхъ древнихъ отецъ, и вамъ бы впредь въ великій постъ въ субботу и въ недѣлю рыбы не ѣсть, питаться отъ земнаго плода. 2) Да ты жъ бы сыну

(¹) Историч. опис. Солов. м. часть III, стр. 216.

(²) Акты эксп. т. IV, № 50, стр. 70.

(архим. Илья) съ братіею въ монастырѣ заказали крѣпко, и учинили, чтобы у васъ въ монастырѣ дроженииковъ и хмѣльнаго питья не было, а держали бъ квасы простые и медвенные безъ хмелю. 3) Да у васъ же, какъ написано въ уставѣ въ 16 главѣ, о откровеніи главъ, отеческаго преданія не исполняется, главъ не открываете, и у васъ бы впредь такого безчинія отнюдь не было, дѣлать бы по преданію святыхъ отецъ, въ указанное время главы открывати и *въ презорство* тово не ставить. 4) Да къ вамъ же въ монастырь по государеву указу присылаютъ подъ началъ старцевъ и всякихъ чиновъ людей, и вы ихъ держите не по государеву указу, не крѣпко, во всемъ имъ свободу даете, и противъ государева указу подъ крѣпкій началъ не отдаваете и отъ тѣхъ ссыльныхъ безчинниковъ бываетъ смута многая» ([1]). Это новое распоряженіе со стороны Никона не могло не возбудить во многихъ изъ слабой духомъ братіи новыхъ неудовольствій противъ него. Отмѣною, напримѣръ, рыбнаго стола въ постѣ и запрещеніемъ дрожениковъ могли быть крайне недовольны любители сытнаго стола и хмѣльнаго питья, въ каковыхъ въ монастырѣ недостатка не было ([2]); открытіемъ главъ въ установленное время при совершеніи службъ могли смущаться и быть недовольны нѣкоторые изъ простой, фарисействующей братіи, ставя это *въ презорство* для инока; не могъ, конечно, Никонъ ожидать благодарности и отъ ссыльныхъ въ монастырь за стѣсненіе ихъ свободы. Такимъ образомъ, можно быть увѣреннымъ, что въ Соловецкомъ монастырѣ мало-помалу стала составляться партія скрытыхъ недоброжелателей Никона. Къ этой партіи, конечно, принадлежали и тѣ, которыхъ Никонъ за разныя вины наказывалъ, вызывая въ Новгородъ и налагая на нихъ цѣпи и эпитиміи ([3]). Недовольные до времени скрывали въ своемъ сердцѣ свои не-

---

([1]) Истор. оп. Сол. м часть III, стр. 219.

([2]) См. ст. «Солов. мон. предъ возмущеніемъ» Правосл. Собесѣд. 1879 г. октябрь и ноябрь.

([3]) Истина Сол. обит. 1847 г. стр. 20. Подлинныя грамоты въ солов. архивѣ №№ 87 и 88.

удовольствія изъ страха наказанія; но были случаи, когда они и обнаруживали ихъ, даже за стѣнами монастыря. Разъ строитель соловецкаго подворья въ Москвѣ старецъ Матвѣй не вытерпѣлъ и началъ на всю Москву злословить своего митрополита, обзывая его самымъ злымъ «врагомъ» Соловецкой обители, такъ что Никонъ вынужденъ былъ потребовать отъ соловецкаго настоятеля, чтобы тотъ унялъ старца и отлучилъ его отъ причастія (¹)

Между тѣмъ Соловецкій дьяконъ Пименъ въ 1651 году, пробравшись изъ монастыря въ Новгородъ и встрѣтившись со старцемъ Корниліемъ, говорилъ ему: «что ты вѣдаешь, Корнилій? Никонъ митрополитъ—антихристъ!—Бѣснуешься, тако глаголеши!» отвѣчалъ ему Корнилій.—Идемъ и посмотримъ, како людей благословляетъ? Корнилій пошелъ и, удостовѣрившись, что Никонъ дѣйствительно благословляетъ по новому (вѣроятно, обѣими руками, а не одной, какъ обыкновенно въ то время благословляли епископы и священники), пересталъ ходить подъ благословеніе митрополита (²). Пименъ же вскорѣ послѣ того возвратился въ Соловецкій монастырь и, конечно, не молчалъ здѣсь о народившемся «антихристѣ» Никонѣ, находя между братіей простыхъ и суевѣрныхъ людей, подобныхъ Корнилію.

Неудовольствія и подозрѣнія подобнаго рода со стороны соловецкой братіи къ Никону получили новый толчекъ по слѣдующему поводу: въ 1652 году митрополитъ Никонъ извѣстилъ соловецкую братію, что онъ желаетъ и намѣренъ въ скоромъ времени побывать въ Соловецкомъ монастырѣ, чтобы поклониться соловецкимъ чудотворцамъ. (³) И дѣйствительно прибылъ. (⁴) Но прибылъ не Богу только молиться, а чтобы вмѣстѣ отнять у монаховъ и увезти въ Москву одну изъ величайшихъ соловецкихъ святынь—мощи святителя Филиппа, митрополита московскаго, скончавшагося

(¹) Подлинныя грам. Никона въ Сол. м. 1650 г. Ризн. № 387.

(²) Разсказы изъ исторіи старообрядчества, Максимова. Изд. 1861 года, стр. 9 и 10. Житіе старца Корнилія. Опис. раск. соч. Александра Б. 172 стр.

[³] Подлинная грамата Никона въ соловецкой ризницѣ № 399.

[⁴) Никонъ выѣхалъ изъ Москвы 20 марта 1652 г., а возвратился съ мощами 9 іюля. Дворц. разр. т. III стр. 300—1 и 321.

въ царствованіе Грознаго мученическою смертію. Соловецкіе монахи считали эту святыню своею собственностію, потому что св. Филиппъ до призванія на митрополію десятки лѣтъ подвизался въ Соловецкой обители, сначала въ званіи простаго монаха, а потомъ—настоятеля. Москва вызвала его къ себѣ на святительскій престолъ вопреки его собственному желанію и желанію братіи; потомъ она съ поруганіемъ изгнала его въ заточеніе, предала насильственной смерти и затѣмъ никогда о немъ не вспоминала. Между тѣмъ соловецкіе монахи съ большимъ трудомъ, чрезъ 20 лѣтъ послѣ смерти святителя, достали къ себѣ святыя мощи его, положили въ дорогую раку и поставили въ главный Преображенскій соборъ, устроенный самимъ святителемъ въ бытность его соловецкимъ игуменомъ, и этимъ пріобрѣли какъ бы полное право на обладаніе святыней, тогда какъ Москва сама себя лишила ея. Митрополитъ Никонъ первый пришелъ къ мысли, что святыя мощи Филиппа принадлежатъ не соловецкимъ монахамъ, а Москвѣ и задумалъ перенести ихъ въ Москву. Никону ничего не стоило склонить къ этому своего друга-царя Алексѣя Михайловича и слабаго старца патріарха Іосифа. И онъ, заручившись царскою и патріаршею граматами, самъ прибылъ за мощами въ Соловецкій монастырь. Съ горькимъ плачемъ монахи передали Никону святыя мощи. Памятникомъ этого плача до сихъ поръ служитъ слѣдующій, сложенный монахами на день провожанія, гимнъ: «не подобало бы тебѣ, о святителю Филиппе, оставлять твое отечество! Но должно къ намъ возвратиться, гдѣ духовно народился, гдѣ ты понесъ разнообразные труды богоносньмъ отцамъ, гдѣ, наконецъ, воздвигъ ты великолѣпные храмы во спасеніе иноковъ и къ славословію Творца (¹). Монахи хорошо знали, что не царю и патріарху, а Никону принадлежитъ первая мысль о перенесеніи св. мощей Филиппа въ Москву. И Никонъ послѣ этого сталъ въ глазахъ всѣхъ ихъ недоброжелателемъ Соловецкой обители.

Съ возвращеніемъ изъ Соловецкой обители въ Москву Никонъ сдѣлался патріархомъ. Но Соловецкимъ монахамъ

(¹) Истор. оп. Сол. м. ч. I. стр. 140—141.

не было отъ этого легче: они и теперь не знали отъ него покоя. Не говоря уже о томъ, что благодаря Никону, монахи остались навсегда въ полной зависимости отъ новгородскаго митрополита, что Никонъ, сдѣлавшись патріархомъ, окончательно скрылъ отъ нихъ царя, самъ сталъ духовнымъ и свѣтскимъ государемъ; не говоря объ этомъ, и теперь Никонъ не переставалъ досаждать соловецкимъ монахамъ, касаясь ихъ жизни и интересовъ.

Въ 1656 году, по предложенію Никона царь окончательно освободилъ анзерскихъ пустынниковъ отъ зависимости соловецкому настоятелю, повелѣвъ, чтобы «ничѣмъ тое пустыни Соловецкаго монастыря архимандриту и келарю впредь не вѣдать, и строителей къ нимъ не посылать и *насилія* никакого не чинить;» а между тѣмъ, требовалъ, «чтобы соловецкіе монахи анзерцамъ перевозили на монастырскихъ судахъ изъ Холмогоръ и Архангельска хлѣбные запасы и посылали къ нимъ монастырскихъ работниковъ дрова сѣчь и воду возить.» Далѣе Никонъ, устроивъ въ Поморьѣ на свое имя Крестный монастырь, отписалъ къ нему двѣ лучшія соловецкія вотчины—Кушерѣцкую волость и Піяльское усолье съ землею, людьми, промышленностью и всѣми доходами ([1]). Какихъ выгодныхъ вотчинъ монастырь лишился по волѣ патріарха, можно видѣть изъ слѣдующей жалобы архимандрита Варѳоломея къ царю, писанной въ 1666 году: «Въ Соловецкомъ монастырѣ братіи и мірскихъ работныхъ людей стало предъ прежнимъ много, а рыбными ловлями учало быть скудно потому, что *взяты прежнія ихъ монастырскія рыбныя ловли въ Ставросъ* (крестный) *монастырь* ([2]).

Патріархъ Никонъ сверхъ того обидно касался и личностей. Ему чѣмъ то не понравился, архимандритъ Илья и онъ въ 1653 году чуть было не удалилъ его отъ настоятельской должности; былъ уже вызванъ въ Москву для посвященія на его мѣсто изъ Вологды соловецкій приказный старецъ Никаноръ; но, Никаноръ былъ назначенъ настоя-

([1]) Граната патріарха Іоасафа 1668 года въ соловецкой ризницѣ № 473.

([2]) Историч. акты т. IV, № 188, стр 359.

телемъ Звенигородскаго Саввина монастыря (1). Въ 1655 году этотъ же настоятель Илья подвергся запрещенію отъ Никона за то, что любезно принималъ у себя въ монастырѣ убѣжавшаго изъ ссылки протопопа Іоанна Неронова, одного изъ злѣйшихъ враговъ Никона и противника церковной реформы (2). Между тѣмъ, по словамъ Неронова, Никонъ въ Москвѣ безпрестанно мучилъ какого то соловецкаго старца «и въ красный день (воскресный) велѣлъ его бить немилостиво» (3).

Такимъ образомъ отношенія Никона къ соловецкой братіи, начиная съ пребыванія его на Анзерскомъ островѣ до послѣднихъ дней патріаршества не только не могли расположить къ нему соловецкихъ монаховъ, напротивъ вызывали со стороны ихъ недоброжелательство, особенно со стороны тѣхъ, которые были лично обижены имъ, каковъ архимандритъ Илья, старецъ Матвѣй, въ 1650 году наказанный отлученіемъ отъ причастія, тотъ старецъ, котораго Никонъ, по словамъ Неронова, мучилъ въ Москвѣ и билъ плетьми въ воскресный день и др. Отъ подобныхъ людей трудно было ожидать сочувствія и къ его церковнымъ перемѣнамъ; они также не могли и отзываться одобрительно объ этихъ перемѣнахъ предъ братіей. Радушное принятіе въ Соловецкомъ монастырѣ въ 1655 году ссыльнаго бѣглеца протопопа Неронова свидѣтельствуетъ, что въ соловецкомъ братствѣ было уже не малое предубѣжденіе противъ Никоновой церковной реформы, навѣянное недоброжелателями его.

Познакомимся теперь поближе съ тѣми личностями, которыя могли главнымъ образомъ раздуть въ соловецкомъ братствѣ давнее нерасположеніе къ Никову и породить въ

(1) При отправкѣ въ Москву Никаноръ получилъ въ Соловецкомъ монастырѣ на расходы 200 р. и приходорасходную книжку. Въ книжкѣ говорится: «по приговору келаря старца Никиты, и казначея старца Лаврентія, и всѣхъ соборныхъ старцевъ и всей братіи Соловецкаго монастыря чернецъ Никаноръ, н а р е ч е н н ы й архимандритъ, отпущенъ къ Москвѣ въ С о л о в. м о н а с т ы р ь въ архимандриты ставитца». Кн. въ сол. архивѣ № 14. Здѣсь замѣчательно во 1-хъ то, что въ приговорѣ не упоминается имя Ильи, а это предполагаетъ хотя временное удаленіе его отъ должности; во 2-хъ, что Никаноръ называется уже нареченнымъ, иначе—предназначеннымъ въ Соловец. настоятеля.

(2) Рукоп. сб. сочин. Библ. Неронова каз. дух. акад. № 1986, стр. 108.

(3) Тамъ же, стр. 14.

монахахъ недовѣріе къ его церковной реформѣ. Эти личности суть: архимандритъ Илья и князь Львовъ, постоянно пребывавшіе среди братіи, протопопъ Нероновъ, архимандритъ Никаноръ и другіе, случайно бывшіе въ монастырѣ, прежде чѣмъ былъ полученъ новый служебникъ.

а) Соловецкій настоятель архимандритъ Илья въ 1657 году, когда былъ присланъ въ монастырь новый служебникъ, первый обнаружилъ предубѣжденіе противъ исправленія церковныхъ книгъ и непослушаніе къ духовнымъ властямъ, безъ согласія братіи скрывъ служебникъ въ кладовую, вмѣсто того, чтобы ввести его въ употребленіе. Слѣдовательно, ему принадлежитъ главная роль въ первоначальныхъ соловецкихъ смутахъ, и онъ съ этой стороны заслуживаетъ особеннаго вниманія. А изъ того обстоятельства, что онъ еще въ 1655 году любезно принималъ у себя бѣглеца протопопа Неронова и «добре» бесѣдовалъ съ нимъ, мы можемъ заключать, что Илья былъ на сторонѣ враговъ Никона и его церковной реформы задолго до полученія въ монастырѣ новаго служебника. Какимъ же образомъ онъ самъ убѣдился, что исправленіемъ церковныхъ книгъ и обрядовъ въ церкви вводится «латинская ересь», какъ онъ отозвался предъ братіею 8 іюня 1658 г.? Этотъ вопросъ можетъ быть разрѣшится самъ собою, когда мы познакомимся съ характеромъ и жизнію Ильи.

До настоятельства архимандритъ Илья былъ соловецкимъ іеромонахомъ. Настоятелемъ сдѣлался въ 1645 году, будучи, вѣроятно, по обычаю выбранъ самимъ братствомъ и утвержденъ царемъ; до 1651 года былъ въ санѣ игумена, а потомъ, до смерти, въ санѣ архимандрита ([1]).

Архим. Илья былъ далеко не изъ лучшихъ соловецкихъ настоятелей. Монастыремъ онъ правилъ слабо: въ его настоятельство не только не были искоренены господствующіе въ братствѣ пороки—пьянство и домашнія смуты, но еще получили большее развитіе, такъ что не разъ вызывали со стороны государя и митрополита новыя и новыя обличенія. Въ 1647 году, напримѣръ, царь писалъ Ильѣ съ братіею, чтобы «въ

(1) Истор. Опис. Соловецк. мон. ч. I. стр. 136, 144.

Соловецкомъ монастырѣ старцамъ по кельямъ пьянственнаго никакого питья держать не велѣли; а которые священники, и крылошане и братія впредь учнутъ у себя по кельямъ пьянственное питье держать, и вы бы у тѣхъ то пьяное питье велѣли вынимать, и за безчинство и за пьянство ихъ смиряли монастырскимъ всякимъ смиреніемъ, смотря по винѣ—кто чево доведетца, чтобъ впредь того въ Соловецкомъ монастырѣ межъ братіей безчинства и мятежей не было» (1). Однако въ 1651 году митрополиту Никону пришлось снова напоминать Ильѣ съ братіей, чтобы «въ монастырѣ дрожжениковъ и хмѣльнаго питья отнюдь не было» (2). Въ 1653 г. Новгородскій митрополитъ Макарій въ своей отпискѣ въ монастырь называетъ Илью «безчинникомъ смущающимъ, братію, и своимъ поведеніемъ наводящимъ безчестіе на святую обитель» (3). При всемъ томъ архимандритъ Илья былъ окруженъ любимцами-совѣтниками и съ ними дѣлалъ всякія дѣла, не обращая вниманія на остальную безсильную братію. Въ 1658 году, напримѣръ, когда вздумалъ оградить себя въ опасномъ дѣлѣ непринятія служебника братскимъ приговоромъ, онъ властно потребовалъ отъ всей братіи подписи къ предварительно составленному имъ самимъ келейно приговору, угрожая непослушныхъ «не выпустить живыми изъ трапезы». Въ умственномъ и религіозно-нравственномъ развитіи Илья не простирался дальше нѣкоторой духовной начитанности, приправляемой суевѣріями и не могшей возвышаться до пониманія истиннаго значенія Никоновой реформы, такъ какъ не получилъ никакого школьнаго образованія. Вдобавокъ въ послѣднее время своего игуменства архимандритъ Илья «сталъ пить» (4). Такой настоятель, въ столь знаменитомъ и, притомъ, уважаемомъ отъ Никона монастырѣ не могъ, конечно, долго нравиться Никону, хотя послѣдній, сначала будучи митрополитомъ, и благосклонно относился къ нему. Никонъ теперь видѣлъ, что на Илью совсѣмъ нельзя

(1) Истор. опис. Сол. мон. ч. 1. стр. 282.

(2) Тамъ же. ч. III. стр. 228

(3) Прав. соб. 1879 г. ноябрь ст. Солов. мон. предъ возмущеніемъ.

(4) Мат. для ист. раск. т. III стр. 9.

полагаться ни въ возвышеніи нравственнаго уровня многочисленной братіи, ни въ дѣлѣ предполагаемой церковной реформы. И вотъ онъ вознамѣрился было удалить его отъ настоятельства. Но въ 1654 году мы видимъ его снова настоятелемъ. Въ свою очередь и архимандритъ Илья не могъ питать никакого расположенія къ Никону, хотя и былъ на первыхъ парахъ облагодѣтельствованъ имъ повышеніемъ въ духовномъ санѣ. Онъ никогда не могъ забыть, что до Никона управляемый имъ монастырь былъ подъ непосредственнымъ покровительствомъ самого царя и лишился этого покровительства только потому, что Никону захотѣлось навязать ему свое, которое походило на надзоръ строгаго учителя за малолѣтними дѣтьми. Не могъ не смущаться Илья, какъ и прочая братія, и отмѣненіемъ напр. ржаныхъ просфоръ, рыбнаго стола въ постъ, отпискою къ Крестному монастырю соловецкихъ вотчинъ и т. п. Но если принять во вниманіе намѣреніе Никона устранить Илью отъ настоятельства и запрещеніе ему въ 1655 году священнослуженія, то можно будетъ съ увѣренностію сказать, что Илья въ послѣднее время глубоко ненавидѣлъ Никона. Не говоримъ уже о возможной со стороны Ильи зависти къ Никону, столь чудесно изъ анзерскаго пустынника превратившемуся въ патріарха. Эта ненависть къ патріарху, мы думаемъ, особенно мѣшала архимандриту Ильѣ стать на истинную точку зрѣнія по отношенію къ церковно-богослужебной реформѣ. Когда онъ не питалъ еще къ Никону болѣе или менѣе сильнаго нерасположенія, онъ былъ послушенъ ему, въ 1651 году принялъ безъ возраженій единогласное пѣніе [1], и даже предупредительно спрашивалъ Никона о другихъ перемѣнахъ въ чинѣ церковнаго богослуженія [2]. Но вотъ, съ восшествіемъ Никона на патріаршій престолъ ненависть къ нему со стороны Ильи и монаховъ усиливается. Вмѣстѣ съ тѣмъ является и недовѣріе къ церковнымъ перемѣнамъ, вводимымъ новымъ патріархомъ. Словомъ, не примѣшайся къ религіозно-

---

(1) Послѣ монахи стали пѣть опять по прежнему. Матеріалы для истор. Раск. т. III, стр. 13.

(2) Истор. оп. Сол. м. часть III, стр. 220 и 221.

обрядовымъ воззрѣніямъ архимандрита Ильи ненависть къ патріарху и, притомъ, не явись примѣровъ противленія Никону въ реформѣ, онъ, не смотря на свою суевѣрную и глубокую преданность буквѣ церковныхъ книгъ, по слабости своего характера и нерѣшительности, никогда быть можетъ и не подумалъ бы выступить съ протестомъ противъ нововведеній сильнаго и энергичнаго патріарха. Москва въ особенности направила его на этотъ путь.

Въ 1654 году архимандритъ Илья въ Москвѣ присутствовалъ въ числѣ членовъ на церковномъ соборѣ, опредѣлившемъ, по предложенію Никона, приступить къ исправленію русскихъ церковныхъ книгъ по древнимъ греческимъ; онъ даже собственноручно подписалъ приговоръ собора ([1]). Но это еще не доказываетъ, что Илья не имѣлъ въ душѣ ничего противъ рѣшенія собора. Въ противномъ случаѣ для насъ былъ бы непонятенъ его быстрый переходъ на сторону враговъ Никона. Рукоприкладство Ильи свидѣтельствуетъ только о томъ, что онъ былъ не изъ смѣлыхъ и твердыхъ характеровъ, колебался и боялся подвергнуться участи, постигшей епископа Павла и другихъ противниковъ соборнаго рѣшенія.

Пребываніе въ Москвѣ и присутствованіе на соборѣ 1654 года для архимандрита Ильи не могло пройти безслѣдно.— Какъ членъ собора онъ могъ достаточно познакомиться съ начинающейся церковной реформой, узналъ планы и намѣренія патріарха Никона, лично видѣлъ, какъ настойчиво и сильно дѣйствуетъ патріархъ, какъ раболѣпно нѣкоторые изъ членовъ собора подчиняются волѣ его, хотя, быть можетъ, въ душѣ и не сочувствуютъ его планамъ, какъ, напротивъ, немногіе ревнители старины, хотя и не безъ робости, возвышаютъ свой голосъ противъ Никоновыхъ «затѣй» и за это немедленно подвергаются наказанію, лишаются священнаго сана и ссылаются въ дальніе концы Россіи. Съ другой стороны архимандритъ Илья, какъ настоятель знаменитаго монастыря, имѣющій доступъ и къ царскому двору и ко всѣмъ знатнымъ особамъ свѣтскаго и духовнаго міра, могъ наслы-

([1]) Скрижаль 7164 [1656] г. Дѣянія собора 1654 г. л. 1—4.

шаться всевозможныхъ отзывовъ относительно Никоновой реформы, могъ лично видѣть цѣлый сонмъ тайныхъ и явныхъ враговъ Никона и первыхъ проповѣдниковъ стараго благочестія: Павла коломенскаго діякона Ѳеодора, Стефана Вонифатьева и другихъ; можетъ быть со многими успѣлъ лично познакомиться и побесѣдовать «о многомятежномъ» и страшномъ патріархѣ и его дѣлахъ. Подъ вліяніемъ личныхъ неудовольствій къ Никону, простому и суевѣрному архимандриту Ильѣ было легче всего склониться на сторону противниковъ Никона, пріятнѣе послушать неодобрительныхъ отзывовъ о его дѣлахъ И онъ сталъ въ ряды враговъ Никона, можетъ быть на первыхъ порахъ не сознавая хорошенько и того, поступаетъ ли Никонъ законно или незаконно. Между тѣмъ въ Москвѣ открыто уже раздавались голоса, что Никонъ поддается наущенію зараженныхъ латинскою ересью кіевлянъ, каковъ Епифаній Славеницкій, пользуется услугами льстивыхъ и богоотступныхъ грековъ, каковъ ученый Арсеній, три раза мѣнявшій свою вѣру; что онъ хочетъ при помощи этихъ людей портить книги и вводить на Руси православной латинство и даже ввелъ уже *непоклонническую* ересь (¹) и т. д. Для архимандрита Ильи на первый разъ было этого весьма достаточно, чтобы утвердиться въ мнѣніи, что Никонъ затѣваетъ дѣло не доброе, еретическое. Съ этими убѣжденіями и большимъ запасомъ московскихъ новостей архимандритъ Илья выбрался изъ Москвы, не подавъ никакого повода къ подозрѣнію, и возвратился въ монастырь. Въ монастырѣ, вдали отъ московскаго шума и отъ грознаго Никона, окончательно укрѣпившись въ духѣ реакціи, архимандритъ Илья охотно, конечно, дѣлился московскими новостями съ приближенной къ нему братіей, придавая бесѣдѣ тонъ неодобренія и подозрѣнія къ Никону. Тонъ порицаній его усиливался по мѣрѣ новыхъ оскорбленій со стороны Никона. Архимандритъ Илья напр. не былъ приглашенъ Никономъ на засѣданія новыхъ московскихъ соборовъ, бывшихъ въ 1655 и 1656 гг. и это для него было большою обидою, потому что онъ могъ по праву разсчитывать на

(¹) Исторія Россіи въ жизнеоп. Костомарова, выпускъ 4, стр. 171.

приглашеніе, какъ настоятель одного изъ знаменитыхъ монастырей. Неприглашеніе поэтому было для него новымъ поводомъ къ неодобрительнымъ отзывамъ предъ братіей о дѣлахъ Никона. Приближенными и, слѣдовательно, первыми слушателями бесѣдъ архимандрита Ильи о московскихъ церковныхъ новостяхъ были прежде всего, конечно, такъ называемые соборные старцы. Изъ нихъ извѣстны намъ, какъ члены монастырскаго собора слѣдующіе: келарь Никита, казначей Лаврентій, просто соборные: Савва, Исаія-любимецъ, Сергій, Прокопій, Евдокимъ, Діонисій, Іосифъ и Исаія 2-ой. О личныхъ качествахъ этихъ старцевъ, по неимѣнію достаточныхъ свѣдѣній, почти ничего нельзя сказать. Только изъ подписи къ одному братскому приговору 1654 года видно, что Прокопій, Евдокимъ и Діонисій были безграмотны и предоставляли подписываться за себя къ бумагамъ своимъ духовнымъ отцамъ (1). Но безграмотность имъ нисколько не мѣшала принимать къ сердцу разсказы своего настоятеля. Въ простотѣ сердца они вѣрили ему и въ свою очередь передавали новости прочей братіи. Такимъ образомъ пропаганда старообрядчества отъ архимандрита Ильи чрезъ старшую братію шла въ среду остальнаго братства, послушниковъ, богомольцевъ и работниковъ.

Начавшаяся въ монастырѣ отъ архимандрита Ильи пропаганда, безъ сомнѣнія, нашла скоро сильную поддержку въ опальномъ князѣ Львовѣ и случайныхъ посѣтителяхъ монастыря—протопопѣ Нероновѣ, саввинскомъ архимандритѣ Никанорѣ и др.

б) Стольникъ князь Михаилъ Ивановичъ Львовъ при патріархѣ Іосифѣ былъ начальникомъ печатнаго двора, гдѣ до Никона неутомимо трудились книжные справщики—протопопъ Аввакумъ, священники Лазарь и Никита и діаконъ Өеодоръ, каждый годъ выпуская въ свѣтъ новыя богослужебныя книги, съ новыми прибавками въ духѣ старыхъ односторонних обрядовыхъ убѣжденій. Насколько Львовъ принималъ участія въ исправленіи выходившихъ изъ подвѣдомственной ему патріаршей типографіи церковныхъ книгъ,—

(1) Подлинный братскій приговоръ о посылкѣ въ казну заимообразно 13 т. р. въ Соловецкой ризницѣ. О немъ упоминается въ Историч. опис. Солов. мон. ч. 1. стр. 141.

объ этомъ съ достовѣрностію нельзя ничего сказать. Очень немудрено, что онъ по временамъ просматривалъ назначенную къ печати книгу и поправлялъ по своему разумѣнію, такъ какъ не считалъ себя въ познаніяхъ подобнаго рода ниже настоящихъ справщиковъ. Во всякомъ случаѣ Львовъ былъ въ сообществѣ, а можетъ быть и въ дружбѣ съ прежними справщиками, вознегодовавшими противъ Никона за отставку ихъ отъ печатнаго дѣла. Это давало Никону прямой поводъ къ тому, чтобы и Львова считать въ ряду своихъ враговъ, не сочувствующихъ церковной реформѣ. И вотъ, когда Никонъ началъ расправу съ своими противниками, отправляя ихъ изъ Москвы въ дальнія ссылки, той же участи подвергся и Львовъ. Мѣстомъ ссылки для него назначенъ былъ Соловецкій монастырь. Изъ этого можно заключить, что Никонъ еще не сомнѣвался въ сочувствіи къ его реформѣ со стороны соловецкаго братства, или по крайней мѣрѣ не считалъ соловецкихъ монаховъ опасными съ этой стороны. Между тѣмъ ссылка сюда Львова была, такъ сказать, подливаніемъ масла въ начинающійся пожаръ. Львовъ присланъ на Соловки въ 1655 году «по соборному опредѣленію» (¹). Къ сожалѣнію, не сохранился указъ, при которомъ Львовъ присланъ въ монастырь и поэтому неизвѣстно, какъ предписано было содержать его въ опалѣ. Впрочемъ въ настоятельство архимандрита Ильи было вообще послабленіе ссыльнымъ; они содержались «не крѣпко, не противъ царскаго указу» и могли въ монастырѣ производить всякія безчинства и мятежи (²). Львовъ, повидимому, пользовался отъ монастырскаго начальства особеннымъ снисхожденіемъ даже расположеніемъ. И это естественно: съ одной стороны онъ былъ лице знатное, царскій стольникъ, котораго безъ особаго царскаго указа монастырское начальство не имѣло права «смирять», если бы даже онъ началъ вести житье «зазорное» (³); съ другой—страдалецъ «за старое благочестіе», къ каковымъ соловецкая братія относилась уже съ большимъ

(¹) Исторія Р. стр. 198. Исторія русской церкви преосв. Филарета вып. IV. стр. 145, 155.

(²) Грам. Никона въ Сол. м. Ист. оп. Сол. мон. ч. III. стр. 228.

(³) Матер. для истор. Раск. стр. 105.

благоговѣніемъ. Кромѣ того Львовъ и самъ былъ не изъ такихъ опальныхъ, которые смирено подчиняются всѣмъ условіямъ опалы. Онъ жилъ въ особой кельѣ подъ присмотромъ приставленныхъ служекъ; но это не мѣшало ему принимать къ себѣ братію и проводить съ соловецкими друзьями цѣлыя ночи. Въ случаѣ какихъ-либо стѣсненій его свободы со стороны приставниковъ, онъ грозилъ имъ убійствомъ, говоря: «хотя-де я васъ и двѣнадцать человѣкъ зарѣжу и за то-де отъ великаго государя въ опалѣ и смиреніи я не буду» (1). Съ такимъ опаснымъ ссыльнымъ монастырскому начальству поневолѣ приходилось обходиться осторожно, снисходительно, если бы даже къ тому не было другихъ побужденій. Но у соловецкаго начальства были и другія разсчеты не стѣснять Львова: кто знаетъ, этотъ знатный царскій вельможа, сегодня опальный, завтра можетъ быть объявится попрежнему свободнымъ отъ опалы, сильнымъ при дворѣ, царскимъ любимцемъ? Поступи съ нимъ теперь по всей строгости установленныхъ для ссыльныхъ правилъ, онъ, помилованный, припомнитъ все и можетъ горько отомстить монахамъ. Напротивъ — будь любезенъ и снисходителенъ, — въ этомъ случаѣ чрезъ него легко можно будетъ пріобрѣсти новое особое царское благоволеніе. Въ этихъ разсчетахъ соловецкое начальство относилось къ Львову снисходительно: ничѣмъ не стѣсняло его, удовлетворяло всѣ его прихоти, — продавало ему золото, сукно, платье, воскъ и т. п. (2) А монастырская братія въ свою очередь носила въ келью Львова «вино и заморскія питья» (3). Своимъ снисхожденіемъ соловецкое начальство и теперь уже заслужило со стороны Львова благодарность, выражавшуюся въ довольно значительныхъ по тогдашнему времени пожертвованіяхъ въ пользу монастыря. Такъ однажды онъ сдѣлалъ вкладъ въ монастырскую казну въ 200 р., въ другой разъ уступилъ

(1) Матер. для истор. Раск. стр. 105.

(2) 22 октября 1655 года по соборному приговору продано Львову 10 золотыхъ за 11 р., 10 ефимковъ за 5 р., воску 2½ пуда за 20 р. Въ 1666 г. 15 декабря продано сукна темнозеленаго гамбурскаго 4 арш., серебрянныя пуговицы и т. д. всего на 5 р. 22 алт. «Отводная книжка казначея Варсонофія» Сол. арх. № 14.

(3) Матеріалы для истор. Раск. л. 105.

двухъ лошадей, стоющихъ 40 руб. ([1]). Впереди, конечно, благодарность его къ соловецкой братіи могла бы выразиться въ большихъ размѣрахъ, лишь бы только была снята съ него опала, и онъ возвратился бы въ Москву къ прежнимъ должностямъ.

Пользуясь снисхожденіемъ монастырскаго начальства, князь Львовъ въ стѣнахъ монастыря проводилъ «житье зазорное и во всякомъ мятежѣ и безчиніи» ([2]). Онъ сблизился съ соловецкими старцами, особенно съ тѣми, которые любятъ провести время за бутылкой вина и покричать на черномъ соборѣ. Съ ними онъ проводилъ дни и ночи въ кутежахъ и «затѣйливыхъ бесѣдахъ»; съ ними сходился на монастырѣ и совѣтовался безпрестанно; съ ними составлялъ разныя челобитья; съ ними, наконецъ, хотѣлъ бѣжать изъ Соловецкаго монастыря. А старцы эти были отъявленными врагами Никоновой церковной реформы. Таковъ Герасимъ Фирсовъ, одинъ изъ первыхъ совѣтниковъ архимандрита Ильи, который еще до 1657 г., т. е. до полученія въ монастырѣ новаго служебника, «тетрадки на крестъ изложилъ». Таковы товарищи и единомышленники Герасима: Ефремъ каргополецъ, Геннадій, Іона тулянинъ, попъ Пафнутій и многіе другіе. О нравственныхъ ихъ качествахъ можно судить по слѣдующимъ случаямъ изъ ихъ монастырской жизни въ сообществѣ съ княземъ Львовымъ: «Головщикъ Іона Брызгало», писалъ въ 1666 году архимандритъ Варѳоломей царю, «въ 171 (1663) г. декабря въ 30-й день, зазвалъ въ гости въ заутреню къ себѣ въ келью совѣтника своего Герасима Фирсова да чернаго попа Никона, да дьякона Филарета и *пили* они *квасъ медвенной* и *табакъ* и по сыску въ этомъ не заперлись». «Въ 172 (1664) г.», по словамъ того же архимандрита Варѳоломея, «старецъ Ефремъ къ ссыльному человѣку ко князу Михаилу Васильеву, сыну Львову, будучи въ Соловецкомъ монастырѣ, по многія ночи въ вечерѣ и утрамъ приходилъ и приносилъ къ нему *сосудами* и *погребцами вино и водку, и пьючи съ ними*, умысля во-

---

([1]) Вкладная солов. книга XVII вѣка въ Сол. арх. л. 11.

([2]) Матеріалы для исторіи раскола л. 105.

ровски, его князь Михаило научилъ кричать декабря къ 27-му числу, въ ночи, изъ палаты въ окно на монастырь всякія затѣйныя небыличныя воровскія доводныя статьи» ([1]). Партія Львова постоянно увеличивалась и въ послѣднее время была столь сильна въ монастырѣ, что съ отъѣздомъ въ Москву въ 1666 г. архимандрита Варѳоломея остальные монахи «отъ нихъ жили», по словамъ келаря Савватія Абрютина, «что за приставомъ» ([2]).

Больше десяти лѣтъ проживалъ въ Соловецкомъ монастырѣ князь Львовъ, пользуясь свободою и дружбою монаховъ. Не легко, конечно, было для него переносить эту продолжительную опалу на пустынныхъ островахъ, среди чернецовъ, хотя бы и любезныхъ до него. Не даромъ-же онъ покушался бѣжать изъ монастыря и скрыться въ Каргополѣ у дѣтей друга своего соловецкаго старца Ефрема ([3]). Не отъ радости и предавался кутежамъ въ сообществѣ съ монахами. Между тѣмъ главнымъ виновникомъ его ссылки былъ Никонъ. Отсюда невольно являлась у него злость противъ Никона, а подъ вліяніемъ злобы на Никона онъ не могъ въ своихъ задушевныхъ бесѣдахъ съ братіей отзываться сколько нибудь одобрительно и о самомъ Никонѣ и о его церковныхъ дѣлахъ. Для него было естественно въ горькой опалѣ услаждать себя воспоминаніемъ о славномъ прошедшемъ Іосифовскомъ времени и проклинать жестокое Никоновское патріаршество. Мы впрочемъ не имѣемъ твердыхъ основаній подозрѣвать Львова въ пропагандѣ чисто религіознаго характера, потому что ни изъ прошлой, ни изъ настоящей, ни изъ послѣдующей его жизни не видно, чтобы онъ былъ когда-либо ревностнымъ проповѣдникомъ старообрядчества и не обвинялся въ этомъ, даже не былъ съ прочими пропагандистами призванъ на судъ собора 1666—1667 года. Но тѣмъ не менѣе пребываніе въ монастырѣ Львова было большимъ подспорьемъ въ дѣлѣ развитія и укрѣпленія въ монахахъ предубѣжденій противъ Никона и его реформы. Одно уже то, что такой знатный вельможа попался въ ссыл-

([1]) Матер. для истор. Раск. стр. 10, 72, 73, 91, 95, 96, 100, 103 и 105.
([2]) Тамъ же, стр 73.
([3]) Тамъ же, стр. 95.

ку за приверженность къ старымъ «благочестивымъ» порядкамъ, постоянно напоминало монахамъ о наступившемъ жестокомъ Никоновскомъ времени.—Но задушевныя бесѣды «невинно обиженнаго» князя Львова, совпадая съ привезенными изъ Москвы архимандритомъ Ильей новостями, незамѣтно подталкивали братію впередъ на пути недовѣрія и несочувствія къ вводимымъ отъ Никона новымъ церковнымъ порядкамъ. Между тѣмъ прибылъ въ монастырь протопопъ Нероновъ— «новый страдалецъ» за вѣру, преслѣдуемый тѣмъ же Никономъ.

в) Протопопъ Казанскаго собора въ Москвѣ Иванъ Нероновъ въ сообществѣ съ протопопомъ Аввакумомъ и епископомъ Коломенскимъ Павломъ первые возстали противъ Никона еще въ 1653 г. Они столь дерзко порицали Никона за первыя попытки къ церковнымъ перемѣнамъ, что Никонъ вынужденъ былъ жаловаться на нихъ константинопольскому патріарху Паисію. Они съ неистовствомъ поносили «многомятежнаго» патріарха предъ царемъ и предъ всей Москвой обвиняя его въ томъ, что будто бы онъ измѣняетъ древній церковный чинъ, установленный самимъ Господомъ, преданный апостолами и подтвержденный вселенскими соборами и св. отцами—учителями церкви. Въ частности, они ставили Никону въ вину то, что онъ приказалъ въ св. четыредесятницу при молитвѣ *«Господи и владыко живота моего»* творить вмѣсто 16-ти земныхъ поклоновъ только 4, а остальные двѣнадцать—поясными; въ крестномъ знаменіи вмѣсто двухперстнаго сложенія употреблять трехперстное; просфоры печатать вмѣсто восмиконечнаго четвероконечнымъ крестомъ, а при богослуженіи пѣть вмѣсто сугубой аллилуіи трекратную. Нероновъ нарочно ходилъ каждый день въ соборный храмъ и не позволялъ тамъ никому троить аллилуіа, а иногда являлся къ самому патріарху съ обличеніемъ (1). Никонъ наконецъ не вытерпѣлъ и началъ воздавать дерзкимъ противникамъ и порицателямъ его намѣреній по ихъ заслугамъ. Между прочимъ Нероновъ въ 1653 г. лишенъ былъ скуфьи и заключенъ въ московскій Симоновъ монастырь;

(1) Исторія Раск. стр. 161.

потомъ сосланъ въ Спасо-каменный вологодскій монастырь, а оттуда на крайній сѣверъ, въ Кандалакшскій монастырь, кольскаго уѣзда, архангельской губерніи ([1]).

На пути въ дальную ссылку и въ самомъ заключеніи протопопъ Нероновъ, подобно другу своему протопопу Аввакуму, не переставалъ жаловаться на Никона и порицать его «нововведенія» со всѣмъ жаромъ фанатика. Будучи, напр., проѣздомъ въ Вологдѣ, онъ въ соборномъ храмѣ въ присутствіи духовенства и собравшагося къ литургіи народа произнесъ слѣдующую рѣчь: «священницы и церковная чада! (нынѣ) завели новыя ереси: мучатъ православныхъ христіанъ, которые покланяются (въ четыредесятницу) по отеческому преданію; такожде и слогъ перстовъ (двуперстіе) по своему умыслу развращеніе сказуютъ, да за то рабовъ божіихъ (вѣроятно разумѣются Павелъ коломенскій, Аввакумъ, самъ Нероновъ и другіе, подвергшіеся ссылкамъ) мучатъ и казнятъ и въ дальнія заточенія посылаютъ» ([2]). Въ Спасо-каменномъ монастырѣ своей старообрядческой проповѣдью предъ братіей и вмѣшательствомъ въ церковно-богослужебные порядки Нероновъ чуть было не произвелъ возстаніе монаховъ на защиту стараго благочестія; только удаленіе его на сѣверъ успокоило братію ([3]). Независимо отъ устной проповѣди Нероновъ не забывалъ поджигать противъ Никона своихъ московскихъ друзей письмами. Впрочемъ ссылка для него была крайне непріятна; онъ готовъ былъ сдѣлать уступки въ дѣлѣ защиты старыхъ порядковъ, лишь бы возвратиться въ Москву; только гордость не позволяла ему смириться; ему хотѣлось, чтобы Никонъ самъ смирился передъ нимъ. Въ этомъ тонѣ онъ писалъ одно за другимъ письма къ своему другу, царскому духовнику, протоіерею Благовѣщенскаго собора Стефану Вонифатьеву, въ надеждѣ, что тотъ чрезъ царицу упроситъ царя помиловать его и возвратить въ Москву. Вотъ что разъ онъ писалъ Вонифатьеву; «патріархъ мучитель терзаетъ свою братію членовъ церкви,

---

([1]) Истор. Раск. стр. 165.

([2]) Собр. сочин. Неронова каз. ак. № 1986 стр. 73.

([3]) Собр. соч. Неронова каз. ак. № 1986 стр. 74.

творитъ надъ нимъ поруганіе, однихъ разстригаетъ, другихъ проклинаетъ. Беззаконное дѣло будетъ быть у него въ послушаніи безъ прекословія. *Онъ хочетъ, чтобы мы просили у него прощенія; пусть онъ у насъ проситъ!* Государь всю свою душу и всю Русь положилъ на патріархову душу; не хорошо такъ мудрствовать государю» ([1]). И вообще можно сказать, что Нероновъ былъ плохой борецъ за старообрядчество: едва придумалъ за Никономъ непоклонническую ересь; въ остальномъ — какъ-то: въ двуперстіи, сугубой аллилуіи и т. п. постоянно колебался и подъ конецъ даже призналъ въ этомъ случаѣ правоту на сторонѣ Никона. Вся цѣль его шумныхъ порицаній заключалась въ томъ, чтобы смирить «многомятежнаго» патріарха, заставить уважать и принимать въ совѣтъ старыхъ, опытныхъ и добродѣтельныхъ людей, каковъ онъ самъ, Нероновъ, и его друзья — Аввакумъ, Лазарь, Никита и другіе. Во всякомъ случаѣ, когда Нероновъ былъ удаленъ въ Кандалакшскій монастырь, онъ подъ вліяніемъ сильнаго гнѣва на Никона всѣми силами старался чернить его церковныя дѣла, чтобы чрезъ это всюду породить противъ него враговъ. Не долго, какихъ нибудь нѣсколько мѣсяцевъ (съ весны до половины августа) онъ пробылъ въ Кандалакшскомъ монастырѣ и притомъ подъ крѣпкимъ карауломъ; однако и въ это короткое время успѣлъ привлечь на свою сторону нѣсколько человѣкъ изъ братіи, при помощи которыхъ и убѣжалъ изъ монастыря; трое изъ бѣльцовъ — Алексѣй, Сила и Василискъ, сдѣлавшись его духовными дѣтьми, рѣшились даже слѣдовать за нимъ въ Москву. Брошенныя Нероновымъ въ Кандалакшской ссылкѣ сѣмена старообрядчества приносили плоды еще въ концѣ XVII вѣка. Такъ, напр., кандалакшской волости, церкви Іоанна Предтечи попъ Стефанъ до 1681 г. таилъ у себя старопечатный служебникъ и совершалъ по нему службу, не смотря на то, что за это была давно уже объявлена пеня въ 10 р. ([2]).

Ссылка въ столь отдаленное, совершенно глухое и

([1]) Тамъ же нач. съ стр. 74 Истор. Россіи въ жизнеопис. Костомарова вып. IV стр. 171.

([2]) Историч. опис. Солов. м. ч. III изд. 1836 г. стр. 236.

убійственное по климатическимъ условіямъ мѣсто [1], наконецъ, вывела изъ терпѣнія Неронова. Не видя помилованія, онъ рѣшился возвратиться въ Москву самовольно, разсчитывая можетъ быть, что многіе рады будутъ его возвращенію и по ходатайству ихъ царь съ патріархомъ снимутъ съ него опалу. Въ началѣ августа 1655 года, воспользовавшись сномъ караульныхъ, онъ съ вышеупомянутыми духовными дѣтьми скрылся изъ монастыря, сѣлъ въ маленькую лодку и моремъ пробрался до Кемской губы. Здѣсь въ это время стояло соловецкое судно, на которое бѣглецы были приняты и около 15 августа доставлены въ Соловецкій монастырь. Лишь только узналъ соловецкій архимандритъ Илья о томъ, что на приставшемъ къ берегу суднѣ прибылъ Нероновъ, онъ совсѣмъ растерялся, не зная, съ какимъ бы лучше почетомъ встрѣтить знаменитаго страдальца. Онъ немедленно послалъ на судно къ Неронову старца Савватія «съ мольбой», чтобы тотъ пріостановился слѣдовать въ самую обитель, потому что онъ, архимандритъ, желаетъ встрѣтеніе ему сотворить». Нероновъ въ свою очередь «молилъ» архимандрита, чтобы позволилъ ему «тихо и безмятежно помолиться чудотворцамъ». Обоюдныя мольбы кончились однако тѣмъ, что архимандритъ Илья ограничился посылкою на встрѣчу Неронову только соборнаго старца, который и «пріяша того честнѣ». Въ монастырѣ Нероновъ отстоялъ литургію, поклонился чудотворцамъ и затѣмъ «взятъ его архимандритъ къ себѣ въ келью и добре угостиша». Послѣ трапезы знаменитый страдалецъ и бѣглецъ разсказалъ Ильѣ о томъ, какъ онъ ухитрился бѣжать изъ заточенья, какъ пробрался до Соловецкой обители и т. дал. Набесѣдовавшись съ гостемъ «добре», архимандритъ Илья снарядилъ подъ него особое богомольческое судно, снабдилъ потребнымъ въ дорогу «довольно» и проводилъ, привѣтствуя словами: «страдальче, біемъ одолѣвай, храбрый воине, подвизайся»! Нероновъ, недоѣзжая до Хол.

(1) Кандалакшскій монастырь [теперь упраздненный] принадлежалъ Соловецкому монастырю и былъ расположенъ на берегу Кандалакшской губы Бѣлаго моря; кругомъ лѣса и болота, гдѣ кочуютъ только одни лопари. Зимой и лѣтомъ сюда почти не существуетъ никакихъ дорогъ, кромѣ морскаго пути. Истор. опис. Солов монаст. ч. II, стр. 415, 1836 г.

могоръ, слѣзъ на берегъ и отправился въ Москву, гдѣ скрывался въ домѣ Вонифатьева и жилъ, не будучи знаемъ отъ Никона, долгое время, затѣмъ постригся въ монахи.

Изъ этого краткаго разсказа, написаннаго авторомъ «лѣтописи» жизни и похожденій Неронова, мы не видимъ однако, о чемъ «добре» бесѣдовалъ онъ съ архимандритомъ Ильей, кромѣ своего бѣгства изъ заточенія. Но нельзя сомнѣваться, что главнымъ предметомъ бесѣды ихъ было то, о чемъ въ это время особенно болѣло сердце Неронова. Болѣло же оно о томъ, что «погибе благоговѣйный отъ земли и исправляющаго въ человѣцѣхъ несть»... «ревнителіе благочестія, Павелъ епископъ и братія, Даніилъ и Аввакумъ, изгнани ради проповѣди закона, и ради ученія и за еже понуждати имъ человѣкъ» (письма изъ Вологды къ Вонифатьеву и къ царицѣ). Содержаніе бесѣды не могло остаться тайною и для братіи. Архимандритъ Илья не имѣлъ никакой нужды скрывать ее, самъ будучи настроенъ въ духѣ Неронова. Но на братію самый видъ почтеннаго страдальца могъ подѣйствовать не хуже краснорѣчивой бесѣды и дать новый поводъ жаловаться на жестокость Никона и подозрѣвать его въ недобрыхъ намѣреніяхъ по отношенію къ церкви православно-русской.

г) Саввинскому архимандриту Никанору принадлежитъ послѣдній сильный толчекъ, данный соловецкой братіи на пути предубѣжденій противъ исправленія церковныхъ книгъ. Архимандритъ Никаноръ—соловецкій постриженникъ. Въ первый разъ имя его въ исторіи Соловецкаго монастыря мы встрѣчаемъ въ началѣ 1653 года, когда онъ былъ строителемъ соловецкаго подворья въ г. Вологдѣ. Постъ строителя въ Вологдѣ былъ весьма важный: здѣсь главнымъ образомъ производилась распродажа монастырской соли (до 130 т. пудовъ въ годъ), здѣсь постоянно закупался для монастыря годовой запасъ хлѣба и всѣхъ другихъ потребностей жизни; здѣсь было двѣ монастырскихъ церкви, большія жилыя зданія, складочныя анбары и лавки; здѣсь наконецъ по торговымъ монастырскимъ дѣламъ постоянно проживало нѣсколько человѣкъ соловецкой братіи ([1]). Управлять такимъ подворьемъ и всѣми

([1]) Истор. опис. Солов. монаст. изд. 1836 г. ч. II. стр. 426

монастырскими торговыми дѣлами могъ только человѣкъ, обладавшій большими способностями. Кромѣ того отъ строителей такихъ подворій, какъ московское, вологодское и т. п., для поддержанія чести и матеріальныхъ выгодъ монастыря, требовались: примѣрная монашеская жизнь, глубокая преданность монастырю и большое умѣнье ладить съ мірскими, особенно высокопоставленными людьми, отъ которыхъ зависитъ благополучіе и свобода монаховъ въ дѣлахъ мірскихъ. Такимъ дѣйствительно и былъ чернецъ Никаноръ. «Отъ юности своей», писали объ немъ соловецкіе монахи въ 1666 г. къ царю, «и до смерти житіе иноческое опасно проводилъ» ([1]). Дальнѣйшая судьба Никанора показываетъ въ немъ человѣка съ большимъ умомъ, необыкновенной энергіею и рѣшительнымъ характеромъ. Притомъ Никаноръ былъ человѣкъ книжный. Въ 1676 году воевода Мещериновъ послѣ казни Никанора въ кельѣ его нашелъ 260 томовъ различныхъ печатныхъ и рукописныхъ сочиненій ([2]).

Въ началѣ 1653 года вологодскій архіепископъ Маркеллъ ([3]) частнымъ письмомъ извѣстилъ соловецкихъ монаховъ, что въ Москвѣ опредѣлено на мѣсто архимандрита Ильи соловецкимъ настоятелемъ поставить строителя вологодскаго подворья старца Никанора и просилъ отпустить его въ Москву съ честію ([4]). Архимандритъ Илья былъ уже устраненъ отъ управленія монастыремъ, что видно изъ братскаго приговора объ отпускѣ Никанора въ Москву, который начинается безъ обычной фразы: «по благословенію отца нашего архимандрита» и подписанъ только келаремъ, казначеемъ и соборными старцами. 16 іюня 1653 года, «чернецъ Никаноръ, нареченный архимандритъ», выѣхалъ изъ монастыря въ Москву. Въ братскомъ приговорѣ положительно говорится, что онъ поѣхалъ въ Москву «въ Со-

---

([1]) Матер. для ист. Р. т. III. стр. 66.

([2]) Дѣло Мещеринова въ Соловецкой ризницѣ.

([3]) Кстати: архіеп. Маркеллъ, самъ изъ солов. монаховъ, а потому былъ съ ними въ самыхъ близкихъ отношеніяхъ, искренно желалъ умереть въ Солов. обители и предъ своею смертію завѣщалъ, чтобы тѣло его было перенесено изъ Вологды въ обитель; оно перевезено и погребено въ 1663 г. въ особой часовнѣ преп. Германа. Истор. опис. Сол. мон. ч. I. стр. 139.

([4]) Подлин. письмо Маркелла въ Сол. ризницѣ № 491.

ловецкій монастырь въ архимандриты ставится».Въ Москвѣ представился патріарху Никону и самому царю и по обычаю поднесъ отъ обители «въ почесть» Никону—рыжиковъ на 1 р., а царю образъ чудотворцевъ, украшенный серебряною ризою съ басменнымъ золотомъ въ 15 р. 2 алт. и 2 деньги. Вскорѣ за тѣмъ послѣдовало посвященіе его въ санъ архимандрита. Между тѣмъ намѣренія царя и патріарха относительно Никанора какимъ-то образомъ вдругъ перемѣнились. Вмѣсто Соловецкаго, Никанору дали въ управленіе Саввинскій монастырь, что въ городѣ Звенигородѣ, лѣтней резиденціи царя Алексѣя Михаиловича ([1]), а соловецкимъ настоятелемъ по прежнему остался архимандритъ Илья.

Саввинскій монастырь былъ любимымъ царскимъ монастыремъ, куда Алексѣй Михайловичъ часто ѣздилъ, чтобы провести нѣкоторое время въ богомоліи и душеспасительныхъ бесѣдахъ съ братіею, имѣя въ монастырѣ для себя и для царицы особыя кельи, устроенныя на манеръ монашескихъ. Въ 1654 и 1655 гг. онъ употребилъ всевозможныя старанія и большія издержки на то, чтобы сдѣлать свой монастырь не хуже Троицкой лавры и почти достигъ своей цѣли. Въ 1656 г., показывая благолѣпіе и богатство монастыря антіохійскому патріарху Макарію, онъ хвалился, что все это вызвано имъ изъ ничтожества въ теченіи двухъ лѣтъ, что и братіи съ годъ назадъ было здѣсь до 300 человѣкъ, а теперь 170 только потому, что многіе померли отъ холеры ([2]). Царь-ктиторъ былъ въ тоже время какъ бы игуменомъ монастыря, а настоятель былъ чѣмъ-то въ родѣ намѣстника, который чуть ли не каждый день долженъ былъ являться къ царю-игумену съ докладомъ о благополучномъ состояніи монастыря и о состояніи здоровья любимой братіи. Саввинскій архимандритъ поэтому во всякое время дня и ночи свободно пропускался чрезъ заставы въ столицу и въ самый дворецъ, чего не позволялось многимъ знатнымъ ду-

([1]) Всѣ свѣдѣнія о Никанорѣ взяты изъ дорожной денежной книжки его, данной ему изъ монаст. собора при снабженіи въ дорогу 200 р. Въ книжкѣ помѣщенъ и братскій приговоръ объ отпускѣ его. Книжка въ Сол. арх. № 14.

([2]) Домаш. Бесѣда 1861 г. № 19, стр. 387.

ховнымъ и свѣтскимъ особамъ ([1]). Такова роль выпала на долю архимандрита Никанора. Сразу сдѣлавшись самымъ близкимъ человѣкомъ къ царю, онъ конечно, на первыхъ порахъ имѣлъ важное значеніе при дворѣ и, вѣроятно, не жалѣлъ о томъ, что сдѣлался не соловецкимъ, а саввинскимъ настоятелемъ ([2]).

Но современемъ архимандритъ Никаноръ, повидимому, сталъ дѣлатся не доволенъ этимъ завиднымъ для другихъ положеніемъ. Для его живой, энергичной и честолюбивой натуры было недостаточно роли монастырскаго настоятеля и царскаго любимца, когда на его глазахъ въ Москвѣ въ сферѣ церковной жизни происходило самое оживленное движеніе, рѣшались важные церковные вопросы, дѣлались перемѣны въ церковной практикѣ. Никаноръ жаждалъ участія въ этихъ дѣлахъ и какъ настоятель близкаго къ Москвѣ и любимаго царемъ монастыря считалъ себя въ правѣ на это участіе. Но любимецъ царскій не былъ почему-то любимцемъ патріарха Никона. Никанора не видно ни на одномъ изъ московскихъ соборовъ, бывшихъ съ 1654 года чуть не каждый годъ. Не видно его и между сотрудниками Никона по церковнымъ дѣламъ, хотя Никонъ и слишкомъ нуждался въ это время въ хорошихъ помощникахъ. Никонъ, конечно, не могъ въ этомъ надѣяться на него, какъ на человѣка, воспитаннаго въ духѣ старыхъ церковно-обрядовыхъ понятій. Но не руководился ли онъ въ этомъ случаѣ и тѣмъ, что Никаноръ когда-то принадлежалъ къ числу соловецкой братіи, хорошо извѣстной Никону съ умственной и религіозно-нравственной стороны?... Все можетъ быть. Забытый и оскорбленный невниманіемъ со стороны Никона, Никаноръ

---

(1) Дѣло Никона стр. 93.

(2) У историковъ принято называть Никанора царскимъ духовникомъ [Ист. р. церкви Филарета IV, стр. 169; Истор. раск. Макарія стр. 199; Ист. о страдальцахъ солов. Денисова стр. 32]. Но Никаноръ никогда не былъ духовникомъ, по крайней мѣрѣ оффиціальнымъ. Съ начала царствованія Алексѣя Михайловича былъ у него духовникомъ протопопъ Стефанъ Вонифатьевъ, потомъ Благовѣщенскій протопопъ Лукіанъ, а затѣмъ протопопъ Андрей Постниковъ до самой смерти царя [Чтенія въ Имп. общ. исторіи и древностей Россіи 1876 г. кн. I, стр. 218]. Можетъ быть Никанору удалось нѣсколько разъ исповѣдать царя въ бытность его въ Саввинскомъ монастырѣ и это дало поводъ самому Никанору и другимъ его приверженцамъ называть его царскимъ духовникомъ (Ист. солов. мон. стр. 32].

естественно долженъ былъ стать въ ряду враговъ Никона и его церковной реформы. По крайней мѣрѣ извѣстно, что онъ былъ въ дружбѣ съ игуменомъ Ѳеоктистомъ и протопопомъ Аввакумомъ, съ которыми впослѣдствіи изъ Соловецкаго монастыря и переписывался по дѣламъ стоянія за старое благочестіе [1]); былъ знакомъ и пользовался уваженіемъ въ семействѣ и въ кругу родныхъ боярина Бориса Ивановича Морозова, въ домѣ котораго воспиталась духовная дочь Аввакума Ѳеодосья Морозова [2]); конечно былъ знакомъ и со многими другими врагами Никона, какъ вхожій ко двору, гдѣ враговъ Никона можно было считать сотнями. Сближеніе съ противниками Никона указывало ему на новое болѣе обширное поле дѣятельности, къ чему Никаноръ считалъ себя способнымъ и призваннымъ. Онъ видѣлъ, что противоположная партія имѣетъ настоятельную нужду въ помощи противодѣйствовать Никону и рѣшился стать въ ряды уже выступившихъ на поле брани съ Никономъ не многихъ личностей, каковы прежніе справщики. Не мудрено, что на это поприще Никанора вызывали и его собственные взгляды и убѣжденія относительно реформы. Въ исторіи соловецкаго возмущенія Никаноръ является до фанатизма преданнымъ старинѣ, непоколебавшимся даже подъ сѣкирою палача. Нѣтъ сомнѣнія, что Никаноръ рано и безъ успѣха началъ пропагандировать въ пользу старообрядчества между своими многочисленными знакомыми и между братіей Саввинскаго монастыря. По крайней мѣрѣ извѣстно, что патріархъ Никонъ распорядился нѣсколькихъ саввинскихъ старцевъ сослать въ Соловецкій монастырь на смиреніе ([3]). Но открыто возставать противъ Никона Никаноръ не торопился. Какъ человѣкъ хитрый, осторожный, онъ не хотѣлъ подобно Неронову, Павлу, Аввакуму и другимъ неумѣстною дерзостію налагать на себя кандалы и отправляться въ ссылку, а выжидалъ болѣе благопріятнаго времени къ открытой борьбѣ. Но это благопріятное время долго не наступало. Между тѣмъ

(1) Братское слово 1876 года.

(2) Исторія раскола, стр. 167, 168.

(3) Матеріалы для ист. Раск. т. III, стр. 101.

онъ хорошо зналъ, что можно съ большимъ удобствомъ и успѣхомъ испробовать осуществленіе своихъ намѣреній въ родномъ ему Соловецкомъ монастырѣ, населенномъ недовольными Никономъ и недалекими въ книжной мудрости монахами.

Съ соловецкими монахами Никаноръ, какъ соловецкій постриженникъ, никогда не прерывалъ своихъ связей. Онъ чтилъ Соловецкую обитель и до глубины души любилъ соловецкую братію. Эта преданность къ мѣсту своего постриженія и любовь къ братіи—прежнимъ своимъ сподвижникамъ постоянно тянула его изъ Москвы обратно на старое пепелище. Онъ достигъ этого, но только подъ конецъ своей жизни. Теперь же пока поддерживалъ свою связь посылкою въ монастырь большихъ пожертвованій. Въ разное время, начиная съ 1654 до 1660 года, когда Никаноръ совсѣмъ перебрался на житье въ Соловки, имъ переслано въ монастырь денежныхъ пожертвованій 600 р.; кромѣ того: двѣ митры, стоющія 1210 р., образъ Божіей Матери окладной съ Богородичными праздниками; 12 миней листовыхъ мѣсячныхъ; изображенія праздниковъ и святыхъ за весь годъ, писанныя красками съ золотомъ, наконецъ—рипиды серебряныя въ 135 руб. (¹). Посылка этихъ многочисленныхъ пожертвованій необходимо предполагаетъ и письменное общеніе Никанора съ братіей. Тѣмъ болѣе въ этомъ можно быть увѣреннымъ, что у Никанора въ Соловецкомъ монастырѣ были духовныя его братія и дѣти. Таковъ инокъ Боголѣпъ, за котораго онъ въ 1657 г. прислалъ въ монастырь 200 р. (²),—таковы саввинскіе старцы, сосланные въ смиреніе. Письменное общеніе въ свою очередь даетъ право думать, что Никаноръ дѣлился съ соловецкими монахами московскими новостями, которыми были такъ заинтересованы онъ самъ и соловецкіе монахи. Но важнѣе всего для насъ въ этомъ случаѣ личныя свиданія Никанора съ солов. братіей въ 1657 г.

Въ старинной вкладной книгѣ Соловецкаго монастыря

(¹) Вкладная солов. книга XVII в. л. 11.

(²) Тамъ же.

имѣется слѣдующая статья: «10 іюля 7165 (1657) года былъ въ монастырѣ *на богомольѣ* архимандритъ Никаноръ Саввы сторожевскаго монастыря и привезъ отъ боярина Бориса Иванова Морозова серебрянныхъ ефимковъ на 1000 р. (3 п. 24¼ ф.)» (1). Въ этой статьѣ намъ особенно бросается въ глаза выраженіе: «на богомольѣ.» Неужели въ самомъ дѣлѣ Никаноръ имѣлъ исключительною цѣлью посѣщенія Соловецкой обители только богомолье? Не скорѣе ли это былъ предлогъ, за которымъ скрывалось желаніе Никанора обмѣняться съ соловецкой братіею мыслями о происходившихъ въ Москвѣ церковныхъ дѣлахъ? Но допустимъ, что онъ былъ только для богомолья. И въ этомъ случаѣ посѣщеніе его не осталось безъ сильнаго вліянія на соловецкую братію въ смыслѣ окончательнаго ихъ убѣжденія въ порчѣ Никономъ церковныхъ книгъ. Нужно замѣтить, что въ это время еще не былъ полученъ въ Соловецкомъ монастырѣ исправленный и изданный въ 1655 году служебникъ,—онъ полученъ лишь въ концѣ 1657 года (2). Можетъ быть соловецкая братія была уже архимандритомъ Ильей, Львовымъ и Нероновымъ настолько настроена противъ служебника, что готова была не принять его, но подтвержденіе ихъ мнимой правоты со стороны столь авторитетнаго лица, каковъ Никаноръ, все таки было для нихъ не лишне. Монахи готовились сдѣлать смѣлый и опасный шагъ...

Архимандриту Никанору было чѣмъ подѣлиться съ Соловецкими монахами. Съ 1653 года постоянно пребывая близь Москвы и въ самой Москвѣ и будучи близокъ къ царскому двору и знакомъ, можетъ быть, болѣе, чѣмъ съ половиною населенія Москвы, Никаноръ, конечно, зналъ все, что происходило въ Москвѣ въ сферѣ духовной и свѣтской жизни,—зналъ, на сколько далеко патріархъ Никонъ ушелъ по пути «нововведеній» церковныхъ; могъ перечислить главныхъ враговъ Никона и его реформы; видѣлъ колебаніе

(1) Вкладная л. 11. Изъ ефимковъ Морозова съ добавкою серебра еще на 1000 р., присланнаго имъ же въ 1658 г., сдѣланы раки чудотворцамъ Зосимѣ и Савватію.

(2) Матер. для ист. раск. т. III стр. 3. О времени полученія служ. впереди.

подъ Никономъ патріаршаго престола. Въ частности Никаноръ былъ очевидцемъ такихъ событій, какъ церковные соборы 1655 и 1656 годовъ, состоявшіе изъ греческихъ и русскихъ святителей, которые лично просматривали и поправляли и окончательно одобрили новый служебникъ и скрижаль, могъ передать, что новые справщики ненавистные старообрядцамъ греки и кіевляне: Арсеній, Епифаній и др. продолжаютъ день и ночь сидѣть надъ исправленіемъ «по своему плотскому мудрованію» другихъ святыхъ русскихъ книгъ, тогда какъ прежніе «истинно—православные и богомудрые справщики и ревнители истиннаго благочестія Иванъ Нероновъ, Аввакумъ, Даніилъ, и многіе другіе томятся въ узахъ, будучи разосланы въ самые отдаленные, глухіе концы Россіи, а нѣкоторые изъ нихъ успѣли уже принять мученическую кончину, какъ напр. Павелъ, епископъ коломенскій. Все это было извѣстно архимандриту Никанору и все, конечно, въ той или другой мѣрѣ и въ духѣ собственнаго настроенія передано имъ соловецкимъ монахамъ, уже достаточно подготовленнымъ къ воспринятію такихъ новостей. Такимъ образомъ Никаноръ могъ завершить начатое архимандритомъ Ильей и подкрѣпленное княземъ Львовымъ и протопопомъ Нероновымъ возбужденіе соловецкой братіи противъ Никоновой реформы.

Но если бы и этого было недостаточно, въ такомъ случаѣ у соловецкой братіи было не мало и другихъ источниковъ, изъ которыхъ они могли почерпать свѣдѣнія о московскихъ церковныхъ дѣлахъ, съ оттѣнкомъ оппозиціи противъ Никона. Соловецкій монастырь какъ нарочно къ этому времени былъ переполненъ опальными людьми изъ разныхъ мѣстъ и изъ разныхъ сословій. Изъ челобитной соловецкаго келаря Савватія къ царю, поданной въ 1666 г., видно, что кромѣ князя Львова въ монастырѣ находилось сосланныхъ *въ разные годы и мѣсяцы* до 40 человѣкъ, по преимуществу поповъ и чернецевъ (¹). Не мудрено, что многіе изъ нихъ были присланы туда раньше полученія въ монастырѣ новаго служебника, какъ и князь Львовъ. Нельзя

(1) Матер. для ист. раск. т. III стр. 101.

въ этихъ опальныхъ попахъ и монахахъ, не подозрѣвать большею частію старообрядцевъ. Патріархъ и царь не знали, что дѣлается въ удаленномъ отъ міра Соловецкомъ монастырѣ и не боялись сюда посылать раскольниковъ, что мы видимъ въ ссылкѣ князя Львова; по крайней мѣрѣ ссыльные въ 1666 году были въ самой тѣсной дружбѣ съ княземъ Львовымъ и соловецкими ярыми старообрядцами, каковы: Александръ Стукаловъ, Геннадій и Ефремъ, съ которыми они «жили за одно и мятежи чинили и воровскія письма составляли и умышляли соловецкому монастырю пакость учинить» ([1]) Кромѣ того — Соловецкій монастырь былъ постоянно мѣстомъ стеченія многочисленныхъ богомольцевъ и странниковъ. При тогдашнемъ броженіи умовъ въ Россіи по поводу нововведеній церковныхъ не могло не быть въ числѣ поклонниковъ такихъ посѣтителей, которые были пропитаны несочувствіемъ къ самому Никону и церковнымъ перемѣнамъ. Слухъ о томъ, что съ выходомъ въ 1655 г. новаго служебника остается почти только одна во всей Россіи Соловецкая обитель при старыхъ церковныхъ порядкахъ, особенно тянулъ сюда людей преданныхъ старинѣ. Отъ подобныхъ пришельцевъ, какъ и отъ опальныхъ, пропитанныхъ духомъ стараго благочестія, конечно, нельзя было ожидать пощады Никону и одобренія его церковныхъ дѣлъ. Затѣмъ соловецкіе монахи знакомились съ московскими дѣлами чрезъ письменное сообщеніе съ братіей, проживавшей въ Москвѣ, Вологдѣ, Новгородѣ и др. мѣстахъ, гдѣ были монастырскія подворья. Всѣ соловецкіе монахи, проживавшіе въ столицѣ и по городамъ, одинаково были настроены противъ Никона и новыхъ порядковъ и сочувственно относились къ ревности по старинѣ своей братіи, проживавшей въ монастырѣ. Соловецкій уставщикъ іеромонахъ Геронтій еще въ 1663 году оправдывался предъ московскимъ строителемъ Іосифомъ въ клеветѣ, взведенной на него соловецкой братіей, что будто бы онъ отслужилъ литургію по новому служебнику. «И самому тебѣ, государю вѣдомо», писалъ онъ Іосифу, «что у насъ ни у кого служебниковъ новыхъ нѣтъ — всѣ въ денежной

([1]) Матер. для ист. раск. т. III стр. 101.

казнѣ: по чему намъ по новому служить»? (1). А въ 1667 г. соловецкіе келарь Азарій и казначей Геронтій поручали строителю соловецкаго подворья въ Вологдѣ старцу Марку съ товарищами Паисеемъ и Христофоромъ провѣдывать о всякихъ московскихъ отзывахъ про Соловецкій монастырь и тотчасъ сообщать о томъ въ соловецкій монастырь съ нарочнымъ, «чтобы про все имъ было вѣдомо» (2). Но кромѣ своей братіи у соловецкихъ монаховъ были въ разныхъ городахъ родные и знакомые, которые также могли сообщать въ монастырь разные новости въ духѣ стараго благочестія. У Геронтія — составителя знаменитой соловецкой челобитной, напр., въ Москвѣ былъ какой-то Ѳеодоръ Анофріевъ, которому онъ въ 1663 году посылалъ чрезъ Московскаго строителя Іосифа грамотку и просилъ Іосифа дать «рыбки, какова сойдется;» въ Чебоксарахъ — родной отецъ (3). У старца Александра Стукалова въ Москвѣ постоянно проживалъ родной братъ Иванъ Ивановичъ Стукаловъ, котораго въ 1667 г. келарь Азарій и казначей Геронтій просили заступиться за соловецкихъ старцевъ и слугъ, посланныхъ въ Москву бить челомъ Государю, чтобы не велѣлъ измѣнять преданія преподобныхъ (4). Наконецъ многіе изъ соловецкихъ монаховъ сами бывали на время въ Москвѣ и въ разныхъ городахъ, по разнымъ нуждамъ, напр. въ свитѣ архимандрита Ильи, ѣздившаго въ 1654 году въ Москву на соборъ. Въ этомъ случаѣ они были очевидцами многихъ церковныхъ событій, много слышали разныхъ отзывовъ про Никона и про его исправленіе книгъ, отзывовъ, большею частію неодобрительныхъ, потому что въ это время много было недовольныхъ, какъ лично самимъ Никономъ, такъ и его реформами. Возвратившись въ монастырь, они собранными свѣдѣніями дѣлились съ прочею братіею. Всѣ устныя и письменныя извѣстія съ разныхъ сторонъ отъ разныхъ лицъ монахи — ревнители стараго церковнаго порядка принимали къ сердцу, мало—по

(1) Матер. для истор раск. т. III стр. 37.

(2) Матеріалы для ист. рас. т. III. стр. 180.

(3) Тамъ же стр. 39.

(4) Тамъ же стр. 181.

малу настраивались противъ церковной реформы и такимъ образомъ приближались къ рѣшительному шагу. Въ монастырѣ началось сильное смущеніе, пошли всевозможные толки о самомъ Никонѣ и о его нововведеніяхъ.

Къ этому времени слѣдуетъ отнести появленіе до сихъ поръ ходячей въ раскольничьемъ мірѣ легенды о бывшемъ преподобному Елеазару Анзерскому видѣніи, гдѣ Никонъ изображается страшнымъ врагомъ церкви, первымъ слугой сатаны. Вотъ что будто бы преподобный Елеазаръ повѣдалъ объ этомъ своимъ сподвижникамъ—скитской братіи: «бывшу мнѣ въ церкви и совершающу божественную службу Никону, иже послѣди бысть патріархъ Россіи, внезапу бысть дыханіе бурно и въ углѣ алтаря Господня явися юноша въ одеждѣ бѣлѣ, аки солнце сіяющъ, и той показываше мнѣ писаніе веліе. Въ сицевомъ писаніи написано не писаломъ человѣческимъ, а свыше: какъ сей Никонъ, другъ діавола и предтеча антихристовъ, православные догматы и преданія святыхъ отецъ и мать обезобразити новыми, незнаемыми христіаномъ писаніи, испровержетъ вся пребогатая, красная вся, радостная вся, спасительная вся, аще догматы староправославные, аще законы церковные, аще преданія предобрая, аще чины и обряды христіанолѣпные, отъ всеблагодатнаго востока древле свѣтло просіянна, вся тьмою нововведенія загустивъ омрачитъ. И ангелъ сей невидимъ бысть. Потомъ явися ефіоплянинъ,—черноты, скаредности его не можетъ описать никакое писало человѣческое,—и той муринъ держаше въ когтѣхъ своихъ змія велика и испускаше на выю Никона, совершающа божественную службу; отъ того змія, яко омофоромъ архіерейскимъ украсися выя Никона; змій той, лобзая Никона, испущаше огнь. Аки человѣкъ (Елеазаръ говоритъ будто бы о себѣ) ужаснухся видѣнію тому и начахъ молити Господа, да мимо идетъ погибель сія, и гласъ бысть отъ святаго жертвенника сицевый: «Елеазаре, Елеазаре! не ужасайся видѣнію сему: имать бо сія быти, понеже Никонъ смутитъ предѣлы Россіи, и церковь Христову и, будучи неизвѣстнаго рода человѣкъ, содѣлается великимъ архіереемъ и будетъ именоваться святѣйшимъ господиномъ и отцомъ царя, помогающу ему діаволу исконному врагу спасенія

христіанъ» ([1]).—Въ числѣ соловецкой братіи къ этому времени нашлись уже люди, которые стали готовить письменныя опроверженія Никоновыхъ новинъ. Таковъ Герасимъ Фирсовъ, написавшій слово въ защиту двухперстнаго сложенія въ крестномъ знаменіи ([2]).

Между тѣмъ былъ выпущенъ и разосланъ по Россіи новый служебникъ. Вышла и скрижаль. Готовились къ выходу и другія книги. Но прошелъ годъ, а въ Соловецкой обители нѣтъ ни тѣхъ, ни другихъ. До монаховъ доходятъ слухи: то тамъ, то въ другомъ мѣстѣ новый служебникъ возбуждаетъ сомнѣніе; въ Ниловой пустыни монахи подрались изъ за него съ попомъ и полиціей; Макарій—митрополитъ новгородскій, непосредственный начальникъ соловецкихъ монаховъ, Маркеллъ архіепископъ вологодскій, соловецкій постриженникъ, колеблются и не торопятся разсылать служебникъ по епархіямъ. ([3]) Это монаховъ приводило къ мысли, что можетъ быть есть не мало на Руси и другихъ не явныхъ ревнителей, что можетъ быть и всѣ члены московскихъ соборовъ, подобно соловецкому архимандриту Ильѣ, выполняли только волю Никона, страшась опалы отъ него и нисколько не сочувствовали его преобразовательнымъ планамъ и намѣреніямъ; наконецъ они могли думать, что и самъ царь былъ нерасположенъ къ нововведеніямъ и только не зналъ, какъ воспрепятствовать въ этомъ случаѣ всесильному патріарху; а о царицѣ ходили достовѣрные слухи, что она весьма сочувственно относится къ противникамъ новыхъ порядковъ церковныхъ, каковы Нероновъ, Аввакумъ и др. Обо всемъ этомъ соловецкіе монахи думали и соображали и размышленія приводили ихъ къ положительному заключенію, что въ новомъ служебникѣ что нибудь да есть не ладное, не православное. Не даромъ же столько благочестивыхъ людей подозрительно на него смотрятъ и не служатъ по нему. И въ самомъ дѣлѣ, книги переводятся съ греческихъ книгъ, а у грековъ, какъ пишетъ Арсеній Сухановъ

([1]) См. соч. Аввак. Библ. каз. Акад. № 1989.

([2]) Матеріалы для ист. раск. стр. 10.

([3]) О Макаріѣ, Маркеллѣ и Александрѣ въ «Виноградѣ Россійскомъ» Денисова Рукоп. Каз. Академіи № 1998 стр. 9 об.

въ своемъ Проскинитаріи, вѣра пошатнулась и книги значитъ испорчены; переводятся книги на Руси притомъ людьми подозрительными и по чистотѣ православія и по образу жизни, каковъ бывшій соловецкій узникъ Арсеній Грекъ, три раза отрекавшійся отъ православія ради философскаго ученія и кіевляне, пропитанные духомъ латинской ереси. «Слѣдовательно, заключили монахи, не безъ основанія благочестивые люди смотрятъ на исправленный служебникъ подозрительно. Не было никакой нужды исправлять его; по нему служили отцы и дѣды и ни отъ кого не были въ зазорѣ,—напротивъ недавно патріархъ іерусалимскій Өеофанъ хвалилъ русскую вѣру больше греческой. Но эти благочестивые любители стараго служебника, при всей ихъ ревности и желаніи воспротивиться Никону, все таки робки и безсильны, боятся Никона и легко побѣждаются отъ него, потому что разъединены между собой». «Погибе благоговѣйный отъ земли и исправляющаго въ человѣцѣхъ нѣсть. Ревнители благочестія изгнани ради проповѣди закона, и ради ученія и за еже понуждати имъ человѣкъ» (восклицанія Неронова). «Но не должно такъ оставаться,» продолжали размышлять монахи, «нужно кому нибудь рѣшиться на борьбу съ врагомъ Божіимъ и обидчикомъ православныхъ Никономъ, надо положить конецъ его еретическимъ вымысламъ». И монахи рѣшились взять на себя этотъ подвигъ, разсчитывая на полное сочувствіе и содѣйствіе всѣхъ приверженцевъ старины, какіе только обрѣтаются въ Россіи. И, вотъ, когда въ 1657 году былъ присланъ въ Соловецкій монастырь исправленный служебникъ, они не хотѣли и смотрѣть на него и снесли въ монастырскую кладовую. Такимъ образомъ соловецкіе монахи сдѣлали первый шагъ къ возмущенію.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Развитіе въ братствѣ старообрядчества и домашнія смуты.

I.

Новый служебникъ: полученіе и скрытіе его отъ братіи.—Безпокойство архимандрита Ильи при мысли о доносѣ на него начальству и мѣры предосторожности.—Приговоръ 8 іюня 1658 г. о непринятіи служебника въ употребленіе.—Челобитная къ патріарху Никону отъ несогласныхъ съ приговоромъ священниковъ Виталія и др.—Молчаніе со стороны Москвы и кончина соловецкаго архимандрита Ильи.

Московскій соборъ 1655 г., состоявшій изъ трехъ патріарховъ—московскаго Никона, антіохійскаго Макарія и сербскаго Михаила, и многочисленнаго сонма русскихъ святителей, игуменовъ и протоіереевъ, тщательно просмотрѣвъ русско-славянскій церковный служебникъ и «во всемъ справя и согласно сотворя древнимъ греческимъ и словенскимъ», повелѣлъ немедленно издать его. Въ концѣ того же 1655 г. новый служебникъ вышелъ изъ печати, разосланъ по всѣмъ русскимъ епархіямъ и сталъ мало-по-малу вводиться въ употребленіе (¹). Но до Соловецкаго монастыря онъ достигъ лишь въ концѣ 1657 г. 30 августа 1657 г. прибылъ изъ Новгорода въ Холмогоры развозившій по новгородской митрополіи новыя книги Софійскаго дома боярскій сынъ Иванъ Мальгинъ. Между прочимъ, онъ «накинулъ на строителя Соловецкаго подворья старца Іосифа печатныхъ книгъ церковныхъ 3 книги (²) да служебниковъ 15 книгъ (³) и доправилъ за нихъ съ Іосифа денегъ 23 р. 8 алт. и двѣ деньги». Книги изъ Холмогоръ были отправлены по назначенію въ Соловецкій монастырь при письмѣ Іосифа отъ 10 октября; слѣд. полученное въ монастырѣ въ октябрѣ или ноябрѣ (⁴). Но соловецкій архимандритъ Илья былъ уже на-

(¹) Служебн. выпуска 1655 г. въ библ. каз. дух. акад. № 1630.
(²) Вѣроятно Скрижаль, которая вышла изъ печати въ 1656 г.
(³) Такое число экземпляровъ послано было съ тою цѣлію, чтобы монастырь снабдилъ новыми служебниками и своя вотчинные храмы въ поморьѣ.
(⁴) Мат. для ист. раск. т. 3 стр. 3.

столько предубѣжденъ противъ Никонова исправленія церковныхъ книгъ, что рѣшился на противодѣйствіе патріарху и своему митрополиту. Онъ съ своими немногими «совѣтниками»: келаремъ Сергіемъ, старцемъ Савватіемъ Абрютинымъ и др. «веліими врагами и хульниками на чинъ восточныя церкви», принявъ присланныя книги тайно отъ прочей братіи, скрылъ ихъ въ казенной оружейной палатѣ (¹), гдѣ онѣ и лежали до 1676 г., если только не были выброшены въ море.

Нужно сказать, что Соловецкій монастырь съ октября мѣсяца прекращаетъ всякое сообщеніе съ берегомъ, будучи со всѣхъ сторонъ окруженъ движущимися льдами. Монахи, запертые льдами въ своемъ монастырѣ, цѣлую зиму ни сами безъ крайней нужды не выѣзжаютъ на берегъ, ни посѣтителей къ себѣ не принимаютъ и совершенно не знаютъ, что творится на свѣтѣ Божіемъ. При такихъ условіяхъ соловецкой жизни архимандритъ Илья могъ спокойно, по крайней мѣрѣ зиму, оставаться при старомъ служебникѣ совершенно ни отъ кого изъ постороннихъ людей не замѣченнымъ. Но къ концу зимы онъ сталъ сильно безпокоится. Съ наступленіемъ навигаціи, при постоянномъ сообщеніи монастыря съ берегомъ и при многочисленномъ стеченіи богомольцевъ было крайне трудно уберечься, чтобы какъ нибудь о такомъ поступкѣ Ильи не дошло до свѣдѣнія новгородскаго митрополита и, даже, самого патріарха,—кромѣ нихъ Илья, повидимому, никого не боялся, зная почти повсюдное, на первыхъ порахъ, предубѣжденіе русскихъ противъ новыхъ церковныхъ порядковъ и питая надежду на сочувствіе многихъ. Большая опасность въ этомъ случаѣ предвидѣлась со стороны самого соловецкаго братства. Дѣло въ томъ, что не смотря на всѣ принятыя со стороны архимандрита Ильи и его совѣтниковъ предосторожности скрыть отъ братіи полученный служебникъ, братіи «про тотъ служебникъ стало вѣдомо». Братія стали говорить межъ собой: «для чего де тѣхъ служебниковъ намъ не покажутъ ни посмотрѣть»! Нѣкоторые изъ монастырскихъ іеромонаховъ на-

---

(¹) Матеріалы для истор. раск. 1878 г. т. III стр. 7 и слѣд.

чали даже предлагать архимандриту, «чтобы онъ самъ началъ по тѣмъ служебникамъ служить, и они съ нимъ будутъ; но онъ съ совѣтниками про новые служебники и слышать не хотѣлъ»; другіе изъ священниковъ просили по крайней мѣрѣ показать имъ новыя книги, но и въ этомъ имъ было отказано; а черный попъ Германъ, вопреки волѣ архимандрита Ильи, гдѣ-то досталъ новый служебникъ и съ архидіакономъ Евѳиміемъ, въ придѣлѣ, пропѣлъ по нему обѣдню, за что и былъ наказанъ плетьми дважды. Въ виду такого смущенія братіи Илья не безъ основанія могъ опасаться, чтобы кто-нибудь изъ недовольныхъ на него и несогласныхъ съ нимъ не донесъ на него въ Новгородъ, или въ Москву. И, вотъ, въ отражденіе себя отъ этой опасности, онъ началъ придумывать и осуществлять различныя мѣры, которыя, какъ нельзя лучше, характеризуютъ архимандрита Илью съ умственной и религіозно-нравственной стороны. Напримѣръ, въ 1658 г. писалъ на него патріарху Никону попъ Виталій съ товарищами слѣдующее: «и какъ служитъ архимандритъ Илья соборомъ и раздаетъ тѣло Христово, и въ тѣ поры къ клятвѣ приводитъ и заклинаетъ (сослужащихъ) въ то самое тѣло Христово, чтобы намъ на него архимандрита вамъ государемъ (патріарху и вѣроятно царю) не извѣщати и не бить челомъ ни въ чемъ» ([1])... Но и подобныхъ предосторожностей архимандриту Ильѣ казалось все-таки недостаточно. Недовольные могли пренебречь вынужденною клятвою и при удобномъ случаѣ съ кѣмъ-нибудь изъ посѣтителей отправить свой доносъ, что дѣйствительно и случилось, какъ увидимъ. Поэтому архимандритъ Илья счелъ за лучшее «своротить» свою вину на братію—поповъ «будто и не ево дѣло, будто онъ, архимандритъ, служебникъ монастырскимъ попамъ давалъ, а тѣ у него не приняли и служить не хотѣли». Съ этою цѣлію на шестой недѣлѣ великаго поста 1658 г. онъ съ своими совѣтниками келейно составилъ отъ имени монастырскихъ поповъ приговоръ о непринятіи въ употребленіе служебника, созвалъ ихъ къ себѣ въ келью и сталъ «съ великими угрозами и прещеніемъ принуждать къ своему

([1]) Матер. для ист. раск. т. III стр. 11.

бездѣльному приговору прикладывать руки». Попы убоялись угрозъ архимандрита и подписали приговоръ. Вина непринятія въ употребленіе служебника, такимъ образомъ, была сложена на поповъ и архимандритъ Илья на время успокоился ([1]). На остальную братію онъ пока не обращалъ вниманія, такъ какъ дѣло церковное ихъ не касается, и составленный приговоръ хранилъ въ тайнѣ отъ не посвященныхъ. Но спокойствіе Ильи продолжалось недолго.

Настало лѣто 1658 г. и по обычаю стали стекаться въ монастырь съ разныхъ сторонъ богомольцы. Нѣкоторые изъ посѣтителей на своей родинѣ уже привыкли къ церковной службѣ по новымъ служебникамъ и имъ показалось страннымъ, что въ Соловецкомъ монастырѣ «поютъ не наречь и служатъ по прежнимъ служебникамъ»; они «почали зазирать» соловецкую братію. Этимъ разбивались надежды архимандрита Ильи на сочувствіе къ его затѣямъ со стороны русскихъ людей и, вмѣстѣ, увеличивалась опасность подвергнуться наказанію. Онъ сталъ придумывать новыя, болѣе надежныя, средства къ огражденію себя. Такъ какъ мысль о могущемъ послѣдовать въ Новгородъ, или Москву, отъ недовольной братіи доносѣ и теперь не переставала съ новою силою безпокоить архимандрита Илью, то онъ прежде всего «сдѣлалъ великій, крѣпкій заказъ» въ монастырѣ, чтобы никто изъ отъѣзжающихъ на берегъ «никакихъ писемъ отъ братіи не ималъ». Недовольствуясь этимъ, онъ «призывалъ богомольцевъ тайно къ себѣ въ кельи, приводилъ ихъ къ образу и заклиналъ всячески чудотворцами: нѣтъ-ли отъ кого какова письма» на него, архимандрита, къ митрополиту или патріарху. Дальше архимандритъ Илья вздумалъ «своротить» свою вину уже не на одинхъ только священниковъ, но и на всю братію. Посовѣтовавшись съ своими приверженцами, онъ написалъ новый приговоръ отъ лица всего соловецкаго братства. Теперь дѣло дѣлалось уже не тайно отъ братіи. Всему братству было предварительно объявлено отъ архимандрита Ильи, что принимать новыхъ служебниковъ и служить по нимъ отнюдь не слѣдуетъ, хотя

([1]) Матеріалы для исторіи Раск. т. III. стр. 10. Челоб. Виталія.

бы даже было новое повелѣніе о томъ отъ патріарха, или митрополита; а если которые попы станутъ служить по новому, братія не должны ни въ церковь ходить, ни божественной службы слушать, ни причащаться св. таинъ и никакой святыни отъ такой службы не принимать; въ случаѣ какого гнѣва со стороны патріарха или митрополита, братія должны «за отца своего архимандрита стоять вседушно голова въ голову и ни въ чемъ его не выдать» (1). Въ этомъ смыслѣ былъ составленъ новый приговоръ, помѣченный 8 іюня 1658 года. Большая часть братіи, составившей неправильное понятіе о книжномъ исправленіи еще раньше, по отзывамъ самого архимандрита Ильи, князя Львова и другихъ, и по слухамъ, доходившимъ изъ столицы въ монастырь разными путями,—приняли къ сердцу внушеніе архимандрита Ильи и изъявили готовность слѣдовать за нимъ. Но были и несогласные съ архимандритомъ Ильей. Этихъ послѣднихъ онъ подготовлялъ къ покорности его волѣ другимъ способомъ: «придирался къ нимъ не по дѣлу, за свои прихоти, мучилъ въ тюрьмахъ скованныхъ недѣли по двѣ, по три и больше, морилъ голодомъ и билъ плетьми». Подготовивъ такимъ образомъ монаховъ, архимандритъ Илья рѣшился наконецъ, предъявить вновь составленный приговоръ всему братству и заставить всѣхъ подписать его. Съ этою цѣлію 8 іюня въ монастырскую трапезу было созвано на черный соборъ все братство, не исключая и больничныхъ старцевъ; былъ призванъ строитель Анзерскаго скита попъ Іоакимъ съ братіей; даже приглашены прилучившіеся богомольцы. Цѣль собранія всѣмъ была извѣстна и потому при самомъ началѣ въ собраніи начались «о нововводныхъ чинахъ» споры, «учалъ быти шумъ великій». Но, вотъ, выступаетъ на средину собранія самъ архимандритъ Илья и со слезами на глазахъ обращается къ присутствующимъ съ такою рѣчью: «видите, братія послѣднее время: возстали новые учители и отъ вѣры православныя и отъ отеческаго преданія насъ отвращаютъ, велятъ намъ служить на лядскихъ крыжахъ по новымъ служебникамъ, невѣдомо откуда взято; помолитеся, братія, чтобъ

(1) Матер. для истор. Раск. т. III стр. 9. Челоб. Виталія.

насъ Богъ сподобилъ въ православной вѣрѣ умереть, якоже и отцы наши, и чтобъ латынской службы не принимать». Вслѣдъ за этимъ Илья прочелъ вслухъ всего собранія «свое писаніе», т е. предварительно составленный приговоръ. Между тѣмъ совѣтники Ильи «наговаривали» братіи о покорности своему настоятелю. Братія «люди простые и ни служебниковъ кто изъ нихъ видѣлъ» въ отвѣтъ на увѣщанія Ильи всѣ «закричали великими гласы: «намъ латынской службы и еретическова чину не пріимать и причащаться отъ такой службы не хотимъ и тебя — отца нашего ни въ чемъ не выдадимъ, въ томъ руки приложимъ, вси за едино стоять готовы» ([1]). Послѣ этого повидимому оставалось только предложить братіи подписать приговоръ и дѣло съ концомъ. Но тутъ-то архимандритъ Илья и долженъ былъ убѣдиться, что далеко не вся братія достаточно подготовлены къ воспринятію его плановъ и намѣреній. Пришлось еще не мало употребить новыхъ усилій, чтобы склонить всѣхъ на свою сторону.

Когда дѣло дошло до рукоприкладства подъ приговоромъ, то за рядовой братіей не могло быть остановки, — они готовы были подписаться безпрекословно, нѣкоторые, можетъ быть, даже охотно. Но прежде всѣхъ должны были подписаться священнослужители, которыхъ ближе всего касалось дѣло служебника. Потому и въ приговорѣ имена ихъ поставлены были выше даже соборной братіи. Имъ слѣдовательно, первымъ предстояло и отвѣчать предъ высшимъ правительствомъ. Многіе изъ священнослужителей это хорошо сознавали и потому брали перо въ руки съ большою неохотою, тѣмъ болѣе, что имъ приходилось подписываться вмѣстѣ и за своихъ безграмотныхъ дѣтей духовныхъ, значитъ, принимать на себя отвѣтственность и за другихъ. Въ виду этой нерѣшительности архимандритъ Илья и теперь началъ «насилу нудить» поповъ прикладывать руки. Большая часть священниковъ и на этотъ разъ «убоявся архимандрита», подписались подъ приговоромъ «безъ всякаго отвѣта». Но священники Виталій, Спиридонъ и Германъ стали-было рѣшительно от-

---

([1]) Матер. для истор. Раск. т. III стр. 10. Челоб. Виталія.

казываться отъ рукоприкладства. Архимандриту Ильѣ это показалось неслыханною дерзостью; онъ съ своими совѣтниками «закричалъ» на непокорныхъ, «яко диви звѣри, и началъ неподобныя слова износить и бранить ихъ: попенца де худые, страдники! или хотите латынскую еретическую службу служить! живыхъ де не выпустимъ изъ трапезы»! Убоялись наконецъ и эти послѣдніе противники архимандрита и приложили къ приговору свои руки. Такимъ образомъ приговоръ 8 іюня 1658 г. о непринятіи новаго служебника хотя и съ горемъ пополамъ былъ утвержденъ подписомъ всего братства. Замѣчательно, что самъ архимандритъ Илья къ нему не подписался «будто и не ево дѣло». Подписалось братство въ такомъ порядкѣ: сначала попы—11 человѣкъ, каждый за себя «и вмѣсто дѣтей своихъ духовныхъ, которыя грамотѣ не умѣютъ»; за попами 4 человѣка дьяконовъ; потомъ келарь, казначей и 2 соборныхъ старца, наконецъ 32 человѣка чернецовъ, въ числѣ коихъ больничный келарь—Кирикъ—за себя и за больничную братію 67 человѣкъ. Всего такимъ образомъ было собственноручно подписавшихся 51 человѣкъ ([1]). Слѣдовательно это число грамотныхъ только и было въ соловецкомъ братствѣ, принявшемъ на себя важную роль защиты «древлеотеческой вѣры»!

Окончивъ съ такимъ успѣхомъ столь важное дѣло, архимандритъ Илья теперь сталъ совершенно спокоенъ, дѣлалъ въ монастырѣ, что хотѣлъ и не имѣлъ никакого опасенія подвергнуться наказанію отъ митрополита и патріарха ([2]); онъ теперь простеръ свою проповѣдь о старообрядчествѣ на все поморье «и по волостямъ и по усольямъ монастырскимъ заказывалъ, чтобъ отнюдь служебниковъ новыхъ не принимать, а крестились бы попрежнему, а кто крестился тремя перстами, тѣхъ проклиналъ» ([3]).

Между тѣмъ недовольные имъ и насильно принужденные подписаться къ приговору 8 іюня попы Виталій, Спиридонъ и Германъ готовили на него доносъ въ Москву къ самому патріарху Никону. Архимандритъ подозрѣвалъ ихъ съ этой

([1]) Матер. для истор. Раск. Соб. пригов. стр. 3 и 4.
([2]) Матер. для истор. Раск. т. III. стр. 10 и 11.
([3]) Тамъ же, стр. 10.

стороны и старался воспрепятствовать доносу. 18 іюля онъ призвалъ въ алтарь попа Виталія и повелъ предъ нимъ такую рѣчь: «Вы на меня возстаете и въ соединеніи съ нами быть не хочете, и на соборѣ сопротивляетесь, и за православную вѣру не стоите и за святый крестъ, и хвалите латинскіе крыжи? Уже васъ міряне *на дворцѣ* (т. е. въ Москвѣ, при царскомъ дворѣ) прокляли, да и мы васъ проклинаемъ»!

— «Страшно намъ проклятіе святыя соборныя апостольскія церкви, и святѣйшаго патріарха и всего великаго собора», отвѣчалъ Виталій, «а твое намъ проклятіе не страшитъ; аще бы на насъ какая и церковная вина была, и тебѣ такой власти ни отъ Бога, ни отъ святителя не дано, не токмо проклинать, но ни извергнуть».

Архимандритъ погрозилъ Виталію съ товарищами, «всякими вымыслы» и тѣмъ покончилъ разговоръ ([1]).

Вскорѣ послѣ этого разговора іеромонахи Виталій, Спиридонъ и Германъ отправили на архимандрита Илью въ Москву къ патріарху Никону съ какимъ-то «добрымъ человѣкомъ» челобитную. Въ челобитной они по долгу «священства и по иноческому обѣщанію» подробно изложили всю исторію дѣйствій архимандрита Ильи съ его совѣтниками, направленныхъ къ удержанію въ монастырѣ и въ поморьѣ старыхъ церковныхъ порядковъ, и слезно умоляли патріарха, чтобъ онъ «смиловался, призрѣлъ на святую Соловецкую обитель, низпровергъ злое сонмище соловецкое и ихъ избавилъ бы отъ такого мучителя, каковъ архимандритъ Илья» ([2]).

Не обошлись бы, конечно, продѣлки архимандрита Ильи и его совѣтниковъ даромъ, безъ наказанія, если бы не поблагопріятствовали къ тому обстоятельства. Челобитная соловецкихъ іеромонаховъ, которая должна была вызвать со стороны патріарха сильную кару на архимандрита Илью съ братіей, уже не застала Никона на патріаршемъ престолѣ, 10 іюля онъ удалился отъ царскаго гнѣва въ Воскресенскій

([1]) Матер. для истор. Раск. т. III. стр. 12. Челоб. Виталія.

([2]) Тамъ же, стр. 6—12. Челоб. Виталія.

монастырь ([1]). Патріаршая власть перешла въ руки недоброжелателя его Питирима Крутицкаго; церковныя дѣла стали подвигаться медленно и въ другомъ направленіи. Приверженцы старины, которыхъ Никонъ преслѣдовалъ, торжествовали, самоувѣренно предполагая, что съ паденіемъ его падетъ само собой и начатое имъ печатное дѣло. Само правительство духовное давало старообрядцамъ поводъ обольщать себя подобнаго рода надеждами. Оно теперь совсѣмъ не преслѣдовало порицателей Никона и новопечатныхъ книгъ. Москва была полна такими порицателями. Мало того, съ разрѣшенія правительства стали возвращаться въ Москву высланные Никономъ въ отдаленныя мѣста Россіи главные противники церковной реформы и ревностные пропагандисты старообрядчества, каковы протопопы Аввакумъ Нероновъ и др., и въ Москвѣ принялись съ новою ревностію за пропаганду, открыто и дерзко возвышая свой голосъ противъ «антихриста» Никона. По всей Россіи читались ихъ посланія и сочиненія, написанныя въ обличеніе Никоновыхъ «новшествъ». Не одна челобитная была подана отъ нихъ къ царю Алексѣю Михаиловичу «да Никона отъ патріаршества отставить и древнее благочестіе уставить» (Аввакумъ), «да повелитъ Никонова отложити преданія, древнее же отеческое неизмѣнно держати благочестіе ([2]). Къ этому времени можно отнести раскольничій соборъ, бывшій въ Москвѣ въ домѣ какого-то «боголюбца, крыющагося гоненія ради», подъ предсѣдательствомъ отца Спиридона (Потемкина), архимандрита Покровскаго монастыря, гдѣ главные представители старообрядчества общимъ голосомъ порѣшили: «нынѣшняго никоновскаго еретическаго крещенія, по новопечатнымъ книгамъ бывающаго не принимать» ([3]). Эта перемѣна отношеній правительства гражданскаго и духовнаго къ старообрядцамъ, происшедшая вслѣдъ за выбытіемъ изъ Москвы Никона, спасла и соловецкихъ мо-

---

([1]) Акт. Архгол. Эксп. т. IV № 108; зап. арх. общ т. 2 стр. 514—16.

([2]) Истор. Раск. Макарія стр. 168. 169. Сообщниками Аввакума и Θеодора и пропагандистами старообрядчества въ Москвѣ и по разнымъ концамъ Россіи были въ это время: архимандритъ Спиридонъ Потемкинъ, Игумены Θеоктистъ, Досиθей и многіе др. Ibid.

([3]) Истор. Раск. Макарія стр. 169.

наховъ. Имъ совершенно никто не думалъ поставить въ вину непринятіе въ употребленіе новаго служебника; ни блюститель патріаршаго престола митрополитъ крутицкій Питиримъ, ни Макарій митрополитъ новгородскій—непосредственный ихъ начальникъ не проронили ни малѣйшаго слова укоризны монахамъ, не сдѣлали ни одного намека на то, чтобы они выполнили повелѣніе бывшаго патріарха о введеніи въ употребленіе новаго служебника. Самъ царь Алексѣй Михаиловичъ, долго заслоняемый отъ монаховъ Никономъ, сталъ снова близокъ къ нимъ и особенно милостивъ, отчасти, впрочемъ, потому, что въ 1654 году получилъ отъ нихъ на государственныя нужды заимообразно 13 т. рублей, и могъ не безъ основанія разсчитывать на помощь въ будущемъ. Страхъ наказанія для соловецкаго архимандрита Ильи съ братіей теперь смѣнился надеждою на полное торжество. Первый, самый опасный шагъ на пути противленія Никоновымъ «новшествамъ» оказался самымъ счастливѣйшимъ, ободряющимъ и подстрекающимъ на дальнѣйшіе поступки въ этомъ родѣ. И дѣйствительно, соловецкіе монахи съ архимандритомъ Ильей во главѣ, пошли затѣмъ по избранному пути дальше и дальше, воодушевлялись больше и больше; они были вполнѣ увѣрены, что скоро одержатъ рѣшительную побѣду и надъ самимъ патріархомъ, отчасти уже побѣжденнымъ, хотя и не ими, и надъ его нововведеніями, и затѣмъ пожнуть достойные своихъ подвиговъ плоды—славу и честь отъ всего православнаго міра. Архимандритъ Илья, столь немало потрудившійся, склоняя соловецкое братство къ сопротивленію, вѣроятно, мечталъ удостоиться, съ наступленіемъ полнаго торжества, сугубой чести. Но онъ въ 1659 г. скончался «въ старомъ благочестіи» ([1]). Начатое имъ дѣло стоянія за старую вѣру продолжалъ преемникъ его Варѳоломей до 1666 года, пока не былъ вызванъ въ Москву къ отвѣту.

([1]) Истор. опис. Солов. мон. изд. 1836 г. ч. 1 стр. 148. Истор. о отцѣхъ и страд. сол. Денисова л. 19 об.

II.

Перемѣны въ составѣ братства: новый настоятелъ архимандритъ Варѳоломей.—Выборъ его и посвященіе въ санъ архимандрита.—Отношенія его къ соловецкимъ старообрядцевъ—. Варѳоломеевская партія умѣренныхъ старообрядцевъ.—Старецъ Герасимъ Ѳирсовъ.—Его партія строгихъ старообрядцевъ.

Перемѣна настоятеля въ Соловецкомъ монастырѣ всегда имѣла весьма важное значеніе для всей соловецкой жизни и, въ частности, по отношенію къ составу братства. Соловецкій настоятель при неограниченной и безконтрольной власти всегда могъ, не стѣсняясь ничѣмъ, по своему усмотрѣнію, увеличивать и уменьшать число братства,—могъ принимать въ число братства только тѣхъ, которые по его соображеніямъ могутъ быть полезны монастырю, или—ему лично, и отказывать другимъ, которые хотя бы имѣли за собой всѣ задатки къ монашеской добродѣтельной жизни, но не соотвѣтствовали его видамъ. Отъ полнаго усмотрѣнія настоятеля зависѣло постриженіе новыхъ членовъ братства въ монашество и повышеніе ихъ въ священныхъ чинахъ. Настоятель главнымъ образомъ подбиралъ себѣ подходящихъ и покорныхъ помощниковъ по управленію монастыремъ и монастырскими богатыми владѣніями—членовъ монастырскаго собора, монастырскихъ старостъ, строителей подворій, вотчинныхъ приказныхъ старцевъ и т. д., которые были всегда послушными орудіями воли настоятеля. Отъ настоятеля, наконецъ, зависѣло самое направленіе и духъ жизни соловецкихъ монаховъ, чему лучшимъ доказательствомъ служитъ настоятельство архимандрита Ильи, хотя и не безъ труда, поставившаго все братство на путь «древняго благочестія». Словомъ, въ предѣлахъ своей области, въ XVII в. охватившей не только Соловецкіе острова, но и почти весь западный бѣломорскій край, пустившей свои нити по многимъ отдаленнымъ городамъ, до самой столицы,—соловецкій настоятель былъ полновластнымъ, ни отъ кого независимымъ и безконтрольнымъ господиномъ, отъ котораго зависѣло все: и люди, и складъ жизни, и порядокъ дѣлъ. Между тѣмъ личный характеръ разныхъ настоятелей едвали когда-либо могъ

быть одинаковъ. Отсюда происходило то, что перемѣны настоятелей сопровождались иногда большими перемѣнами въ жизни монастырской. Самымъ обыкновеннымъ, напр., слѣдствіемъ перемѣны настоятеля было замѣщеніе видныхъ монастырскихъ служебныхъ мѣстъ приближенными любимцами новаго настоятеля, съ устраненіемъ любимцевъ стараго. Такимъ образомъ естественно было ожидать нѣкоторыхъ перемѣнъ въ соловецкой жизни и съ кончиною архимандрита Ильи, при преемникѣ его.

При новомъ настоятелѣ—преемникѣ Ильи, правда, существенныхъ перемѣнъ въ направленіи соловецкой жизни, даннымъ Ильею, не произошло. Духъ старообрядчества, которымъ монахи пропитались въ настоятельство Ильи, при новомъ настоятелѣ не только не ослабѣлъ, напротивъ окрѣпъ и усилился. Но, по обыкновенію, не обошлось безъ перестановки монаховъ по служебнымъ степенямъ и безъ нѣкоторыхъ другихъ перемѣнъ въ составѣ братства. Эти перемѣны имѣли не малое значеніе въ исторіи развитія и укрѣпленія въ братствѣ старообрядчества и потому не могутъ быть нами обойдены. Но такъ какъ онѣ зависѣли отъ личнаго характера новаго настоятеля, да и самое старообрядчество держалось въ это время, благодаря лишь нерѣшительности новаго настоятеля, то мы должны прежде всего познакомиться съ нимъ самимъ.

Соловецкіе монахи сами выбрали іеромонаха Варфоломея своимъ настоятелемъ. Онъ былъ Соловецкій постриженникъ. До выбора жилъ въ монастырѣ больше десяти лѣтъ и трудился на клиросѣ «жилъ незазорно и пьянаго питья не пилъ». Въ послѣднее время былъ на службѣ въ г. Вологдѣ при монастырскомъ подворьѣ въ званіи приказнаго старца. На этой службѣ засталъ его выборъ. Имѣя въ виду прежній образъ его жизни и усердіе въ трудахъ на пользу Соловецкой обители, соловецкіе монахи возлагали на Варѳоломея большія надежды «чаяли, что и впредь онъ не измѣнитъ своего обычая и учнетъ жить по преданію великихъ чудотворцевъ, и во всемъ монастырское благочиніе учнетъ невредно сохранять, какъ и прежнія власти въ Соловецкомъ

монастырѣ жили» ([1]). Въ особенности разсчитывали на Варѳоломея монахи—строгіе старообрядцы, предполагая что онъ не измѣнитъ установившихся въ монастырѣ и закрѣпленныхъ братскимъ приговоромъ при архимандритѣ Ильѣ старыхъ церковныхъ порядковъ и обычаевъ.

Съ этими надеждами въ октябрѣ 1659 года изъ Соловецкаго монастыря, «по соборному приговору келаря старца Сергія, казначея старца Гурія и всѣхъ соборныхъ старцевъ», соборный чернецъ Боголѣпъ съ другими чернецами и слугами, имѣющими составить свиту новаго настоятеля, отправился въ Вологду къ іеромонаху Варѳоломею съ извѣстіемъ о состоявшемся выборѣ его въ настоятеля и съ предложеніемъ отправиться въ Москву за посвященіемъ въ санъ архимандрита. Въ XVII вѣкѣ было принято, чтобы новый Соловецкій настоятель предварительно представлялся къ царю и патріарху и потомъ уже отправлялся за посвященіемъ къ своему митрополиту въ Новгородъ, если его не прилучится въ Москвѣ. На этотъ разъ митрополитъ новгородскій Макарій почти постоянно находился въ Москвѣ, обсуждая съ блюстителемъ патріаршаго престола Питиримомъ Крутицкимъ и другими русскими іерархами разные церковные вопросы, особенно же вопросы, касающіеся патріарха Никона. Потому Варѳоломею было вдвойнѣ необходимо отправиться прямо въ Москву, и онъ въ декабрѣ отправился туда со своей свитой, прибывшей къ нему изъ Соловецкаго монастыря. Въ столицѣ Варѳоломей былъ принятъ съ большимъ почетомъ какъ со стороны царя, такъ и со стороны духовныхъ властей. Къ царю онъ предсталъ, по обычаю, съ образомъ соловецкихъ чудотворцевъ. Спустя нѣсколько дней отъ царя «съ верху» на соловецкое подворье, гдѣ Варѳоломей остановился, явились два дьяка Петръ Мальгинъ и Гороховъ и сказали Варѳоломею «милостивое царское слово, что великій государь въ Соловецкій монастырь въ архимандритѣхъ ему быти указалъ». Затѣмъ послѣдовало представленіе къ Питириму Крутицкому и Макарію Новгородскому, съ поднесеніемъ послѣднему образа чудотворцевъ, украшеннаго ризою. Въ приготовленіи къ

(1) Матеріалы для ист. Раск. т. III стр. 47 и 48.

посвященію и въ визитахъ прошла чуть не вся зима. Въ мартѣ 1660 года, въ вербное воскресеніе, наконецъ Варѳоломей былъ «поставленъ въ архимандрита» преосвященнымъ Макаріемъ. Начались новые визиты съ «почестями» и пріемъ гостей «съ подачами и за подачами». Въ самый день посвященія, напр., новый архимандритъ долженъ былъ отдать визитъ митрополитамъ Питириму и Макарію и архіепископу вологодскому Маркеллу. Между тѣмъ на подворьѣ ожидали его съ поздравленіемъ и со святой водой, въ чаяніи получить какую-нибудь подачу, почти все московское низшее духовенство, вся придворная и митрополичья челядь, начиная съ боярскаго сына до послѣдняго конюха. Тутъ же былъ и посланный отъ царя съ приглашеніемъ къ царскому столу.

Между тѣмъ въ Москвѣ составился духовный соборъ изъ всѣхъ русскихъ іерарховъ и почетнаго духовенства по вопросу о замѣнѣ Никона новымъ патріархомъ. Варѳоломей, какъ настоятель знаменитаго монастыря, по всей вѣроятности былъ приглашенъ на засѣданія собора и между членами занималъ не послѣднее мѣсто. Не что иное, какъ это, мы думаемъ, задержало Варѳоломея въ Москвѣ почти на все лѣто. Лишь въ августѣ мѣсяцѣ 1660 г. онъ могъ собраться изъ Москвы въ обратный путь и на прощаніи долженъ былъ на своемъ подворьѣ поставить свой обѣдъ, на которомъ изъ высокопоставленныхъ лицъ не присутствовалъ развѣ только царь (1).

Такъ любезно обошлись въ Москвѣ съ новымъ Соловецкимъ настоятелемъ, не смотря на то, что онъ прибылъ изъ обители, гдѣ вопреки опредѣленію собора 1655 года оставались въ полномъ ходу старые церковные порядки. Интересно было бы знать—было ли хотя на словахъ отъ кого-нибудь изъ представителей духовной власти поручено Варѳоломею ввести въ монастырѣ въ употребленіе новый служебникъ? Къ сожалѣнію никакихъ извѣстій объ этомъ не сохранилось. Но формальнаго напоминанія сдѣлано не было, хотя случай

(1) Всѣ свѣдѣнія о поѣздкѣ Варѳоломея въ Москву взяты изъ дорожной книжки, веденной сопровождавшимъ его старцемъ Боголѣпомъ. Въ солов. арх. № 14. Связка «отводныхъ» книгъ XVII в.

къ тому представлялся самый удобный. Прибавимъ къ этому, что если въ Москвѣ совершалось богослуженіе по новому служебнику, то Варѳоломей, по всей вѣроятности, не разъ присутствовалъ при совершеніи этого богослуженія и былъ, конечно, самъ посвященъ въ архимандрита, а слѣдовательно и участвовалъ въ служеніи съ своимъ митрополитомъ съ этимъ служебникомъ въ рукахъ. И однако онъ отправляется въ обитель по крайней мѣрѣ безъ формальнаго напоминанія къ братіи о принятіи новаго служебника! Изъ этого нельзя не придти къ мысли, что нѣкоторые изъ нашихъ русскихъ іерарховъ въ это время были, быть можетъ, еще сами не тверды въ новыхъ церковныхъ порядкахъ. Не даромъ же у старообрядцевъ сложилось преданіе о Макаріѣ Новгородскомъ, Маркеллѣ вологодскомъ и Александрѣ вятскомъ, какъ о ревнителяхъ древняго благочестія ([1]). Во всякомъ случаѣ Варѳоломей возвратился въ Соловецкій монастырь безъ опредѣленныхъ намѣреній, тѣмъ болѣе, что самъ лично не былъ ни строгимъ старообрядцемъ, ни ревностнымъ послѣдователемъ Никона. Иначе: не имѣлъ въ этомъ случаѣ собственныхъ убѣжденій и руководился указаніями обстоятельствъ. Между тѣмъ обстоятельства во все время его управленія монастыремъ (съ 1660 до 1666 г.) слагались по большей части въ пользу старообрядчества; потому онъ до 1666 года и оставался старообрядцемъ, готовымъ при первомъ сильномъ толчкѣ поворотить на путь Никоновыхъ нововведеній.

На первыхъ порахъ впрочемъ, Варѳоломей былъ въ большемъ недоумѣніи: какъ относиться къ соловецкому старообрядчеству? Съ одной стороны въ монастырѣ оставался невыполненнымъ указъ новгородскаго митрополита 1657 г. о введеніи въ употребленіе новаго служебника, основанный на опредѣленіи собора 1655 года; съ другой—былъ въ полной силѣ и непрекосновенности братскій приговоръ 8 іюня 1658 года о непринятіи служебниковъ. Невыполненіе указа митрополита грозило опасностію рано или поздно подвергнуться строгому взысканію; отступленіе же отъ братскаго приговора могло послужить поводомъ къ укоризнамъ, а пожалуй и къ

([1]) Денис. Виноград. Росс. по рук. моск. акад. л. 48.

возмущенію противъ него со стороны зараженной старообрядчествомъ братіи. Стараясь выпутаться изъ этого безвыходнаго положенія Варѳоломей дѣйствовалъ и поступалъ различно. На первыхъ порахъ, когда опасность подвергнуться взысканію отъ начальства въ немъ брала перевѣсъ надъ опасностью укоризнъ отъ братіи онъ рѣшился было сдѣлать нѣсколько попытокъ ввести въ монастырѣ нѣкоторыя новости; сталъ говорить братіи даже о введеніи новаго служебника (1). Но когда замѣтилъ, что отъ начальства большей опасности не предвидится, а между тѣмъ въ монастырѣ поднялся ропотъ по поводу его напоминаній о нововведеніяхъ, онъ рѣшился не дѣлать никакихъ нововведеній и свое рѣшеніе утвердилъ «излюбленнымъ» братскимъ приговоромъ 16 февраля 1663 года (2). Впрочемъ Варѳоломей всегда держался въ сторонѣ отъ строгихъ старообрядцевъ. Онъ составилъ себѣ особую партію умѣренныхъ старообрядцевъ, которые такъ же, какъ и онъ, стояли, такъ сказать, на перепутьи, постоянно колебались, не зная которой стороны держаться, и готовы были склониться въ ту сторону, которую укажутъ обстоятельства, а можетъ быть и земные разсчеты. Партія Варѳоломея была хотя немногочисленна, но сильна, потому что состояла изъ монаховъ, занимавшихъ видные монастырскіе административные посты, каковы: члены монастырскаго собора, нѣкоторые священники, соборный уставщикъ, нѣкоторые изъ приказныхъ старцевъ и строителей монастырскихъ подворій и нѣкоторые изъ рядовой братіи (3). Не малая часть изъ нихъ держалась Варѳоломея вѣроятно больше потому, что была отъ него такъ или иначе облагодѣтельствована, напр. повышеніемъ въ монастырскихъ чинахъ. Соборъ монастырскій при Варѳоломее состоялъ почти весь изъ новыхъ личностей, достигшихъ почетнаго званія соборнаго старца, благодаря лишь благосклонности настоятеля (4). Изъ совѣтниковъ архимандрита Ильи въ соборѣ оста-

(1) Матеріалы для истор. Раск. т. III стр. 13.

(2) Тамъ же, стр. 33.

(3) См. Челоб. къ царю келаря Савватія съ прочей братіей на старца Александра и др. 1666 г., Матер. для ист. Раск. т. III. стр. 100.

(4) Сравн. челоб. попа Виталія къ Никону съ челобитной къ царю келаря Савватія. Матер. для ист. Р. III, 10, 100.

вался теперь только одинъ Савватій Абрютинъ, сдѣлавшійся при Варѳоломее изъ простаго соборнаго старца монастырскимъ келаремъ. Всѣ остальные должны были уступить свои мѣста новымъ счастливцамъ. Варѳоломей не стѣснялся ихъ устранять изъ собора иногда безъ особенной причины. Такъ, напримѣръ, отставленъ былъ отъ собора «безъ монастырскія вины» единственно по какой-то «злобѣ» Варѳоломея старецъ Іоасафъ и вдобавокъ «бить плетьми» ([1]). Напротивъ возводились въ соборные старцы иногда люди, совершенно не заслуживающіе этой чести по своей молодости и безнравственности, но умѣвшіе только заслужить личное благорасположеніе Варѳоломея. Таковъ былъ соборный старецъ Иринархъ Торбѣевъ, человѣкъ молодой, не бывавшій ни въ какой монастырской службѣ. Будучи еще монастырской служкой Ивашкомъ Никифоровымъ онъ понравился Вирѳоломею и сдѣлался его «совѣтникомъ» и спосцѣшникомъ во всѣхъ дѣлахъ его. За эти услуги Варѳоломей скоро постригъ его въ монашество и «взялъ въ соборъ» ([2]). Самыми выдающимися, замѣчательными въ исторіи соловецкаго возмущенія и первыми сторонниками Варѳоломея были: келарь старецъ Савватій Абрютинъ, казначей старецъ Боголѣпъ (который сопровождалъ его въ Москву), уставщикъ черный попъ Геронтій—авторъ «Соловецкихъ челобитныхъ о вѣрѣ» и строитель Соловецкаго подворья въ Москвѣ старецъ Іосифъ—впослѣдствіи архимандритъ соловецкій, не принятый братіею. Намъ придется еще не разъ встрѣчаться съ этими личностями, причемъ и роль ихъ въ исторіи возмущенія сама собой выяснится; поэтому теперь будетъ достаточно пока объ нихъ сказать только то, что они для Варѳоломея во все время его шаткаго управленія монастыремъ были главною и прочною его опорою. Савватій и Боголѣпъ, какъ первые послѣ настоятеля начальствующія лица въ монастырѣ, помогали Варѳоломею держать въ покорности все братство; Геронтій, какъ соборный уставщикъ, наблюдалъ за церковнымъ чиномъ и священниками; а Іосифъ по званію строителя московскаго

(1) Матер. для ист. Раск. т. III. стр. 60.
(2) Матер. для ист. Раск. т. III. стр. 55.

подворья строго слѣдилъ за дѣлами въ Москвѣ, сообщалъ обо всемъ Варѳоломею и въ опасныхъ случаяхъ защищалъ его предъ сильными міра (1).

Въ числѣ обиженныхъ Варѳоломеемъ и устраненныхъ изъ его кружка умѣренныхъ старообрядцевъ особенно выдающимся былъ старецъ Герасимъ Ѳирсовъ; отъ замѣчателенъ и какъ авторъ «Слова о крестѣ», и какъ одинъ изъ главнѣйшихъ дѣятелей до 1666 года въ пользу соловецкаго старообрядчества. Потому мы съ нимъ теперь познакомимся поближе. Старецъ Герасимъ Ѳирсовъ, по словамъ архимандрита Варѳоломея, былъ въ монастырѣ «старый составщикъ и коварникъ; безъ него не бывала никакая смута и мятежъ (2). Бывшій варѳоломеевскій ризничій старецъ Веніаминъ въ 1666 г. писалъ Варѳоломею въ Москву: «и самъ ты, государь, Ярасима вѣдаешь, что лукавство-то его прежъ родилось» (3). И дѣйствительно, Герасима мы видѣли еще въ числѣ тѣхъ «великихъ враговъ и хульниковъ на чинъ святыя восточныя церкви», которые въ качествѣ совѣтниковъ архимандрита Ильи въ 1658 г. принимали живое участіе въ дѣлѣ непринятія въ употребленіе новаго служебника (4). Объ этомъ же свидѣтельствуетъ и вся жизнь Герасима до 1666 года, когда онъ, вызванный въ Москву, принесъ предъ соборомъ во всемъ раскаяніе.

Изъ жизни Герасима до поступленія въ Соловецкій монастырь извѣстно только то, что онъ разъ въ Москвѣ битъ кнутомъ на козлѣ за то, что «изъ рядовъ ималъ обманомъ жемчугъ и соболи» (5). Въ монастырь пришелъ вѣроятно въ концѣ сороковыхъ годовъ, потому что въ 1658 году былъ уже въ званіи соборнаго старца, которое давалось не иначе, какъ людямъ пожилымъ и прослужившимъ нѣсколько лѣтъ съ пользою для монастыря въ званіи менѣе почетныхъ должностей, наприм. въ званіи приказнаго старца въ монастырскихъ вотчинахъ. Въ настоятельство архимандрита Ильи (6)

(1) Матер. для истор. Раск. т. III стр. 35 и 36.
(2) Тамъ же стр. 87.
(3) Тамъ же стр. 76.
(4) Тамъ же, стр. 10.
(5) Тамъ же стр. 87 и 88.
(6) Илья былъ настоятелемъ съ 1645 г. См. Пр. Соб. октябрь и ноябрь 1879 г.

Герасимъ изъ Соловецкаго монастыря разъ выходилъ и „бѣгаючи" по Россіи подалъ на Илью патріарху Никону «доводные челобитные», за что былъ на патріаршемъ дворѣ битъ плетьми нещадно и сосланъ подъ началъ въ Никольскій корельскій монастырь ([1]). Возвратившись снова въ Соловки, онъ былъ нѣкоторое время на службѣ въ званіи приказнаго старца въ монастырскихъ береговыхъ усольяхъ: Варзужскомъ, Умскомъ и Яренскомъ. Въ послѣднемъ даже два раза ([2]). Затѣмъ сдѣланъ былъ соборнымъ старцемъ и сталъ ближайшимъ совѣтникомъ архимандрита Ильи.

Съ новымъ настоятелемъ Варѳоломеемъ бывшій «совѣтникъ» архимандрита Ильи почему-то не сошелся. Варѳоломей не включилъ его въ число своихъ любимцевъ и совѣтниковъ. Онъ видимо не благоволилъ къ нему и старался устранить его отъ участія въ монастырскихъ дѣлахъ. Мы не видимъ, напр. имени Герасима Ѳирсова наряду съ соборными старцами въ двухъ замѣчательныхъ соборныхъ приговорахъ: «о нарѣчномъ пѣніи» (22 октября 1661 г.) и «о поѣздкѣ архимандрита Варѳоломея въ Москву» (1663 г.) ([3]). Тѣмъ не менѣе Герасимъ носилъ званіе соборнаго старца до 1665 года. Въ этомъ году Варѳоломей нашелъ довольно благовидный предлогъ къ удаленію его изъ собору. Именно: въ монастырѣ заболѣлъ казначей старецъ Боголѣпъ. На случай внезапной смерти его отъ настоятеля и собора было поручено соборнымъ старцамъ Васьяну, Діонисію, Илларіону, Ѳеодосію, Марку, Геннадію, Александру и Герасиму Ѳирсову произвести осмотръ монастырскихъ суммъ и имущества, бывшаго на рукахъ Боголѣпа. Герасимъ, по свидѣтельству Варѳоломея, былъ всегда не чистъ на руку. Въ бытность вотчиннымъ приказчикомъ въ Варзугѣ онъ разъ монастырскую рыбу продалъ и деньгами хотѣлъ завладѣть, но по сыску тѣ деньги на немъ были доправлены. Во время службы въ Умскомъ усольѣ безъ монастырскаго указа продавалъ рыбу и въ вырученныхъ деньгахъ заперся, за что отъ службы отставленъ и взятъ въ монастырь скованный. ВъЯрен-

([1]) Матер. для ист. раск. т. III, стр. 87.
([2]) Тамъ же, стр. 85, 86,
([3]) Матеріалы для ист. Раск. т. III, стр. 13 и 14.

скомъ усольѣ истратилъ на свои прихоти больше пятидесяти рублей изъ церковныхъ, оброчныхъ и промысловыхъ доходовъ. Живучи въ монастырѣ, у своего старца Исаіи укралъ 120 р., у брата келейнаго старца Нектарія—70 р., у отца духовнаго чернаго попа Игнатія 20 р. Сверхъ того дважды обманывалъ больничнаго слѣпаго старца Меркурія, покупая у него мёдъ на вырѣзанныя изъ бѣлаго желѣза кружички, и разъ плотничному старостѣ Сергію далъ въ закладъ подъ взятую сумму 20 р. вмѣсто серебряныхъ ефимковъ вылуженныя красныя мѣдяшки. Всѣ эти продѣлки Герасима были извѣстны всему братству. Онъ не разъ, обличенный, былъ за нихъ на правежѣ и возвращалъ украденное; но почему-то терпѣлся въ числѣ соборныхъ членовъ до 1665 года. Только послѣднее, слишкомъ наглое воровство вывело окончательно изъ терпѣнія соборныхъ старцевъ, бывшихъ съ нимъ у казначея Боголѣпа. Дѣло въ томъ, что Герасимъ, обозрѣвая вмѣстѣ съ ними казначейскія палаты больнаго казначея Боголѣпа, какъ-то ухитрился подобрать и скрыть у себя принадлежащіе больному Боголѣпу часы. Вскорѣ однако былъ уличенъ въ воровствѣ и часы «отдалъ лицомъ». Но соборные старцы, бывшіе съ нимъ у казначея, на этотъ разъ не хотѣли уже удовольствоваться раскаяніемъ Герасима и возвращеніемъ часовъ. Они подали настоятелю челобитную о томъ, что «имъ впредь съ Герасимомъ Ѳирсовымъ у монастырскихъ дѣлъ быть нельзя». На основаніи этой жалобы и уликъ Герасимъ и былъ отставленъ отъ собора (¹).

Герасимъ вообще не отличался высокою нравственностію. Онъ по временамъ любилъ съ друзьями и пріятелями пображничать, хотя иногда и дорого приходилось платиться за такую вольность. Въ 1663 г., напр., съ дьякономъ Филаретомъ онъ въ кельѣ у своего пріятеля головщика Іоны Брызгало въ самую заутреню пилъ квасъ медвеной и —табакъ. По сыску оба они не заперлись въ этомъ и были смиряемы плетьми и монастырскими трудами (²). Въ молодости въ подобныхъ пріятельскихъ пирушкахъ Герасимъ про-

---

(¹) Матер. для истор. Раск. т. III. стр. 85.

(²) Матер. для истор. Раск. т. III. стр. 91.

являлъ иногда такія буйства, которыя сопровождались смертоубійствомъ. Въ 1655 году, напр., разъ ночью онъ пришелъ въ келью къ своему келейному брату старцу Нектарію и здѣсь «покололъ ножемъ» другаго келейнаго брата Аѳанасія ([1]). Но не смотря на страсть къ воровству, бражничанью и буйству Герасимъ былъ человѣкъ книжный и потому въ монастырѣ отъ многихъ пользовался большимъ уваженіемъ. Тетрадки его «о крестѣ», написанныя еще до 1657 года вѣроятно для многихъ изъ безграмотной и предубѣжденной противъ новыхъ церковныхъ порядковъ братіи служили достаточнымъ основаніемъ смотрѣть на Герасима, какъ на человѣка не только книжнаго, но и ревнителя по древлему православію. Въ виду этихъ добродѣтелей Герасима братія мало обращали вниманія на его поступки, далеко неприличные монаху, точно такъ же, какъ прощали слабость жизни и несправедливости архимандриту Варѳоломею ради того, что онъ съ 1663 года пересталъ напоминать братіи о Никоновыхъ нововведеніяхъ и самъ сталъ держаться старыхъ обычаевъ.

Удаленіемъ старца Герасима изъ собора Варѳоломей нажилъ себѣ самаго опаснаго врага. Герасимъ вѣроятно и не сокрушался много отставкою. Онъ видѣлъ массу братіи, подозрительно относящейся къ Варѳоломею и приверженцамъ его, къ которымъ до сихъ поръ онъ самъ могъ быть отъ братіи причисляемъ. Нерасположеніе Варѳоломея и отставка снимала съ Герасима всякое подозрѣніе. Вслѣдствіе этого, всѣ строгіе старообрядцы, всѣ недовольные Варѳоломеемъ и обиженные имъ поспѣшили поставить Герасима, какъ человѣка умнаго, во главу своей партіи, чтобы успѣшнѣе дѣйствовать съ нимъ противъ Варѳоломея, особенно когда тотъ снова вздумаетъ дѣлать попытки къ введенію новыхъ порядковъ. Такимъ образомъ въ монастырѣ явилась герасимовская партія. Впрочемъ, особенныхъ столкновеній съ Варѳоломеемъ у этой партіи, руководимой Герасимомъ, теперь не было, такъ какъ Варѳоломей до вызова его въ 1666 году въ Москву самъ неотступно держался старыхъ порядковъ. Борьба

([1]) Матеріалы для истор. расв. т. III стр. 87.

партій началась тогда, когда дошелъ до монастыря слухъ, что Варѳоломей въ Москвѣ измѣнилъ древнему благочестію (1).

Самъ лично Герасимъ Ѳирсовъ не былъ настолько твердъ въ старообрядчествѣ, чтобы устоять въ немъ до конца. Особенною ревностію по старомъ благочестіи онъ былъ одушевленъ только въ первый періодъ соловецкихъ возмущеній, при архимандритѣ Ильѣ, когда вышелъ въ свѣтъ и полученъ въ монастырѣ новый служебникъ. Подъ первыми впечатлѣніями распространившихся по всей Россіи предубѣжденій противъ книжнаго исправленія онъ и написалъ свои тетрадки въ защиту двухперстнаго сложенія, ходившія по рукамъ братіи уже въ 1657 году, и спустя нѣсколько «посланіе къ брату» о томъ же. Въ послѣднее время эти первыя впечатлѣнія у него стали такъ слабы, что съ своей стороны онъ готовъ былъ принять въ употребленіе въ монастырѣ новоисправленный служебникъ и не принималъ только потому, что это не отъ него зависѣло. «По новоисправнымъ служебникамъ въ Соловецкомъ монастырѣ не служили для того», говорилъ онъ 1 іюля 1666 г. на московскомъ соборѣ, «что указу великаго государя не было, а святый соборъ о томъ былъ ли, или нѣтъ, того онъ не вѣдаетъ, а отъ архимандрита (Варѳоломея) о томъ, что (бы) служить по новоисправнымъ служебникамъ, повелѣнія не было-жъ» (2). Притомъ Герасимъ былъ простой чернецъ «не попъ»; по этому не могъ и частнымъ образомъ самъ лично служить по новому служебнику. Въ 1665 году, лѣтомъ, въ Исаковской пустынѣ (3) Герасимъ рѣшился даже предложить архимандриту Варѳоломею, «чтобы велѣлъ служить по новымъ служебникамъ». Варѳоломей промолчалъ «ничего (на это) не сказалъ»; но келарь Савватій Абрютинъ и казначей Боголѣпъ возмутились этимъ предложеніемъ и начали на Герасима «шумѣть», чтобы не говорилъ архимандриту про

(1) Матер. для истор. Раск. т. III, стр. 67.

(2) Допросъ Герасима на соб. 1666 г. Тамъ же, стр. 108.

(3) Въ 10 верстахъ отъ монастыря при озерѣ, гдѣ устроенъ особый домъ для рыболововъ и часовня въ честь Исаакія Долматскаго, до сихъ поръ существующая.

«новоисправные» служебники ([1]). Герасиму послѣ этого въ дѣлѣ церковной обрядности ничего не оставалось больше, какъ молчать и подчиняться установившемуся въ монастырѣ порядку, тѣмъ болѣе, что онъ вслѣдъ за этимъ отставленъ былъ отъ собора и такимъ образомъ лишенъ былъ права на возвышеніе голоса среди старшей братіи. Изъ всего этого можно заключить, что къ партіи строгихъ старообрядцевъ и недовольной Варѳоломеемъ братіи Герасимъ присталъ больше изъ чувства мщенія Варѳоломею, оскорбившему его своимъ невниманіемъ и отставкою отъ собора, нежели изъ глубокой привязанности къ старымъ порядкамъ.

Партія строгихъ старообрядцевъ, готовыхъ изъ-за «пелены», не подосланной подъ Евангеліе во время чтенія, востать поголовно ([2]), состояла изъ цѣлой массы соловецкихъ монаховъ и стекшагося въ обитель съ разныхъ концовъ Россіи сброда людей, начиная съ соборныхъ и приказныхъ старцевъ, большею частію отставныхъ, и кончая послѣднимъ монастырскимъ слугою. Впереди всѣхъ стояли и бунтовали остальную массу такъ или иначе обиженные Варѳоломеемъ коренные соловецкіе монахи. Таковы, кромѣ Герасима Ѳирсова, бывшіе приказные старцы: Геннадій, въ свою бытность кемскимъ приказчикомъ, чинившій монастырскимъ «бобыльщикамъ» такія утѣсненія, что многіе отъ его «побоевъ и умерли»; Александръ Стукаловъ, который «сатану называлъ своимъ отцомъ, а бѣсовъ — братьями» и который въ Лямецкомъ усольѣ «жегъ мужика на огнѣ безвинно, для своей бездѣльной корысти»; Іона Брызгало, бѣглый тульскій дьяконъ, нѣсколько лѣтъ, сбросивъ дьяконство, бродившій по Россіи «въ коновалехъ съ рыгнемъ» и потомъ въ Соловкахъ самъ на себя надѣвшій монашество и, наконецъ, дьяконъ Игнатій, который за растрату, въ бытность усольскимъ приказчикомъ, монастырскихъ суммъ, въ 1664 году «стоялъ на правежѣ» съ своей братіей, такими же усольскими приказчиками, Ѳерапонтомъ,

---

([1]) Варѳоломей, спрошенный на соборѣ объ этомъ предложеніи Герасима, не отвергалъ его, но сказалъ, что того не упомнитъ. Матеріалы для исторіи Раскола, т. III. стр. 111.

([2]) Объ этомъ рѣчь будетъ впереди.

Василіемъ, Демьяномъ, Михаиломъ и Пименомъ ([1]) Всѣ эти старцы не разъ были при Варѳоломее смиряемы жестокимъ монастырскимъ смиреніемъ—биты плетьми и посылались въ черные монастырскіе труды и потому питали непримиримую злобу противъ него. Нетвердость Варѳоломея въ древлемъ благочестіи и подозрѣнія противъ него братіи—строгихъ старообрядцевъ давали этимъ старцамъ вѣрное средство мстить Варѳоломею смутами въ монастырѣ, и они мстили, разжигая въ простой братіи старообрядческій фанатизмъ. Ихъ партія постепенно увеличивалась новыми членами изъ недовольной Варѳоломеемъ братіи. Таковы изъ новыхъ членовъ: старецъ Ефремъ каргополецъ «самозванный старый ябедникъ и составщикъ»; который за свою связь и пьянство съ опальнымъ княземъ Львовымъ въ 1664 году отставленъ отъ собора и былъ посланъ на время «въ мукосѣйну» ([2]); дьяконъ Нилъ, который, въ 1663 г., «коварствомъ своимъ во многой братіи порокъ учинилъ, такъ что и нарѣчному пѣнію не слышну быть» и который на Варѳоломея въ алтарѣ кричалъ, обзывая его еретикомъ ([3]); черный попъ Пафнутій, который научалъ Ефрема бѣжать изъ монастыря съ княземъ Львовымъ ([4]) и многіе другіе. Изъ пришельцевъ къ партіи строгихъ соловецкихъ старообрядцевъ примкнули: уже извѣстный намъ архимандритъ Никаноръ, перебравшійся сюда совсѣмъ на покой въ 1660 году и многіе ученики Аввакума и Лазаря. Изъ ссыльныхъ прежде всего—князь Львовъ, скучающій въ монастырѣ съ 1655 года, потомъ саввинскіе монахи и другіе чернецы и мірскіе люди. Вліяніе всѣхъ этихъ вожаковъ соловецкихъ старообрядцевъ и каждаго отдѣльно на массу простой, безграмотной братіи и слугъ, которыхъ Варѳоломей оставлялъ въ монастырѣ на зиму до 700 человѣкъ,—и роль ихъ въ исторіи соловецкихъ смутъ мы увидимъ въ своемъ мѣстѣ впереди. Теперь, думаемъ, достаточно упомянуть, что

([1]) См. статью: «Соловецкій монастырь предъ возмущеніемъ». Прав. Соб. 1879 г. Ноябрь.

([2]) Матеріалы для ист. Раск. т. Ш. стр. 95.

([3]) Тамъ же, стр. 99.

([4]) Тамъ же, стр. 96.

самая главная роль въ соловецкой драмѣ—роль руководителя суевѣрной массы монаховъ и слугъ часто переходила изъ рукъ въ руки. Около 1663 г. напр. возмущали братію священникъ Леонтій, дьяконъ Нилъ и слуга Сидоръ Хломыга; съ 1665 до 1666 года старецъ Герасимъ Ѳирсовъ; послѣ вызова его въ 1666 году въ Москву, онъ былъ замѣненъ ненадолго старцемъ Александромъ Стукаловымъ; а заключеніе драмы выпало на долю архимандрита Никанора, который въ 1676 году не устрашился подклонить свою голову подъ мечъ воеводы Мещеринова. Второстепенныя роли принадлежали всѣмъ прочимъ помянутымъ старцамъ; каждый изъ нихъ въ свою очередь принесъ въ пользу развитія и укрѣпленія въ Соловецкомъ монастырѣ старообрядчества извѣстную долю труда и энергіи ([1]). Кромѣ этихъ перечисленныхъ главныхъ дѣятелей по временамъ выступали на сцену и другія весьма замѣчательныя и вліятельныя личности, каковъ напр. черный попъ Геронтій, келарь Азарій и др., но это было въ періодъ вооруженнаго стоянія за вѣру соловецкихъ монаховъ, о которомъ мы будемъ говорить особо; они трудились, притомъ, уже на обработанной и довольно удобренной почвѣ соловецкаго старообрядчества, а эта честь должна быть приписана, послѣ архимандрита Ильи, особенно старцу Герасиму Ѳирсову съ товарищами.

Но и Герасимъ Ѳирсовъ съ своею братіею—бывшими совѣтниками архимандрита Ильи, отставными соборными, приказными и рядовыми старцами трудился столь успѣшно, что подчинилъ старымъ правиламъ и обычаямъ даже самого Варооломея съ братіей—двусмысленными старообрядцами, благодаря лишь особаго рода благопріятнымъ обстоятельствамъ, на которыя мы теперь и должны обратить свое вниманіе.

---

(1) Участіе въ смутахъ главныхъ и второстепенныхъ дѣятелей до 1/2 1666 г. можно видѣть въ Матер. для ист. раск. т. III. стр. 18—39 [дѣло о Геронтіѣ, Леонтіѣ и Хломыгѣ); 81—100 [челоб. Варооломея]; 64—75 отписки келар. Савватія и братіи въ Москву къ Варооломею] 100—105 челоб. келаря на Ал. Стукалова.

III.

Обстоятельства, благопріятствовавшія развитію и укрѣпленію въ соловецкомъ братствѣ старообрядчества. а) Внѣшнія: преслѣдованіе Никона и вѣрныхъ послѣдователей его реформы.—Свободное развитіе старообрядчества въ Россіи.—Отношеніе соловецкихъ старообрядцевъ къ московскимъ и вообще русскимъ старообрядцамъ. —Благосклонное отношеніе къ соловецкимъ старообрядцамъ царя Алексѣя Михайловича и духовныхъ властей; б) внутреннія: наплывъ въ монастырь пропагандистовъ—учениковъ Аввакума и Лазаря.—Появленіе въ монастырѣ старообрядческой литературы.—«Слово о крестѣ» старца Герасима Ѳирсова.—«Слово объ антихристѣ и тайномъ царствѣ его» іеромонаха Ѳеоктиста.

Какъ ни были соловецкіе монахи предубѣждены противъ Никонова книжнаго исправленія, но они въ началѣ могли-бы быть подчинены волѣ и распоряженіямъ духовныхъ властей разумными мѣрами, потому что они не сразу и далеко не всѣ вдругъ стали и утвердились на пути сопротивленій. Это очевидно въ исторіи непринятія въ 1657 году новаго служебника, гдѣ являются главными дѣйствующими лицами исключительно архимандритъ Илья съ немногими своими совѣтниками, гдѣ почти вся масса простой, безграмотной, суевѣрной и забитой братіи возвышала свой голосъ противъ служебника только потому, что такъ повелѣвалось отъ архимандрита, который для братіи былъ все—и духовный отецъ, налагающій на нихъ эпитиміи и клятвы, и наставникъ, обязанный учить ихъ вѣрѣ и благочестію, и начальникъ—имѣющій неограниченную власть кого угодно смирять жестокимъ монастырскимъ смиреніемъ. Эта же масса братіи легко могла бы подчиниться другому авторитету съ новымъ направленіемъ, если бы таковый явился среди нихъ съ силою убѣжденій и власти; братія, навѣрно, скоро стала бы восклицать съ неменьшимъ шумомъ въ пользу новаго служебника. Къ прискорбію такого авторитета не являлось среди братіи; напротивъ являлись одинъ за другимъ новые старообрядческіе авторитеты, нисколько не уступавшіе, даже превосходившіе архимандрита Илью въ силѣ убѣжденій и вліянія на простую братію. Недостатокъ православнаго авторитета на первыхъ порахъ могъ бы съ успѣхомъ быть

замѣненъ строгими мѣрами со стороны духовнаго правительства по отношенію къ самому архимандриту Ильѣ и его совѣтникамъ; стоило только такъ или иначе смирить ихъ,—тогда, по всей вѣроятности, остальная братія покорилась бы и разъубѣдилась въ законности своихъ поступковъ сама собой. Но и этого не случилось. Напротивъ къ старообрядцамъ очевидно была со стороны высшаго начальства благосклонность, а къ людямъ, готовымъ слѣдовать новому направленію—неблаговоленіе; жалоба, напр., несогласныхъ съ архимандритомъ Ильей священниковъ Виталія съ товарищами была оставлена безъ всякихъ послѣдствій и Ильѣ не было сдѣлано ни малѣйшихъ замѣчаній, такъ что онъ могъ спокойно докончить дни свои «въ старомъ благочестіи». Братія невольно могла приходить къ мысли, что правда на сторонѣ Ильи, а не на сторонѣ Никона, оставившаго притомъ патріаршій престолъ. При такихъ-то условіяхъ соловецкое старообрядчество положило свое начало во дни настоятельства архимандрита Ильи. Къ развитію его и окончательному укрѣпленію въ монастырѣ при новомъ настоятелѣ служили новыя еще болѣе благопріятныя обстоятельства. Это—съ одной стороны соблазнительное преслѣдованіе патріаха Никона съ его послѣдователями и благосклонное отношеніе высокопоставленныхъ лицъ къ русскимъ старообрядцамъ; съ другой—наплывъ въ Соловецкій монастырь изъ Россіи новыхъ вліятельныхъ старообрядцевъ и появленіе собственной старообрядческой литературы. Такимъ образомъ благопріятствующія условія къ развитію и укрѣпленію соловецкаго старообрядчества можно раздѣлить на внѣшнія и внутреннія.

а) *Внѣшнія условія.*

Удаленіе патріарха Никона изъ Москвы, непонятное для многихъ отношеніе къ нему царя Алексѣя Михаиловича—бывшаго его сердечнаго друга и преслѣдованіе его со стороны враговъ были большимъ камнемъ соблазна для всѣхъ русскихъ и, въ частности, для соловецкихъ старообрядцевъ. Въ этомъ старообрядцы видѣли правоту своихъ убѣжденій; на этомъ основывали свои надежды на скорое возстановле-

ніе старыхъ церковныхъ порядковъ; поэтому не спѣшили и боялись прикасаться къ новому служебнику. Это обстоятельство приводило въ недоумѣніе людей, даже готовыхъ слѣдовать нововведеніямъ Никона,—и склоняло ихъ больше на сторону старообрядчества. Но верхомъ соблазна можетъ быть названъ московскій соборъ 1660 года, присудившій было Никона къ лишенію патріаршества и даже священства, гдѣ между прочимъ присутствовалъ новый соловецкій настоятель архимандритъ Варѳоломей. Соборъ 1660 г. созванъ былъ подъ благовиднымъ предлогомъ. Никонъ патріархъ не хотѣлъ отказываться отъ патріаршества, но и не управлялъ русскою церковію, проживая въ Воскресенскомъ монастырѣ. Между тѣмъ блюститель патріаршества митрополитъ крутицкій Питиримъ, не облеченный патріаршею властію, при наличномъ патріархѣ многаго въ управленіи церковію не могъ дѣлать; вдобавокъ былъ отъ Никона преданъ анаѳемѣ. Вслѣдствіе этого многія дѣла церковныя оставались безъ всякаго движенія и была для всѣхъ очевидна необходимость или—возвратить Никона на патріаршій престолъ, или замѣнить его другимъ лицомъ. Главнымъ образомъ рѣшеніе вопроса о Никонѣ зависѣло отъ царя Алексѣя Михаиловича, но царь колебался; онъ то сбирался примириться съ Никономъ и пригласить его въ Москву, подчиняясь влеченію своего добраго сердца, то готовъ былъ замѣнить его другимъ, подчиняясь вліянію враговъ Никона. Къ 1660 году интриги враговъ Никона совсѣмъ было вооружили добраго царя противъ него. Онъ произвелъ весьма оскорбительный для Никона осмотръ патріаршихъ келлій и канцеляріи, гдѣ хранились секретныя письма отъ духовныхъ дѣтей Никона; а въ 1660 г. повелѣлъ быть въ Москвѣ духовному собору изъ русскихъ іерарховъ и предоставилъ рѣшеніе вопроса о Никонѣ этому собору. Соборъ состоялся подъ предсѣдательствомъ Питирима и безъ дальнѣйшихъ околичностей опредѣлилъ: «Никона за самовольное оставленіе патріаршества безъ благословной вины почитать чуждымъ архіерейства, чести и священства» (¹). Но царь опять подчинился влеченію своего сердца и рѣшеніе собора

(¹) Дѣло Никона стр. 29.

не было имъ утверждено. Никону однако отъ этого не было легче: враги его, испытавъ неудачу, принялись за преслѣдованіе его съ большей энергіей, чтобы изготовить болѣе трагическій конецъ его патріаршеству, чего и достигли въ 1667 году. Въ 1663 году въ Соловецкомъ монастырѣ получена была царская грамата, которою монахамъ-старообрядцамъ повелѣвалось доставить царю свѣдѣнія со сказками и росписками обо всемъ томъ, что именно патріархъ Никонъ въ бытность свою въ Москвѣ бралъ себѣ изъ Соловецкаго монастыря? Не бралъ ли, напр., какихъ церковныхъ потребъ, монастырскія казны, хлѣба, лошадей и иного чего; не отписалъ ли отъ Соловецкаго монастыря на свое имя, или къ своимъ монастырямъ соловецкихъ вотчинъ «на мѣну, и въ цѣну, и безъ цѣны»; наконецъ не бралъ ли у соловецкихъ монаховъ «всякихъ церковныхъ, казенныхъ и вотчинныхъ потребъ и вотчинъ въ цѣну и на мѣну», — уже тогда, когда оставилъ патріаршій престолъ? Соловецкіе монахи охотно донесли царю о такихъ мелочныхъ заборахъ, какъ 5 пудовъ слюды, когда то взятой по приказанію патріарха въ Крестный монастырь (1), Но къ какимъ заключеніямъ монахи могли приходить, получивъ такіе запросы отъ самого царя? Дальнѣйшій ходъ исторіи возмущенія намъ покажетъ, что они въ этомъ видѣли то, что царь, вышедши изъ-подъ вліянія Никона, самъ сталъ сознавать неправоту книжнаго исправленія и новыхъ церковныхъ порядковъ и ожидалъ удобнаго случая къ возстановленію старыхъ.

Не менѣе сильнымъ соблазномъ для старообрядцевъ было и преслѣдованіе со стороны духовнаго правительства людей, которые хотѣли оставаться вѣрными Никону въ дѣлѣ отправленія богослуженія по исправленнымъ книгамъ. Преслѣдованія подобнаго рода какъ нельзя лучше характеризуются осужденіемъ суздальскаго преосвященнаго Стефана, по жалобамъ суздальскаго протопопа Никиты, прозваннаго послѣ Пустосвятомъ. Дѣло это разсматривалось и было рѣшено тѣмъ же церковнымъ соборомъ 1660 года. Сущность его заключается въ слѣдующемъ: въ 1658 г. суздальскій протопопъ Никита (Пустосвятъ, пока еще тайный раскольникъ

(1) Подл. грам. въ Солов. ризницѣ № 153.

донесъ царю Алексѣю Михаиловичу, что суздальскій архіепископъ Стефанъ (бывшій настоятель Воскресенскаго монастыря и любимецъ Никона), при богослуженіяхъ отступаетъ отъ апостольскихъ и отеческихъ правилъ. Въ дѣйствительности вина Стефана состояла въ томъ, что онъ добросовѣстно слѣдовалъ указаннымъ и введеннымъ при Никонѣ новымъ богослужебнымъ порядкамъ. По доносу Никиты было немедленно поручено епископу вятскому Александру, извѣстному по своимъ непріязненнымъ отношеніямъ къ Никону и по своей привязанности къ старинѣ, произвесть слѣдствіе. По слѣдствію ничего предосудительнаго за Стефаномъ не открыто, и онъ остался попрежнему суздальскимъ епископомъ. Но Никита, за клевету запрещенный отъ Стефана, не хотѣлъ смириться; первая неудача, напротивъ, привела его въ бѣшенство. 19 сентября 1659 года онъ въ соборномъ храмѣ, во время вечерни, предъ собравшимся народомъ обозвалъ архіепископа Стефана государевымъ измѣнникомъ, еретикомъ, предалъ проклятію и пересталъ поминать на молитвѣ, а отлучительную на него грамату преосвященнаго, которою было поручено прочитать въ храмѣ, вырвалъ изъ рукъ подъячаго и изорвалъ. Этого мало. На другой день онъ снова отправилъ на Стефана челобитную къ царю, обвиняя его въ измѣнѣ государю и церкви. Снова было назначено слѣдствіе и слѣдователемъ опять былъ тотъ же епископъ Александръ. Между тѣмъ въ Москвѣ составился соборъ 1660 г., куда и представлено было новое слѣдствіе. Слѣдствіе, произведенное Александромъ показалось русскимъ іерархамъ настолько удовлетворительнымъ и настолько обвиняющимъ Стефана, что они не признали нужнымъ даже допустить обвиненнаго къ личному оправданію и присудили было «извергнуть» его изъ святительскаго сана, хотя и теперь вина его заключалась только въ томъ, что онъ «служилъ литургію, какъ предано было ему отъ патріарха Никона». Когда Стефанъ настойчиво потребовалъ отъ собора, чтобы выслушали его, и когда былъ выслушанъ соборъ, постановилъ новое рѣшеніе: «не лишая архіерейства, послать его въ монастырь, который великій государь укажетъ, съ тѣмъ, чтобы Стефанъ былъ подъ началомъ у добраго старца и архіерейски ничтоже дѣйствовалъ».

Между тѣмъ относительно безобразныхъ поступковъ Никиты соборъ не сдѣлалъ никакого постановленія и онъ вышелъ изъ собранія какъ совершенно чистый и непорочный. Замѣчательно, что и на этотъ разъ, какъ и въ дѣлѣ Никона, защитникомъ обвиняемой стороны является самъ царь. Онъ, повидимому, хорошо понималъ пристрастныя отношенія большей части членовъ собора къ самому Никону и къ его сторонникамъ и потому соборныя рѣшенія подвергалъ строгому разсмотрѣнію съ своей стороны. По поводу соборнаго рѣшенія о Стефанѣ онъ въ назиданіе соборнымъ членамъ сказалъ: «судить и прощать (слѣдуетъ) *по правиламъ*, потому что отъ простыхъ рѣчей прозябаютъ ереси». Затѣмъ указалъ Стефана послать въ Архангельскій соборъ (гдѣ почиваютъ тѣла царственныхъ особъ) «панихиды пѣть», а Никиту, какъ клеветника, отослать подъ «градской судъ» ([1]).

Таковы были отношенія русскихъ духовныхъ властей къ самому патріарху Никону и вѣрнымъ его послѣдователямъ, гдѣ со всею очевидностію является благосклонность властей къ людямъ старины. Прибавимъ къ сему, что духовное правительство въ теченіи восьми лѣтъ, т. е. съ выѣзда Никона изъ Москвы въ Воскресенскій монастырь до 1666 года не издало почти ни одного распоряженія такъ или иначе ограничивающаго пропаганду старообрядчества. Даже начатое Никономъ по соборнымъ опредѣленіямъ исправленіе церковныхъ книгъ не останавливалось только потому, что оставались на своемъ мѣстѣ Никоновы справщики Епифаній Славенецкій, Арсеній Грекъ и др. Преданные исправленію русскихъ церковныхъ обычаевъ и порядковъ больше, чѣмъ сами Русскіе, они, не смотря на перемѣну обстоятельствъ, трудились надъ переводами день и ночь. Между тѣмъ духовныя власти почти не обращали вниманія на ихъ труды и не заботились о судьбѣ исправленныхъ и выпущенныхъ въ свѣтъ новыхъ переводовъ; они едвали даже интересовались и тѣмъ: всюду ли и исправно ли отправляется въ Россіи богослуженіе по разосланнымъ въ 1656 году служебникамъ? Благодаря всему этому старообрядцы совсѣмъ

([1]) Чтеніе общ. ист. и др. Россіи 1876 г. стр. 224. 225.

ожили. Между старообрядческими пропагандистами явились новые ревнители, которые проводили въ народъ свои мысли—и чрезъ устную проповѣдь и чрезъ распространеніе своихъ произведеній. Въ самой Москвѣ послѣ Аввакума, снова угодившаго за невыносимыя дерзости и возмущенія народа въ заточеніе, продолжали его дѣло: архимандритъ Покровскаго монастыря Спиридонъ Потемкинъ, написавшій между прочимъ книгу «о правой вѣрѣ»; игумены: Златоустовскаго монастыря Өеоктистъ, Никольскаго монастыря Капитонъ и Досиөей, нѣсколько иноковъ и мірянъ. Не было недостатка въ подобныхъ пропагандистахъ и въ другихъ, даже самыхъ отдаленныхъ городахъ и селеніяхъ Русскаго государства, Тихвинскій игуменъ Досиөей съ инокомъ Корниліемъ, напр., побывали съ старообрядческою проповѣдью на Дону у казаковъ и обошли предѣлы олонецкіе. Инокъ Іосифъ Истоминъ, сосланный въ 1660 году въ Сибирь былъ главнымъ насадителемъ раскола въ тобольской губерніи. Въ Суздали протопопъ Никита, какимъ-то образомъ вывернувшійся изъ--подъ градскаго суда, снова бунтовалъ народъ противъ новыхъ порядковъ, въ предѣлахъ костромскихъ—чернецъ Капитонъ; въ Муромѣ—архимандритъ Спасскаго монастыря и т. д. (¹). Словомъ, по всѣмъ мѣстамъ обширной Россіи въ это время можно было встрѣтить самыхъ ревностныхъ и самыхъ фанатичныхъ проповѣдниковъ старообрядчества. Всѣ они, притворяясь благочестивыми постниками и ревнителями по вѣрѣ православной, въ одинъ голосъ кричали предъ простымъ и довѣрчивымъ народомъ, что Никонъ «остави совершенно вѣру христіанскую, пріялъ же зловѣріе жидовское и ересь Аріеву, Несторіеву, Македоніеву и др. и совершенно возлюби ересь богоотступную римскую» (Челоб. Никиты и Лазаря). «Мнози невѣжды», говорятъ оо. собора 1666 года, «не точію отъ простыхъ, но и отъ священнныхъ и монаховъ, овіи отъ многаго невѣдѣнія божественныхъ писаній и разума растлѣнна, овіи же во образѣ благоговѣнія и житія мнимаго добродѣтельнаго, являющеся быти постни и добродѣтельны, полни-же всякаго несмысльства и самомнѣннаго мудро-

(¹) Мак. Истор Раскола стр. 169.

ванія, иже мнящеся быти мудри объюродѣша, овіи же мнящеся и отъ ревности и таковіи имуще ревность не по разуму, возмутиша бо многихъ души неутвержденныхъ, ови бо устно, ови же и письменно, глаголюще и пишуще, яко-же восшепта имъ сатана: нарицаху бо книги печатныя новоисправленныя и новопреведенныя при Никонѣ, бывшемъ патріархѣ, быти эретическія и растлѣнныя; и чины церковные, яже исправишася со греческихъ и древнихъ русскихъ книгъ, злословиша, имены хульными нарицаша ложно; и весь архіерейскій чинъ и санъ уничтожиша и возмутиша народъ буйствомъ своимъ, и глаголаша церковь быти не церковь, архіереи — не архіереи, священники — не священники и проч.» (¹).

Такимъ образомъ въ продолженіи восьми лѣтъ, пока Никонъ находился въ удаленіи отъ церковныхъ дѣлъ и церковь оставалась безъ патріаршаго управленія, старообрядчество успѣло проникнуть всюду въ народную жизнь и число придерживающихся его опредѣлялось милліонными цифрами. Имъ заражены были не только простые люди, но и не малая часть низшаго духовенства. Во многихъ мѣстахъ священники совсѣмъ оставили новый служебникъ и снова начали совершать службу по старому порядку. «Священницы», продолжаютъ отцы собора 1666 года, рисуя картину старообрядческаго раскола, «вознерадѣша о всякомъ церковномъ благочестіи и попеченіи, и книгами новопреведенными и новоисправленными печатными при Никонѣ, бывшемъ патріархѣ и по его отшествіи, начаша *гнушатися*, и по нимъ божественнаго славословія не исполняху, и просфоръ, на нихъ-же изображенъ животворящій крестъ четвероконечный, по преданію восточныя святыя церкве, въ божественное священнослуженіе не пріимаху». Если таковы были пастыри, то что сказать о пасомыхъ, въ особенности о простомъ народѣ? «Мнози христіане», говорятъ еще отцы собора, «отлучишася церковнаго входа и молитвы, и о грѣсѣхъ своихъ покаянія и исповѣданія, и пріятія пречистаго тѣла и крове Христовы лишишася; могущіи же по *домамъ своимъ начаша держати вдовыхъ священниковъ* безъ благословенія и свидѣтельства

(¹) Допол. къ Акт. Истор. V 483.

архіерейскаго, инія же изъ тѣхъ священниковъ мнози подъ запрещеніемъ и изверженіемъ отъ своего имъ архіерея служаху по домамъ и *ухождаху* непокорникомъ святыя восточныя церкве, не хотящемъ слушать въ церквахъ пѣнія, идѣже совершается по исправленнымъ печатнымъ книгамъ по обычаю святыя восточныя церкве, зане во многихъ отъ народа мнѣніе вниде, яко *ересьми многими и антихристовою скверною оскверниві церкви*, и чины, и таинства и послѣдованія церковныя, соблазнишася же и о исправленіи святаго символа, и о трегубой аллилуіи о знаменіи честнаго и животворящаго креста, о сложеніи тріехъ первыхъ перстовъ и о Іисусовѣ молитвѣ и прочихъ» ([1]).

Въ такомъ положеніи были дѣла Никоновой церковной реформы съ 1658 до 1667 г. Соловецкіе монахи хорошо знали все, что творилось за это время и въ Москвѣ и по всей Россіи. Соловецкій настоятель Варѳоломей два раза былъ въ Москвѣ въ 1660 и 1664 гг. ([2]), былъ притомъ съ большей свитой изъ соловецкой братіи и принималъ участіе въ такихъ событіяхъ, какъ лишеніе въ 1660 г. святительскаго сана патріарха Никона и суздальскаго епископа Стефана, несостоявшееся благодаря заступничеству царя. Онъ самъ и сопровождавшая его братія были, слѣдовательно, очевидцами неблаговоленія многихъ изъ высокопоставленныхъ лицъ духовнаго и свѣтскаго міра къ приверженцамъ новыхъ порядковъ и благосклоннаго отношенія къ старообрядцамъ, видѣли враждебное настроеніе противъ Никона и его нововведеній частныхъ людей и т. д., и все передавали въ монастырѣ остальной братіи, какъ интересныя новости. Но соловецкіе монахи и помимо своего настоятеля получали, какъ и раньше, всевозможныя свѣдѣнія о положеніи церковныхъ дѣлъ и о настроеніи русскихъ людей не въ пользу Никоновыхъ книжныхъ исправленій отъ своей братіи—строителей московскаго и другихъ подворій, отъ благодѣтелей и знакомыхъ чрезъ переписку съ ними ([3]). Такимъ образомъ

([1]) Допол. къ Акт. Ист. т. V стр. 483.

([2]) О поѣздкѣ его въ Москву въ 1664 г. впереди.

([3]) Матер. для ист. раск. т. III стр. 36, 181.

вся картина печальной церковной жизни этого времени стояла, такъ сказать, предъ глазами соловецкихъ монаховъ. Картина эта не могла не производить на нихъ самаго сильнаго впечатлѣнія тѣмъ болѣе, что она омрачалась многочисленными, распространенными по всей Россіи раскольническими произведеніями, каковы челобитныя къ царю Аввакума, Никиты, Лазаря и др., гдѣ приводятся мысли о наступившемъ царствованіи антихриста. Списки съ подобнаго рода произведеній, несомнѣнно, доходили до Соловецкихъ монаховъ, потому что рукописные сборники XVII в., принадлежавшіе соловецкой библіотекѣ, переполнены выдержками изъ нихъ (¹); это подтверждается и буквальнымъ внесеніемъ въ соловецкую челобитную 1667 г. нѣкоторыхъ мѣстъ изъ челобитной Никиты и Лазаря, о чемъ мы подробнѣе скажемъ при разсмотрѣніи соловецкой челобитной; это же, наконецъ, подтверждается и тѣмъ, что и передовые соловецкіе старообрядцы въ своей устной и письменной пропагандѣ останавливаются исключительно на тѣхъ старообрядческихъ вопросахъ, которые волновали весь старообрядческій міръ, каковы вопросы: о двуперстномъ знаменіи, сугубой аллилуіи и т. д. Нѣтъ нужды говорить о томъ, что соловецкіе монахи, по своей простотѣ и неразвитости мало чѣмъ отличавшіеся отъ деревенскихъ мужиковъ, на все совершавшееся въ столицѣ и по Россіи смотрѣли глазами старообрядческихъ руководителей, невольно увлекались общимъ потокомъ религіозной народной жизни,—настраивались на одинъ ладъ со всѣми русскими людьми, усвояли общенародныя понятія и взгляды на Никоновы церковныя дѣла. Но монахи-старообрядцы имѣли то преимущество предъ другими старообрядцами, что жили на удаленныхъ отъ наблюденія начальства островахъ, были тѣсно сплочены между собою и потому чувствовали себя свободнѣе и устойчивѣе; у нихъ при томъ было и время и книги, необходимыя для обсужденія и рѣшенія старообрядческихъ вопросовъ. Въ этомъ заключается причина того, что соловецкіе монахи раньше многихъ другихъ, при менѣе благопріятныхъ условіяхъ, настроились по

(¹) Это увидимъ впереди.

старообрядчески и осмѣлились не принять въ употребленіе новый служебникъ еще тогда, когда Никонъ былъ въ силѣ на патріаршемъ престолѣ. Теперь же имъ оставалось только окончательно убѣдиться въ правотѣ своихъ противленій Никоновымъ распоряженіямъ и гордиться предъ людьми своею предусмотрительностію. Помимо народнаго одобренія ихъ поведенія благосклонное отношеніе собственно къ нимъ со стороны царя и духовнаго правительства было новымъ поводомъ къ обольщеніямъ ихъ въ этомъ родѣ, служило для нихъ новымъ доказательствомъ ихъ правоты и подстрекало на новые подвиги въ защиту древняго благочестія.

Отношенія царя Алексѣя Михайловича къ соловецкимъ монахамъ послѣ 1660 г. можно видѣть въ новой поѣздкѣ архимандрита Варѳоломея въ Москву въ 1664 году. На этотъ разъ Варѳоломей отправлялся съ цѣлью «о хлѣбной скудости и иныхъ монастырскихъ дѣлахъ милости у великаго государя просити».—Его сопровождали соборный старецъ Геннадій и другіе изъ братіи, и слуги; при чемъ взято было въ Кеми на подарки «благодѣтелямъ» тринадцать возовъ рыбы. Духовныхъ нуждъ теперь по видимому никакихъ не было. При томъ не было въ Москвѣ и такого стеченія русскихъ іерарховъ, какое было въ 1660 году. Потому Варѳоломей ограничилъ свои сношенія съ наличными представителями духовной власти только оффиціальными «поклонами» и обычными «почестями» отъ обители въ видѣ образа чудотворцевъ, просфоры и рыбы. За то съ государемъ онъ имѣлъ большія дѣла. Онъ прибылъ съ цѣлью доложить государю о монастырской «хлѣбной скудости». Между тѣмъ у государя явилась мысль предложить ему о присылкѣ изъ монастырскихъ денежныхъ запасовъ въ государственную казну нѣсколькихъ тысячъ рублей «на жалованіе и прокормленіе ратныхъ людей», сражавшихся за вѣру и отечество съ польскимъ королемъ Казиміромъ. Потому Алексѣй Михайловичъ принялъ Варѳоломея особенно милостиво. Варѳоломей не разъ былъ приглашаемъ къ царскому столу, не разъ получалъ изъ царскихъ палатъ *подачи* въ видѣ «укруха», «романеи» и даже имяниннаго пирога въ день ангела одной изъ царевенъ. Послѣ долгихъ и милостивыхъ бесѣдъ съ государемъ, вѣроятно, больше о вспоможеніи

отъ монастыря государственной казнѣ Варѳоломей наконецъ былъ отпущенъ изъ Москвы «съ великою честью», какъ сказано въ дорожной книжкѣ сопровождавшаго его старца Геннадія ([1]). Ни малѣйшихъ упрековъ въ упорномъ отстаиваніи соловецкою братіею старыхъ порядковъ, ни напоминаній о новыхъ и на этотъ разъ Варѳоломей не испыталъ: царю, занятому теперь войной съ Польшей было не до церковныхъ дѣлъ, а духовныя власти, каковъ митрополитъ Питиримъ, сами не особенно расположенные къ проведенію въ церковную жизнь новыхъ порядковъ, начатыхъ Никономъ, ожидали поворота въ ту или другую сторону отъ будущихъ обстоятельствъ и повидимому не считали нужнымъ до времени напоминать Варѳоломею о новыхъ порядкахъ. Такимъ образомъ Варѳоломей, возвратившись въ Соловецкій монастырь, могъ извѣстить братію, что все обстоитъ благополучно, опасности подвергнуться наказанію за неповиновеніе Никону ни съ которой стороны не предвидится.

Въ слѣдъ за прибытіемъ Варѳоломея въ монастырѣ получена была царская грамата на имя настоятеля съ братіей, которою царь просилъ уже «пречестныхъ соловецкихъ отцевъ прислать къ нему, сколько будетъ возможно, монастырскія денежныя казны на жалованіе и прокормленіе ратныхъ людей, обѣщая, что истинно—желательное радѣніе и денежныя казны вспоможеніе отъ него нынѣ и впредь забвено не будетъ». Монахи послали 20,000 р. и 200 золотыхъ. Получивъ столь значительную сумму, царь не зналъ какъ благодарить монаховъ. «И мы великій государь», писалъ онъ въ монастырь «тебя архимандрита съ братіею за ваше радостное вспоможеніе жалуемъ и милостивно похваляемъ». При этомъ было послано отъ царской трапезы въ монастырь гостинцевъ братіи 396 коврижекъ ([2]). Чрезъ годъ, т. е. въ 1665 году благодарный царь утвердилъ за монахами пожертвованный какимъ-то благодѣтелемъ въ Ярославлѣ домъ съ землею ([3]), и разослалъ граматы воеводамъ: каргополь-

---

([1]) Всѣ свѣдѣнія о поѣздкѣ взяты изъ дорожной книжки Геннадія. Солов. арх. № 14. Связка «отводныхъ» книгъ XVII в.

([2]) Истор. опис. Сол. мон. ч. I стр. 143, ч. III стр. 151—158.

([3]) Подлинная грамата въ солов. ризницѣ № 155.

скому о томъ, чтобы освободилъ соловецкія вотчины отъ сбора денегъ полоняночныхъ и задаточныхъ конныхъ людей, и чтобы съ поморскихъ соляныхъ монастырскихъ варницъ не бралъ пятины, т. е. пятой деньги ([1]); бѣжецкому, чтобы не бралъ полоняночныхъ съ села Пузырева и, наконецъ, двинскому, чтобы не бралъ никакихъ пошлинъ съ провозимыхъ по Двинѣ монастырскихъ запасовъ и товаровъ ([2]). Таковы были за послѣднее время до 1666 года отношенія царя къ соловецкимъ монахамъ.

Отношенія къ монахамъ духовныхъ властей, мы думаемъ, будетъ достаточно охарактеризовать слѣдующимъ случаемъ. Въ концѣ 1664 года (въ октябрѣ, значитъ по прибытіи уже Варѳоломея изъ Москвы) изъ Соловецкаго монастыря были посланы въ Новгородъ къ митрополиту Питириму (бывшему крутицкому заступившему въ 1664 г. мѣсто умершаго Макарія) келарь Савватій Абрютинъ и соборный старецъ Иринархъ съ молодою братіею тринадцатью человѣками, предназначенными къ посвященію въ іеромонахи и іеродіаконы. Они явились къ Питириму, по обычаю, съ почестью, состоящею изъ 13 аршинъ объяри, 2-хъ соболей и 2-хъ нерпечьихъ кожъ и были приняты Питиримомъ съ отеческою любовью. Независимо отъ сего ими были сдѣланы подарки: софійскимъ протопопамъ, священникамъ, діаконамъ, ризничему, митрополичьимъ пѣвчимъ, дьякамъ, подъячимъ, келейникамъ и поварамъ. Послѣ этого уже братія получили посвященіе. Замѣчательно, что одинъ изъ ставлениковъ убѣжалъ было изъ Новгорода, съ намѣреніемъ скрыться въ какой-нибудь безлюдной пустынѣ; но посланные по слѣдамъ догнали его, воротили и представили къ митрополиту для посвященія, и митрополитъ посвятилъ бѣглеца въ священный санъ, вопреки его желанію ([3]). Но не это для насъ важно въ дѣлѣ посвященія соловецкихъ монаховъ. Насъ интересуетъ вопросъ: по какому служебнику Питиримъ совершалъ службу, посвящая соловецкихъ монаховъ? Нель-

---

([1]) Подлин. грамота въ Солов. ризницѣ № 156.

([2]) Тамъ же, № 155 и 156.

([3]) Дорожная расходная книжка келаря Савватія въ Солов. арх. № 14. Связка отводныхъ книгъ XVII в.

зя допустить, чтобы по старому: новый служебникъ оффиціально былъ введенъ въ употребленіе уже нѣсколько лѣтъ и отступленіе отъ него митрополита Питирима, бывшаго нѣсколько лѣтъ блюстителемъ патріаршаго престола, было бы дѣломъ для него непростительнымъ и въ высшей степени соблазнительной поблажкой старообрядцамъ. Но въ такомъ случаѣ нужно допустить, что и соловецкіе вновь посвященные попы и дьяконы на время отступали отъ стараго служебника, какъ и ихъ настоятель Варѳоломей въ 1660 г., когда посвящался въ архимандричій санъ. Этого они не могли избѣжать, потому что при посвященіи должны были участвовать въ служеніи съ митрополитомъ, а затѣмъ можетъ быть нѣкоторое время совершали службу въ Софійскомъ соборѣ, или крестовомъ храмѣ, пріучаясь къ порядку священослуженія, какъ это бываетъ всегда съ вновь посвященными. Между тѣмъ въ Соловецкомъ монастырѣ они неизбѣжно должны были взяться за старый служебникъ, потому что здѣсь былъ въ полной силѣ братскій приговоръ о неупотребленіи новаго служебника. Митрополитъ Питиримъ не могъ не знать объ этомъ, и однако не настаивалъ на томъ, чтобы новые соловецкіе священники продолжали совершать службу по новому служебнику и въ своемъ монастырѣ. Въ этомъ ясно усматривается нерѣшительность Питирима склониться на ту или другую сторону и ожиданіе разрѣшенія собственныхъ недоумѣній отъ обстоятельствъ. Съ другой стороны видится не послѣдовательность со стороны соловецкихъ монаховъ. Они еще въ 1658 году отозвались, что въ новомъ служебникѣ заключается «латинская ересь» и хорошо знали, что новый служебникъ употребляется въ Москвѣ и Новгородѣ. Однако по нуждѣ не пренебрегаютъ посылать за священствомъ въ Москву и Новгородъ настоятеля своего и братію, позволяя имъ на время отступленіе «отъ древнеотеческаго православія». Намъ думается, что бѣжавшій-было изъ Новгорода одинъ изъ соловецкихъ ставлениковъ именно потому и бѣжалъ, что не хотѣлъ принимать на себя образъ лицемѣра—хотѣлъ лучше остаться простымъ монахомъ, чѣмъ посвящаться отъ митрополита, оставившаго старое благочестіе.

Такимъ образомъ соловецкіе монахи и въ личномъ къ нимъ отношеніи духовныхъ властей и самого царя не только не видали порицанія ихъ поведенія, напротивъ постоянно видѣли только одобреніе и потому необходимо должны были приходить къ заключенію, что ихъ смѣлый поступокъ 1658 года былъ предзнаменованіемъ скораго поворота церковныхъ порядковъ и обычаевъ на старый путь, на путь «дневнеправославнаго» благочестія. Между тѣмъ въ Соловецкомъ монастырѣ явилось немалое число новыхъ поджигателей къ дальнѣйшимъ подвигамъ защиты старой вѣры.

б) Внутреннія условія.

Соловецкій монастырь всегда былъ доступенъ для всѣхъ приходящихъ и желающихъ поселиться въ немъ подъ предлогомъ исканія «постническаго житія». Отъ пришельца не требовалось ни письменнаго вида, ни денежнаго вклада, какъ бывало въ другихъ монастыряхъ; монастырскія власти не спрашивали его о прежнемъ образѣ жизни и прежнихъ связяхъ съ мірскимъ обществомъ; не строго обращали они вниманіе и на то: дѣйствительно-ли онъ ищетъ иноческаго житья, не имѣя другихъ побудительныхъ причинъ скрыться въ стѣнахъ монастыря подъ монашеской рясой. Соблюдалось при этомъ одно только непреложное условіе, именно—чтобы желающій поступить въ братство имѣлъ способность къ какому-нибудь монастырскому труду. Поэтому было легко попасть въ соловецкое братство всякому проходимцу, бѣглому холопу и даже уголовному преступнику, каковъ крѣпостной человѣкъ стольника Мещеринова Корнилъ Стефановъ и его товарищи 6 человѣкъ, скрывшіеся въ монастырѣ отъ преслѣдованія за убійство помѣщичьяго прикащика (1). Теперь же Соловецкій монастырь былъ лучшимъ притономъ для старообрядцевъ. Они толпами сюда приходили и спѣшили одинъ предъ другимъ укрыться подъ монашеской рясой отъ преслѣдованія «антихристовыхъ слугъ». «Слава монастыря», справедливо говоритъ Семенъ Денисовъ: «елико о общежи-

(1) Дѣло Мещеринова Акт. Ист. IV стр. 295 № 215 Ш.

тельныхъ преданіихъ, толико о церковныхъ благочестія уставѣхъ опасное храненіе, во вся россійскіе концы пролеташе, многимъ отвсюду инокомъ же и міряномъ, стекающимся во обитель» (¹). Монастырь былъ переполненъ новыми пришельцами. По словамъ братіи, архимандритъ Варѳоломей принималъ «трудниковъ», т. е. трудящихся по обѣту, безъ разсмотрѣнія всякихъ чиновъ... человѣкъ съ семьсотъ и больше, и многіе изъ нихъ жили безъ трудовъ» (²). Самъ Варѳоломей въ своей челобитной въ 1666 г. докладывалъ царю, что въ Соловецкомъ монастырѣ братіи противъ прежняго стало много (³). Всѣ пришельцы, конечно, были старообрядцы и жили съ соловецкими старообрядцами однимъ духомъ. Между ними, по свидѣтельству тобольскаго митрополита Игнатія—бывшаго соловецкаго экклесіарха, было не мало «и отъ Аввакумовыхъ и Лазаревыхъ армяно-подражательныхъ учениковъ» (⁴). Къ сожалѣнію, имена пришельцевъ исторія намъ почти не сохранила. Впрочемъ мірскія имена, обыкновенно, съ поступленіемъ въ братство и постриженіемъ оставлялись и принимались новыя монашескія. Въ этомъ случаѣ пришельцы окончательно сливались съ коренною братіей, сами становились коренными членами братства и дѣйствовали за одно со старшей братіей. Но не рѣдко случалось, что и тѣ изъ пришельцевъ, которые оставались еще въ званіи «слугъ и трудниковъ», независимо отъ братіи производили бунты, защищая старыя порядки (⁵). Своею многочисленностью они въ вопросѣ о церковныхъ порядкахъ иногда парализовали въ монастырѣ силу и власть самого настоятеля и старшей братіи. Въ 1663 году напр. слуга Сидоръ Хломыга поднялъ—было на ноги толпу своихъ товарищей противъ уставщика Геронтія и архимандритъ Варѳоломей между прочимъ писалъ въ монастырь съ дороги въ Москву. «А кто при мнѣ въ монастырь ни прихаживалъ, всѣ били челомъ по вѣрѣ потружатца святымъ чудотворцамъ,

---

(¹) Ист. о отцѣхъ и страдающихъ Денисова л. 12.
(²) Матер. для ист. раск. т. Ш. стр. 59.
(³) Акты историч. т. IV. № 188 стр, 359.
(⁴) Ист. оп. Сол мон. ч. I стр. 146.
(⁵) Матеріалы для истор. Раск. т. Ш. стр. 18.

а не началить намъ и не ругатца братьѣ и намъ; по государеву указу приказано во обители вѣдать намъ, а не Сидору Хломыгѣ съ товарищами» ([1]). Впереди намъ придется еще видѣть участіе въ соловецкихъ смутахъ прищельцевъ-монаховъ и міранъ. Но мы не можемъ здѣсь не упомянуть объ одномъ самомъ замѣчательномъ пришельцѣ, который скоро сталъ главою и руководителемъ всѣхъ соловецкихъ старообрядцевъ. Это—извѣстный уже намъ саввинскій архимандритъ Никаноръ.

Повидимому, архимандриту Никанору и послѣ отбытія патріарха Никона въ Воскресенскій монастырь въ Москвѣ судьба плохо улыбалась. Царь, не смотря на близость къ нему Никанора, какъ настоятеля любимаго монастыря, вѣроятно, не былъ къ нему слишкомъ привязанъ; Никаноръ не могъ замѣнить ему Никона и напослѣдокъ сталъ не пріятенъ ему, какъ слишкомъ увлекающійся въ противленіи новымъ церковнымъ порядкамъ, противъ которыхъ царь лично не имѣлъ предубѣжденія. А безъ благоволенія царскаго Никанору нечего было и дѣлать въ Москвѣ. Можно было, пожалуй, встрѣтить оскорбленіе и презрѣніе отъ окружающихъ царя немногихъ почитателей Никона. И вотъ онъ, какъ человѣкъ далеко не глупый, хитрый и осторожный, презирающій всѣхъ, кто не смотритъ на вещи его глазами, —жаждущій дѣятельности, славы и мщенія отправляется въ Соловки къ своей любимой духовной братіи, чтобы съ ними за одно постоять за вѣру древнеправославную. Онъ прибылъ въ монастырь «желаніемъ безмолвнаго отишія объятый» въ 1660 г. ([2]), и принятый отъ братіи съ радостію поселился тамъ навсегда ([3]).

Никаноръ началъ дѣйствовать въ монастырѣ осторожно и обдуманно: онъ не хотѣлъ вмѣшиваться въ монастырскія внѣшнія дѣла, не добивался чести быть между членами собора, подобно Александру Булатникову, хотя-бы въ этомъ ему вѣроятно отказа не было; онъ не бралъ на себя роли

([1]) Матеріалы для истор. Раск. т. III. стр. 21.

([2]) Въ генварѣ 1661 г. сдѣлалъ уже лично вкладъ въ 200 р., а въ 1659 г. прислалъ вкладъ еще изъ Москвы. Вкладная Солов. л. 11.

([3]) Денисова Ист. о отцѣхъ Солов. л. 12.

главнаго дѣйствующаго въ монастырѣ лица даже въ то время, когда не стало въ монастырѣ настоятеля, т. е. послѣ отъѣзда Варѳоломея въ Москву въ 1666 году. Но не смотря на это, онъ въ монастырѣ скоро пріобрѣлъ на всѣхъ такое вліяніе, что все дѣлалось по его планамъ и желаніямъ; онъ былъ душой братіи-старообрядцевъ, иначе—духовнымъ старцемъ надъ всѣми старцами. Достаточно было забраться въ среду простодушнаго соловецкаго братства одному такому человѣку, чтобы поднять всѣхъ на защиту мнимогонимой православной вѣры. Но Никаноръ былъ въ монастырѣ далеко не одинъ. Кромѣ другихъ пришельцевъ—Аввакумовыхъ и Лазаревыхъ учениковъ въ монастырѣ было множество еще опальныхъ, сосланныхъ въ смиреніе, между коими была большая часть старообрядцевъ, притомъ изъ одного съ Никаноромъ Саввинскаго монастыря.

Въ послѣднее время этого періода соловецкаго возмущенія ссыльныхъ въ монастырѣ было «человѣкъ съ сорокъ». Тутъ были, кромѣ князя Львова, сосланнаго еще въ 1655 году, аѳонскій архимандритъ «лазутчикъ» Ѳеофанъ, московскій—козмодемьянскій попъ Козьма, вологодскій попъ Сысой, рейтарскаго строю ротмистръ Осипъ Пирютинъ, саввинскіе старцы—вѣроятно сообщники Никанора и иные многіе старцы и мірскіе люди разныхъ чиновъ» ([1]). Въ 1669 г. соловецкіе старообрядцы, намѣреваясь запереться въ монастырѣ, выслали въ Сумскій острогъ 12-ть человѣкъ поповъ, чернецовъ, мірянъ и между ними гривенскаго митрополита Макарія грека. Правительство, очевидно, не подозрѣвая, какой вредъ можетъ произойти отъ этихъ ссыльныхъ въ монастырѣ, гдѣ начались старообрядческія смуты еще въ 1654 г., продолжало ссылать сюда на смиреніе людей за разныя вины и больше всего за приверженность къ старымъ порядкамъ. Грековъ—митрополита Макарія и архимандрита Ѳеофана, конечно, нельзя подозрѣвать въ русскомъ расколѣ, а вологодскій попъ Сысой сосланъ былъ за то, что содѣйствовалъ извѣстному боярину Зюзину вызвать въ Москву изъ Воск-

([1]) Матер для истор. Раск. т. Ш стр. 101.

ресенскаго монастыря патріарха Никона ([1]). Между тѣмъ іеромонахъ Ѳеоктистъ—авторъ сочиненія «объ антихристѣ» былъ «въ изгнаніи въ Соловецкомъ отоцѣ, въ Анзерской пустынѣ, именно благочестія ради» ([2]). Нельзя не думать, что и многіе другіе, особенно саввинскіе чернцы были посланы за упорство при введеніи въ употребленіе новаго служебника, потому что тамъ до 1660 г. былъ настоятелемъ Никаноръ и безъ сомнѣнія имѣлъ единомышленниковъ. Во всякомъ случаѣ опальные подъ предводительствомъ князя Львова скоро сошлись съ главными соловецкими «заводчиками» старообрядчества, каковы старцы: Герасимъ Ѳирсовъ, Александръ Стукаловъ, Геннадій, Ефремъ и др. и «жили съ ними за одно и мятежи чинили ([3]).

Таковъ былъ съ 1660 до 1666 года въ Соловецкомъ монастырѣ наплывъ новыхъ старообрядцевъ, слившихся съ соловецкимъ братствомъ и начавшихъ дѣйствовать съ ними за одно. Между тѣмъ соловецкіе начетчики и борзописцы взялись за перо, начали опровергать Никоновы новшества на основаніи священнаго писанія, св. преданія и св. отцевъ и свои тетрадки стали предлагать для чтенія братіи.

Повидимому, передовые соловецкіе старообрядцы стали сознавать, что для окончательной побѣды надъ Никономъ съ его новшествами далеко еще недостаточно одного упорства, не обоснованнаго никакими особенными доводами. Могло случиться, что Никонъ по волѣ царя снова явится на патріаршемъ престолѣ и снова потребуетъ отъ нихъ перемѣны. Но если бы онъ даже и не возвратился на престолъ, то и въ такомъ случаѣ опасность принужденія для нихъ не совсѣмъ еще миновала: правительство духовное, не смотря на свое, повидимому, равнодушіе по отношенію къ начатымъ церковнымъ перемѣнамъ, не смотря на послабленіе по отношенію къ старообрядцамъ, не выводило, однако, изъ употребленія по Россіи новаго служебника и могло напомянуть монахамъ о введеніи служебника и въ Соловецкомъ монастырѣ.

([1]) Прибавл. къ Твор. Св. Отц. 1860 г. ч. 19 стр. 366. Шушеринъ «Жизнь Никона» стр. 85, 86.
([2]) Рукоп. Сб. раск. соч. Кошарина. Библ. Каз. Ак. № 2122 л. 234.
([3]) Матер. для истор. Раск. т. III, стр. 101.

Къ тому же при введеніи новаго служебника по всему государству монахамъ, особенно, на первыхъ порахъ становилось какъ-то неловко оставаться однимъ со старымъ служебникомъ, не высказавъ предъ людьми основательной причины этого, тѣмъ болѣе, что тѣ изъ богомольцевъ, которые привыкли на родинѣ къ новымъ порядкамъ, начинали «зазирать» монаховъ еще въ 1658 году. Притомъ и собственная братія, т. е. масса простыхъ чернцовъ и бѣльцовъ могла смущаться затѣями передовыхъ своихъ старцевъ, пока эти послѣдніе не выставятъ предъ ними нѣчто болѣе ясное и убѣдительное, чѣмъ одни голословныя фразы: «Никонъ еретикъ»; его книги проповѣдуютъ латинскую ересь». Въ виду всего этого передовымъ соловецкимъ старообрядцамъ необходимо было во чтобы то ни стало доказать отъ писанія— и правительству, и православнымъ людямъ и своей братіи, что въ Никоновыхъ церковныхъ перемѣнахъ дѣйствительно заключается многое не православное, латинское, еретическое. Только въ этомъ случаѣ монахи могли вполнѣ разсчитывать и на безопасность отъ дальнѣйшихъ принужденій принять новый служебникъ, и на сочувствіе со стороны русскихъ людей и на послушаніе меньшей братіи. И вотъ, поэтому, болѣе грамотные и начитанные старцы, отложивъ на этотъ разъ въ сторону свою «косность» и «непереимчивость», углубились въ книжную мудрость и начали оттуда по-немногу извлекать обличенія на самого Никона и на его нововведенія. Они трудились ничѣмъ не стѣсняемые и не замѣчаемые цѣлые годы и трудились не даромъ.

Сохранившіеся до нашихъ временъ соловецкіе рукописные сборники XVII в. заключаютъ въ себѣ статьи, написанныя въ старообрядческомъ духѣ, почти по всѣмъ главнымъ религіозно-обрядовымъ вопросамъ, которые тогда волновали старообрядческіе умы. Такъ, въ Соловецкомъ сборникѣ, сохранившемся въ библіотекѣ графа Андрея Ѳедоровича Толстаго, между прочимъ помѣщены слѣдующія статьи: 1) «Собраніе отъ божественнаго писанія *о тайне пресвятой аллилуіи* и яко древнее преданіе святыхъ апостолъ и святыхъ отецъ, еже глаголати дважды аллилуіа, а въ третій: Слава тебѣ Боже» и 2) «Вкратце собраніе отъ божествен-

ныхъ писаній о пресвятомъ и животворящемъ Дусѣ и Господѣ *истиннемъ*, яко во исповѣданіи вѣры—Духа святаго господа *истиннаго* и животворящаго глаголати подобаетъ». Статьи эти помѣщены въ сборникѣ вмѣстѣ съ «Соловецкой челобитной о вѣрѣ 1667 года» и сказаніемъ о пріѣздѣ въ Соловецкій монастырь, по указу государя царя Алексѣя Михайловича въ 7175 (1667) г. февраля въ 23 день, сотника московскихъ стрѣльцевъ Василья Данилова Чадуева», что даетъ полную увѣренность въ принадлежности ихъ перу солевецкихъ монаховъ-писателей (1). Въ соловецкой книгѣ Петра Дамаскина, написанной полууставомъ въ XVII в. и принадлежащей нынѣ казанской академіи (№ 278) на л. 193 вставлено свидѣтельство Петра Дамаскина о двуперстномъ крестномъ знаменіи: «два перста убо и едина рука являютъ распятаго Господа нашего Іисуса Христа во двою естеству (2). Въ сборникѣ сочиненій Максима Грека, принадлежащаго той же академіи № (310) заключаются два слова: 1-е «о еже како знаменатися крестнымъ знаменіемъ и о сложеніи перстовъ» и 2-е «о трегубой аллилуіи» (3). Преосвященный Игнатій воронежскій въ 1839 г. лично видѣлъ въ соловецкой библіотекѣ подъ № 897-мъ сборникъ XVII в., состоящій исключительно изъ мелкихъ статей и выписокъ, написанныхъ въ защиту старыхъ церковныхъ порядковъ и обычаевъ. Въ немъ находятся слѣдующіе статьи: I) «Выписка изъ хожденія во Греки» Арсенія Суханова. Къ ней присоединяются а) письма святогорскихъ старцевъ о знаменіи и изображеніи креста и б) сказаніе о монахѣ Арсеніѣ Грекѣ. II) «О сложеніи перстовъ, еже которыми персты подобаетъ христіанину воображати на себѣ знаменіе честнаго креста». Въ этой статьѣ заключаются выписки изъ разныхъ книгъ: а) о святомъ Мелетіѣ антіохійскомъ; б) о латинскихъ ересяхъ; в) слово Θеодорита о крестѣ; г) сказаніе о крестѣ Никона черногорца; д) слово Максима Грека о томъ же;

(1) Опис. рукописей графа Толстаго VI, 353.
(2) Опис. рук. Сол. библіот. прилож. въ Пр. Соб. 1879 г. Іюнь л. 433
(3) Тамъ же, Сентябрь 1879 г. л. 488.

е) сказаніе Стоглава о томъ-же; ж) Петра Дамаскина о томъ-же и з) Чиновникъ (Скрижаль) патріарха Никона ([1]).

Послѣдній сборникъ, очевидно, составляетъ первоначальный, или черновой трудъ, для имѣющаго выйти болѣе тщательно обработаннаго произведенія, потому что заключаетъ въ себѣ множество поправокъ и зачеркнутыхъ словъ; а такъ какъ онъ состоитъ почти исключительно изъ статей, предназначенныхъ къ защитѣ двухперстнаго сложенія въ крестномъ знаменіи, то можно съ увѣренностью предполагать, что онъ принадлежалъ старцу Герасиму Ѳирсову, который еще до 1657 г. пустилъ въ ходъ между братіею свои тетрадки о крестѣ и который послѣ написалъ особое «посланіе къ брату... о сложеніи перстовъ». Въ этихъ черновыхъ трудахъ особенно обращаетъ на себя вниманіе то, что авторъ на первыхъ порахъ дѣлалъ изъ книгъ и вносилъ въ свой сборникъ выписки, подтверждающія и отвергающія двухперстное сложеніе. Не думалъ-ли онъ вначалѣ самъ убѣдиться въ томъ: на которой сторонѣ будетъ больше свидѣтельствъ и гдѣ обрѣтается истина? Мы увидимъ впереди, что Герасимъ Ѳирсовъ при написаніи «посланія къ брату» между прочимъ руководился этимъ желаніемъ. Впрочемъ, чѣмъ бы въ этомъ случаѣ авторъ ни руководился, однако показывать другимъ свои выписки, свидѣтельствующія не вользу двухперстнаго сложенія, было не удобно. Поэтому они всѣ были выправлены такъ, что стали говорить только въ подтвержденіе двухперстнаго сложенія. Преосвященный Игнатій объ этихъ поправкахъ говоритъ слѣдующее: «Гдѣ написано было о *трехъ* перстахъ, тамъ почти вездѣ ясно по подчищенному поправлено *двухъ*. Слово Ѳеодоритово о крестѣ такъ много перечищено и переправлено, что, половина его, наконецъ, нарочито замарана и потомъ заклеена бумагою (бумага отодрана, впрочемъ всѣхъ словъ разобрать нельзя). Такія поддѣлки въ нѣкоторыхъ мѣстахъ столь неосторожны, что гдѣ надлежало бы оставить, по смыслу рѣчи, и въ старобрядческомъ образѣ мыслей *три* перста, и тамъ переправлено на *два*»([2]).

([1]) Истина Солов. об. 1847 г. стр. 32.
([2]) Истина Солов. об. 1847 г. стр. 32.

Кромѣ статей, помѣщенныхъ въ сборникахъ, соловецкими старцами-старообрядцами были написаны въ XVII в. и цѣльныя произведенія, которыя впослѣдствіи сдѣлались достояніемъ всѣхъ русскихъ старообрядцевъ. Таковы: помянутое «посланіе къ брату» старца Герасима Ѳирсова и слово «о антихристѣ» іеромонаха Ѳеоктиста. Мы остановимся нѣсколько на этихъ произведеніяхъ, потому что они имѣютъ весьма важное значеніе и составляли рѣдкость въ старообрядческой литературѣ XVII вѣка.

а) Посланіе Герасима носитъ слѣдующее заглавіе: «Посланіе къ брату смиреннаго инока, но и православна обители Пантократоровы, иже есть въ отцѣ океана моря, глаголемѣй Соловки, о сложеній перстовъ». Въ самомъ посланіи не упоминается имени автора; но въ принадлежности его Герасиму Ѳирсову нельзя сомнѣваться. Кромѣ отзывовъ соловецкой братіи и признанія самого Герасима въ томъ, что онъ писалъ «письма о сложеніи перстовъ», старообрядческіе историки во многихъ своихъ произведеніяхъ указываютъ на Герасима, какъ на автора этого посланія. Денисовъ въ Исторіи о отцѣхъ соловецкихъ» пишетъ, что «Герасимъ Ѳирсовъ, мужъ довольнаго ученія, во время Никона патріарха новопреданій, слово о крестномъ знаменіи, еже на лицахъ, сочинилъ, добрѣйшее изображеніе мудрости своея по себѣ оставилъ». Въ «Исторіи Выговской пустыни» говорится: «егда древле-соловецкіе отцы не пріимаху новыхъ уставовъ Никона патріарха, бяху въ нихъ тогда мужи честни, и святи и разумомъ божественнаго писанія озарени»; таковъ «Герасимъ Ѳирсовъ, его же премудрость и разумъ каковъ бяше, является отъ *писанія его о знаменованіи* креста на лицахъ своихъ» ([1]). Написано посланіе не раньше 1656 года, потому что въ немъ упоминается Скрижаль, напечатанная въ 1656 году и не позже 1666 г., потому что въ этомъ году Герасимъ въ Москвѣ принесъ раскаяніе.

Поводомъ къ написанію посланія для Герасима послужила просьба какого-то брата, просившаго между прочимъ «утѣшенія и извѣщенія о сложеніи перстовъ для крестнаго

(1) Ист. Выговской пустыни, гл. 3.

знаменія». Но посланіе назначалось далеко не для одного брата. Прежде всего Герасимъ этимъ трудомъ хотѣлъ самъ себя утвердить въ истинѣ двуперстнаго сложенія, а затѣмъ уже, кромѣ просителя, старается утвердить и другихъ многихъ, сомнѣвающихся о крестномъ знаменіи, вѣроятно, по-преимуществу соловецкую братію. «Ко утвержденію *своему* же и твоему и *всякаго вѣрнаго* о Христѣ, еже обрѣтохъ въ божественномъ писаніи, о семъ написахъ здѣ», говоритъ авторъ въ предисловіи. Не мудрено, что и просьбы никакой не было, и сочиненію только придана форма посланія. Въ началѣ его авторъ, по обычаю книжниковъ тогдашняго времени, старается выставить на видъ свою слабость, называетъ себя человѣкомъ грубымъ и несмысленнымъ, говоритъ, что онъ «не смѣетъ дерзать» на такой святой и великій подвигъ и соглашается, только уступая просьбѣ. «Понеже прошеніе твое бысть, говоритъ онъ, и понудилъ мя еси, еже дати тебѣ написано твердое же и извѣстное свидѣтельство отъ божественныхъ писаній о сложеніи перстовъ десныя руки, ими-же воображаемъ на себѣ вѣрніи знаменіе честнаго креста, и что лѣпо есть, яко да творимъ, да не невѣденіемъ носими отъ истины отпадемъ и подъ клятвы божественныя себе положимъ»... Въ самомъ изложеніи посланія Герасимъ старается показать себя отчетливымъ и безпристрастнымъ изслѣдователемъ вопроса о крестѣ; пишетъ въ тонѣ умѣренномъ, безъ рѣзкихъ выходокъ противъ православныхъ, что составляетъ большую рѣдкость въ старообрядческихъ произведеніяхъ; нерѣдко иногда обращается къ совѣсти православныхъ, усвоившихъ трехперстное сложеніе съ такими, напр., словами: «не къ распри приклоните ушеса, но злое изволеніе отъ ума изгнавше, прилежне и истинне—любно судите словеса: и *смотримъ, кто отъ насъ обличится»*; вообще Герасимъ представляетъ въ самомъ себѣ человѣка, ищущаго истины, способнаго слѣдовать внушеніямъ совѣсти и убѣжденіямъ и не упорствовать въ своихъ убѣжденіяхъ, когда будетъ основательно доказана ложность ихъ. Свою безпристрасность въ этомъ отношеніи онъ въ 1666 г. доказалъ на московскомъ

соборѣ самымъ дѣломъ, раскаявшись въ прежнемъ своемъ «невѣдѣніи» (¹).

Главная мысль посланія заключается во-первыхъ въ томъ, что двумя перстами—указательнымъ и среднимъ, сложенными вмѣстѣ для крестнаго знаменія, исповѣдуется «единъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ, единъ по составу, отъ двою же различну естеству, въ совершенное единство неслитнѣ стекшихся», между тѣмъ какъ сложеніемъ трехъ перстовъ—указательнаго, средняго и большаго «Христа Спасителя сугуба естествомъ не проповѣдуется», по примѣру еретиковъ монофизитовъ и монофелитовъ: Евтихія, Діоскора и другихъ; во-вторыхъ, что такъ учили и заповѣдали двухперстное сложеніе святые отцы, угрожая анафемой тѣмъ, кто не будетъ слѣдовать ихъ ученію и заповѣдямъ. Въ подтвержденіе этой мысли авторъ приводитъ буквально изъ старописменныхъ книгъ цѣлый рядъ выписокъ, приправляя ихъ своими краткими, иногда неумѣлыми и нисколько неубѣдительными объясненіями. Выписки сдѣланы: 1) *изъ Стоглавника*—а) «о святѣйшемъ Мелетіѣ патріархѣ антіохійскомъ. При этомъ рѣшается вопросъ: «кія три персты показа (Мелетій на антіохійскомъ помѣстномъ соборѣ въ обличеніе аріанъ) первѣе, егда не бысть знаменіе; кія же паки два совокупивъ и единъ пригнувъ, ими же и люди благослови»? «Истинно быти мню», отвѣчаетъ на это Герасимъ «яко первіе показа блаженный Мелетій три персты десницы своея, еже есть палецъ, и указательный и великосредній, разлучивъ другъ отъ друга, отъ нихъ же тогда и не бысть знаменія... Та же отъ тѣхъ тріехъ перстовъ два совокупивъ, си есть указательный и великосредній; великій же перстъ си есть—палецъ, къ прочимъ двумъ, си есть—ко близосреднему и малому пригнувъ, являя совокупленіемъ сихъ тріехъ перстовъ святую Троицу единосущную; совокупленіемъ же двою персту во Христѣ единомъ два естества, и не ктому уже показующу точію, но сима двѣма перстома благослови люди: тогда изыде отъ него огнь» и т. д. б) «Слово Феодоритово» (кирскаго) «како благословити рукою и креститися». Къ

(¹) Матеріалы для ист. Рас. т. III. стр. 106

этой выпискѣ Герасимъ въ подтвержденіе подлинности слова прибавляетъ отъ себя разсказъ о томъ, кто такой былъ Ѳеодоритъ; какія написалъ сочиненія; какъ хвалятъ его учители церковные и насколько онъ былъ непричастенъ ереси Несторія; въ заключеніе разсказа говоритъ: «туне и всуе мятутся любопрящіися, отмещуще и непріемлюще сего свидѣтельства его о сложеніи перстъ«. в) Выписка изъ 31 главы «Стоглава» о крестномъ знаменіи и благословеніи; причемъ авторъ показываетъ «како противу сему» опредѣленію Стоглава «ополчающіися клятвѣ подлежатъ святаго сего собора, понеже соборъ сей общимъ совѣтомъ благочестиваго царя и первопрестольника, со всѣми священными мужи всея русскія земли потщательнѣ тогда и любомудреннѣ испыта о предлежащей винѣ». 2) Изъ книги Петра Дамаскина «Слово» его, Дамаскина, о томъ, что въ крестномъ знаменіи «два перста и едина рука являютъ распятаго Господа нашего Іисуса Христа во двою естеству и во единомъ составѣ познаваема». «Видиши ли», говоритъ Гарасимъ отъ себя, «яко два рече перста, има же подобаетъ начертовати знаменіе честнаго креста, а ни три, ни пять... Кія же два перста святый сей воспомяну? Явлено всякому, яко бна два, указательный и великосредній, иже совокуплены образуютъ единаго Христа во двою естеству». 3) Изъ книги Максима Грека «Слово, како знаменатися крестнымъ знаменіемъ»; причемъ опровергается сказаніе «Чиновника» (Скрижали) о томъ, что Максимъ написалъ это слово по своему мудрованію, а не на основаніи церковнаго ученія «понеже никого не воспомяну, предавшаго о семъ». Дальше авторъ посланія ссылается въ подтвержденіе двухперстнаго сложенія на «Грамматику кіевскія печати», изд. 7100 г. въ Вильно; на «Хронографъ», «Кириллову книгу», книгу «О вѣрѣ и «Катихизисъ». Затѣмъ опровергаетъ возраженія «Скрижали» противъ двухперстнаго сложенія,—

Въ посланіи Герасима Ѳирсова самостоятельнаго труда весьма мало. Почти все посланіе есть ни больше, ни меньше какъ рядъ выписокъ о двуперстномъ сложеніи, заимствованныхъ безъ всякой критики изъ разныхъ книгъ и испещрен-

ныхъ безчисленнымъ множествомъ напыщенныхъ словъ, выражающихъ одну и туже мысль. Но при всѣхъ своихъ недостаткахъ внѣшнихъ и внутреннихъ въ раскольнической литературѣ посланіе имѣетъ громадное значеніе, потому что являетъ собою первый опытъ защиты двухперстнаго сложенія литературнымъ путемъ. До Герасима, хотя и всѣ старообрядцы кричали, что трехперстное сложеніе— «антихристова печать», но болѣе или менѣе сильныхъ доказательствъ на это никто не попытался представить. Собранныя Герасимомъ въ одномъ произведеніи свидѣтельства разныхъ русскихъ книгъ дали старообрядцамъ сильную опору въ борьбѣ съ Никоніанами. Потому они съ радостію ухватились за нихъ, а раскольническіе писатели, начиная съ дьякона Ѳеодора и кончая инокомъ Павломъ Васильевымъ—основателемъ австрійской іерархіи, почти безъ переработки и прибавленій стали повторять Герасима въ своихъ произведеніяхъ, когда рѣчь зайдетъ о крестномъ знаменіи. Само собою разумѣется, что соловецкіе монахи были первыми читателями посланія Герасима и приходили въ умиленіе отъ него тѣмъ болѣе, что Герасимъ этимъ своимъ произведеніемъ снималъ съ нихъ клятву московскаго собора 1656 года, наложенную на всѣхъ крестящихся двухперстнымъ сложеніемъ. Въ заключеніи посланія онъ прямо говоритъ, что «запрещенія безъ правды не вяжутся отъ Бога»... «Вина всѣхъ ересей скрывается въ удаленіи отъ учительства святыхъ отцевъ» (а не отъ учительства русскихъ іерарховъ, послѣдователей Никона). А что усердно пользовались монахи этимъ посланіемъ и руководились имъ въ своей жизни и поступкахъ,—это достаточно подтверждается тѣмъ, что собранныя Герасимомъ свидѣтельства о крестѣ въ 1667 г. они приводятъ въ своей челобитной къ царю; причемъ повторяютъ слова Герасима и о томъ, что проклинающіе за двухперстное сложеніе «точію всуе себе труждаютъ и грѣхъ на свою главу собираютъ; понеже писано есть: аще святитель проклинаетъ не по дѣлу Божію, сирѣчь не по священнымъ правиламъ, не послѣдуетъ Божій судъ, а не покаряющіися имъ (православнымъ іерар-

хамъ) аще и прокляти отъ нихъ, но отъ Бога великимъ хваламъ достойни суть (¹).

b) Іеромонаху Θеоктисту принадлежитъ сочиненіе «о антихристѣ и тайномъ царствѣ его». Сочиненіе это составляетъ библіографическую рѣдкость даже и въ старообрядческой литературѣ. Его не только нѣтъ въ печати, но и въ рукописяхъ оно совершенно не распространено между старообрядцами, и сохранилось въ самомъ ограниченномъ числѣ экземпляровъ — или у собирателей древней письменности, или въ такихъ библіотекахъ, какъ академическія. Такъ, оно упоминается въ числѣ древнихъ рукописей, принадлежавшихъ покойному любителю и собирателю древней письменности графу Θеодору Андреевичу Толстому, съ надписаніемъ: «слово, творенія священно-инока и мученика Θеоктиста, бывша въ изгнаніи въ Соловецкомъ отоцѣ, Анзерской пустынѣ, благочестія ради и тамо скончавшагося во время бытія Никона: о антихристѣ и тайномъ царствѣ его» (²). Мы пользуемся экземпляромъ, помѣщеннымъ между выписками и раскольническими статьями въ старинномъ сборникѣ нижнетагильскаго старообрядца Семена Кашарина, принадлежащемъ Казанской духовной академіи [библ. № 2122]. И этотъ экземпляръ носитъ тоже названіе, что и экземпляръ графа Толстаго, только съ нѣкоторой перестановкой словъ; именно, слова «о антихристѣ и тайномъ царствѣ его» поставлены въ началѣ, тогда какъ у гр. Толстаго онѣ въ концѣ заглавія. Надписаніе, очевидно, расширено послѣ смерти Θеоктиста, потому что въ немъ говорится объ авторѣ уже скончавшемся. Притомъ расширено какимъ-нибудь старообрядцемъ, потому что Θеоктистъ названъ изгнанникомъ «благочестія ради». Первоначальное заглавіе, сдѣланное самимъ авторомъ, вѣроятно, было слѣдующее: «о послѣднемъ отступленіи, и о антихристѣ, и о тайномъ царствѣ его и о различныхъ многихъ душегубныхъ дѣйствіяхъ и льстивыхъ его козней» (начальныя слова сочин.).

(¹) Челобитная монаховъ 1667 г. Матеріалы для исторія Раскола. т. III стр. 229, 230.

(²) Опис. рукоп. графа Толстаго 1825 г. Москва отд. II № 386, 3.

Изъ жизни іеромонаха Θеоктиста ничего неизвѣстно, кромѣ того, что можно извлечь изъ надписанія на его сочиненіи. Но и въ надписаніи заключаются самыя скудныя свѣдѣнія. Тѣмъ не менѣе эти скудныя свѣдѣнія для насъ очень важны. Мы отсюда по крайней мѣрѣ узнаемъ, что Θеоктистъ былъ сосланъ на Соловки патріархомъ Никономъ «благочестія ради», иначе—за упорство противъ церковныхъ исправленій; что онъ жилъ въ Анзерскомъ скитѣ (въ 25 верстахъ отъ Соловецкаго монастыря), братія коего имѣли тѣсное общеніе съ Соловецкими монахами и даже въ 1658 г. подписались подъ приговоръ о непринятіи новаго служебника ([1]) и что, наконецъ, умеръ въ то время, когда Никонъ былъ еще патріархомъ. Такимъ образомъ жизнь іеромонаха Θеоктиста въ ссылкѣ и появленія сочиненія его «о антихристѣ» можно относить къ 1654—1667 гг. ([2]).

Сочиненіе Θеоктиста составляетъ толкованіе тѣхъ мѣстъ изъ *Апокалипсиса*, гдѣ говорится объ антихристѣ. Въ сборникѣ Кашарина оно занимаетъ 11 листовъ мелкаго полууставнаго письма, начиная съ 234 и кончая 245. Предназначалось оно для чтенія «благочестивымъ и христолюбивымъ людемъ единыя правыя (т. е. старообрядческія) вѣры» (л. 234). Воцареніе антихриста, всѣ козни его и все то, что должно произойти на землѣ до втораго пришестія Спасителя, іеромонахъ Θеоктистъ понимаетъ и толкуетъ духовно. «А что протолковано у васъ», обращаясь къ читателямъ, говоритъ онъ: «о чувственнномъ антихристѣ, и мы не мнимъ тако» (л. 236). Впрочемъ ему иногда хотѣлось видѣть и чувственнаго антихриста въ лицѣ папы римскаго и, особенно, въ лицѣ Никона патріарха. Мы увидимъ впереди, какъ это у него выходило.

Въ началѣ авторъ усиливается доказать необходимость таинственнаго пониманія и толкованія апокалипсиса. «Апо-

---

([1]) Матер. для истор. Раск. т. III. 3.

([2]) Г. Нильскій въ книгѣ «объ антихристѣ» о Θеоктистѣ говоритъ, что онъ былъ сосланъ въ Соловки вмѣстѣ съ княземъ Львовымъ, слѣд. въ 1655 г.; но на источникъ не указываетъ. «Вступленіе» л. V. пр. 12. Во всякомъ случаѣ нѣтъ основанія отождествлять этого Соловецкаго узника съ Θеоктистомъ—игуменомъ Златоустовскаго монастыря и приписывать сочиненіе „объ антихристѣ“ послѣднему, а не первому, какъ это дѣлали историки до сихъ поръ. Ист. Раск. Макарія стр. 167 и 168.

калипсисъ», говоритъ онъ, «Андреемъ архіепископомъ кесарійскимъ толкуется: сокровенныхъ таинъ явленіе. И сіе не безъ разума внимати подобаетъ: аще убо сокровенныя тайны наречены, то тайно и разумѣти подобаетъ—*мысленно*, а не *чувственно*. «Святый апостолъ Павелъ», говоритъ дальше авторъ, «въ посланіи своемъ глаголетъ: всякое божественное писаніе по своему сказанію не бываетъ. Что же, братіе, ложно нареку сіе слово, еже апостолъ глаголетъ?... Не буди того, еже ложь нарещи; но того ради апостолъ глаголетъ, яко обыкоша искони божественное писаніе чувственные глаголы въ притчу, а предлежащую глубину искати и разумѣти повелѣваетъ мысленно и духовно» (л. 237). Потому «аще бо и апокалипсисъ чтете, ничтоже въ немъ чувственно разумѣвайте» (л. 236). Послѣ этихъ предварительныхъ замѣчаній Ѳеоктистъ приступаетъ къ самому толкованію по порядку. Толкованіе его въ высшей степени оригинально и любопытно.

Іеромонахъ Ѳеоктистъ утверждаетъ, что антихристъ уже царствуетъ въ мірѣ духовно, съ раздѣленія церкви на двѣ половины восточную и западную, начавшагося въ X столѣтіи (л. 243). «Нѣцыи глаголютъ», говоритъ Ѳеоктистъ, «чувственно быти ему въ древнемъ Іерусалимѣ. Разсудите, государи мои, како будетъ тамо прельщати и кого уловляти? Изъ давнихъ бо лѣтъ тамо изсякло благочестіе и многіе поганіи языцы живутъ. А что глаголетъ писаніе во многихъ мѣстахъ, яко быти ему въ іерусалимѣ, и то, любимцы мои, не въ чувственномъ Іерусалимѣ быти ему глаголетъ, *а въ новомъ Іерусалимѣ*, сирѣчь въ *новомъ* (христіанскомъ) *отъ Бога данномъ для всей вселенной законѣ*» [л. 234]. Возсѣдаетъ же антихристъ, по толкованію Ѳеоктиста, въ церкви «жидовстей», подъ которой онъ разумѣетъ греко-россійскую церковь. Въ жидовскую христіанская церковь превратилась будто-бы потому, что антихристъ, чрезъ своихъ слугъ, въ христіанствѣ «обновилъ ветхость жидовскую». Кириллъ святый іерусалимскій въ знаменіи 10-мъ пишетъ: яко въ церкви сѣсти ему. Въ которой церкви? *Въ смущеннѣй* глаголю, *жидовстей*, а не въ той, въ коей есть мы» (старообрядцы). «Сядемъ въ церкви жидовстей *обновляя ю*; сирѣчь

ветхую сѣнь обновилъ и въ жертву преложилъ, а истинную (т. е. древлеправославную) развратилъ и своимъ богомерзскимъ дѣйствомъ вмѣстился въ *потиръ* и нарицается нынѣ *агнецъ*“! (л. 234). Въ другомъ мѣстѣ Ѳеоктистъ говоритъ: „и то воистинну вѣрнымъ вѣдомо: яко Ѳбыдоша нынѣ церковь святую антихристово воинство, которое разрушилось дерзостію и хулою на Бога, и исправило и обновило ветхость жидовскую, того ради и древнею [жидовскою] церковь нарицается, въ ней же и сѣдъ“ антихристъ (л. 239).

Въ образѣ «неправеднаго агнца мысленный антихристъ» и чтится со стороны «отступниковъ» [т. е. православныхъ] какъ Богъ, предвосхитивъ эту божескую честь и божеское поклоненіе у «истиннаго и праведнаго Агнца Божія», который въ жертвѣ полагается во святой соборной апостольской церкви (т. е. у старообрядцевъ). «Ипполитъ папа римскій говоритъ, что антихристъ будетъ по всему подобенъ Сыну Божію: Христосъ левъ,—левъ и антихристъ; явися Христосъ яко Агнецъ, явися и антихристъ яко агнецъ, а внутрь сый волкъ»... Не агнцемъ ли нынѣ славится», говоритъ Ѳеоктистъ про мысленнаго антихриста, вмѣстившагося въ «потиръ» церкви православной, «не предается-ли въ снѣдь, не богомъ ли именуется, не ходитъ ли по морю не мокрыми стопами, сирѣчь на служащихъ ему поповскихъ головахъ, не царемъ-ли его именуютъ безсмертнымъ, иже вождь смерти, не восхваляютъ ли его неисповѣдимыми пѣсньми, и гласы многими и воплемъ многимъ, и не блистаетъ ли, яко свѣтъ, иже тьмѣ начальникъ?—Помыслимъ, отцы и братіе, когда чувственному человѣку такову славу, и пѣсни и хвалу воздадутъ,—никако же»!..

Всѣ тѣ мѣста апокалипсиса и толкованія на него различныхъ отцевъ, которыя положительно свидѣтельствуютъ о чувственномъ рожденіи и воцареніи антихриста, Ѳеоктистъ старается или перетолковать въ духовномъ смыслѣ, называя ихъ притчами, или, въ крайнемъ случаѣ, уже относитъ къ чувственному обнаруженію дѣлъ антихриста и къ предтечамъ его. Дѣла антихриста и рядъ предтечей его у Ѳеоктиста представляютъ чувственную сторону духовнаго антихриста. Когда рѣчь идетъ объ этихъ дѣлахъ и предтечахъ, авторъ

не стѣсняется антихриста называть и чувственнымъ. Но и въ этомъ случаѣ онъ не допускаетъ въ антихристѣ одной личности. Чувственный антихристъ, иначе—духовный, обнаруживающійся во внѣ, состоитъ изъ «собранія многихъ лицъ, аки во единомъ тѣлеси живущихъ» (л. 245). Между предтечами антихриста у Ѳеоктиста первое мѣсто занимаютъ папа римскій (безлично) и, въ послѣднее время, Никонъ московскій патріархъ. Въ особенности послѣдній Ѳеоктисту казался совершенно подходящимъ къ предсказанному въ писаніи чувственному антихристу, и Ѳеоктистъ, повидимому, готовъ былъ Никона назвать самимъ антихристомъ, но не могъ потому, что съ самаго начала задался цѣлью объявить антихриста мысленнаго. При томъ для провозглашенія Никона дѣйствительнымъ антихристомъ не хватало у него нѣкоторыхъ признаковъ, предсказанныхъ въ апокалипсисѣ, напр., онъ не былъ царемъ. Такимъ образомъ Ѳеоктистъ долженъ былъ отказаться отъ своего желанія провозгласить Никона настоящимъ антихристомъ. Во всякомъ случаѣ онъ Никону даетъ въ своемъ сочиненіи больше мѣста, чѣмъ папѣ и приписываетъ больше аттрибутовъ чувственнаго антихриста.

Папа римскій, или иначе рядъ римскихъ папъ предтечей антихристовыхъ, по Ѳеоктисту, начался съ X столѣтія, когда римская церковь начала отдѣляться отъ восточной и уклоняться отъ истиннаго ученія церкви вселенской. Толкуя изреченіе апокалипсиса. *«и разгнѣвався зміи на жену* (церковь) *и иде сотворити брань со оставшимъ сѣменемъ ея»* (учителями церкви), Ѳеоктистъ говоритъ: «духъ антихристовѣ—одинъ отъ духовныхъ старѣйшинъ Левъ третій папа римскій, бывый по Рождествѣ Христовѣ ЦПД (984) лѣта, той содѣла сіе, (т. е. учинилъ брань съ сѣменемъ жены—церкви), иже первѣе вси западныя властодержательства отъ области греческія и отъ цареградскаго престола отведе и другаго царя себѣ въ Римъ учини Карула великаго... и взявъ на ся не токмо престолъ, и власть царскую и святительскую, но и Божію» (л. 243). Въ другомъ мѣстѣ Ѳеоктистъ папу (безлично) называетъ однимъ изъ «наивысшихъ, предсказанныхъ въ писаніи лжехристовъ», который «оному послѣднему (мысленному) антихристу предтеча», возсѣдающій «на пре-

столѣ въ древнемъ Вавилонѣ-Римѣ» (л. 243) и который долженъ «уготовить мѣсто мысленному антихристу агнцу неправедному» (л. 238). Отсюда слѣдуетъ, что самое воцареніе мысленнаго антихриста началось въ римской церкви; а затѣмъ оно постепенно простерлось на восточную и русскую. Впрочемъ, о воцареніи въ восточной церкви Өеоктистъ ничего не говоритъ, а отъ Рима прямо переходитъ къ Россіи и останавливается на первомъ въ Россіи и послѣднемъ предтечѣ антихриста Никонѣ.

«А что глаголется во многихъ божественныхъ писаніяхъ: Ипполитъ папа римскій, святый Ефремъ Сиринъ и иніи мнозіи», говоритъ Өеоктистъ, начиная примѣнять знаменія чувственнаго антихриста къ Никону «о рожденіи его (антихриста): родитъ бо ся отъ жены скверныя, и индѣ: отъ дѣвицы нечистыя, жидовки сущія, и сперва будетъ кротокъ, тихъ и любезенъ, благоговѣинъ, миролюбивъ и пр... и то къ чувственному глаголютъ. Да и дѣло его чувственно и творятся. Яко же есть писано: *будетъ кротокъ и милостивъ*, то тако и бысть; и сотворитъ церковь Соломоню, якоже и во Іерусалимѣ,—и то совершися на Никонѣ еретикѣ, бывшемъ патріархѣ, и тѣмъ дѣломъ (т. е. кротостью, милостью и устройствомъ въ Воскресенскомъ монастырѣ храма по образцу Іерусалимскаго храма Воскресенія Господня) Никонъ и «обнажился» какъ антихристъ, но не настоящій, а только какъ предтеча, потому что истинный антихристъ будетъ называться Богомъ, а Никонъ не могъ этого сдѣлать и ни отъ кого не величался «яко Богъ». «Да того ли (т. е. Никона) Богомъ нарекутъ»? спрашиваетъ Өеоктистъ: «никакоже! Но аще и чувственно нареченъ бысть антихристъ, тако же и мысленно нареченъ бысть, и сіе подобаетъ съ разсужденіемъ мудрствовати: понеже бо чувственный нареченъ сотворенія ради дѣлъ сатанинскихъ преступныхъ и богомерзскихъ» (л. 235). «Блюдитеся, любимцы мои, дабы не впасть въ дебрь глубокія бѣды, но паче послѣдуемъ еже святіи и богоносніи отцы предаша намъ и утвердиша и отъ того чувственнаго его строенія познаваемъ и мысленнаго въ тайно-дѣйствіи (евхаристіи) положеннаго, якоже и Христосъ истинная глава наша бысть человѣкъ насъ ради на земли чувственъ пло-

тію и видимъ, сокровененъ же божествомъ и невидимъ бысть, токмо мысленно разумѣваемъ, истинный Богъ есть». Также: «можетъ ли кто отъ правовѣрныхъ христіанъ дѣйство (евхаристіи) простымъ хлѣбомъ и простымъ называть виномъ? Никакоже! Аще и чувственно вино показуетъ намъ, по дѣйству Св. Духа мысленно разумѣваемъ яко истинное тѣла Христово и истинно животворящая кровь Его. Агнецъ и Господь и Царь и Владыка дадеся въ снѣдь вѣрнымъ во очищеніе всякаго согрѣшенія. Тѣмъ же подобіемъ умысли и сатана проклятый и *избра себѣ подобіемъ сосудъ человѣка волхва и еретика* (Никона) и отступника, совершающаго угодная дѣла его, и преложи въ кровь дѣйство по волѣ его, и смѣси ложь со истинною и нарече такожде тѣло сатанино и кровь зміина дадеся такожде въ снѣдь ослѣпшимъ душевныма очима и не узнавшимъ истинны, въ приложеніе, а не во оставленіе грѣховъ, въ оскверненіе души и тѣлу и съ нимъ въ погибель вѣчную; благочестивымъ (ему Ѳеоктисту и др.) знаемъ и чуждъ есть и лжехристосъ агнецъ неправедный, древлезавистникъ сатана, мысленный антихристъ. А еже смѣси ложь со истинною, истинны хлѣбъ съ ложнымъ, помраченія ради и уловленія душъ христіанскихъ яко истинною привлачаютъ и къ себѣ соединяютъ. А *ложь нарицаемая спнь, по латински крыжь, яко тою лжею вмѣстился* сатана въ дѣйство (евхаристіи) и осквернилъ всю истинну, на мѣстѣ святѣ вмѣсто истинны мерзость и запустѣніе постави ту. А потому не дивитесь яко иными, и не нами приводитъ на чувственно антихристъ и по дѣломъ его различнымъ раздѣляется начинанія ради злаго дѣйства антихристова». А еже уготовитъ мѣсто мысленному антихристу агнцу неправедному, и потому онъ (Никонъ) нарицается предтеча и лжепророкъ, который приводитъ къ нему (мысленному антихристу) всѣхъ человѣкъ на поклоненіе и похваляютъ его (мысленнаго антихриста), какъ истиннаго Агнеца, и потому онъ (Никонъ) нарицается заступникъ, а еже мученія ради мучитель, и судія нарицается, какъ Христосъ, и злые люди нарицаются разными именами (л. 238).

Опредѣливъ такимъ образомъ положеніе Никона въ ряду главныхъ предтечей антихриста, іеромонахъ Ѳеоктистъ даль-

ще трактуетъ о знаменіяхъ и чудесахъ послѣдняго времени. Такъ какъ антихристъ уже воцарился мысленно въ новомъ Іерусалимѣ—законѣ христіанскомъ, то, по Өеоктисту, и всѣ знаменія и чудеса предсказанныя въ апокалипсисѣ уже совершаются. И такъ какъ у него выходитъ антихристъ съ одной стороны мысленный, помѣстившійся въ потирѣ церковномъ, а съ другой—чувственный, проявляющійся въ вѣрныхъ слугахъ его и предтечахъ—папѣ римскомъ и Никонѣ, то и знаменія и чудеса совершаются и мысленно и чувственно, смотря по тому, на сколько у Өеоктиста хватала силъ и умѣнія апокалипсическія предсказанія приноровить къ настоящему «гонительскому» времени. «А что о чудесахъ его мечтательныхъ глаголетъ писаніе», говоритъ Өеоктистъ, «и по привидѣнію, а не по истиннѣ, и о томъ различное мудрованіе предлежитъ: ово отъ чувственнаго антихриста (т. е. отъ предтечей) повелѣніемъ его умыслися и то мысленно. По Ипполиту: преставитъ горы предъ очами зрящихъ, сведетъ огонь съ небесе, сотворитъ день тьму, а нощь день, и солнце превратитъ аможе хощетъ и луну такожде. И о томъ сице разумѣемъ: перемѣнитъ законъ Христовъ и заповѣди Его, и святыхъ апостолъ и святыхъ отецъ (л. 238).

Вотъ нѣкоторыя чудеса и знаменія, которыя уже совершаются на землѣ и свидѣтельствуютъ о близкой кончинѣ міра.—Въ писаніи говорится, что антихристъ будетъ «цѣлить недуги и воскрешать мертвыхъ». Это по Өеоктисту означаетъ, что онъ чрезъ своихъ слугъ будетъ «учить людей» и «прощать грѣхи». Егда человѣкъ покаяніемъ и причащеніемъ тѣла и крови Господня... очистится отъ грѣхъ, тогда вси человѣцѣ зряще на него глаголютъ въ мысли своей: сей человѣкъ *воскресе* отъ смерти душевныя, благо ему есть. Посему разумѣйте, любимцы мои, яко мертвые—нарицаются грѣшные. Такожде и нынѣ творится: приходятъ къ нему (чувственному антихристу) на покаяніе и причащаются тѣлу антихристову (т. е. мысленнаго антихриста—агнеца) и мнятся яко воскреснути отъ смерти душевныя, сирѣчь грѣховъ очиститися»; «но, по Кириллу іерусалимскому: ни здравія ни исцѣленія (не получаютъ), а умираютъ

вѣчною душевною смертію (л. 235). Писано: «яко антихристъ и слугъ своихъ покажетъ, которые будутъ горделивы, высоцы, богати, славни, Христовымъ рабомъ люти и страшны лукавствомъ, и нуждею всѣхъ къ себѣ привлекающе. Воистинну нынѣ тако и творится и потому явѣ яко здѣ царствуетъ антихристъ» [236]. Антихристъ «огнь съ небесе сведетъ». Объ этомъ Ѳеоктистъ толкуетъ такъ: «егда священникъ дѣйствуетъ надъ святою трапезою, тогда огнемъ божественнымъ нарицается тѣло и кровь Христовы. Тако же и они богоотступницы (послѣдователи антихриста) нынѣ прельщенныма очима свое... (слова невыразимыя по богохульству) таинство огнемъ божественнымъ нарицаютъ отъ Бога съ высоты по дѣйству Святаго Духа“ (л. 238). Упоминаемые въ Апокалипсисѣ *кони* антихристовы, по Ѳеоктисту означаютъ «еретиковъ, не пріемлющихъ и не содержащихъ законоположенія и догматовъ церковныхъ, но вся мудрствующихъ плотски». Сѣдящіе на коняхъ означаютъ «властителей, прельщенныхъ антихристомъ» (239). *Вода* — «ученіе еретическое». «Земля поможе женѣ и отверзе уста своя и пожре рѣку» — «человѣки землянымъ прилежаще и на мудрость свою уповающе, Божья же и духовная неразсмотряюще, но плотски вся мудрствующе, послѣдоваша ученію еретическому пьюще присно изъ устъ ихъ скверную воду — ученіе» (л. 240). «Третья часть солнца, мѣсяца и звѣздъ уязвятся» — это «хулы еретиковъ на солнце — Господа, луну — церковь и звѣзды — учителей церковныхъ. *Звѣзды падать будутъ* — учители церкви будутъ не истинно учити, вѣрныхъ непослушающихъ гонити будутъ». «Третья часть рѣки въ кровь претворится» — рѣки и источники водные многажды писаніе наречетъ ученіе Господне, а кровью — книги еретическія (л. 240] и т. д. Относительно только появленія предъ вторымъ пришествіемъ Спасителя пророковъ — Эноха и Ильи Ѳеоктистъ видимо затруднялся что нибудь положительное сказать. «А что глаголетъ (писаніе) о Еносѣ и Ильѣ, еже быти чувственно въ древнемъ Іерусалимѣ, и о семъ что много глаголати, лучше престати, и въ мысли своей содержати яко законъ и пророцы до Іоанна прорекоша, что же

о семъ много пытати, идѣже бо антихриста, ту и пророцы мысленно разумѣй» [л. 236].

Сочиненіе Ѳеоктиста оканчивается разсужденіемъ о бракѣ. «Кромѣ убо благословленія и вѣнчанія іерейскаго бракъ не состоится», говоритъ Ѳеоктистъ (л 245). Вѣроятно старообрядцы уже помышляли о томъ: не нужно ли бракъ прекратить въ виду скорой кончины міра? Къ этому рѣшенію впослѣдствіи пришли безпоповцы.

Сочиненіе іеромонаха Ѳеоктиста въ раскольнической литературѣ имѣетъ то весьма важное значеніе, что въ первый разъ проводитъ мысль объ антихристѣ мысленномъ, которая была охотно принята и развита лишь въ первой половинѣ XVIII столѣтія старообрядцами-безпоповцами. Мысль о томъ, что антихристъ пришелъ въ міръ и вступилъ въ свои права, была общею мыслію всѣхъ старообрядцевъ съ самаго начала русскаго раскола; она провозглашена самимъ основателемъ и главою раскола Аввакумомъ. «Теперь настало и идетъ время антихриста», говорилъ онъ, «нынѣшняя церковь нѣсть церковь, тайны божественныя не тайны, крещеніе не крещеніе, архіереи не архіереи, писанія лестна, ученіе неправедно и вся скверна и неблагочестива (1) Но при этомъ, какъ самъ Аввакумъ, такъ и слѣпые послѣдователи его не смѣли отрѣшиться отъ общецерковнаго понятія объ антихристѣ—*чувственномъ*, личномъ, и всѣми силами старались подмѣтить его въ комъ-либо изъ мнимыхъ отступниковъ отъ древле-православной вѣры. Долгое время самъ Аввакумъ не зналъ на кого указать, какъ на «человѣка беззаконія». Колебаніе его на первыхъ порахъ въ выборѣ и провозглашеніи антихристомъ извѣстной личности такъ было велико, что онъ иногда готовъ былъ отказаться отъ высказанной мысли, что царство антихриста наступило и проговаривался, что «антихристъ не пришелъ еще: но скоро уже будетъ; все уготовали предтечи его, и печатью людей бѣдныхъ, слѣпыхъ перепечатали тремя персты» (2). Но, подъ вліяніемъ фанатическаго раздраженія противъ православно-русской церкви

(1) Доп. къ Истор. акт. т. V стр. 445. Ист. др. и ист. прав. хр. ц. Каз. 1855 ч. II. 308.

(2) Кн. на крестоб. ересь въ сб. Аввакума сочиненій.

и противъ патріарха Никона, онъ, наконецъ, провозгласилъ антихристомъ самого Никона! Страшная мысль Аввакума объ антихристѣ-Никонѣ была подхвачена непосредственными его учениками, каковы, старецъ Авраамій и др., и чрезъ устную проповѣдь и сочиненія быстро и разнеслась по всей Россіи и Сибири. Какъ безразсудно увлеклись этою грозною мыслью ревнители старины, это показываетъ то, что сотни изъ нихъ съ рѣшительностію и духовнымъ восторгомъ въ домахъ и нарочно устроенныхъ срубахъ сами себя сожигали, чтобы только избѣгнуть власти антихриста. Но эта увѣренность въ антихристѣ-Никонѣ могла держаться только пока былъ живъ Никонъ. Съ кончиною его (1681 г.), казалось бы, можно было ожидать, что безумцы уразумѣютъ ложь. Но не такъ случилось. Обманувшись въ Никонѣ, старообрядцы-фанатики остановились на Петрѣ великомъ, который имъ казался совершенно имѣющимъ всѣ указанные въ св. писаніи и у отцевъ церкви признаки антихриста. Но и Петръ не оправдалъ надежды старообрядцевъ въ этомъ отношеніи. Тогда уже для фанатиковъ, не желавшихъ ни въ какомъ случаѣ разстаться съ ученіемъ Аввакума объ антихристѣ, ничего не оставалось лучшаго, какъ воспользоваться давно высказанными мыслями соловецкаго фанатика іеромонаха Ѳеоктиста, что «антихриста слѣдуетъ понимать мысленно, что онъ не составляетъ одной какой-либо личности, а «состоитъ изъ многихъ личностей, яко во единомъ тѣлеси живущихъ». Дѣйствительно, цѣлая половина изъ нихъ — безпоповцы воспользовались и пользуются этимъ неслыханнымъ ученіемъ, до настоящаго времени. Таковъ общій ходъ развитія въ старообрядчествѣ провозглашенной Аввакумомъ грозной мысли о наступившемъ царствованіи антихриста ([1]).

Соловецкіе монахи, слѣдуя по стопамъ первыхъ расколоучителей и слѣдя за всѣми явленіями въ раскольническомъ мірѣ, конечно, не могли не раздѣлять общаго вѣрованія старообрядцевъ въ антихриста-Никона, котораго они не любили не меньше, чѣмъ самъ Аввакумъ, Но и ученіе Ѳеоктиста

([1]) Подробности объ этомъ см. въ книгѣ «объ антихристѣ» г. Нильскаго 1859 г. Спб. «Вступленіе» стр. I—XXXVI, гдѣ указывается и на множество сочиненій, написанныхъ въ духѣ іером. Ѳеоктиста, уже послѣ него въ концѣ XVII, въ XVIII и XIX вв.

объ антихристѣ мысленномъ не могло не произвести на нихъ своего вліянія. Замѣчательно, что соловецкіе монахи въ многочисленныхъ своихъ челобитныхъ къ царю о старой вѣрѣ, постоянно указывая «на послѣднее время», ни разу не называютъ Никона антихристомъ, хотя имъ было извѣстно сказаніе о мнимомъ видѣніи Елеазара относительно Никона, что въ бытность его въ Анзерскомъ скитѣ во время совершенія литургіи его обнималъ и лобызалъ самъ адскій змій, какъ бы приготовляя его къ подвигамъ по званію антихриста. Не менѣе замѣчательно и то, что соловецкіе монахи относили кончину міра на 1691 г. (1), что не соотвѣтствовало обстоятельствамъ жизни и дѣятельности мнимыхъ антихристовъ Никона и Петра великаго. Изъ сего можно заключить, что сочиненіе и личныя бесѣды іеромонаха Ѳеоктиста произвели въ соловецкой братіи сначала смѣсь понятій объ антихристѣ чувственномъ и мысленномъ, а затѣмъ и совсѣмъ склонили ихъ на сторону мысленнаго. Что соловецкіе монахи пользовались сочиненіемъ Ѳеоктиста, въ этомъ нельзя сомнѣваться потому, съ одной стороны, что они были слишкомъ заинтересованы этимъ, какъ и другими старообрядческими вопросами; съ другой—сочиненіе Ѳеоктиста было внесено и сохранилось до насъ въ сборникахъ XVII в., принадлежащихъ Соловецкой обители. Такимъ образомъ та мысль объ антихристѣ мысленномъ, которая пригодилась въ началѣ XVIII ст. безпоповцамъ, въ стѣнахъ Соловецкой обители незамѣтно развивалась еще при началѣ раскола, когда еще не было безпоповцевъ. Но она и теперь не оставалось только въ стѣнахъ обители, хотя и не была пока въ силахъ измѣнить господствующаго понятія старообрядцевъ объ антихристѣ чувственномъ. Сочиненіе Ѳеоктиста скоро проникло къ старообрядцамъ за предѣлы соловецкіе, что свидѣтельствуется отчасти тѣмъ, что оно сохранилось въ сборникахъ XVII в., принадлежащихъ постороннимъ старообрядцамъ, каковы сборники Толстаго и Кашарина,—а главнымъ образомъ тѣмъ, что мысли Ѳеоктиста иногда высказывались не-

(1) Это впрочемъ было около 1674 г., а сначала вѣроятно и они ожидали кончины въ 1666 году.

посредственными учениками Аввакума. Такъ «Якунька Лепехинъ, ученикъ Аввакума» по словамъ Игнатія митрополита тобольскаго, въ Сибири говорилъ предъ старообрядцами «мысленно быти антихристу» и отвергалъ чувственное его пришествіе ([1]). Дьяконъ Өедоръ сначала, долгое время, вмѣстѣ съ Аввакумомъ, останавливавшійся на предтечахъ антихристовыхъ, чтобы подмѣтить скрывающагося между ними самаго антихриста, подъ конецъ своей жизни въ Пустозерскомъ острогѣ подобно Өеоктисту сталъ проповѣдывать, что «антихристъ—испадшая денница, зовомый дьяволъ, темный и помраченный языческій богъ», который «по развязаніи» (чрезъ 1000 л.) прежде всего напалъ на древній Римъ, потомъ «плѣнивъ литву», перешелъ въ Россію и сѣлъ окаянный въ Божіей церкви на мѣстѣ святѣмъ», составивъ изъ себя—«невидимаго змія», царя и патріарха (безлично) троицу пребеззаконную, пресвятѣй Троицѣ противницу» ([2]).

Такъ явилось на Соловецкихъ островахъ и сохранилось у немногихъ старообрядцевъ новое, оригинальное и противоположное общему старообрядческому ученію и вѣрованію безпоповщинское ученіе объ антихристѣ мысленномъ.

Впереди мы увидимъ, что самое старообрядческое безпоповство имѣло свои зародыши въ соловецкомъ стояніи за вѣру. Но теперь пока должны обратить вниманіе на то, какъ соловецкіе монахи жили подъ различными впечатлѣніями, которыя они до 1666 года постоянно испытывали по поводу борьбы православной церкви съ расколомъ, охватившей всю Россію.

---

(1) Игнат. тоб. III посл. къ паствѣ. Правосл. Соб. 1855 г. кн. 2.
(2) Сборн. сочин. діакона Өедора каз. акад. № 1992 «Посланіе священнострадальца дьякона Өедора о позпаніи антихристовой прелести» л. 172—188.

IV.

Вопросъ о нововводныхъ чинахъ.—Приговоръ 22 октября 1661 г. о нарѣчномъ пѣніи.—Неудавшаяся поѣздка архимандрита Варооломея въ 1663 г. въ Москву.—Возмущеніе братіи противъ уставщика Геронтія по поводу неточно отслуженной литургіи.—Слѣдствіе объ этомъ и наказаніе возмутителей.—Смуты священниковъ въ алтарѣ во время причащенія св. таинъ.—«Излюбный» приговоръ 16-го февраля 1663 года, которымъ положено не вводить въ богослуженіе никакихъ нововводныхъ чиновъ».

Возмущеніе соловецкихъ монаховъ имѣетъ строгую постепенность. Изъ предшествующей исторіи становится понятно, что нѣкоторое время они питали къ патріарху Никону простое неудовольствіе за его строгія отношенія къ нимъ и нѣкоторыя притязанія на ихъ святыню и богатство, которыя они привыкли считать неприкосновенными. Когда Никонъ коснулся церковно-обрядовой стороны вѣрованій русскаго народа, у простыхъ монаховъ, которыхъ вся догматика заключалась именно въ обрядахъ, невольно къ этимъ неудовольствіями примѣшалось подозрѣніе въ чистотѣ его вѣры, и они, ревнуя не по разуму, въ 1658 г. не приняли въ употребленіе новаго служебника. Но тѣмъ не менѣе монахи долгое время и послѣ 1658 г. не твердо стояли на пути противленій никоновымъ нововведеніямъ. Мы видѣли, что въ 1658 г. архимандриту Ильѣ стоило не малыхъ трудовъ заставить братію подписать приговоръ о непринятіи служебника, а нѣкоторые изъ священниковъ даже послали на него доносъ Никону. Это первый шагъ на пути сопротивленій монахи сдѣлали, можно сказать, лишь по принужденію со стороны неограниченно-властнаго своего настоятеля. Полное утвержденіе ихъ на указанномъ отъ настоятеля пути и дальнѣйшее шествіе зависѣло положительно отъ времени и обстоятельствъ. Нетвердость ихъ на этомъ пути замѣчается и во все время настоятельства архимандрита Вароодомея съ 1660 до 1666 г. Во все это время монахи стояли, такъ сказать, на перепутьѣ, не зная въ которую сторону склониться, и ожидая указаній отъ внѣ. Вышеприведенныя событія церковной жизни и движеніе умовъ въ Россіи по по-

воду различныхъ старообрядческихъ вопросовъ, производили на соловецкую братію пока еще двоякое впечатлѣніе. Монахи съ одной стороны видѣли, что Никонъ и его послѣдователи преслѣдуются, предаются суду и подвергаются изгнанію, а представители старообрядчества всюду встрѣчаютъ благоволеніе и сочувствіе; слышали, что Никонъ началъ было вводить въ Россіи «латинскую ересь», что онъ «антихристъ», или на худой конецъ «предтеча антихриста», что настали послѣднія времена, и т. д. Подъ впечатлѣніемъ этихъ явленій и слуховъ, монахи питали большія надежды на поворотъ дѣлъ въ пользу старообрядчества и сами готовы были стать головой противъ антихристовыхъ слугъ за неприкосновенность древле-православной вѣры. Но съ другой стороны, они еще не совсѣмъ потеряли уваженіе и страхъ къ своимъ, отъ Бога поставленнымъ, предержащимъ властямъ особенно къ государю. Между тѣмъ власти, преслѣдуя Никона, и оказывая благоволеніе старообрядцамъ, однако не возстановляли въ Россіи старообрядчества, не отмѣняли силы прежнихъ соборныхъ опредѣленій и указовъ по церковнымъ дѣламъ. Это обстоятельство сильно безпокоило монаховъ и невольно приводило нѣкоторыхъ къ мысли, что Никонъ преслѣдуется за что-нибудь другое, а не за церковныя нововведенія, что правительство нововведенія его признаетъ законными и неподчиняющихся имъ, въ числѣ коихъ они видѣли себя на первомъ мѣстѣ, рано или поздно можетъ подвергнуть наказанію. Въ виду подобнаго рода соображеній, не малая часть соловецкой братіи готовы были сдѣлать шагъ назадъ, т. е. чтобы не быть ослушниками предъ правительствомъ, особенно предъ царемъ, были не прочь ввести въ монастырскомъ богослуженіи по крайней мѣрѣ нѣкоторые новые порядки. Въ особенности на это способна была партія «умѣренныхъ» старообрядцевъ съ архимандритомъ Варѳоломеемъ во главѣ, которая оставалась при старыхъ порядкахъ только потому, что такъ было положено въ 1658 г. братскимъ приговоромъ.

Нужно и то сказать, что архимандритъ Варѳоломей иногда умѣлъ обуздывать порывы мятежной братіи, употребляя нерѣдко плети. Онъ строго слѣдилъ чрезъ своихъ учениковъ

за всѣми живущими въ монастырѣ и безъ милости «смирялъ» всѣхъ, кто осмѣливался словомъ или дѣломъ оказывать ему неуваженіе и непослушаніе. Въ 1666 г. братья въ своей челобитной къ царю, между прочимъ, писали: «а которые соборные старые старцы о монастырскомъ строеніи пекутся и скорбятъ, и ему архимандриту во всякомъ его безчиніи не согласуютъ, и онъ тѣхъ старцевъ всякимъ образомъ оскорбляетъ, безъ вины въ тюрьмы сажаетъ и въ трудѣ въ хлѣбнѣ и въ мукосѣйнѣ мучитъ, а иныхъ и плетьми бьетъ, чево отнюдь во святой обители не бывало, и отъ собору отставляетъ; старца Іосафа, бывшаго троицкаго келаря Александра ученика ([1]), за свою злобу безъ монастырскія вины билъ плетьми и отъ собору отказалъ, и священниковъ Пафнутія и Тимофея, а дьяконовъ Нила и Варлаама, и церковниковъ Тихона, Иринарха и Кирилла, и иныхъ многихъ, по ложному наговору учениковъ своихъ, безъ монастырскія вины, злобу свою исполняя, билъ плетьми безчеловѣчно,—въ три и въ четыре перемѣны,—едва и ожили; такоже и прикащиковъ усольскихъ, которые ему посуловъ не приносили и вина не возили; старцевъ: Дмитрія Субботина, да Игнатія, да Ѳеропонта, да Василья нынѣшнія зимы билъ на правежѣ во всю зиму безъ милости и безчеловѣчно, влежаче» ([2]). Когда кто нибудь изъ братіи, бывало, скажетъ Варѳоломею: «воленъ де Богъ и государь, и я учну де бить челомъ въ неправдѣ твоей великому государю», Варѳоломей «безстуднымъ образомъ съ яростію кричалъ и говорилъ: Богъ де высоко, а царь далеко, а я де тебѣ здѣсь учиню указъ,— и велитъ за то бить плетьми безчеловѣчно на смерть» ([3]). Самъ Варѳоломей въ своей челобитной къ царю въ 1666 г. не разъ упоминаетъ о томъ, что онъ съ соборной братіей смирялъ безчинниковъ всякимъ монастырскимъ смиреніемъ. Въ 1663 г. напр., по его словамъ, биты плетьми и посланы

([1]) Александръ Булатниковъ соловецкій постриженникъ, послѣ двадцатилѣтняго пребыванія въ Троицкой лаврѣ, въ 1642 г. снова поселился было въ Соловецкомъ монастырѣ, но въ 1649 г. отъ сильныхъ оскорбленій со стороны игумена Ильи и соловецкой братіи, опять ушелъ въ Троицкую лавру, гдѣ и скончался. Пр. Соб. 1879 г. Ноябрь. «Сол. м. предъ возмущ.».

([2]) Матеріалы для истор. раск. т. III. стр. 60. 61.

([3]) Тамъ же, стр. 54.

въ монастырскіе труды старцы: Герасимъ Фирсовъ и головщикъ Іона за то, что бражничали и пили табакъ (1). Въ 1664 г. стояли на правежѣ усольскіе прикащики: дьяконъ Игнатій, старцы Ѳерапонтъ, Василій, Демьянъ, Михаилъ и Пименъ (2) и т. д. Благодаря этой строгости Варѳоломея и остальная братія—строгіе старообрядцы—волей-неволей были покорные ему во всемъ, даже въ такихъ дѣлахъ, которые касались церковной обрядности и напоминали о Никоновыхъ нововведеніяхъ.

Готовность на всякія уступки въ религіозной жизни умѣренныхъ старообрядцевъ-монаховъ и покорность изъ страха предъ своимъ неограниченно-властнымъ настоятелемъ прочей братіи давали Варѳоломею полную возможность ввести въ монастырѣ новые церковные порядки, начиная съ употребленія новаго служебника. Но къ несчастію, самъ Варѳоломей, какъ мы уже знаемъ, былъ изъ такихъ личностей, которые двигаются лишь подталкиваемые со стороны. На своемъ настоятельствѣ онъ былъ «какъ трость вѣтромъ колеблемая»: съ одной стороны онъ боялся подвергнуться наказанію отъ начальства за старообрядчество, и дѣлалъ попытки въ монастырѣ къ введенію нѣкоторыхъ новыхъ чиновъ; съ другой—не могъ переносить укоризнъ со стороны братіи строгихъ старообрядцевъ и дѣлалъ имъ уступки.

Подъ вліяніемъ опасности подвергнуться наказанію, архимандритъ Варѳоломей въ 1661 году вздумалъ было ввести въ монастырѣ такъ называемое «нарѣчное пѣніе». 22 октября по этому поводу былъ созванъ черный соборъ, на которомъ, кромѣ самого Варѳоломея, были: келарь старецъ Савватій, казначей старецъ Боголѣпъ, соборные старцы, священники, дьяконы (3), головщики, крылошане, вся рядовая братія и больничные старцы. Вопросъ обсуждался такъ: «по указу великаго государя, царя и великаго князя Алексѣя

(1) Матеріалы для истор. раск. т. III стр. 87.
(2) Тамъ же, стр. 97.
(3) Имена соборныхъ старцевъ: Варсонофій, Іосифъ, Діонисій, Памфилъ, Селивестръ, Александръ, Илларіонъ, Александръ Стукаловъ и Іоиль; священниковъ: Витайло, Симеонъ, Садифъ, Никонъ, Іосифъ, Леонтій, Веніаминъ, Геронтій, Елевферій, Артемій, Варлаамъ, Пафнотей, Ананія, Ипполитъ и Трифонъ; дьяконовъ: Еремей, Аверкій, Игнатій, Гедеонъ, Іевъ и Митрофанъ.

Михайловича... въ царствующемъ градѣ Москвѣ, въ великой соборной и апостольской церкви Успенія Пресвятыя Владычицы нашея Богородицы и Приснодѣвы Маріи, и во всѣхъ обителѣхъ и во градѣхъ по церквамъ (существуетъ) пѣніе церковное нарѣчно»; между тѣмъ «въ Соловецкомъ монастырѣ пѣніе поютъ по стариннымъ знаменнымъ переводамъ, въ которыхъ «многія рѣчи писаны не противъ печатныхъ правленныхъ книгъ». Поэтому нужно и «въ Соловецкомъ монастырѣ учинить такое же пѣніе нарѣчное,.... чтобъ въ церкви едино было согласіе». И архимандритъ Варѳоломей, и келарь... и вся братія такимъ образомъ посовѣтовавшись между собою, приговорили: «съ сего времени быти въ монастырѣ церковному пѣнію нарѣчіемъ, противъ правленныхъ печатныхъ книгъ». Братскій приговоръ объ этомъ сохранился въ современномъ спискѣ, изъ котораго однако не видно: былъ, или нѣтъ онъ утвержденъ подписью всего братства ([1]). Но тѣмъ не менѣе есть основаніе думать, что нарѣчное пѣніе съ этихъ поръ нѣкоторое время было въ употребленіи въ монастырѣ. На это указываетъ жалоба Варѳоломея на дьякона Нила, что онъ въ 1663 году «коварствомъ своимъ во многой братіи порокъ учинилъ, что (и) нарѣчному пѣнію не слышену быти» ([2]). Притомъ вопросъ о чинномъ «единогласномъ» и «нарѣчномъ» пѣніи долгое время не былъ для самихъ раскольниковъ камнемъ преткновенія,—они вначалѣ путались исключительно на такихъ вопросахъ, какъ сложеніе перстовъ, сугубая аллилуіа и т. п. ([3]). При всей узкости взгляда старообрядцевъ на обрядовую сторону религіи, они понимали укоренившееся чрезъ небреженіе и невѣжество «безобразіе» въ церковномъ пѣніи, въ родѣ пѣнія въ одно и тоже время въ различныхъ мѣстахъ храма, разными лицами, разныхъ молитвъ ([4]), или въ родѣ того, какъ пѣлъ сергіевскій головщикъ Логинъ: «Аврааму и сѣмени его до

([1]) Матер. для истор. раск. т. Ш. стр. 13.

([2]) Тамъ же, стр. 99.

([3]) Истор. раск. Макарія, стр. 184—195. Ист. Русск. церкви Филарета, пер. IV, стр. 162.

([4]) Грамот. новг. митр. Никона въ Солов. м. о единогласномъ пѣніи, 1651 г. Ист. оп. Сол. мон. ч. III, стр. 225.

вѣка» ([1]). Поэтому исправленіе церковнаго пѣнія началось въ Россіи раньше исправленія другихъ обрядовъ и совершилось почти безъ протестовъ со стороны нелюбителей нововведеній. Поэтому и соловецкіе монахи въ 1651 г. выполнили распоряженіе своего митрополита Никона о единогласномъ пѣніи безъ всякихъ возраженій ([2]). Поэтому же отчасти они рѣшились теперь ввести у себя и «нарѣчное пѣніе по новоправленнымъ печатнымъ книгамъ», хотя главнымъ побужденіемъ къ тому былъ, какъ мы сказали, страхъ навлечь на себя гнѣвъ царя, который особенно былъ расположенъ къ новому пѣнію. Но все-таки это нововведеніе недолго оставалось въ монастырѣ, потому что въ числѣ братіи скоро нашлись люди, которые и перемѣну въ пѣніи стали относить къ нововводнымъ еретическимъ чинамъ. Таковъ дьяконъ Нилъ, учинившій въ 1663 году въ братствѣ порокъ, что и «нарѣчному пѣнію не слышену быти» ([3]). Въ монастырѣ поэтому противъ Варѳоломея поднялся ропотъ; онъ сталъ «отъ многихъ старцевъ слышать укоризну» ([4]). Дѣло, наконецъ, дошло до того, что головщики по монастырскимъ церквамъ снова начали выпѣвать «по стариннымъ знаменнымъ переводамъ». Но Варѳоломей не вдругъ поддавался вліянію строгихъ старообрядцевъ. Въ генварѣ 1663 г. онъ «на соборѣ» снова «говорилъ братіи, чтобы быть по указу великаго государя и по архіерейскому соборному изложенію въ Соловецкомъ монастырѣ нарѣчному пѣнію по чину, какъ соборная церковь содержитъ и какъ поется въ церкви Успенія Пресвятыя Богородицы (въ Москвѣ)». Затѣмъ, «призвавъ священниковъ и дьяконовъ въ алтарь, онъ говорилъ имъ особо и о нарѣчномъ пѣніи, и о службѣ». Но толку было мало; священники и братія на этотъ разъ повидимому отнеслись къ новымъ предложеніямъ его несочувственно. А дьяконъ Нилъ, будучи съ прочими въ алтарѣ, позволилъ себѣ даже «учинить великій шумъ: учалъ на Варѳоломея

([1]) Истор. Р. ц. Филарета IV, стр. 138.
([2]) Истор. опис. Сол. мон. 1836 г. ч. III, стр. 138.
([3]) Замѣчательно, что Нилъ не упоминается между дьяконами въ братскомъ приговорѣ 22 окт. 1661 г. см. Матер. стр. 13.
([4]) Тамъ же, стр. 113.

кричать: держишь де ты уставщика попа Геронтія, да и ты де еретикъ, онъ де тебя ереси и научилъ, а Арсеній де грекъ научилъ ереси патріарха Никона, а патріархъ де Никонъ будто научилъ ереси, а ково, и тово,—говорилъ Варѳоломей на соборѣ 1666 г.—повѣдать мнѣ на письмѣ невозможно» (т. е. государя) ([1]). Варѳоломей жаловался на Нила «на соборѣ келарю и казначею» и онъ былъ «за то его безчинство смиряемъ монастырскимъ смиреніемъ» ([2]), «битъ плетьми,—едва и ожилъ» ([3]). Однако протестъ его, поддержанный, вѣроятно, нѣкоторыми изъ братіи, не остался безъ послѣдствій: Варѳоломей не сталъ больше настаивать на нарѣчномъ пѣніи, не желая переносить укоризны отъ братіи, хотя были еще въ братствѣ люди, не предубѣжденные противъ этого нововведенія. Старецъ Герасимъ Ѳирсовъ въ 1666 году въ Москвѣ на соборѣ говорилъ: «а нарѣчнаго пѣнія въ Соловецкомъ монастырѣ не поютъ и повелѣнія о нарѣчномъ пѣніи отъ архимандрита не бывало, а какъ бы отъ архимандрита повелѣніе было, и мы бъ пѣть стали» ([4]).

Такъ кончилась первая попытка архимандрита Варѳоломея ввести въ монастырѣ нѣкоторыя нововводныя чины. Эта неудача и возмущеніе братіи въ 1663 г. по поводу подозрѣнія уставщика Геронтія въ нововведеніяхъ имѣла на Варѳоломея рѣшительное вліяніе. Не желая испытыть укоризнъ отъ братіи, и не видя напоминаній о новыхъ порядкахъ изъ Москвы, онъ съ этихъ поръ отложилъ всякое попеченіе о нововведеніяхъ; напротивъ, сталъ съ прочей братіей самъ заботиться о сохраненіи старыхъ порядковъ. Чрезъ это онъ не только избавился братскихъ укоризнъ, но и заслужилъ отъ нѣкоторой братіи неподдѣльное уваженіе, а главное пріобрѣлъ новую силу къ удержанію братіи въ подчиненіи себѣ.

Возмущеніе братіи противъ уставщика Геронтія произошло въ отсутствіи Варѳоломея, отправившагося было въ

([1]) Матер. для истор. раск. ч. III, стр. 80. Нужно замѣтить, что въ Соловецкомъ монастырѣ начинается подозрѣніе въ ереси на самого государя, которое въ дальнѣйшей исторіи возмущенія постепенно увеличивалось.

([2]) Тамъ же, стр 99.

([3]) Тамъ же, стр. 54.

([4]) Тамъ же, стр. 108.

Москву, но воротившагося назадъ вслѣдствіе невозможности переплыть море, а также и вслѣдствіе происшедшихъ въ монастырѣ безпорядковъ. Мы говорили уже о поѣздкѣ его въ Москву въ 1664 году, «о хлѣбной скудости и о иныхъ монастырскихъ дѣлахъ милости у великаго государя просити». Эта поѣздка предположена была въ генварѣ 1663 г. О поѣздкѣ Варѳоломея просило все братство (1), и онъ «не положивъ братскаго челобитья въ презрѣніе», послѣ 12 генваря отправился было въ путь. Управленіе монастыремъ поручено было келарю старцу Савватію съ соборной братіей, которые приговоромъ отъ 12 генваря положили: «и кто отъ насъ въ Соловецкомъ монастырѣ изъ братіи, миня сей приговоръ, въ его архимандричьѣ въ московскомъ проѣздѣ и во всякой издержкѣ станетъ роптать, или какой въ братствѣ мятежъ чинить, и намъ тѣмъ плутамъ не потакать и за такое безчиніе соборомъ смирять монастырскимъ смиреніемъ безъ пощады» (2). Но эта самоувѣренность соборныхъ старцевъ не оправдалась на дѣлѣ: лишь только Варѳоломей оставилъ обитель, соборные старцы сами увидѣли, что безъ настоятеля они совершенно не въ силахъ обуздывать мятежную братію и горько пожалѣли, что отпустили настоятеля. Дѣло въ томъ, что нѣкоторымъ изъ священниковъ, братіи и слугъ надоѣло оставаться безъ обычныхъ мятежей въ монастырѣ. Пользуясь отсутствіемъ своего настоятеля, который часто смирялъ ихъ плетьми, они подняли между собою различнаго рода церковные споры, которые легко могли разрѣшиться междоусобіемъ. «Послѣ моего поѣзду къ Москвѣ», говоритъ Варѳоломей отъ себя въ соборномъ приговорѣ отъ 16 февраля 1663 г. «учинилась въ монастырѣ въ братіи и въ мірскихъ людяхъ великая смута, будто священницы и дьяконы начали службу служить не такъ, какъ было при мнѣ, архимандритѣ, и въ службу ввели чины нововводные, и подаяніе божественныхъ и животворящихъ таинъ, тѣло Христово, учали подавать священницы священникамъ и дьяконамъ иной въ сѣверную сторону, а иной въ

(1) Приговоръ, впрочемъ, подписанъ только соборной братіей и то далеко не всѣми. Тамъ же, стр. 14.

(2) Матер. для ист. раск. т. III. стр. 16.

лѣтнюю (южную) сторону, и о томъ у нихъ въ церкви Божіей и въ алтарѣ во время божественные службы и святаго причащенія стала смута и вражда велія» (1). Къ неудовольствію мятежниковъ, и къ удовольствію соборной братіи, не знавшей что дѣлать съ мятежниками, Варѳоломей сразу не могъ попасть на берегъ чрезъ бурное зимнее море. Послѣ двѣнадцатидневнаго плаванія между льдами, онъ былъ на своей лодкѣ прибитъ обратно къ Анзерскому острову и остановился на *торосѣ* (2), въ ожиданіи болѣе благопріятной къ отъѣзду погоды. Пользуясь этою неожиданною пріостановкою Варѳоломея, соборные старцы поспѣшили къ нему на торосъ съ челобитною такого рода: «умилостивися, государь отецъ нашъ, святый архимандритъ Варѳоломей, пожалуй насъ нищихъ, возвратися въ Соловецкій монастырь къ своей отеческой паствѣ; а какъ Богъ дастъ лѣтнее время, и мы паки тебѣ, государю отцу своему, будемъ бить челомъ; а нынѣ, государь, трудовъ твоихъ для насъ нищихъ было и такъ не мало; а мы нищіе не въ указъ глаголемъ: хотя нынѣ тебя, государя отца нашего, Богъ и на берегъ вынесетъ, а царствующаго града Москвы нынѣшнимъ зимнимъ путемъ не достигнуть же, потому что приближается время весненое. Государь отецъ нашъ, святый архимандритъ смилуйся» (3)!

Варѳоломей сначала колебался, не хотѣлъ возвращаться въ монастырь, желая, чтобы вопросъ о возвращеніи его въ монастырь былъ рѣшенъ не одними соборными старцами, а всѣмъ братствомъ. 10 февраля онъ послалъ въ монастырь на имя келаря Савватія съ соборомъ и братствомъ грамату, спрашивая: «еще ли намъ подождать морскаго пути, или ѣхать въ монастырь» (4)? Между тѣмъ онъ, по первымъ полученнымъ свѣдѣніямъ о братскомъ возмущеніи нарочно послалъ въ монастырь чернаго дьякона Аверкія съ отпискою къ соборной братіи, поручая имъ сыскать про мятежи «накрѣпко, не наровя никому, и сыскавъ, подлинно отписать

---

(1) Матеріалы для истор. Раск. т. III. стр. 40.

(2) Торосомъ въ поморьѣ называется ледъ, скученный въ одну массу и примерзшій къ берегамъ.

(3) Матеріалы для истор. раск. стр. 17.

(4) Тамъ же, стр. 23.

къ нему». Но вмѣсто отвѣта на эту первую грамату, были получены частнымъ путемъ новыя свѣдѣнія о такихъ братскихъ «безчинствахъ и озорничествахъ, каковыхъ вѣкъ не слыхано въ обители чудотворцевъ». Варѳоломей вслѣдствіе этого отправилъ въ монастырь съ нарочнымъ вторичную грамату къ соборнымъ монахамъ и ко всему братству. Въ этой граматѣ онъ, между прочимъ, писалъ: «и вамъ бы ся наша грамата и первая, коя послана съ дьякономъ Аверкіемъ, велѣть вычесть на всемъ соборѣ при братьѣ и при мірскихъ людехъ, а отнюдь бы такому дурну не потакнути, и отъ ково такой чинъ и мятежъ учинился, велѣть ихъ посадить въ тюрьму до нашего указу; а буде про то допряма сыску не учините, или кому снаровите, а намъ про то вѣдомо учинитца, и мы будемъ въ монастырѣ про то сами сыскать. А кто при мнѣ въ монастырь ни прихаживалъ, всѣ били челомъ по вѣрѣ потружатца святымъ чудотворцамъ, а не началить намъ и не ругатца братьѣ и намъ; по государеву указу приказано во обители вѣдать намъ, а не Сидору Хломыгѣ съ товарищи» ([1]). Но и послѣ этого миръ въ монастырѣ не водворялся, такъ что передовая монастырская братія вынуждена была снова просить Варѳоломея возвратиться въ монастырь. Съ этою цѣлію отправлялись къ нему: келарь, казначей, священники, головщики, старцы приказные и нѣкоторые изъ рядовой братіи и просили, чтобы онъ самъ, возвратившись въ монастырь, сыскалъ и умирилъ братію, потому что «въ братіи и въ мірскихъ людяхъ учинилась смута большая, въ церкви Божіей и въ алтарѣ несогласіе» ([2]).

Теперь только Варѳоломей согласился возвратиться въ монастырь и немедленно приступилъ къ слѣдствію и къ усмиренію возмутившейся братіи. «Какъ было въ монастырь не ѣхать назадъ», писалъ онъ 14 февраля въ Москву къ строителю подворья старцу Іосифу; «не вѣдомо чему было быть: токмо нынѣ Богъ умирилъ на колико время»» ([3]).

([1]) Матер. для истор. раск. т. III. стр. 24.
([2]) Тамъ же, стр. 17.
([3]) Тамъ же, стр. 35.

Возмущеніе братіи въ это время, какъ мы замѣтили выше, произошло по поводу подозрѣнія въ склонности къ нововведеніямъ уставщика попа Геронтія. Въ исторіи соловецкаго возмущенія вообще Геронтію принадлежитъ весьма важное мѣсто. Какъ человѣкъ довольно начитанный и способный сражаться съ противной стороной на словахъ и на бумагѣ, онъ съ 1666 г. является душой соловецкаго старообрядческаго братства. Онъ былъ сынъ чебоксарскаго подьячаго, называвшійся въ мірѣ Григорій Ивановъ Рязановъ. Въ Соловецкій монастырь пришелъ въ концѣ сороковыхъ годовъ и постриженъ въ монашество въ 1650 г. (¹). При архимандритѣ Варѳоломее получилъ санъ священника и поставленъ уставщикомъ. Онъ не былъ до фанатизма предубѣжденъ противъ новыхъ церковныхъ книгъ, а только «боялся суда Божія признать ихъ православными безъ свидѣтельства съ харатейными книгами». Въ послѣднее время онъ достовѣрнаго увѣренія въ этомъ просилъ у новгородскаго митрополита Іоакима; но такъ какъ не могъ выбраться изъ запертаго монастыря и лично явиться къ нему, то и оставался колеблющимся старообрядцемъ до выхода изъ монастыря въ 1674 г. (²).

Не смотря однако на свою нетвердость въ убѣжденіяхъ, Геронтій принималъ самое живое участіе въ отстаиваніи старыхъ церковныхъ порядковъ особенно, послѣ 1666 года. Въ подтвержденіе этого достаточно упомянуть, что перу Геронтія принадлежитъ знаменитая соловецкая челобитная 1667 г. о вѣрѣ. Но соловецкіе монахи-старообрядцы на первыхъ порахъ плохо понимали его и относились къ нему подозрительно. Поводомъ къ этимъ подозрѣніямъ со стороны братіи служило, по всей вѣроятности, сближеніе Геронтія съ архимандритомъ Варѳоломеемъ, который въ глазахъ братіи не пользовался репутаціей. Архимандритъ Варѳоломей въ первые же годы своего настоятельства включилъ Геронтія въ число своихъ любимцевъ-совѣтниковъ и поставилъ на довольно видный монастырскій постъ соборнаго уставщика. Геронтій

(¹) Матер. для ист. раск. т. III. стр. 39.
(²) Акты истор. т. IV. стр. 532 и слѣд.

съ этихъ поръ былъ правою рукою Варѳоломея въ дѣлахъ монастырскаго церковнаго богослуженія. Можно полагать, что Варѳоломей во многихъ случаяхъ, когда дѣло касалось богослуженія, поступалъ по совѣту Геронтія, какъ человѣка хорошо изучившаго церковный уставъ. Не даромъ же дьяконъ Нилъ кричалъ въ алтарѣ, что Варѳоломей держится еретика попа Геронтія, который его и научилъ Никоновой ереси.

При отъѣздѣ въ Москву, Варѳоломей поручилъ Геронтію, какъ соборному уставщику, главное наблюденіе за точнымъ выполненіемъ церковнаго богослуженія въ монастырѣ. Въ этомъ случаѣ Геронтій стоялъ выше келаря, казначея и соборной братіи, которые были преимуществу изъ простыхъ, иногда безграмотныхъ монаховъ, и которымъ поэтому «алтарное дѣло было не заобычай». Геронтій обязанъ былъ строго слѣдить за всѣми священниками, чтобы никто изъ нихъ при совершеніи богослуженія не отступалъ отъ принятыхъ въ монастырѣ правилъ ни на одну іоту. Но для Геронтія безъ настоятеля оказалось это дѣло совершенно невозможнымъ, тѣмъ болѣе, что онъ за свою близость къ настоятелю и за такое довѣріе къ нему послѣдняго скоро нажилъ себѣ враговъ и завистниковъ. Лишь только Варѳоломей оставилъ монастырь, священники перестали слушаться Геронтія и начали при богослуженіи производить смуты и раздоры въ самомъ алтарѣ. Мало этого,—враги Геронтія, между коими были [1]: келарь Савватій и старшій монастырскій священникъ Леонтій, чтобы уронить репутацію Геронтія въ глазахъ братіи, стали возводить обвиненія въ нововведеніяхъ на самого Геронтія. Благодаря этому, почти все братство и слуги были въ высшей степени подозрительно настроены противъ Геронтія и слѣдили за каждымъ его шагомъ. Малѣйшій случай, напоминающій о склонности его къ нововведеніямъ, могъ послужить поводомъ къ возстанію противъ него всѣхъ строгихъ ревнителей старины. Случай этотъ скоро представился и братство такъ возмутилось, что Геронтій не безъ основаній опасался за свою жизнь.

---

(1) Матер. для истор. раск. т. III. стр. 22.

Однажды, когда начали у монастырскихъ священниковъ происходить въ самомъ алтарѣ соблазнительныя и кощунственныя споры изъ-за порядка пріобщенія св. таинъ, Геронтій сходилъ къ келарю Савватію, чтобы попросить его примирить между собою священниковъ. Въ монастырѣ по этому поводу «промчалась молва, будто онъ приходилъ къ келарю съ Виталомъ (священникъ, который въ 1658 г. послалъ къ патріарху Никону челобитную на архимандрита Илью) и просилъ новыхъ служебниковъ, чтобы по нимъ служить», хотя Геронтій боялся и подумать объ этомъ. «Я тебѣ государю», писалъ онъ Варѳоломею въ свое оправданіе, «на душу представляю свидѣтеля Господа Бога, что ни въ умѣ моемъ, ни въ помышленіи того никогда не бывало, чтобы желать новыхъ служебниковъ: кое мнѣ пріобрѣтеніе спасенію, что желать новаго? Довлѣетъ мнѣ на спасеніе послѣдовать преданію преподобныхъ чудотворцевъ». Молва быстро превратилась въ «великую смуту и мятежъ». Братія и міряне уже сбирались «побить» Геронтія «камнями». Между тѣмъ новый случай вызвалъ новое рѣшительное подозрѣніе со стороны всего братства къ Геронтію, какъ нововводителю. Случай этотъ заключается въ слѣдующемъ. 7-го февраля, въ субботу, Геронтій съ священникомъ Варлаамомъ и дьякономъ Іовомъ совершалъ въ Благовѣщенскомъ храмѣ (¹) заупокойную литургію по старцѣ Гуріѣ. За литургіей стояли попреимуществу слуги и трудники, которые ревновали по старой вѣрѣ не меньше, если не больше, чѣмъ сами монахи, и строго наблюдали за точнымъ выполненіемъ при богослуженіи самыхъ мелочныхъ правилъ. Между тѣмъ случилось, что дьяконъ на этотъ разъ прочиталъ Евангеліе безъ пелени на аналоѣ и безъ свѣчи, а пономарь, по заамвонной молитвѣ, не вынесъ изъ алтаря святыни (антидора). Это упущеніе показалось слугамъ такимъ непростительнымъ нововведеніямъ, что они, не выходя изъ храма, потребовали отъ пономаря старца Игнатія Драницына объясненія. Пономарь, не желая быть въ глазахъ братіи и слугъ человѣкомъ безпечнымъ, отвѣчалъ, что такъ было приказано отъ свя-

---

(¹) Этотъ храмъ надъ «святыми» воротами существуетъ до сихъ поръ.

щенника Геронтія, который и безъ того уже у братіи былъ въ сильномъ подозрѣніи. Поэтому слуги, подъ предводительствомъ Сидора Хломыги, всей толпой явились къ келарю и казначею «и били челомъ со злезами на Геронтія что де въ службѣ являетъ новое». Въ тотъ же день во время вечерни келарь, казначей и соборный старецъ Діонисій, призвавъ Геронтія къ себѣ, въ присутствіи многочисленнаго собранія братіи и мірянъ, «начали истязать его съ кручиною». Келарь сказалъ Геронтію: «приходили ко мнѣ сегодня міряне— Григорій Яковлевъ Черный, Сидоръ Хломыга и Ѳедотъ токарь съ товарищи, больше десяти человѣкъ и жаловались, что ты все служишь по новому и сталъ почитать новины,—дьяконъ Евангеліе челъ безъ свѣчи и пелены на налоѣ не было и святыни пономарь не выносилъ по заамвонной молитвѣ»? Геронтій отвѣчалъ на это: «то пономарская служба, а не моя, мнѣ до того и дѣла нѣтъ, и молитву заамвонную говорилъ не я». Призванъ былъ и спрошенъ пономарь старецъ Игнатій: «почему сего и сего въ службѣ у него не было»? И онъ, пишетъ Геронтій Варѳоломею, «Богъ его вѣсть дьявольскимъ ли наученіемъ, или человѣческимъ, или онъ умоизступивъ, сказалъ при всѣхъ будто я ему не велѣлъ». Послѣ этого Геронтій предъ келаремъ «клялся всякими клятвами по священству, что у него по новому въ божественной службѣ не было ничего.... Со слезами просилъ милости у келаря и казначея, чтобы мужикамъ мятежникамъ не повѣрили, велѣли сыскать про то до-пряма, при чемъ ссылался въ свое оправданіе на священника и дьякона, которые съ нимъ вмѣстѣ служили 7 февраля. Но келарь и казначей порадовались «безвременью» Геронтія, «повѣрить оправданія его не изволили, о томъ праведнаго сыску не учинили, священника и дьякона не допросили». Вмѣсто дальнѣйшихъ изслѣдованій дѣла, они приказали Геронтію «беречься», потому что противъ него возстали «вся братія и міряне», а нѣкоторые изъ присутствующихъ при этомъ сказали Геронтію, какъ бы въ поясненіе предостереженія со стороны келаря и казначея: «хотятъ де тебя каменіемъ побити, — оттого поберегись».

Такимъ образомъ уставщикъ Геронтій обвиненъ былъ

въ церковныхъ нововведеніяхъ публично въ соборномъ храмѣ почти предъ всѣмъ братствомъ. Послѣ этого по всему монастырю «начался», по выраженію Геронтія, «мятежъ великій». Одни шумѣли, что Геронтій служитъ по новому и дѣйствительно, сбирались побить его камнями; другіе призывали братію и мірянъ «стоять твердо,—а невѣдомо стоять въ чемъ»; нѣкоторые же издѣвались надъ мнимымъ еретикомъ, закладывая окошка его сѣней человѣческимъ пометомъ. Положеніе Геронтія теперь было самое безвыходное: онъ былъ совершенно одинокимъ во всемъ многочисленномъ братствѣ. Всѣ были вооружены противъ него, и не одинъ человѣкъ не хотѣлъ и не смѣлъ сказать въ защиту его ни одного слова. Понимая всю опасность своего положенія, Геронтій скрылся въ своей кельѣ и сидѣлъ безвыходно проводя время «въ кручинѣ, печали и слезахъ». Въ такомъ положеніи онъ находился въ то время, когда Варѳоломей возвратился съ моря къ Соловецкимъ берегамъ. Возвращеніе его казалось Геронтію особенною къ нему милостію Божіею. Въ защитѣ Варѳоломея, «ради котораго онъ страдалъ, выполняя его повелѣнія», онъ видѣлъ для себя единственное спасеніе. Потому онъ поспѣшилъ послать изъ своего уединенія къ Варѳоломею на торосъ письмо. Описавъ подробно все, что произошло въ монастырѣ послѣ отъѣзда Варѳоломея онъ просилъ его со слезами, «чтобы избавилъ отъ бѣды и мятежу, позволилъ бы по Христову словеси дать мѣсто гнѣву», уволивъ его въ Анзерскій скитъ, или въ Сороку (¹), или же, въ крайнемъ случаѣ отставивъ «отъ устава и книгъ (церковныхъ)... Воистинну, государь, боюся, чтобы душею и тѣломъ мнѣ напрасно отъ лихихъ людей внезапу не погибнуть,—государь смилуйся! Кромѣ тебя, государя, по Господѣ Богѣ иного помощникомъ въ бѣдѣ своей не имѣю... Аще бы я вѣдалъ на себя такую бѣду, и я бы умеръ окаянный у твоей отеческой милости». Въ заключеніе просилъ Варѳоломея и о томъ, чтобы онъ не показывалъ его граматки келарю и священнику Леонтью, «чтобы они ему чего еще не приба-

(¹) Сорока — монаст. прибрежное селеніе, гдѣ была монастырская церковь и подворье. Истор. оп. Сол. м. ч. II. стр. 417. изд. 1836 г.

вили» (1). Но Варѳоломей вскорѣ возвратился въ самый монастырь и приступилъ немедленно къ изслѣдованію дѣла.

Производство слѣдствія по дѣлу о совершенной 7 февраля Геронтіемъ литургіи и о произшедшихъ изъ за оной волненіяхъ въ братствѣ, отъ Варѳоломея поручено было соборнымъ старцамъ Діонисію и Ларіону. Въ виду близкаго присутствія своего настоятеля, слѣдователи повели дѣло безпристрасно. 13 февраля въ монастырскую трапезу призваны были: священники—Геронтій и Варлаамъ, дьяконъ Іовъ, пономарь Игнатій и мірскіе люди, которые 7 февраля были въ Благовѣщенскомъ храмѣ у обѣдни. Спрашивали каждаго порознь, по статьямъ; священниковъ и дьяконовъ—по священству, пономаря Игнатія—по иноческому обѣщанію, а мірскихъ людей—слугъ—по государеву крестному цѣлованію.

По изслѣдованію открылось, что причиною упущеній во время литургіи 7 февраля и первоначальныхъ смущеній трудниковъ, бывшихъ на литургіи, были исключительно безпечность и клевета на Геронтія со стороны пономаря старца Игнатія Драницына. Онъ самъ не нашелъ пелены подъ евангеліе, не поставилъ предъ налой свѣчи и не вышелъ послѣ заамвонной молитвы со святыней, а между тѣмъ, когда спросили его объ этихъ упущеніяхъ трудники, сказалъ имъ, что такъ было приказано отъ первенствовавшаго въ служеніи священника Геронтія. Геронтій не только не отдавалъ Игнатію подобнаго приказанія, напротивъ самъ помогалъ ему искать пелену, а когда священникъ Варлаамъ возвратился послѣ заамвонной молитвы въ алтарь и спросилъ Геронтія: почему пономарь не вынесъ святыни,—то въ свою очередь послѣдній спросилъ Варлаама: для чего онъ пономаря къ себѣ не кликалъ?—Варлаамъ же отвѣтилъ: «я, молитву говоря, того пономаря и не догадался».

При настоящемъ слѣдствіи пономарь Игнатій самъ сознался и въ своей безпечности и въ клеветѣ на Геронтія. Изъ его показаній какъ нельзя лучше видно то, какимъ образомъ произошли упущенія за литургіей. Вотъ его пока-

(1) Матеріалы для ист. раск. стр. 19—23.

занія: «пелены де онъ, Игнатій, подъ Евангеліе на налои положити искалъ, какъ дьяконъ честь изъ алтаря вышелъ, и вскорѣ сыскати не могъ, а въ то де время діаконъ и Евангеліе прочелъ; потому де онъ и со свѣчею къ діакону на чтеніи вытти не поспѣлъ, что де пелены искалъ; а на выходѣ онъ, пономарь, со священники и съ діакономъ со свѣчею былъ; а какъ де заамвонную молитву священникъ говорилъ, и онъ де въ то время со святынею самъ изъ алтаря вытти въ церковь не поспѣлъ своимъ мотчаньемъ, а нихто де ему не заказывалъ»... На очной ставкѣ съ священниками Геронтіемъ и Варлаамомъ и діакономъ Іовомъ Игнатій повинился предъ ними въ томъ неисправленіи, прибавивъ, что онъ будетъ «на соборѣ у архимандрита Варѳоломея и у всего собору прощенія просити и возмущеніе свое объявити, а ихъ священниковъ Геронтія и Варлаама и дьякона отъ того неисправленія во всемъ очистити».

Изъ бывшихъ 7 февраля на литургіи слугъ, были призваны къ допросу: сотникъ Василій, Григорій Яковлевъ, Ѳедотъ токарь, подъячій Ѳедоръ Васильевъ и дьячекъ Ѳедотъ Москвитинъ. Имъ были предложены два вопроса: 1) «какое неисправленіе и нововведенный чинъ они замѣтили въ литургіи 7 февраля, и 2) по какому умыслу ходили къ келарю и казначею бить челомъ на священника Геронтія»?— На первый вопросъ они отвѣчали, что кромѣ недостатка при чтеніи Евангелія пелены и свѣчи и не выноса изъ алтаря святыни «иного неисправленія и нововводнаго чину, они слуги, не видѣли и ничего не знаютъ, потому что въ алтарь не входятъ». Отвѣтъ ихъ на второй вопросъ имѣлъ тотъ смыслъ, что они въ этомъ случаѣ были введены въ заблужденіе пономаремъ Игнатіемъ, сказавшимъ, что упущенія произошли по волѣ священника Геронтія. «По той пономаревой игнатьевой рѣчи они собрався къ келарю и казначею на уставщика Геронтія и били (челомъ)». Послѣ того какъ были переспрошены порознь всѣ эти лица, пономарь Игнатій и съ ними былъ поставленъ «съ очей на очи»; и на этой сличной ставкѣ онъ во всемъ повинился, сказавъ, что «тѣ рѣчи имъ слугамъ послѣ обѣдни въ храмѣ и на вечернѣ предъ келаремъ и казначеемъ на уставщика сказывалъ», при чемъ

еще разъ повторилъ свое обѣщаніе просить прощенія во всемъ предъ настоятелемъ и соборомъ, „чтобы впредь о томъ напрасныя смуты и мятежу отъ его ложныхъ рѣчей въ обители не было".

Такимъ образомъ Геронтій былъ оправданъ отъ клеветы, взведенной на него пономаремъ Игнатіемъ и надѣлавшей въ монастырѣ столько шуму и горя ему лично. Но про Геронтія, во время братскихъ смутъ, была пущена и другая молва, не менѣе важная, чѣмъ упущеніе въ литургіи 7 февраля. Про него говорили, что онъ совершалъ литургію 7-го февраля даже «безъ агнца». Но Геронтію теперь обстоятельства благопріятствовали. Личное присутствіе въ монастырѣ настоятеля съ одной стороны заграждало уста клеветниковъ, съ другой—давало ему смѣлость требовать разоблаченія всѣхъ ложныхъ слуховъ, пущенныхъ про него въ братство. Когда еще не было окончено слѣдствіе о первой клеветѣ, онъ заявилъ слѣдователямъ Діонисію и Ларіону, что слуга Ѳедоръ котельникъ говоритъ предъ братіей, что будто онъ, Геронтій съ священникомъ Варлаамомъ и діакономъ Іовомъ служили (7 февр.) «безъ агнца», а тѣ рѣчи отъ него, Ѳедора слышали дьяконъ Гедеонъ и бывшій пономарь старецъ Пименъ; при чемъ потребовалъ отъ слѣдователей, чтобы и эта клевета была разоблачена. Спрошенный по этому заявленію Геронтія слуга Ѳедоръ котельникъ сначала въ клеветѣ было не сознался, сказалъ, «что онъ того ни при комъ не говаривалъ». Но свидѣтели, спрошенные по долгу священства и по иноческому обѣщанію, подтвердили заявленіе уставщика Геронтія. Такъ діаконъ Гедеонъ показалъ, «что Ѳедоръ котельникъ февраля въ 9-й день въ трапезѣ хмѣленъ говорилъ, что у Благовѣщенія Геронтій служилъ безъ агнеца, и за то его, Ѳедора, бывшій пономарь Пименъ и бранилъ, и онъ, Ѳедоръ, Пимену сказалъ, что де и многіе то говорятъ, а имянъ тѣхъ людей не сказалъ, и тѣ его Ѳедоровы рѣчи Аврамій головщикъ въ то время слышалъ же». Головщикъ Аврамій сказалъ: «былъ онъ въ трапезѣ и слышалъ отъ Ѳедора котельника говорячи, что де служили у Благовѣщенія въ субботу Геронтій безъ агнца, а онъ де Ѳедоръ пьянъ былъ въ то время (т. е. когда говорилъ) и говорилъ, чтобъ

мы ихъ тамъ застали и прямо изъ церкви сбросили». Наконецъ и пономарь Пименъ сказалъ тоже, прибавивъ, что онъ Ѳедора «за тѣ его пустошныя рѣчи въ то время и бранилъ, что де мужикъ напился пьянъ безъ ума бредешь». Когда дана была Ѳедору съ этими свидѣтелями очная ставка, онъ на этотъ разъ сказалъ, что въ то время (9 февраля въ трапезѣ) былъ пьянъ и потому не припомнитъ —говорилъ или нѣтъ о томъ, что Геронтій служилъ безъ агнца, а если говорилъ, то „хмѣльнымъ дѣломъ"; самъ же 7 февраля въ Благовѣщенскомъ храмѣ не былъ и не знаетъ какъ служили, а только слышалъ отъ людей, что служили „по новому" (¹).

Такъ Геронтій былъ оправданъ и въ этой клеветѣ.

Все слѣдственное дѣло о Геронтіѣ разсматривалось затѣмъ самимъ настоятелемъ и монастырскимъ соборомъ. Клеветниковъ «враждотворцевъ», которые противъ Геронтія смуту учинили и слѣдствіемъ были изобличены, настоятель и соборъ приказали «смирять монастырскимъ жестокимъ смиреніемъ, чтобы такого мятежу тѣмъ мятежникамъ чинить и къ нимъ инымъ приставать впредь было не повадно, и въ Соловецкомъ монастырѣ во всемъ бы было по прежнему тихо и не мятежно». Самое слѣдственное дѣло было отправлено въ Москву къ строителю подворья старцу Іосифу, по всей вѣроятности, съ той цѣлью, чтобы Іосифъ при случаѣ о соловецкихъ смутахъ довелъ до свѣдѣнія царя и блюстителя патріаршаго престола и защищалъ въ чемъ будетъ нужно какъ самого Варѳоломея, такъ и уставщика Геронтія. Эта предосторожность была тѣмъ болѣе умѣстна, что изъ монастыря отъ недовольной братіи легко могли проникнуть въ Москву челобитныя, представляющія дѣло не такъ, какъ оно было въ дѣйствительности. О подобнаго рода челобитныхъ уже носились слухи. Такъ монастырскій стряпчій Иванъ Торбѣевъ разъ писалъ Варѳоломею изъ Москвы, «что вѣдомо ему учинилось отъ игумена Корельскаго мо-

(¹) Вся исторія возмущенія противъ Геронтія изложена по докум. о семъ въ «Матер. для ист. раскола» т. III. стр. 16—39.

настыря будто выслана на него, Варѳоломея, челобитная въ довольныхъ дѣлахъ» (1).

Независимо отъ сего уставщикъ Геронтій сообщалъ московскому строителю старцу Іосифу объ окончаніи слѣдствія и о своихъ страданіяхъ слѣдующее: «и только бы отецъ нашъ архимандритъ Варѳоломей того ради мятежу не изволилъ возвратиться въ монастырь, то ни како бы государь отъ тѣхъ мятежниковъ мнѣ живу не пробыть.... и нынѣ государь, за грѣхи своя не по дѣлу а о всемъ монастырѣ возненавиденъ, аки врагъ Божій и имени моего слышати не хотятъ и отъ безмѣрныя кручины и печали и слезъ свѣта Божьяго не могу видѣти».... Замѣчательно, что Геронтій при этомъ особенно старался выставить себя предъ Іосифомъ невиннымъ въ какихъ бы то ни было нововведеніяхъ. И самому тебѣ государю вѣдомо», писалъ онъ, «что у насъ ни у кого служебниковъ новыхъ нѣтъ,—всѣ въ денежной казнѣ; по чему намъ по новому служить» (2)?

Оправданіемъ уставщика Геронтія и наказаніемъ клеветниковъ нарушенный въ монастырѣ безъ Варѳоломея порядокъ еще не былъ вполнѣ возстановленъ. Оставалось еще положить конецъ враждѣ между собою священниковъ. Этимъ дѣломъ теперь Варѳоломей и занялся.

Виновникомъ смутъ между священниками былъ старшій монастырскій священникъ Леонтій. «Послѣ твоего, государь», писалъ Геронтій Варѳоломею на торосъ, «поѣзду» вскорѣ приходили ко мнѣ священники и жаловались, что де во святилищи Божіи почала быть смута: во единой службѣ овіи де отъ священникъ причащаются въ правую сторону святаго престола, какъ отъ тебя, государя, причащаются, а иніи де съ лѣвую страну, и въ томъ де у нихъ гнѣвъ и вражда промежъ себя, а начало и вина той смутѣ и враждѣ—Леонтій» (3). Какъ самый старшій въ монастырѣ священникъ, Леонтій имѣлъ силу и вліяніе по отношенію къ братству, тѣмъ болѣе, что былъ духовнымъ отцомъ не только многихъ священниковъ и монаховъ, но и самого Варѳоломея.

(1) Матер. для истор. раск. т. III. стр. 35.
(2) Тамъ же, стр. 36 и сл.
(3) Тамъ же, стр. 19 и сл.

Во всѣхъ братскихъ приговорахъ и челобитныхъ имя его почти всегда стоитъ на первомъ мѣстѣ, послѣ членовъ собора, и онъ постоянно подписывался къ этимъ документамъ за себя «и вмѣсто дѣтей своихъ духовныхъ, которые грамотѣ не умѣютъ». Леонтій былъ старообрядцемъ до извѣстной степени фанатикомъ. Но при этомъ онъ не былъ свободенъ и отъ страсти честолюбія и сопряженнаго съ нею угодничества. Такимъ онъ оставался до самаго усмиренія въ 1676 году соловецкихъ монаховъ. Предъ самымъ усмиреніемъ, именно въ генварѣ 1776 г. Леонтій, послѣ смерти своего духовнаго сына казначея Мисаила, взялъ себѣ ключи отъ казначейской палаты, безъ всякаго согласія на то братіи и такимъ образомъ сдѣлался казначеемъ. Въ этомъ званіи онъ встрѣтилъ въ монастырѣ воеводу Мещеринова, который не казнилъ его только «ради взысканія монастырской казны» (1).

Когда архимандритъ Варѳоломей былъ въ монастырѣ, священникъ Леонтій, по словамъ приходившихъ къ Геронтію съ жалобой на Леонтья священниковъ, «во всемъ угождалъ и послѣдовалъ ему Варѳоломею, чтобы славы и чести и милости (архимандричей) не отпасти. Но лишь только Варѳоломей отправился въ Москву и монастырскіе мятежники—строгіе старообрядцы, стали заявлять свои права на верховное управленіе монастыремъ, Леонтій вдругъ «прекинулся въ другую сторону» т. е. перешелъ на сторону фанатиковъ, подозрѣвавшихъ Варѳоломея и уставщика Геронтія съ товарищами въ склонности къ новымъ порядкамъ. Чтобы убѣдить строгихъ старообрядцевъ въ томъ, что онъ не имѣетъ никакого общенія съ еретиками, каковъ самъ Варѳоломей и Геронтій, Леонтій началъ «хулу полагать» на тотъ церковный порядокъ, который соблюдался при Варѳоломее,—сталъ самого Варѳоломея «со всѣмъ монастыремъ осуждать и священниковъ оглашать». Этого мало: Леонтій хотѣлъ сдѣлать нѣкоторыя измѣненія въ заведенныхъ Варѳоломеемъ порядкахъ богослуженія, которые казались ему съ примѣсью нововведеній. Между прочимъ, при архимандритѣ Варѳоломеѣ во

(1) Дѣло о Мещериновѣ, въ копіи принадл. автору.

время соборнаго совершенія литургіи, по примѣру новгородскаго митрополита, было принято, чтобы сослужащіе священники, когда настанетъ время пріобщенія святыхъ таинъ, подходили къ святому престолу и пріобщались: съ сѣверной страны—тѣла Христова, а съ лѣтней (южной или правой)—пречистой крови Спасителя. Но по всей вѣроятности, раньше, до Варѳоломея, былъ въ монастырѣ не этотъ порядокъ пріобщенія священниковъ: должно быть, священники пріобщались и крови Христовой съ сѣверной стороны престола. По крайней мѣрѣ, священникъ Леонтій хотѣлъ теперь изъ угожденія ненавистникамъ всякихъ перемѣнъ установить этотъ порядокъ. Какъ старшій священникъ, которому при соборномъ служеніи, за отсутствіемъ настоятеля приходилось всегда быть первенствующимъ, онъ сталъ требовать отъ священниковъ, чтобы они подходили къ нему для пріобщенія и тѣла и крови Христовой съ лѣвой стороны. Нѣкоторые священники, вѣроятно, изъ старшихъ, соглашались съ Леонтіемъ, и не только сами пріобщались тѣла и крови съ лѣвой стороны, но и другихъ въ свою очередь побуждали къ тому же. Между тѣмъ было не мало священниковъ, вѣроятно изъ молодыхъ и умѣренныхъ старообрядцевъ, которые не рѣшались измѣнять обычай пріобщенія, введенный Варѳоломеемъ; они не рѣшались съ одной стороны потому, что видѣли непостоянство въ самомъ Леонтіѣ, который при Варѳоломее самъ пріобщался крови съ правой стороны престола и называли его за это «человѣкоугодникомъ и переметчикомъ»; съ другой,—потому, что «если бы было какое прегрѣшеніе въ божественной службѣ», т. е. въ новгородскомъ порядкѣ пріобщенія, «то Варѳоломей не сталъ бы самъ пріобщаться по этому порядку и не молчалъ бы». Такъ какъ споры происходили въ самомъ «святилищѣ Божіемъ» въ моментъ совершенія страшныхъ таинъ, то поэтому, болѣе совѣстливые священники и пришли къ Геронтію, предлагая, чтобы онъ шелъ къ келарю, какъ замѣнявшему въ монастырѣ настоятеля, и говорилъ бы ему, «чтобы впредь въ алтарѣ смутъ не было». Геронтій, дѣйствительно, ходилъ къ келарю Савватію и говорилъ ему, чтобы онъ приказалъ священникамъ, «чтобы въ божественнѣй службѣ у нихъ

было у всѣхъ единогласно». Но келарь не хотѣлъ вмѣшиваться въ алтарное дѣло и отвѣтилъ Геронтію: «намъ де ваше алтарное не заобычай, мнѣ де до того дѣла нѣтъ» ([1]). Такъ начался въ монастырѣ священническій расколъ, который существовалъ до самого возвращенія Варѳоломея въ монастырь, несмотря на двѣ посланныя отъ него съ тороса грамоты о возстановленіи принятаго порядка богослуженія ([1]).

Вопросъ о пріобщеніи священниковъ во время служенія литургіи касался исключительно священнослужитей. Поэтому Варѳоломей, возвратившись въ монастырь, и рѣшалъ его съ одними священниками и діаконами, не призвавъ къ участію даже соборныхъ старцевъ, которымъ «алтарное дѣло незаобычай». Къ обсужденію вопроса 16 февраля въ монастырскую трапезу приглашены были всѣ священники и діаконы. При самомъ обсужденіи архимандритъ Варѳоломей снова выставилъ на видъ порядокъ пріобщенія, существующій въ Новгородѣ, который онъ самъ и многіе священники видѣли лично. Споровъ и возраженій противъ этого ни отъ кого не послѣдовало, потому что соловецкіе священники насколько были храбры и склонны къ мятежамъ безъ настоятеля, настолько скромны и покорны въ присутствіи его. Самъ Леонтій, главный виновникъ алтарныхъ смутъ, былъ безмолвенъ, чтобы славы, и чести, и милости архимандричей не отпасть. Слѣдуя опять новгородскому порядку пріобщенія, собраніе своимъ «излюбнымъ приговоромъ» постановило: «пречистое тѣло Христово во время святаго причащенія подаяти (отъ предстоящаго архимандрита, или старшаго священника со служащимъ священникамъ и дьяконамъ) какъ я, архимандритъ Варѳоломей пріималъ въ соборной церкви Новгорода и Великихъ Лукъ у преосвященнаго Макарія митрополита; и которые священницы и дьяконы ставлены въ великомъ Новѣградѣ, послѣ меня пріимали пречистое тѣло съ сѣверной страны, а пречистую и животворящую кровь Господа нашего Іисуса Христа съ лѣтнюю (южною) страну, тако и нынѣ пріимати».

([1]) Матер. для ист. раск. т. III. стр. 19—24.

Такимъ образомъ всякіе споры и недоумѣнія священниковъ были разрѣшены; алтарный мятежъ былъ прекращенъ. Виновники возмущенія остались безъ наказанія, потому что во главѣ ихъ стоялъ Леонтій — духовный отецъ самого настоятеля. Но чтобы и впередъ не происходило подобнаго рода недоумѣній, взаимныхъ укоризнъ и вражды, столь соблазнительныхъ для прочей братіи, Варѳоломей со священниками и дьяконами тѣмъ же «излюбнымъ приговоромъ» отъ 16 февраля взаимно обязали другъ друга не вводить въ богослуженіе «никакихъ нововводныхъ чиновъ» подъ опасеніемъ «смиренія монастырскимъ жестокимъ смиреніемъ». «А кто будетъ отъ насъ священниковъ и дьяконовъ», говорится въ приговорѣ 16 февраля, «какіе вводить нововводные чины безъ государева указу и безъ святительскаго велѣнія, или другъ друга укорять нововводными чины, а подлинно не доведетъ, и тѣхъ смирять монастырскимъ жестокимъ смиреніемъ; а буде я, архимандритъ, стану превращать чины церковные и вводить чины новые безъ государева указу и безъ святительскаго велѣнія и имъ священникамъ и дьяконамъ мнѣ о томъ говорить безстудѣнія, а гдѣ я, архимандритъ, не послушаю, и имъ на меня писать къ великому господину преосвященному митрополиту, кто будетъ въ великомъ Новѣградѣ; а буде мы священники и дьяконы, умысля какимъ умысломъ, и не съ общаго совѣту, или другъ друга послушавъ, на государя отца своего, архимандрита Варѳоломея, станемъ писати въ великій Новградъ преосвященному митрополиту, кто будетъ въ великомъ Новградѣ, и про наши какіе затѣйные умыслы и письма до-пряма сыщется, и ему отцу нашему, архимандриту Варѳоломею за тѣ затѣйные умыслы и письма насъ смирять монастырскимъ жестокимъ смиреніемъ безъ пощадыи отлучать отъ божественныя службы» ([1])

([1]) Матер. для ист. Раск. т. III. стр. 42.

V.

Положеніе дѣла съ 1663 до 1666 г. — Спокойствіе и тишина въ монастырѣ при старыхъ церковныхъ порядкахъ.—Подметные письма отъ мятежниковъ съ цѣлію возмущенія братіи.—Вызовъ Варѳоломея въ Москву и посланная съ нимъ къ царю первая соловецкая челобитная о старой вѣрѣ.—Раскаяніе Варѳоломея и нѣкоторыхъ монаховъ изъ его партіи.

Результатомъ «излюбнаго» приговора 16 февраля 1663 года было нѣкоторое спокойствіе въ монастырѣ, продолжавшееся до вызова въ 1666 году архимандрита Варѳоломея въ Москву. Архимандритъ Варѳоломей и священники, давъ другъ другу клятву не вводить въ богослуженіе никакихъ нововводныхъ чиновъ подъ опасеніемъ доноса другъ на друга высшему начальству, дѣйствительно, перестали дѣлать какія бы то ни было измѣненія въ порядкѣ богослуженія, установившемся въ монастырѣ долгимъ временемъ и огражденнымъ при архимандритѣ Ильѣ братскимъ приговоромъ 8 іюня 1658 года. Самъ Варѳоломей съ этихъ поръ сталъ служить примѣромъ для другихъ въ строгомъ соблюденіи старыхъ порядковъ. Онъ служилъ по старымъ служебникамъ, на просфорахъ съ осмиконечнымъ крестомъ; благословлялъ двуперстнымъ сложеніемъ и т. д. «По нынѣшней къ Москвѣ поѣздъ», говорилъ онъ 13 іюля 1666 г. въ Москвѣ на соборѣ, «служилъ по старымъ служебникамъ потому что въ Соловецкомъ монастырѣ при прежнемъ архимандритѣ Ильѣ того Соловецкаго монастыря и всей братьи учинены приговоры, что имъ новосправныхъ печатныхъ служебниковъ не пріимати, служити по старымъ служебникомъ.... А благословлялъ рукою по нынѣшній московскій уѣздъ по прежнему, (т. е. двуперстнымъ, а не именословнымъ сложеніемъ) а нынѣ, какъ пріѣхалъ къ Москвѣ, благословляю рукою такъ, какъ изложено на соборѣ. А кресты на просфорахъ въ Соловецкомъ монастырѣ и до нынѣ по старому, и о томъ къ намъ указу не бывало, и отъ него, архимандрита, повелѣнія не бывало-жъ» ([1])...... Соборные старцы, въ свою очередь, стояли

([1]) Матер. для истор. раск. т. III. стр. 111.

за неприкосновенность старыхъ порядковъ не меньше, если не больше, чѣмъ самъ Варѳоломей. Когда въ 1665 г. какъ мы уже видѣли, старецъ Герасимъ Ѳирсовъ въ Исаковской пустынѣ напомянулъ Варѳоломею о новыхъ служебникахъ, то Варѳоломей только промолчалъ, а между тѣмъ келарь Савватій Абрютинъ и казначей Боголѣпъ «на него Герасима шумѣли, чтобъ не говорилъ архимандриту про новоисправные служебники» [1]. Этою рѣшительною уступкою въ пользу строгихъ старообрядцевъ Варѳоломей съ соборными старцами съ одной стороны успокоили соловецкое братство, до сихъ поръ подозрѣвавшее Варѳоломея и нѣкоторыхъ священниковъ въ склонности къ нововведеніямъ; съ другой—отняли у недовольныхъ Варѳоломеемъ и любящихъ мятежи монаховъ самое вѣрное средство къ возбужденію волненій и возстаній въ братствѣ и мірянахъ. Въ тоже время, снискавъ этимъ путемъ довѣріе въ братствѣ, Варѳоломей съ своими совѣтниками могъ теперь смѣлѣе смирять неспокойныхъ людей, не опасаясь общаго братскаго возстанія, и дѣйствительно смирялъ. Между 1663 и 1666 гг. смиряемы были, напр., соборные старцы: Герасимъ Ѳирсовъ съ отставкою отъ собора за воровство и пьянство, Александръ Стукаловъ за отнятіе у торговаго человѣка Ивашки Корнилова 16 ведеръ вина и за то, что водился въ монастырѣ «съ вѣдомымъ воромъ», молодымъ чернцомъ Питиримомъ, который въ 1664 г. «зарѣзалъ до смерти старца Мартирія, и за всякими худыми дѣлами и за бездѣльными хульными письмами ходилъ».... и т. д. Упрочивъ такимъ образомъ спокойствіе въ монастырѣ, Варѳоломей въ 1664 г. отправился въ Москву въ полной увѣренности, что братіи теперь не изъ-за чего волноваться, въ чемъ и не ошибся. Между тѣмъ, келарь Савватій Абрютинъ въ томъ же году свозилъ въ Новгородъ 13 человѣкъ молодой братіи для посвѣщенія въ іеромонахи и іеродіаконы, которые тѣмъ менѣе могли выходить изъ покорности своему настоятелю, какъ люди облагодѣтельствованные отъ него.

Но тѣмъ не менѣе, недовольные Варѳоломеемъ по раз-

---

[1] Матер. для истор. раск. т. III стр. 108.

нымъ причинамъ старцы не оставляли своихъ намѣреній и попытокъ такъ или иначе мстить Варѳоломею и волновать братію. По словамъ Герасима Ѳирсова съ товарищами, пославшими на Варѳоломея челобитную въ 1666 г., они до этого времени «многажды объ архимандритовѣ бещиньѣ къ великому государю челобитныя за руками посылали», но Варѳоломеевы совѣтники, «которыхъ онъ въ строителѣхъ на Москвѣ держитъ, тѣ ихъ челобитныя перенимали и выкупали, и на то монастырскую казну тащили и къ великому государю не допускали» ([1]). Не имѣя успѣха въ челобитныхъ, недовольные и неспокойные монахи въ послѣднее время начали пугать Варѳоломея и волновать братію подметными письмами. Такъ Варѳоломей въ своей челобитной къ царю въ 1666 г. между прочимъ писалъ: «да въ нынѣшнемъ во 174 (1666) году сей зимы, въ Соловецкомъ монастырѣ учали быть письма подметныя у гробницы преподобнаго отца Германа, и тѣ письма у той гробницы поднялъ инокъ Кирилъ». Но «набѣжалъ на него Кирила дьяконъ Нилъ и тѣ письма у него изъ рукъ взялъ, а сказалъ: я де тѣ письма отдамъ мнѣ, архимандриту, и съ тѣми письмами онъ, дьяконъ ходилъ по кельямъ къ своимъ единомысленникамъ, къ попу Трифону и къ инымъ, чтобы мятежъ въ братьи учинить, и послѣ тѣ письма отдалъ отцу моему духовному и своему, священнику Леонтію, а сказалъ: тѣхъ де писемъ никому онъ, Нилъ, не объявлялъ, и тѣ письма отецъ мой духовный, священникъ Леонтій зжегъ на огнѣ, а тѣ де письма писаны невѣдомо углемъ, или будетъ спицею; а то де письмо подпись походило на письмо старца Геннадья; и то знатно, что то дѣло составное, и по сыску за то онъ, Нилъ, смирянъ, и рнясь тому тотъ Нилъ нынѣ всякіе на меня, архимандрита, затѣйные наносы составляетъ» ([2]). Такимъ образомъ и этотъ способъ къ возмущенію братіи не удался; въ монастырѣ тишина и спокойствіе, водворенные 16 февраля 1663 г., не нарушались.

Между тѣмъ въ концѣ 1665 года изъ Москвы въ Со-

([1]) Матер. для истор. раск. т. III. стр. 65.
([2]) Тамъ же, стр. 99.

ловецкій монастырь послѣдовалъ царскій указъ, повелѣвающій архимандриту Варѳоломею явиться въ Москву на имѣющій составится знаменитый церковный соборъ 1666—1667 гг. ([1]).

Извѣстна главная цѣль созванія собора 1666 года. Борьба духовныхъ и свѣтскихъ властей съ Никономъ, который въ послѣднее время сталъ заявлять свои права на патріаршество и даже въ 1664 г. по предложенію Зюзина являлся было въ Москву, чтобы вступить на патріаршій престолъ, провозглашая въ тоже время въ своемъ уединеніи анаѳему своимъ недоброжелателямъ, каковъ блюститель патріаршаго престола митрополитъ Питиримъ,—эта борьба, наконецъ, надоѣла самимъ врагамъ Никона, тѣмъ болѣе, что она не приводила къ желаннымъ разультатамъ, а только служила къ разстройству церковныхъ дѣлъ и была большимъ соблазномъ для всего русскаго народа. Поэтому всѣ духовныя и свѣтскія власти, не исключая самого царя, желали конца этой борьбы и возстановленія прежняго церковнаго порядка съ законнымъ, притомъ, отрѣшеніемъ отъ патріаршества Никона и выборомъ на мѣсто его новаго патріарха. Но никто не зналъ какъ это сдѣлать. Мы видѣли, что въ 1666 г. было напрасно испытано врагами Никона самое сильное средство къ его удаленію отъ патріаршества—созваніе собора почти всѣхъ русскихъ іерарховъ. Но оставалось еще одно средство къ достиженію цѣли,—это—созваніе новаго собора, съ приглашеніемъ на него восточныхъ патріарховъ, которые имѣютъ полное право произнести безпристрастный судъ надъ русскимъ патріархомъ, какъ духовныя особы, равныя ему и независимыя отъ него. Это послѣднее средство было подсказано царю Алексѣю Михайловичу прибывшимъ въ Россію бродячимъ греческимъ митрополитомъ Паисіемъ Логаритомъ, и принято было съ радостію. Предлагая царю такой способъ суда надъ Никономъ, льстивый грекъ прибавилъ: «и точасъ достигнешь твоего желанія» (т. е. удаленія Никона отъ патріаршества). И вотъ въ 1665 г. были посланы отъ царя на востокъ ко всѣмъ патріархамъ приг-

([1]) Матер. для истор. раск. т. Ш. стр. 188.

ласительныя письма въ Москву на соборъ. Между тѣмъ въ началѣ 1666 г. въ Москву уже собрались русскіе іерархи и, въ ожиданіи прибытія патріарховъ, занялись обсужденіемъ вопроса о старообрядчествѣ, охватившемъ почти всю Россію и угрожавшемъ народнымъ возстаніемъ ([1]). Соловецкіе монахи хорошо знали главную цѣль созваніе собора; знали они и то, что на соборѣ не обойдется безъ обсужденія вопроса о старообрядчествѣ, тѣсно связаннаго съ судьбою патріарха Никона. При этомъ, они питали большія надежды на возстановленіе старыхъ порядковъ, предполагая, что самъ царь и нѣкоторые изъ русскихъ іерарховъ будутъ на соборѣ защитниками старины; но въ тоже время они, повидимому, не мало и опасались за неприкосновенность старыхъ порядковъ, въ виду прибытія на соборъ восточныхъ патріарховъ, чистота вѣры которыхъ давно подвергалась въ глазахъ русскаго народа сильнымъ подозрѣніямъ. Подобнаго рода соображенія привели монаховъ къ мысли послать съ архимандритомъ Варѳоломеемъ въ Москву къ самому царю челобитную о томъ, чтобы старые церковные порядки были оставлены, по крайней мѣрѣ, въ Соловецкомъ монастырѣ. Архимандритъ Варѳоломей пока жилъ одними надеждами съ соловецкой братіей и потому не отказался взять съ собой челобитную. По словамъ старца Герасима Ѳирсова Варѳоломей былъ даже составителемъ черновой челобитной. «Та челобитная», говорилъ Герасимъ на соборѣ 1666 г. «писана съ повелѣнія архимандрита Варѳоломея, какову онъ челобитную прислалъ въ монастырь (вѣроятно съ дороги) черную, а слышалъ онъ, Герасимъ, про тое черную челобитную отъ келаря Савватія Абрютина, да отъ казначея старца Боголѣпа» ([2]). Во всякомъ случаѣ, челобитная была написана съ вѣдома и согласія Варѳоломея, въ чемъ онъ самъ сознавался въ Москвѣ на соборѣ 1666 г. Онъ говорилъ объ этомъ на соборѣ слѣдующее. «А какъ онъ, архимандритъ, нынѣ поѣхалъ къ Москвѣ и Соловецкаго монастыря вся братія и больничные говорили, чтобъ ему, архимандриту, бить челомъ великому государю

([1]) Дѣло патріарха Никона г. Субботина.
([2]) Матеріалы для истор. раск. т. III. стр. 109.

и о томъ, чтобъ у нихъ въ Соловецкомъ всякой церковной чинъ былъ по прежнему, и онъ имъ говорилъ, чтобъ они о томъ написали челобитную великому государю, и послѣ того онъ изъ монастыря поѣхалъ къ Москвѣ, и вскорѣ выѣхалъ на торосъ (прибрежный ледъ) на край моря, и стоялъ шестеры сутки, и къ нему изъ монастыря прислали челобитную написавъ, и онъ той челобитной не принялъ, для того, что написана несогласна, и они прислали къ нему подъячего Ивана Захарьева, и онъ (архимандритъ) не дождавъ того Ивана на морѣ, съ судна спустился, и онъ (Иванъ) съ берега, стоя, говорилъ ему, какъ написать челобитныя согласнѣе, и онъ (архимандритъ) ему сказалъ какъ смыслятъ и какъ лутчи, такъ бы и написали, и они же (братія) послѣ того написавъ челобитную, послали за руками за нимъ на берегъ, и съ тою челобитною тѣхъ посыльщиковъ во льдахъ занесло въ море, и они (монахи) написавъ другую челобитную заручную, прислали къ нему архимандриту къ Вологдѣ, и онъ тое челобитную принялъ» (¹). Изъ письма келаря Савватія къ Варѳоломею отъ 14 февраля видно, наконецъ, что челобитная составлялась и разсматривалась на соборѣ при всемъ братствѣ. «Совѣтовавъ, государь», писалъ Савватій, «на соборѣ мы съ братіею написали великому государю челобитную за брацкими руками о церковномъ чину и о уставѣ, какъ до днесь чинъ предлежитъ, и послали къ тебѣ, государю отцу нашему, съ кормщикомъ з Герасимомъ з двиняниномъ» (²).

Написана челобитная, дѣйствительно, отъ имени настоятеля и всего братства. «Бьютъ челомъ», говорится въ ней, «твои, государевы, царскіе нищіе богомольцы, Соловецкаго монастыря архимандритъ Варѳоломей, келарь чернецъ Саватѣй, казначей чернецъ Варсаноѳей, священницы и дьякони, и вся братія и больничные». Но подписана далеко не всѣмъ братствомъ. Изъ соборныхъ подписались только келарь, казначей и три черпца; изъ священниковъ — Леонтій и другихъ пять человѣкъ за себя и за своихъ духовныхъ дѣтей, не упоминая, впрочемъ, имена ихъ; изъ дьяконовъ —

(¹) Матеріалы для истор. раск. т. III. стр. 112.
(²) Тамъ же, стр. 44.

Нилъ и другихъ шесть челов., наконецъ, изъ монаховъ только десять челов. (въ томъ числѣ два уставщика, соборный и больничный), всего 27 челов., если не считать безграмотныхъ и непоименованныхъ духовныхъ дѣтей, за которыхъ подписывались священники ([1]). Между тѣмъ Соловецкое братство состояло почти изъ 1000 человѣкъ. Ни въ какомъ случаѣ нельзя предположить, чтобы въ монастырѣ на этотъ разъ нашлось грамотныхъ только 25 челов. Между подписавшимися не видно такихъ личностей, какъ уставщикъ черный попъ Геронтій. Но изъ подписавшихъ старецъ Герасимъ Ѳирсовъ на московскомъ соборѣ говорилъ, что онъ «приложилъ къ той челобитной руку страха ради». Очевидно, что въ составленіи челобитной не было общаго согласія братіи, и принудить къ тому всѣхъ не соглашавшихся соборные старцы безъ настоятеля были не въ состояніи. Не подписалъ челобитную, наконецъ, самъ Варѳоломей, имя котораго въ ней было поставлено первымъ, и которому, для подписанія, оставлено было мѣсто. Получивъ челобитную въ Вологдѣ, онъ, вѣроятно, сообразилъ, что подписать ее можно будетъ и въ Москвѣ, если обстоятельства будутъ благопріятствовать тому, но они не поблагопріятствовали, и такимъ образомъ онъ не счелъ нужнымъ навлекать на себя лишней вины ([2]).

Эта первая соловецкая челобитная о старой вѣрѣ коротка и не заключаетъ въ себѣ никакихъ особенностей. Монахи не пускаются ни въ какія обсужденія Никоновыхъ новинъ, даже ничего не говорятъ про нихъ, а просто и смиренно умоляютъ государя, чтобы онъ позволилъ имъ остаться при установившемся въ монастырѣ церковномъ чинѣ и уставѣ, такъ какъ они съ тѣмъ поступили въ монастырь, чтобы хранить и соблюдать преданіе соловецкихъ чудотворцевъ. «Пожалуй насъ нищихъ своихъ богомольцевъ», писали они, «не вели, государь, въ своемъ царскомъ богомольѣ, въ Соловецкомъ монастырѣ, преданія преподобныхъ чудотворцевъ Зосимы и Савватія, церковнаго чину и уставу, перемѣнить,

([1]) Матер. для ист. раск. т. III, стр. 45.

([2]) Тамъ же. стр. 45.

дабы намъ нищимъ твоимъ царскимъ богомольцамъ, въ преданіи святыхъ чудотворцевъ препроводить дни своя, какъ и прежніе отцы наши» ([1]). Вотъ все содержаніе этой челобитной.

Соловецкіе монахи-челобитчики были вполнѣ увѣрены, что Варѳоломей самъ лично представитъ ихъ челобитную къ царю, и при этомъ будетъ просить царя объ удовлетвореніи желанія ихъ. Келарь Савватій въ своемъ письмѣ въ Вологду, съ препровожденіемъ челобитной, между прочимъ, писалъ Варѳоломею отъ лица всей братіи: «и тебѣ-бъ, государю, пожаловать, съ тою челобитною у великаго государя милости попросить, какъ тебя, государя отца нашего, Богъ наставитъ» ([2]). Но архимандритъ Варѳоломей, какъ мы уже знаемъ, былъ, не изъ твердыхъ старообрядцевъ. Поэтому онъ, какъ скоро прибылъ въ Москву и увидѣлъ, что самъ царь и собравшіеся со всей Россіи іерархи не благоволятъ къ старообрядчеству, напротивъ, готовятъ на всѣхъ неподчиняющихся новымъ порядкамъ анаѳему, то счелъ за лучшее оставить челобитную при себѣ. «И на Москвѣ будучи», говорилъ онъ на соборѣ 13 іюля 1666 года, «у себя тоя челобитную удержалъ, великому государю на соборѣ не подавалъ, потому что писана та челобитная не о дѣлѣ». Только, когда члены Московскаго собора стали спрашивать его «отъ кого въ Соловецкомъ монастырѣ мятежъ чинитца въ нарѣчномъ пѣніи и въ новоисправныхъ печатныхъ книгахъ», онъ «вмѣсто имянной скаски, подалъ заручную соловецкую челобитную» собору сказавъ, что «какъ великаго государя указъ будетъ, и противъ той челобитной заручной кто будетъ противенъ, и онъ объявится» ([3]). Такимъ образомъ соловецкіе монахи-челобитчики обманулись въ Варѳоломеѣ.

Но этого мало. Варѳоломей не только не представилъ къ царю соловецкой челобитной, онъ даже 13 іюля 1666 г. предъ соборомъ принесъ полное раскаяніе въ томъ, что до сихъ поръ былъ на сторонѣ старообрядчества, оправдываясь,

([1]) Матеріалы для истор. раск. т. III. стр. 45—47.

([2]) Тамъ же, стр. 45.

([3]) Тамъ же, стр. 112.

впрочемъ, что къ этому былъ вынужденъ условіями соловецкой жизни, т. е. тѣмъ, что старообрядчество въ монастырѣ было утверждено при архимандритѣ Ильѣ братскимъ приговоромъ, а указовъ объ отмѣненіи его ни изъ Новгорода, ни изъ Москвы получаемо не было. Вареоломей съ этого времени занялъ мѣсто между членами московскаго собора (1).

Теперь соловецкіе монахи—строгіе старообрядцы увидѣли на дѣлѣ не твердость Вареоломея въ старообрядчествѣ, въ чемъ справедливо его подозрѣвали до 1663 г. Вслѣдъ за Вареоломеемъ стали приносить раскаяніе и переходить на сторону православія друзья и совѣтники его, старообрядчество которыхъ точно также держалось только условіями соловецкой жизни. Такъ раскаялись прибывшіе съ Вареоломеемъ изъ Соловецкаго монастыря соборные старцы Игнатій и Иринархъ Торбѣевъ (поставленный теперь въ строители московскаго подворья) и бывшій московскій строитель Іосифъ (впослѣдствіи соловецкій архимандритъ, не принятый братствомъ) (2).

Въ монастырѣ между тѣмъ началась страшная борьба герасимовской партіи съ вареоломеевской, которая безъ своего настоятеля скоро очутилась отъ мятежниковъ, «какъ за приставомъ».

(1) Матер. для истор. раск. ч. III. стр. 110—113.

(2) Тамъ же, стр. 106.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Открытое противленіе монаховъ власти гражданской и церковной.

I.

Дѣло о перемѣнѣ настоятеля Варѳоломея. Тайный заговоръ нѣкоторой братіи противъ Варѳоломея.—Челобитная старцевъ Герасима Ѳирсова, Александра Стукалова и др. о новомъ настоятелѣ, съ обвиненіями на Варѳоломея.—Челобитная келаря Савватія съ братіей на Александра Стукалова съ товарищами.—Оправданія и челобитная Варѳоломея на Герасима Ѳирсова съ товарищами.—Дознаніе по челобитнымъ на мѣстѣ, произведенное ярославскимъ архимандритомъ Сергіемъ.—Новыя власти въ монастырѣ.—Новая братская челобитная на Варѳоломея, отправленная въ Москву съ Александромъ Стукаловымъ.—Новое слѣдствіе, порученное стольнику Хитрово.—Смѣна настоятеля Варѳоломея.

Съ прибытіемъ въ 1666 г. въ Москву Соловецкаго архимандрита Варѳоломея правительству духовному и гражданскому въ первый разъ стало извѣстно все, что произошло въ Соловецкомъ монастырѣ въ теченіи десяти лѣтъ по поводу выхода въ 1655 г. новаго служебника. Варѳоломей, сообщая собору о положеніи дѣлъ въ монастырѣ, указалъ даже на нѣкоторыхъ изъ главныхъ вождей соловецкаго старообрядчества, каковы: архимандритъ Никаноръ, князь Львовъ, старецъ Герасимъ Ѳирсовъ и др. Но правительство, повидимому, пока не придавало особаго значенія соловецкому упорству. Оно надѣялось, что вызовъ, напр., въ Москву главныхъ вождей возмущенія и увѣщанія остальной братіи скоро водворятъ въ монастырѣ миръ и новые порядки. Въ этомъ родѣ предпринимались со стороны правительства мѣры къ покоренію соловецкой братіи до 1669 г., пока не пришлось разубѣдиться въ нихъ. Кроткія мѣры правительства, какъ оказалось послѣ, дѣлали соловецкихъ старообрядцевъ только болѣе упорными. Послѣдніе изъ этого заключали, что само правительство стоитъ не твердо на своемъ пути и необходимо должно будетъ уступить, когда увидитъ ихъ не-

поколебимость на своемъ пути. Особенно монахи разсчитывали на снисхожденіе къ себѣ и на заступничество предъ соборомъ 1666—67 гг. со стороны кроткаго и благочестиваго царя, котораго съ этою цѣлію и осыпали своими челобитными, не имѣя почти никакихъ сношеній съ духовными властями. Подъ вліяніемъ такого рода надеждъ старообрядческія страсти, довольно уже развившіяся въ братствѣ, съ 1666 г. стали обнаруживаться въ противленіи власти, какъ духовной, такъ и гражданской. Прежде всего онѣ обнаружились въ стремленіи братіи во что бы то ни стало удалить отъ настоятельства архимандрита Варѳоломея, какъ человѣка для многихъ ненавистнаго и ненадежднаго въ старообрядчествѣ, и поставить на его мѣсто проживавшаго въ монастырѣ на покоѣ съ 1660 г. саввинскаго архимандрита Никанора, или кого нибудь другаго изъ среды своей.

Вопросъ о новомъ настоятелѣ поднятъ былъ въ монастырѣ вслѣдъ за отъѣздомъ Варѳоломея и произвелъ въ братствѣ, какъ увидимъ, нѣчто въ родѣ междоусобія. Онъ въ тоже время имѣетъ самую тѣсную связь съ соловецкимъ старообрядчествомъ, потому что главною причиною нежеланія братіи имѣть Варѳоломея своимъ настоятелемъ была именно нетвердость его въ старообрядчествѣ, а затѣмъ и обращеніе къ церкви, хотя эта причина и не высказывалась прямо. Но наше вниманіе прежде всего и невольно останавливается въ этомъ вопросѣ на первомъ кандидатѣ на настоятельство, архимандритѣ Никанорѣ. Тутъ нельзя не подозрѣвать нѣкоторыхъ интригъ со стороны самого Никанора. Никаноръ, какъ мы уже знаемъ, былъ непримиримымъ врагомъ Никона и его реформы; потому, что Никонъ пренебрегалъ его участіемъ и услугами въ дѣлѣ реформы, и такимъ образомъ отнялъ у него случай отличиться и подняться по іерархической лѣстницѣ на нѣсколько ступеней выше. Не заступился въ этомъ случаѣ за него и царь Алексѣй Михаиловичъ, предъ которымъ Аввакумъ, Нероновъ и др. враги Никона и мнимые ревнители древляго благочестія рекомендовали Никанора, какъ одного изъ достойнѣйшихъ кандидатовъ на архіерейскую каѳедру (¹). И Никаноръ оставилъ Москву,

(¹) Матер. для ист. р. т. пятый 1879 г. стр. XX.

гдѣ для него не предвидѣлось ничего хорошаго въ будущемъ. Перебравшись въ соловки онъ скоро занялся составленіемъ новаго плана борьбы съ своими обидчиками. Въ этомъ насъ убѣждаютъ его сношенія съ московскими врагами Никона, каковъ протопопъ Аввакумъ ([1]). Къ крайнему сожалѣнію мы не знаемъ подробностей сношеній Никанора за это время съ первыми русскими расколоучителями, но въ оппозиціонномъ характерѣ ихъ сомнѣваться было бы совершенно неосновательно. Съ другой стороны нельзя сомнѣваться и въ старообрядческой пропагандѣ Никанора между соловецкой братіей; объ этомъ свидѣтельствуютъ жаркая защита его старыхъ церковныхъ порядковъ предъ посланнымъ изъ Москвы въ монастырь архимандритомъ Сергіемъ ([2]), и самое предназначеніе его въ настоятели. Дѣйствительно, онъ, живучи въ монастырѣ, никогда не думалъ быть и не былъ ни «затворникомъ», ни «молчальникомъ», постоянно вращался между братіей и мірянами и понемногу раздувалъ въ нихъ духъ недовольства противъ власти и, въ частности, противъ Варѳоломея, не безъ основаній разсчитывая занять его мѣсто. Разсчетъ былъ вѣрный: около него скоро образовался тѣсный кружекъ почитателей, попреимуществу изъ строгихъ старообрядцевъ и обиженной отъ Варѳоломея братіи. Въ бытность Варѳоломея въ монастырѣ, когда старообрядчество оставалось въ полной силѣ и когда ему не грозила никакая опасность, эти почитатели Никанора, какъ и онъ самъ, ничѣмъ особенно не выдавались, ни къ чему повидимому не стремились. Но вотъ изъ Москвы стали получаться тревожные слухи о предстоящемъ соборѣ противъ приверженцевъ старины и нетвердый въ старомъ благочестіи Варѳоломей оставилъ монастырь. Небольшой въ началѣ кружекъ поклонниковъ Никанора сталъ быстро увеличиваться и тѣснѣе сомкнулся около него. Въ виду опасности, грозившей старообрядчеству, братіи естественно было разсчитывать на Никонора, какъ на защитника старообрядчества, потому что онъ когда-то пользовался осо-

([1]) Въ 1666 г. отобрано у іером. Ѳеоктиста—друга вятск. еписк. Александра и жаркаго почитателя Аввакума, «посланіе Аввакума къ архим. Никанору въ Солов. мон.». Матер. для ист. раск. т. V, стр. XX.

([2]) Матер. для истор. раск. т. III стр. 145.

беннымъ благоволеніемъ царя и теперь еще не совсѣмъ лишился этого благоволенія, а между тѣмъ былъ, повидимому, самымъ строгимъ ревнителемъ по старому благочестію. Отсюда оставался одинъ шагъ до провозглашенія его настоятелемъ. Никаноръ понималъ это и вовсе не думалъ уклоняться отъ этой чести. Въ надеждѣ, можетъ быть, скораго провозглашенія себя настоятелемъ и въ видахъ окончательнаго сближенія съ братіей, онъ въ 1666 г. отказался отъ поѣздки въ Москву, куда приглашался вмѣстѣ съ Варѳоломеемъ особымъ царскимъ указомъ, ссылаясь на зимнее время и свою старость. «Милости у тебя, государь, прошу», писалъ онъ царю по этому поводу, «не положи на меня, твоего богомольца, своего царскаго гнѣву, что я къ Москвѣ со отцемъ нашимъ не поѣхалъ, не для ради упрямства, но для ради немощи: старость, государь, постигаетъ, болѣзни приходятъ; и лѣтнею порою съ великою будетъ нуждою моя поѣздка, а нынѣ путь такой скорбный, и молодымъ людямъ нужда и скорбь великая». Никаноръ, очевидно, не ожидалъ себѣ ничего хорошаго отъ этой поѣздки, напротивъ можно было опасаться разлуки навсегда съ полюбившей его соловецкой братіею. Это опасеніе его ясно проглядываетъ въ концѣ приведенной отписки его къ царю. «Смилуйся государь царь и великій князь Алексѣй Михайловичъ, пишетъ Никаноръ въ заключеніе, попомни твою царскую ко мнѣ милость и духовную любовь, въ томъ меня прости, да и *впредь* меня пожалуй, нищаго твоего богомольца, *оставь меня на моемъ обѣщаніи* за тебя, государя, Бога молити и за весь твой царскій родъ, и за мои грѣхи плакать» (¹)... Изъ-за этого, вѣроятно, опасенія онъ не поѣхалъ въ Москву и по вторичному царскому приглашенію, посланному въ маѣ 1666 года (²). Впрочемъ предъ царемъ и другими властями гражданскими и духовными Никаноръ и виду не подавалъ, что онъ желаетъ быть соловецкимъ настоятелемъ, не подписался ни къ одной братской челобитной о новомъ настоятелѣ, хотя ко

(¹) Матер. для истор. раск. т. III. стр. 43 и 44.
(²) Тамъ же, стр. 73.

всѣмъ прочимъ, касавшимся вѣры неопустительно подписывался. Онъ предоставилъ хлопоты о себѣ самой братіи, какъ будто бы безъ вѣдома даже его. Не вдругъ и братія пришла къ общему соглашенію по этому дѣлу. Начало положили немногіе, болѣе заинтересованные дѣломъ старцы, которые и составили по этому поводу тайный заговоръ противъ Варѳоломея.

Въ предшествующей главѣ мы уже говорили, что при архимандритѣ Варѳоломеѣ въ Соловецкомъ монастырѣ образовались двѣ партіи: партія умѣренныхъ старообрядцевъ, съ самимъ Варѳоломеемъ во главѣ, и партія старообрядцевъ строгихъ до фанатизма, вождями которой были поперемѣнно личности въ родѣ дьякона Нила, не стѣснявшагося говорить предъ братіей, что самъ царь отъ Никона наученъ арсеньевой ереси,—служки Сидора Хломыги, поднявшаго на ноги всѣхъ міряпъ по поводу не точно отслуженной іеромонахомъ Геронтіемъ литургіи, и имъ под. Къ этой послѣдней партіи примыкали стекшіеся въ монастырь отъ преслѣдованія властей ученики Аввакума и Лазаря, каковъ Никаноръ, опальные, въ родѣ кн. Львова и саввинскихъ старцевъ и т. д., сюда же принадлежатъ и заговорщики. Партіи стояли другъ къ другу всегда во враждебномъ отношеніи и нерѣдко сталкивались между собою при возникновеніи религіозныхъ вопросовъ. Но когда Варѳоломей со священниками, дьяконами и уставщиками въ 1663 г. положили не вводить въ богослуженіе никакихъ нововводныхъ чиновъ, партіи лишены были главнаго повода къ столкновеніямъ и какъ бы нѣсколько сошлись между собою. Но въ дѣйствительности союзъ партій и теперь былъ слишкомъ не прочный, потому что у большинства союзниковъ, кромѣ старообрядчества, были личные счеты, вызывавшіе ихъ къ столкновеніямъ между собою. Изъ этихъ личныхъ счетовъ возникъ вопросъ о новомъ настоятелѣ, произведшій полный разрывъ мнимаго союза партій и продолжительную борьбу ихъ между собою, кончившуюся пораженіемъ партіи умѣренныхъ.

Съ отъѣздомъ Варѳоломея въ Москву во главѣ умѣренныхъ старообрядцевъ стоялъ келарь Савватій съ соборомъ изъ преданныхъ Варѳоломею старцевъ, которые и управляли

теперь монастыремъ. Во главѣ же строгихъ—были старцы Герасимъ Θирсовъ, Геннадій, Александръ Стукаловъ, Ефремъ Каргополецъ, Іона Брызгало; попы Никонъ, Пафнутій и др. Все это были люди энергичные и большею частію молодые. «И челобитчиками пріѣхали онѣ», писалъ про нихъ Варθоломей царю, «старцы молодые и въ монастырскихъ службахъ нигдѣ не бывали (?), а напередъ сего такихъ молодыхъ старцевъ изъ монастыря къ великому государю въ челобитчикахъ не отпускивали» (1). «А тотъ старецъ Александръ (Стукаловъ)», писалъ келарь Савватій, «человѣкъ молодой и былъ подъ началомъ у чернаго попа Мартирія не многое время» (2). Не смотря однако на ихъ сравнительную молодость, почти всѣ они испытали уже приказную службу, побывали въ числѣ соборныхъ, а Александръ и теперь еще оставался соборнымъ членомъ (3),—слѣдовательно, были людьми опытными и вліятельными въ монастырѣ. Наконецъ, всѣ были непримиримыми врагами своего настоятеля Варθоломея, потому что не разъ отъ него были наказаны (4), и поэтому давно не желали видѣть его своимъ настоятелемъ. Съ этою цѣлію они, по ихъ словамъ, нѣсколько уже разъ посылали на него къ царю за руками свои челобитныя, но они никогда не доходили по назначенію, потому что въ Москвѣ «угодники архимандричьи—строители подворья ихъ выкупали и до царя не допускали» (5). Съ отъѣздомъ Варθоломея въ Москву имъ представлялось много надеждъ къ осуществленію своего давнишняго желанія. Масса строгихъ старообрядцевъ изъ братіи и мірянъ, проживавшихъ въ монастырѣ, смотрѣли на Варθоломея весьма подозрительно, и почти не питали никакой надежды, что онъ устоитъ въ Москвѣ противъ соблазновъ, не измѣнивъ старообрядчеству. Въ этомъ убѣждали братію его нетвердость въ старообрядчествѣ, не разъ проявлявшаяся въ монастырѣ, и то, что онъ неохотно согласился взять съ собой братскую

(1) Матер. для ист. раск. т. III. стр. 80
(2) Тамъ же, стр. 104.
(3) Тамъ же, стр. 81—100. Челоб. и «улики» Варθоломея.
(4) Тамъ же.
(5) Тамъ же, стр. 65.

челобитную къ царю о вѣрѣ; уѣхалъ изъ монастыря, не дождавшись окончанія ея, такъ что нужно было посылать ее къ нему въ Вологду ([1]). Принявъ все это во вниманіе, старцы Герасимъ Ѳирсовъ съ товарищами могли вполнѣ разсчитывать, что къ ихъ заговору противъ Варѳоломея большая часть братіи отнесутся сочувственно и поддержатъ, когда это будетъ нужно. Кромѣ того въ монастырѣ прошелъ слухъ, что Варѳоломей, вызванный въ Москву, получилъ на дорогѣ царскій указъ, повелѣвающій ему не въѣзжать въ Москву, а оставаться въ Вологдѣ, что, по мнѣнію братіи, свидѣтельствовало о царскомъ гнѣвѣ по отношенію къ нему ([2]). И это со стороны старцевъ—Герасима съ товарищами было принято какъ обстоятельство, благопріятствующее къ возобновленію дѣла объ удаленіи Варѳоломея отъ настоятельства. И вотъ они задумали теперь возобновить оное. Началось составленіе новой челобитной къ царю, тайно, конечно, отъ келаря Савватія съ соборомъ, отъ которыхъ не только нельзя было ожидать ни малѣйшаго сочувствія, напротивъ можно было встрѣтить помѣху. Вскорѣ была составлена челобитная отъ лица всей братіи: соборныхъ старцевъ, поповъ, дьяконовъ, рядовыхъ и больничныхъ старцевъ, служекъ и мірянъ. Всѣ будто бы желаютъ Варѳоломея съ «архимандричества перемѣнить», какъ человѣка неспособнаго къ управленію монастыремъ, и вреднаго по отношенію къ нравственному строю братства. Въ подтвержденіе сего, по словамъ келаря Савватія, было помѣщено въ челобитную такое множество «доводныхъ, составныхъ статей, что и въ умѣ не можетъ вмѣститься». Вслѣдствіе этого челобитная вышла громаднѣйшая, на пяти столбцахъ самаго мелкаго письма старца Герасима». Оставалось только понабрать больше подписей и отправить. Но келарь Савватій съ соборомъ заблаговременно узнали объ этомъ и поспѣшили принять всѣ мѣры къ тому, чтобы воспрепятствовать ея отправкѣ. Келарю съ соборомъ въ высшей степени желательно было отнять у мятежниковъ челобитную и послать къ архимандриту Варѳоломею въ обличеніе ихъ

([1]) Матеріалы для истор. раск. т. III стр. 44 и дал. 112.
([2]) Тамъ же, стр. 191. Челоб. 2-я Варѳоломея.

и въ доказательство своей преданности къ нему. Но ихъ власть въ монастырѣ безъ настоятеля была слишкомъ недостаточно для того, чтобы принудить мятежниковъ къ выдачѣ челобитной силою и угрозами. Напротивъ, они сами теперь были отъ нихъ въ нѣкоторомъ «утѣсненіи», жили отъ нихъ, что за приставомъ». Вмѣсто насилія пришлось прибѣгнуть къ унизительнымъ просьбамъ и клятвамъ. Они предложили челобитчикамъ, чтобы тѣ выдали челобитную имъ, давъ клятву, что она не будетъ отослана въ Москву, а будетъ въ присутствіи ихъ изорвана и предана огню. Челобитчики послѣ нѣкотораго колебанія согласились на предложеніе. «Да какъ тебя Богъ понесъ къ Москвѣ», писалъ объ этомъ къ Варѳоломею казначей Варсонофій: «и въ вѣдомости намъ почало быть, что объявилась челобитная на тебя быть зъ безвѣстными умыслы и лютымъ злохитрствы Герасима Фирсова слогъ и письмо, и назаду рука сначала евожъ а подъ нимъ брата твоего келейнаго Геннадія, да Александра, да Ефрема, да Брызгалова, да четырехъ поповъ пьяныхъ безчинниковъ, да чернеца опалнова Тишки, да двухъ чернецовъ ничевушекъ. И мы, государь, тое челобитные всячески доступали и Богъ поручилъ намъ,—едва за клятвою намъ отдали Герасимъ и Александръ, что ее изодрать» (¹). Переданная соборнымъ старцамъ челобитная, дѣйствительно, была въ присутствіи челобитчиковъ и братства изорвана и предана огню (²). Такъ кончилась первая попытка Герасима съ товарищами отправить на Варѳоломея челобитну. Но неблагопріятный исходъ ея нисколько ни уменьшилъ энергіи въ челобитчикахъ и не принесъ желаннаго мира и спокойствія въ возволнованномъ по этому поводу братствѣ. Напротивъ, эта не удача побуждала къ новымъ болѣе осторожнымъ попыткамъ и новымъ волненіямъ. Съ этихъ поръ мнимый союзъ партій разрывается навсегда, и начинается въ братствѣ сильная междоусобная борьба.

Уничтожая переданную отъ старца Герасима съ товарищами челобитную, соборные, вопреки данной клятвѣ, сохра-

(¹) Матер. для истор. раск. т. III. стр. 67—74. Отписки къ Варѳоломею келаря Савватія и казначея Варсонофія.
(²) Тамъ же, стр. 67.

нили у себя нѣсколько лоскутковъ отъ нея для отсылки къ Вареоломею. Въ свою очередь и челобитчики не думали выполнять даннаго соборнымъ слова оставить свое намѣреніе жаловаться на Вареоломея. Передавая челобитную для уничтоженія, они только хотѣли черезъ это снова сдѣлать свой заговоръ противъ Вареоломея тайной для соборныхъ, чтобы успѣшнѣе дѣйствовать. Дѣйствительно, пригласивъ въ свой союзъ еще новаго члена—ссыльнаго князя Львова, они немедленно написали новую челобитную, притомъ уже не на одного Вареоломея, но и на келаря Савватія съ товарищами. Челобитная была отдана въ переписку дьячку Ивану Данилову. Но и на этотъ разъ соборные провѣдали о челобитной заблаговременно. Имъ теперь удалось даже, не прибѣгая къ унизительнымъ просьбамъ и клятвамъ предъ мятежниками, «вынять» челобитную у дьячка Ивашки» (1) Между тѣмъ изъ Москвы прибылъ въ монастырь нарочный съ царскимъ указомъ, которымъ Герасимъ Ѳирсовъ призывался въ Москву, 29 мая Герасимъ дѣйствительно отправился (2). Такимъ образомъ планъ заговорщиковъ, повидимому, совсѣмъ разрушился. Такъ по крайней мѣрѣ думали соборные.

Довольные такимъ исходомъ столкновенія съ мятежниками, келарь Савватій и казначей Варсонофій поспѣшили сообщить Вареоломею обо всемъ, что произошло въ монастырѣ по поводу возмущенія противъ него братіи; причемъ, для увѣренія Вареоломея, они послали къ нему: нѣсколько «одирковъ» отъ первой челобитной Герасима, цѣликомъ вторую челобитную, особую записку Варсонофія о продѣлкахъ челобитчиковъ и «о вракахъ княжьихъ» и нѣсколько «распросныхъ рѣчей бѣглыхъ чернцовъ» (3). Савватій въ своей отпискѣ отъ 28 мая, высказавъ предъ Варфоломеемъ свое сожалѣніе, что ему съ соборомъ первой челобитной «никоторыми дѣлы у себя удержать было не мочно», и изложивъ довольно подробно ея содержаніе, описывалъ положеніе дѣлъ

(1) Матер. для истор. раск. т. III. стр. 72.
(2) Тамъ же, стр. 73.
(3) Матер. для истор. раск. т. III. стр. 67—74 Варсонофій въ своей отпискѣ между прочимъ говоритъ, что «подлинно писать (обо всемъ происшедшемъ) постигнетъ мя лѣто, и подлинно рѣчью тебѣ [Варе.] скажетъ, хто сіе писанеце тебѣ поднесетъ». Тамъ же, стр. 75.

въ монастырѣ въ такомъ видѣ: «и нынѣ Герасимъ съ товарищи ко князь Михаилу Львову въ келью приходятъ и на переходахъ сходятца, совѣтуютъ безпрестани, хотя на монастырь, и на тебя, отца нашего, и на насъ какое-(то) зло навести, и иные, государь, многіе чернцы, которые за разные свои вины (сосланы въ монастырь и наказаны) съ міряны къ нимъ приставаютъ и мятежничаютъ, а мы смирять ихъ не смѣемъ, и сами отъ нихъ живемъ, что за приставомъ..... Всѣхъ, государь, пуще тщатца на монастырь, и на насъ, и на тебя всякое зло навести старецъ Геннадій, да Ефремъ, да Іона Брызгало,—безпрестано о томъ и попеченіе имѣютъ» (1).. Судя по этому отзыву Савватія, положеніе дѣлъ въ монастырѣ было по истинѣ печально. Требовалась къ поддержанію порядка сильная помощь со стороны высшей власти. Савватій и просилъ Варѳоломея объ этой помощи. «И тебѣ бъ, государь», писалъ онъ въ заключеніе своей отписки: «пожаловать о томъ промыслъ учинить, чтобъ великій государь князь Михайла Львова изъ монастыря велѣлъ вывесть, покамѣста онъ со единомысленники своими какова зла не навели..... Милости у тебя, государь, отца нашего просимъ,—пожалуй, государь, монастырь, и себя и насъ чернцовъ отъ тѣхъ злыхъ умысловъ и тѣхъ чернцовъ коварства пріопаси, какъ тебя Богъ вразумитъ» (2). Но помощи ни отъ Варѳоломея, ни отъ кого либо другаго-Савватію съ монастырскимъ соборомъ своевременно оказано не было.

Соловецкій келарь съ соборомъ, впрочемъ, могли утѣшаться пока тѣмъ, что еще далеко не все братство перешло на сторону Герасима. Многихъ удерживала отъ сообщества съ Герасимомъ опасность со временемъ подвергнуться наказанію со стороны Варѳоломея, который теперъ былъ въ Москвѣ близь царя и властей, и который легко могъ возвратиться въ монастырь съ новыми полномочіями карать и миловать братію. Кромѣ того, въ монастырѣ было еще не мало простецовъ, которые вѣрили, что Варѳоломей, взявшій съ собой

(1) Матер. для истор. раск. т. Ш. стр. 67 и д. Отписка Савватія.
(2) Тамъ же, стр. 73.

братскую челобитную о старой вѣрѣ, не измѣнитъ старообрядчеству, будетъ въ Москвѣ стоять за него твердо и отстоитъ, по крайней мѣрѣ, для соловецкой обители. Для подобной братіи, если они не были обижены Варѳоломеемъ и не питали къ нему личной ненависти, не было особыхъ побужденій присоединяться къ партіи старца Герасима Ѳирсова, хлопотавшей только объ увольненіи Варѳоломея отъ настоятельства. Впереди мы увидимъ, какъ охотно подобные старцы пристали къ партіи Герасима и подтвердили теперешнюю челобитную своей челобитной, когда Варѳоломей измѣнилъ старообрядчеству. Къ числу братіи, державшейся подобнаго взгляда на дѣло Герасима принадлежитъ весьма замѣчательный старецъ Веніаминъ, который хотя и былъ отставленъ Варѳоломеемъ отъ должности ризничаго, но повидимому не питалъ къ нему личной вражды. Нужно сказать, что Варѳоломей раньше, чѣмъ сообщено было ему изъ монастыря, какимъ-то образомъ узналъ о замыслахъ противъ него Герасима Ѳирсова и подозрѣвалъ въ соучастіи съ нимъ Веніамина, какъ одного изъ обиженныхъ имъ. Объ этомъ дошло до слуха Веніамина. И вотъ онъ вздумалъ особой отпиской разубѣдить Варѳоломея въ напрасномъ его подозрѣніи. «Да что тебѣ, государь», писалъ онъ «извѣстилъ кто *о насъ* (вѣроятно Варѳоломей подозрѣвалъ не одного Веніамина), что будто мы съ Ярасимомъ лучшіе заводчики; ино, государь, Богъ на то свидѣтель, что мы къ тому дѣлу коварному въ совѣтъ не ходили и рукъ не прикладывали; и много насъ привлачилъ (Герасимъ Ѳирсовъ) къ своему совѣту, и за то насъ укорялъ и говорить сталъ: «что де вы рукъ не приложили, ино на васъ будетъ вся та бѣда»; и властемъ насъ огласилъ и инымъ многимъ своимъ лукавствомъ. И самъ ты, государь, Ярасима вѣдаешь, что лукавство-то его прежь родилось. А что ты, государь, отъ службы перемѣнить велѣлъ, отъ ризной, и череду держати, и на томъ тебѣ, государю, челомъ бью на твоей отеческія милости, что потерпѣлъ нашему неразумію, и я елико сила моя была, тщался и тружался, ово своими руками, ово людьми, по твоему благословенію. Точію о томъ молю твое преподобіе, что *впредь боюсь твоего гнѣва:* вѣдаютъ, государь, келарь и казначей,

что моихъ рукъ и рѣчей у его (Герасима) лукавыхъ писемъ не было» ([1]). Впрочемъ, искренность этого заявленія преданности старца Веніамина къ Варѳоломею представляется довольно сомнительною. Кромѣ опасности подвергнуться современемъ опалѣ, въ случаѣ возвращенія Варѳоломея въ монастырь, у старца Веніамина побужденіемъ къ заявленію своей мнимой преданности могло быть то, что онъ самъ разсчитывалъ занять послѣ Варѳоломея мѣсто соловецкаго настоятеля: въ челобитной Герасима онъ былъ рекомендованъ предъ царемъ послѣ архимандрита Никанора первымъ кандидатомъ ([2]). Въ этомъ случаѣ Веніамину необходимо было нѣсколько замаскироваться предъ Варѳоломеемъ, чтобы тотъ не испортилъ въ Москвѣ дѣла. Во всякомъ случаѣ въ концѣ 1666 г. онъ съ прочей братіей призналъ вполнѣ справедливою просьбу Герасима Ѳирсова ([3]), сдѣлался однимъ изъ жаркихъ поборниковъ соловецкаго старообрядчества; снова принялъ должность ризничаго и пробылъ въ монастырѣ безвыходно до самаго покоренія монастыря въ 1676 году отъ воеводы Мещеринова, который пощадилъ ему жизнь только ради взысканія монастырской казни ([4]). Подобно Веніамину и многіе другіе изъ братіи были на сторонѣ Варѳоломея, пока онъ не принесъ предъ московскимъ соборомъ раскаянія въ приверженности къ старообрядчеству ([5]). Въ этомъ заключалась съ одной стороны неудача старца Герасима Ѳирсова въ дѣлѣ составленія общебратской челобитной на Варѳоломея; съ другой—то, что келарь Савватій имѣлъ еще нѣкоторую смѣлость отбирать челобитныя и уничтожать, или отсылать ихъ къ Варѳоломею.

Но какъ бы то ни было, Савватій съ соборомъ въ концѣ концовъ не усмотрѣли, какъ Герасимъ съ товарищами въ третій разъ написали задуманную челобитную и наконецъ отправили въ Москву. По всей вѣроятности, она была уве-

([1]) Отписка Веніамина къ Варѳоломею. Тамъ же, стр. 75.
([2]) Челоб. Герасима. Тамъ же, стр. 66.
([3]) Братская челобит. на архим. Сергія. Тамъ же стр. 171. См. подпись.
([4]) Слѣдств. дѣло о воеводѣ Мещериновѣ, въ Солов. ризницѣ.
([5]) Въ іюлѣ 1666 г. Савватій могъ еще набрать множество подписей подъ свою челоб. на Александра Стукалова. Мат. для ист. раск. т. III, стр. 100, а въ октябрѣ былъ уже одинъ. Тамъ же, стр. 152.

зена и представлена царю самимъ Герасимомъ, который по царскому указу въ концѣ іюня былъ уже въ Москвѣ и 1-го іюля давалъ предъ соборомъ отвѣтъ въ своихъ хулахъ на церковь. И на этотъ разъ челобитная, какъ и первая разорванная, была написана отъ лица всего братства, соборныхъ старцевъ, священниковъ, дьяконовъ, церковниковъ и т. д. ([1]), хотя послана и «не за большими руками». Такъ твердо челобитчики были увѣрены въ сочувствіи къ нимъ большей части братіи!

Обширнѣйшая ([2]) челобитная Герасима на имя царя Алексѣя Михайловича почти вся состоитъ изъ обвиненій противъ архимандрита Вароломея. Эти обвиненія положены были въ основаніе просьбы объ удаленіи Вароломея отъ настоятельства и должны были служить къ убѣжденію царя въ правотѣ ея. Впрочемъ, какъ увидимъ, монахи не допустили произвести точное дознаніе о поступкахъ своего настоятеля и чрезъ это сами подорвали силу своихъ обвиненій противъ него.

Расписавъ въ самомъ не привлекательномъ видѣ своего настоятеля, челобитчики, въ заключеніе челобитной, обращаются къ царю съ такой мольбой; «и нынѣ мы, нищіе *вся братія*, единодушно молимъ твою, великаго государя, благочестивую державу: милосердый государь, царь и великій князь Алексѣй Михайловичъ, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержецъ, пожалуй насъ, нищихъ твоихъ государевыхъ богомольцевъ, не дай твоего царскаго богомолья тому архимандриту Вароломею, нестройнымъ житіемъ и пьянствомъ запустошить, вели, государь, ево перемѣнить *и про пьянство ево, и про посулы, и про всякое ево безчинство вели, государь, сыскать, а на ево вароломеево мѣсто вели* государь *быть въ архимандритахъ* нашему соловецкому же постриженнику, бывшему саввинскому *архимандриту Никанору*, или ризничему священнику Веніамину, или по преданію великихъ чудотворцевъ, вели, государь, выбрать изо всей братіи, кому Господь Богъ благоволитъ и

([1]) Матер. для истор. раск. т. III. стр. 47, 171.
([2]) Въ III т. Мат. для ист. раск. она занимаетъ 15 страницъ, съ 47 до 60.

великіе чудотворцы изволять, чтобъ намъ нищимъ отъ насильства и безчиннова пьянства архимандрита Варѳоломея и отъ всякія обиды учениковъ ево съ обѣщанія не разбрестися, и твое бы, великаго государя, богомолье не запустѣло. А про бывшаго архимандрита Никанора саввинскаго, о житіи его, какъ былъ при твоей государской милости, самому тебѣ великому государю извѣстно, и прежъ того въ дому великихъ чудотворцевъ, отъ юности своея и до нынѣ, житіе иноческое опасно проходитъ; такожe и ризничій священникъ Веніаминъ въ дому великихъ чудотворцевъ постриженъ лѣтъ съ двадцать, и старцу своему поработалъ во иночествѣ *и въ неразсуднемъ послушаніи* лѣтъ съ пятнадцать, и житіе живетъ иноческое безъ всякаго зазору и хмѣльнаго питья и пьянова никакова не пьетъ отъ рожденія» ([1]).

Составитель челобитной и главный «заводчикъ» монастырскихъ смутъ старецъ Герасимъ Ѳирсовъ, 29-го мая отпущенный въ Москву и, по всей вѣроятности, лично представившій царю, или на соборѣ, свою челобитную, однако, послѣ того, какъ принесъ предъ соборомъ (13 іюля) раскаяніе въ хулахъ на церковь и посланъ былъ въ Волоколамскій монастырь,—не сталъ поддерживать соловецкое дѣло о перемѣнѣ настоятеля, не имѣя болѣе къ тому особыхъ побужденій. Вмѣстѣ съ перемѣною убѣжденій и посылкою на жительство не въ Соловецкій, а въ Волоколамскій монастырь, кончилась его роль въ исторіи соловецкихъ возмущеній; для него теперь соловецкія смуты не составляли интереса, ему было все равно: Варѳоломей ли останется въ Соловкахъ настоятелемъ, или будетъ Никаноръ. При самомъ отъѣздѣ изъ Москвы въ Волоколамъ, Герасимъ, по словамъ Варѳоломея, совсѣмъ примирился съ нимъ, и написалъ даже къ нему «повинную челобитную», снимая съ него всѣ «ложныя, затѣйныя» клеветы. «А первый, государь, ихъ заводчикъ и составщикъ Герасимъ Ѳирсовъ», писалъ Варѳоломей царю въ 1667 году, «какъ по твоему, великаго государя, указу и по архіерейскому всего освященнаго собору посланъ былъ на Волокъ Ламской въ Иосифовъ монастырь, и на поѣздѣ на-

(1) Челобитн. 66.

писалъ онъ, старецъ Гарасимъ, повинную челобитную своею рукою, прислалъ ко мнѣ, богомольцу твоему, и тою, государь, челобитною онъ, старецъ Герасимъ, въ прежнемъ своемъ составномъ ложномъ затѣйномъ челобитьѣ меня, богомольца твоего, очистилъ, и та, государь, ево старца Герасима челобитная у меня, богомольца твоего» ([1]).

Но исчезновеніе со сцены Герасима Ѳирсова прошло какъ бы никѣмъ не замѣченнымъ въ монастырѣ, по крайней мѣрѣ, оно не произвело ни малѣйшей перемѣны въ убѣжденіяхъ и стремленіяхъ братіи. Мѣсто главнаго заводчика въ монастырѣ послѣ Герасима немедленно занялъ соборный старецъ Александръ Стукаловъ, человѣкъ молодой, не менѣе энергичный, и болѣе устойчивый, чѣмъ Герасимъ. Этому старцу удалось возстановить противъ Варѳоломея все братство и такимъ образомъ довести дѣло о перемѣнѣ настоятеля до конца. У старца Александра Стукалова были свои личные счеты съ Варѳоломеемъ, такъ какъ и онъ не разъ былъ жестоко оскорбленъ отъ него ([2]). Поэтому онъ въ задуманномъ Герасимомъ дѣлѣ о смѣнѣ Варѳоломея съ настоятельства принималъ самое живое участіе. Роль главнаго заводчика въ монастырскихъ смутахъ послѣ Герасима онъ принялъ на себя тѣмъ болѣе охотно, что видѣлъ постепенно увеличивающимся въ братствѣ враждебное настроеніе противъ Варѳоломея. Ставъ во главѣ заговора, Александръ Стукаловъ, кромѣ недовольной Варѳоломеемъ братіи, по примѣру старца Герасима принялъ въ свой союзъ до сорока человѣкъ опальныхъ людей, съ княземъ Львовымъ во главѣ, которые были недовольны уже не Варѳоломеемъ только, но и вообще властію гражданскою и духовною, сославшею ихъ на Соловки. Этотъ новый союзъ враждебной Варѳоломею братіи былъ настолько силенъ и дерзокъ по отношенію къ монастырской власти, что келарь Савватій съ соборомъ совсѣмъ теряли голову, не имѣя никакихъ средствъ къ усмиренію ихъ и къ поддержанію разрушающагося не по днямъ, а по часамъ строя монастырской жизни. Вотъ что они въ

([1]) Матер. для истор. раск. т. III, стр. 194, 195.

([2]) Тамъ же, стр. 55.

іюлѣ мѣсяцѣ писали въ своей челобитной къ царю о союзѣ Александра Стукалова съ опальными. «А тѣ наши соловецкіе соборные старцы, Александръ, да Геннадей, да отставленной соборной старецъ Ефремъ, живутъ съ опальными людьми за одно, и мятежи чинятъ, и воровскіе письма составливаютъ, и умышляютъ, хотя твоему, великаго государя, богомолью, Соловецкому монастырю, пакость учинить, и съ тѣми опальными людьми сходятся на монастырѣ, и на переходѣхъ, и за монастыремъ, и по кельямъ съ опальными ночи просиживаютъ; а какъ стрѣльцы караульщики ихъ увидятъ, и они имъ угрaживаютъ и хотятъ побивать. А которымъ опальнымъ людямъ, по твоему великаго государя указу, чернилъ и бумаги давать не велено, и они наши старцы, Александръ, да Геннадій, да Ефремъ, чернилъ и бумаги подносятъ. А у которыхъ опальныхъ людей для береженія приставлены монастырскіе люди, и станутъ имъ говорить, чтобъ они не сходились, и тѣмъ они людямъ угрaживаютъ смертнымъ убійствомъ, чтобъ они про то намъ не извѣщали. А какъ мы, твои государевы нищіе богомольцы, соборные кельи чернцы, про то провѣдаемъ и опальныхъ людей хотимъ посмирять за безчиніе, и тѣ старцы намъ опальныхъ смирять воли не даютъ и во всемъ намъ чинятся противны. А здѣ, государь, твое государево богомолье Соловецкій монастырь, мѣсто украйное: а опальныхъ умножало, а живутъ самовольно. А мы нищіе, твои государевы богомольцы, безъ твоего великаго государя, указу и бояся отъ тѣхъ своихъ старцовъ Александра, и Геннадія и Ефрема каргопольца, угрозовъ и крамолы и мятежей, смирять ихъ не смѣемъ» (¹).

Дѣйствительно, Александръ Стукаловъ съ товарищами дѣлалъ въ монастырѣ что хотѣлъ: подстрекалъ братію къ непослушанію соборнымъ, устраивалъ бѣгство изъ монастыря опальныхъ, иногда нападалъ на соборныхъ и грозилъ имъ убійствомъ. Подъ его покровительствомъ и при его соучастіи 24 апрѣля изъ монастыря сбѣжалъ ссыльный чернецъ Саввина монастыря Никита. Соборные напрасно посы-

(¹) Челоб. къ царю Савватія. Мат. для ист. раск. т. III. стр. 102.

лали за нимъ въ погоню на Онегу и на Двину,—нигдѣ сыскать не могли. Дѣло кончилось тѣмъ, что былъ «учиненъ на берегъ заказъ, если гдѣ объявитца, чтобъ вѣсть въ монастырь подали». Въ маѣ мѣсяцѣ сговорились бѣжать изъ монастыря князь Львовъ, черный попъ Спиридонъ, дьяконъ Варлаамъ,—ученикъ извѣстнаго уже намъ старѣйшаго изъ священниковъ Леонтья,—чернцы Игнатій, Іоакимъ и Иринархъ. 14 мая, во время братскаго обѣда, всѣ они, кромѣ князя Львова, дѣйствительно убѣжали; причемъ дьяконъ Варлаамъ предварительно ограбилъ своего старца попа Леонтья и взялъ съ собой на сохраненіе отъ князя Львова золотой перстень, два ножа, оправленные серебромъ, ложку серебрянную и штаны комчатые. Князь Львовъ не убѣжалъ съ братіей только потому, что замѣшкалъ въ монастырѣ и пришелъ къ назначенному мѣсту на берегъ уже въ то время, когда братія на маленькомъ суднѣ пустились въ море. Посланные изъ монастыря къ судну погонщики, встрѣтили его уже идущимъ обратно въ монастырь. Впрочемъ и братіи не долго удалось погулять на свободѣ. За ними въ погоню были командированы монастырскіе слуги на берегъ въ монастырскіе вотчины и они были пойманы въ Кожеезерской вотчинѣ отъ монастыря верстъ за двѣсти. Нужно сказать, что эти старцы и раньше бѣгали изъ монастыря и были схвачены на Двинѣ верстъ за 300 онъ монастыря; тогда бѣгство имъ легко сошло съ рукъ. Но теперь они, привезенные въ монастырь и допрошенные, были посажены въ тюрьму. Мало того, монастырскія власти вскорѣ «вынявъ ихъ изъ тюрьмы, начали смирять монастырскимъ смиреніемъ, чтобъ на то смотря опальнымъ людямъ неповадно было бѣгать изъ монастыря». Александръ Стукаловъ съ товарищами, при видѣ наказанія старцевъ-бѣглецовъ, страшно вознегодовали, особенно противъ келаря, и рѣшились отомстить ему за обижаемыхъ. 28 іюня, во время утрени въ Преображенской соборной церкви, они подошли къ мѣсту Савватія, начали укорять его жестокими словами и угрозами за то, что онъ смиряетъ мятежниковъ и бѣглецовъ, хотѣли «убить» его и «произвели въ церкви мятежъ многой, и крикъ и шумъ». Только сбѣжавшіеся на шумъ священники и братія

спасли келаря отъ дальнѣйшихъ оскорбленій и побоевъ (1). При помощи этой братіи келарю Савватію удалось даже Александра Стукалова и его товарищей Геннадія и Ефрема за мятежъ и безчиніе посадить въ тюрьму. Но они, повидимому, не долго оставались въ тюрьмѣ. Въ своей челобитной къ царю, поданной вскорѣ послѣ этого случая, Варѳоломей между прочимъ писалъ: «и нынѣ ему, келарю, тѣжъ чернцы гилевщики безпрестанно угрaживаютъ смертнымъ убійствомъ» (2). Этого они не могли бы дѣлать, будучи въ тюрьмѣ. Во всякомъ случаѣ въ концѣ 1666 г. Александръ Стукаловъ является опять самымъ энергичнымъ дѣятелемъ между соловецкими старообрядцами, и даже отправляется въ Москву съ полномочіемъ отъ братіи лично жаловаться царю на Варѳоломея (3). Между тѣмъ князь Львовъ, никогда не любившій себя стѣснять въ жизни, послѣ неудачной попытки къ побѣгу, тѣмъ болѣе проводилъ житье зазорное, во всякомъ мятежѣ и «безчиніи» (4).

Положеніе келаря Савватія съ соборомъ становилось со дня на день не выносимѣе, тѣмъ болѣе, что и тотъ небольшой кружокъ братіи, которая оставалась пока у нихъ въ послушаніи, готовъ былъ измѣнить при первомъ неблагопріятномъ извѣстіи изъ Москвы относительно поведенія Варѳоломея. Въ виду этой опасности и въ сознаніи своего безсилія поддержать разрушающійся строй соловецкой жизни, келарь съ соборомъ и нѣкоторой братіей въ іюлѣ 1666 года вынужденъ былъ обратиться за помощью къ самому царю. «Пожалуй насъ, нищихъ твоихъ государевыхъ богомольцевъ», писали они въ своей челобитной, «освободи свое государево царское богомолье отъ таковыхъ мятежниковъ, и вели намъ дать свою, великаго государя, грамоту, чтобъ намъ опальныхъ людей и своихъ старцовъ, которые мятежъ чинятъ и безчинно живутъ, смирять, чтобъ въ твоемъ государевѣ царскомъ богомольѣ безмятежно было, а намъ бы твоимъ государевымъ нищимъ богомольцамъ отъ мятежниковъ и

(1) Челоб. Варѳ. Мат. для ист. раск. т. III. стр. 83.
(2) Матер. для истор. раск. т. III. стр. 83.
(3) Тамъ же стр. 178.
(4) Тамъ же, стр. 105.

опальныхъ людей, отъ ихъ крамолъ и побѣговъ, отъ тебя великаго государя, въ опалѣ не быть» ([1]). Митрополитъ новгородскій Питиримъ самъ представилъ царю эту соловецкую челобитную. Но съ помощью къ соловецкимъ соборнымъ изъ Москвы не слишкомъ торопились. Тамъ пока производились допросы Варѳоломея противъ челобитной Герасима и собирались послать въ монастырь особаго слѣдователя.

Въ августѣ мѣсяцѣ 1666 г. по опредѣленію церковнаго собора долженъ былъ отправиться въ монастырь съ соборнымъ повелѣніемъ о принятіи новоисправленныхъ книгъ и чиновъ архимандритъ Ярославскаго монастыря Сергій. На него и было возложено производство слѣдствія, по челобитной старца Герасима.

Московскія власти къ этому времени уже начинали понимать грозное демократически-старообрядческое настроеніе соловецкой братіи. Въ соборномъ повелѣніи прямо говорилось, что архимандритъ Сергій посылается въ монастырь «ради неповинующихся» изъ братіи «нынѣшнему святыхъ книгъ отъ греческаго исправленію, *послышимому* въ насъ, и не пріемлющихъ елико въ словесѣхъ и чинѣхъ ([2])... Поэтому Сергій посланъ былъ не одинъ, а окруженный большой свитой и отрядомъ московскихъ стрѣльцовъ. Съ нимъ поѣхали: Успенскаго собора попъ Василій Ѳедоровъ, Богоявленскаго монастыря, что въ Москвѣ за ветошнымъ рядомъ, черный попъ Іоасафъ, черный дьяконъ Андреянъ, патріаршій сынъ боярскій Григорій Черновской, казеннаго патріаршаго приказа подъячій Володимеръ Гурьевъ и сотникъ московскихъ стрѣльцовъ Елисей Ярцовъ съ командою изъ десяти стрѣльцовъ ([3]). По важности порученія самому слѣдованію ихъ до монастыря была придана до нѣкоторой степени внушительная торжественность. Они должны были ѣхать «на спѣхъ, на скоро». Всюду по пути были разосланы приказы, чтобы для нихъ были готовы подводы, рѣчныя и морскія суда, чтобы они

([1]) Мат. для ист. раск. т. III. стр. 105. Подписались: 4 соборныхъ старца, 7 свящ., 7 діак., 16 чернцовъ и больничной братіи 70 чел.

([2]) Тамъ же, стр. 119.

([3]) Матер. для истор. раск. т. III. стр. 129.

были сопровождаемы командою добавочныхъ стрѣльцовъ, чтобы о прибытіи и отбытіи ихъ доносилось немедленно въ Москву. Начальнику ямскаго приказа думному дворянину Нащокину, напримѣръ, повелѣвалось заблаговременно распорядиться, чтобы по станціямъ сухимъ путемъ давались посланнымъ «для великихъ церковныхъ дѣлъ и сыскнаго дѣла подводы подъ верхъ и телѣги съ проводниками» ([1]). Вологодскому воеводѣ стольнику Зубову съ дьякомъ Бакунинымъ предписано было: «къ прибытію Сергія съ товарищами велѣть изготовить: суда, для слѣдованія по рѣкамъ Сухонѣ и Двинѣ, тотчасъ, не мѣшкая, къ тѣмъ судамъ—кормщиковъ и гребцовъ, а для провожанія—стрѣльцовъ, сколько человѣкъ понадобитца. Съ Вологды отпустить ихъ на тѣхъ судахъ до Холмогоръ, тотчасъ не мѣшкая ни часа, чтобъ имъ на Вологдѣ ни въ чемъ задержанія и мѣшкоты не было; а котораго мѣсяца и числа прибудутъ на Вологду и отправятся къ Холмогорамъ, на сколькихъ судахъ, съ какимъ числомъ кормщиковъ и гребцовъ, и добавочныхъ стрѣльцовъ,—обо всемъ этомъ отписать къ великому государю» ([2]). Точно также въ грамотѣ въ Холмогоры двинскому воеводѣ дворянину Чадаеву съ дьякомъ Саблуковымъ говорилось: «а какъ архимандритъ Сергій съ товарищи на Колмогоры пріѣдетъ, и вы бы имъ съ Колмогоръ до Соловецкаго монастыря велѣли дать лодью, и кормщика и гребцовъ добрыхъ, а для провожанія стрѣльцовъ; а будетъ въ лодьѣ зачѣмъ отпустить ихъ немочно, и вы бъ ево, архимандрита Сергія съ товарищи велѣли отпустить въ карбасахъ, или въ какихъ судахъ легче и бережнѣе; а котораго мѣсяца и числа» и т. д. ([3]). Независимо отъ сего, соловецкому архимандриту Варѳоломею предписано было, что бы онъ немедленно послалъ въ Вологду къ соловецкимъ приказнымъ старцамъ предписаніе о снабженіи Сергія и его спутниковъ «нескуднымъ путевымъ обиходомъ и всякимъ столовымъ запасомъ». до самаго Соловецкаго монастыря ([4]). Наконецъ, послана

([1]) Матер. для истор. раск. т. III. стр. 132.

([2]) Тамъ же, стр. 133.

([3]) Тамъ же, стр. 135.

([4]) Тамъ же, стр. 136.

была особая грамота въ Соловецкій монастырь къ келарю Савватію и казначею Варсонофію съ братіею, которою повелѣвалось подъ опасеніемъ «быть въ жестокомъ наказаньѣ и въ дальнихъ ссылкахъ» повиноваться архимандриту Сергію съ товарищами «во всемъ безъ всякаго прекословія»; давать ему, когда нужно будетъ, для церковныхъ и сыскнаго дѣлъ въ послуги монастырскихъ служекъ, служебниковъ и стрѣльцовъ; а какъ будетъ время ему ѣхать изъ Соловецкаго монастыря,—отпустить его съ честью, на берегъ допровадить бережно и дать на дорогу до Вологды всякихъ обиходовъ и для провожанія людей, сколько понадобитца, чтобы ни въ чемъ скудости имъ не было (¹). Благодаря всѣмъ этимъ распоряженіямъ и предосторожностямъ, Сергій съ товарищами 5 октября доѣхалъ до Соловецкаго монастыря благополучно. Но въ приличномъ пріемѣ и повиновеніи со стороны соловецкой братіи онъ долженъ былъ слишкомъ разочароваться.

Соловецкіе монахи, уже поджидавшіе архимандрита Сергія, приняли его по заранѣе обдуманному плану. Съ первыхъ же дней прибытія въ монастырь, онъ былъ поставленъ въ самое непріятное и стѣснительное положеніе. Вотъ что объ этомъ онъ писалъ въ своемъ донесеніи въ Москву: «а какъ пріѣхали мы въ Соловецкій монастырь и они (солов. монахи) отвѣли всѣмъ намъ только двѣ кельи, гдѣ стоять, и тѣ кельи малы; а гдѣ церковное и великаго государя сыскные дѣла дѣлать, и они ни какія кельи на то дѣло не дали, и приставили ко всѣмъ намъ свои караулы, мірскихъ людей съ бердышами и съ палками. А для церковныхъ и сыскныхъ дѣлъ посылали мы сотника московскихъ стрѣльцовъ, и сына боярскаго и подъячаго, патріаршихъ и монастырскихъ (Ярославскаго монастыря) служекъ,—къ келарю Азарію, (²). и казначею и соборнымъ старцомъ: и ихъ монастырскіе соловецкіе караульщики съ бердыши и съ палками, не допущая ихъ келей, становя

(¹) Матер. для истор. раск. т. III стр. 130.

(²) Азарій-простой монахъ изъ будильщиковъ былъ поставленъ въ келаря братіей самовольно предъ самымъ прибытіемъ Сергія, на мѣсто Савватія Абрютина, принадлежащаго къ партіи Варѳоломея

допрашивали: «къ кому идутъ и для какова дѣла»? и проводя до келей, объ нихъ докладывали караульщики, а они келарь и казначей и соборные старцы, сами не показався и въ келью не пустя, велѣли отвѣчать изъ окошекъ келейникамъ своимъ. А которыхъ монастырскихъ служекъ и стрѣльцовъ посылали мы за монастырь къ лодьямъ своимъ, и караульщики ихъ за ними ходили, и у людей нашихъ съ пріѣзду и до отъѣзду нашего съ бердыши и съ палками стояли, и стоя по ночамъ на караулѣ промежъ себя говорили: «дай де Богъ, чтобы зъ береговъ люди наши съѣхались поболши»! А что у нихъ, какой былъ вымыслъ, и того не вѣдомо. Да сказывали московскіе стрѣлцы, Василей Өедоровъ съ товарищи, двадцать человѣкъ, слышали де они въ Соловецкомъ монастырѣ, переговаривали промежъ себя соловецкіе мірскіе люди про такое дѣло: «которые де московскіе стрѣлцы нынѣ здѣсь въ монастырѣ, тѣмъ и указъ учинимъ; а которые за монастыремъ въ лодьяхъ, и тѣхъ захватимъ тамъ,--бутто де моремъ разбило: годитца де ихъ побить каменьемъ,— посланы де они отъ антихриста прелщати насъ!» И они де, стрѣлцы, въ тѣ поры хотѣли итти и такіе рѣчи сказать мнѣ, архимандриту Сергію, съ товарищи: и они де мірскіе люди соловецкіе, ихъ, московскихъ стрѣлцовъ, изъ монастыря протолкали,— «вамъ де здѣсь дѣла нѣтъ». И про то они, московскіе стрѣлцы, сказывали и дали скаску свою за рукою, и по ихъ, Московскихъ стрѣлцовъ, скаскѣ я, архимандритъ Сергій, съ товарищи, о томъ посылали къ келарю, и казначею и къ соборнымъ старцамъ, и сами въ церкви имъ на соборѣ говорили, чтобъ таковыхъ мятежниковъ сыскали и наказанье учинили: и они сыску и наказанья ничево не учинили» ([1]). Такъ былъ принятъ въ монастырѣ архимандритъ Сергій! Въ этомъ положеніи ему приходилось думать больше не о томъ, чтобъ въ точности выполнить возложенныя на него порученія, а о томъ—какъ бы благополучно и поскорѣе выбраться обратно изъ опасной среды отшельниковъ. Къ этому онъ по-

---

([1]) Матеріалы для истор. Раск. т. III. стр 149 и д. Донесеніе Сергія и сказка стрѣльцовъ.

буждался еще и тѣмъ, что въ октябрѣ мѣсяцѣ обыкновенно прекращается морской путь; малѣйшее промедленіе грозило опасностью остаться въ Соловкахъ на цѣлую зиму, что не могло быть для него пріятно. По этимъ двумъ причинамъ Сергій, лишь только убѣдился изъ нѣсколькихъ бесѣдъ съ монахами, что отъ нихъ нельзя ожидать покорности ни по церковнымъ, ни по сыскнымъ дѣламъ, не сталъ оставаться въ монастырѣ для болѣе точнаго разбирательства монашескихъ дрязгъ. 11-го октября онъ уже выѣхалъ изъ Соловецкаго монастыря обратно, взявъ съ собой бывшаго келаря Савватія и князя Львова ([1]). Монахи, впрочемъ, довольные тѣмъ, что Сергій не сталъ много безпокоить ихъ, проводили его любезно, съ почестями. Согласно царскому указу они выдали ему изъ монастырской казны на «харчь отъ монастыря до Москвы» 200 р. и сверхъ того, какъ ему, такъ и его товарищамъ, и даже стрѣльцамъ, прибывшимъ съ нимъ изъ Москвы, поднесли въ почесть подарки. Самому Сергію поднесенъ напр. «образъ чудотворцевъ окладной»; стрѣлецкому сотнику Ярцову образъ преподобныхъ и на окладъ 2 р., патріаршему боярскому сыну Чуровскому 2 р.; московскимъ стрѣльцамъ 5 р.; келейникамъ Сергія 5 р. и т. д. ([2]).

Тѣмъ не менѣе, архимандритъ Сергій пробовалъ приступить къ производству слѣдствія по челобитнымъ ([3]). Онъ это долженъ былъ сдѣлать потому, что имѣлъ объ этомъ особый царскій наказъ. Чтобы въ точности выполнить этотъ наказъ, при которомъ были приложены челобитныя: братіи на Варѳоломея и Варѳоломея на братію, и роспись «безчинствамъ и неистовствамъ» послѣднихъ, архимандриту Сергію

([1]) Впрочемъ за Савватіемъ, въ слѣдъ за Сергіемъ, пріѣзжалъ изъ Москвы «изъ приказу тайныхъ дѣлъ, особо полковникъ и стрѣлецкій голова Лопатинъ съ стрѣлецкимъ сотникомъ и 5-ю стрѣльцами. Имъ братья поднесли: Лопатину—образъ чудотворцевъ 10 р., сотнику—образъ и 4 р. и стрѣльцамъ 2 р. Денежная кн. казн. Варсонофія, въ сол. арх. Львовъ оставленъ въ сумскомъ острогѣ.

([2]) Отводная денежная книжка казначея Варсонофія. Солов. арх., связка отводныхъ книгъ XVII в.

([3]) Въ рукахъ слѣдователя Сергія было уже три челобитныхъ: Герасима Ѳирсова и Александра Стукалова—на Варѳоломея и Варфоломея—«на старцевъ на мятежниковъ» а Мат. для ист. росс. т. III стр. 47-60, 80 и 81.

предстояло въ монастырѣ по этому дѣлу слишкомъ много хлопотъ. Онъ долженъ былъ, удаливъ чилобитчиковъ Александра Стукалова съ товарищами въ Анзерскую пустынь, «чтобъ они у сыску не были», не однажды подвергнуть различнымъ допросамъ «въ церкви Божіи, предъ святымъ Евангеліемъ Христовымъ, по Христовой евангельской заповѣди по чиновной книгѣ», все братство: келаря, казначея, соборныхъ старцевъ, черныхъ поповъ, дьяконовъ, церковниковъ, служебныхъ, больничныхъ и прочихъ старцевъ, служекъ, трудниковъ, даже на берегу монастырскихъ крестьянъ и бобылей; при этомъ, конечно, не обошлось бы безъ множества очныхъ ставокъ, безъ просмотра монастырскихъ книгъ, приговоровъ и другихъ письменныхъ дѣлъ. Словомъ, Сергій долженъ былъ по обширнѣйшимъ челобитнымъ, каждое обвиненіе той и другой стороны другъ противъ друга обслѣдовать безпристрастно, до точности, чтобы «сыскать все въ правду». Но ему и думать было нельзя о столь многосложныхъ занятіяхъ въ монастырѣ при тѣхъ условіяхъ, въ какія онъ былъ поставленъ отъ братіи. Главнымъ образомъ, какъ мы уже видѣли, ему не доставало повиновенія и содѣйствія со стороны братіи. И онъ поневолѣ долженъ былъ ограничиться въ сыскномъ дѣлѣ только слѣдующимъ: разъ, въ одномъ изъ собраній по церковнымъ дѣламъ, онъ «внезапно» спросилъ всѣхъ собравшихся монаховъ: не была ли послана отъ нихъ къ царю на своего настоятеля какая нибудь челобитная? Монахи, спрошенные врасплохъ, отвѣчали, что «они великому государю на архимандрита Варѳоломея не челобитчики и челобитной писать николи не веливали». Такъ отвѣчали даже нѣкоторые изъ тѣхъ, которые подписывались къ челобитнымъ Герасима и Александра. Но когда Сергій сталъ читать челобитную на Варѳоломея, и когда братія услышали изъ ней «объ архимандричьихъ и угодниковъ его безчинствахъ и монастырскомъ раззореніи», они спохватились, что сдѣлали промахъ. Лишь только кончено было чтеніе, они, вѣроятно, еще подстрекаемые челобитчиками, которые не были удалены изъ ихъ среды, вдругъ «той челобитной не повинили» и заявили Сергію желаніе прибавить къ ней свои скаски за руками «кто что про Вар-

ѳоломея знаетъ». Но архимандритъ Сергій, вслѣдъ за этимъ, «не помѣшкавъ нисколько, тотчасъ изъ монастыря поѣхалъ и сказокъ у братіи не взялъ» ([1]).

Главный виновникъ монастырскихъ смутъ изъ-за Варѳоломея старецъ Александръ Стукаловъ, однако, вслѣдствіе вышеприведенной оплошности братства, почувствовалъ себя довольно не ловко. Но онъ былъ не изъ такихъ, которые останавливаются на полдорогѣ. Какъ только Сергій оставилъ монастырь, онъ составилъ новый, самый смѣлый и рѣшительный планъ своихъ дѣйствій и принялся за выполненіе его съ удвоенной энергіей. Первымъ долгомъ онъ докончилъ переустройство по своему усмотрѣнію монастырской администраціи; затѣмъ немедленно приступилъ къ составленію дѣйствительно общебратской челобитной на Варѳоломея, и наконецъ самъ отправился въ Москву хлопотать о перемѣнѣ Варѳоломея.

Послѣ удаленія отъ должности келаря старца Савватія Абрютина, увезеннаго въ Москву, между монастырскими властями оставался еще одинъ ненавистный Александру Стукалову и ненадежный человѣкъ. Это — казначей старецъ Варсонофій, который въ маѣ мѣсяцѣ участвовалъ въ изодраніи челобитной Герасима, а въ іюлѣ жаловался царю на Александра Стукалова съ товарищами, и до сихъ поръ не безъ основанія подозрѣвался въ сношеніи съ архимандритомъ Варѳоломеемъ. Теперь и онъ былъ удаленъ отъ казначейской должности, а на мѣсто его былъ поставленъ священникъ Геронтій, противъ котораго въ 1663 году возсталъ было весь монастырь, но который, какъ увидимъ, въ спорахъ съ Сергіемъ о вѣрѣ заслужилъ отъ братіи имя «новаго златоуста» ([2]).

Нужно сказать, что соловецкая братія этою произвольною перемѣною главныхъ монастырскихъ властей дѣлала новый шагъ впередъ на пути зараждающагося неуваженія къ царской власти. Въ обители съ давнихъ поръ былъ обычай на выборъ новыхъ келаря и казначея испрашивать пред-

([1]) Матер. для истор. раск. т. III. стр. 172, 173.
([2]) Тамъ же, стр. 335.

варительно соизволенія царя и по выборѣ отсылать къ нему на утвержденіе самый приговоръ ([1]). Теперь ни то, ни другое не было сдѣлано. Александръ Стукаловъ очевидно не надѣялся на царское соизволеніе въ этомъ случаѣ, да ему теперь было и не до того, чтобы соблюдать стѣснительные монастырскіе обычаи,—дѣлъ было много и все дѣлалось спѣшно. «И они заводчики и бунтовщики старецъ Александръ Стукаловъ съ товарищами», писалъ Варѳоломей царю «безъ твоего великаго государя указу келаря и казначея перемѣнили, не бивъ челомъ тебѣ великому государю... и выбрали келаремъ *простаго* чернца Азарія, а казначеемъ чернаго попа Геронтія» ([2]). Замѣчательно, что царь Алексѣй Михайловичъ, въ свое время узнавшій объ этомъ отступленіи братіи отъ древняго обычая, больше года снисходительно молчалъ и, вѣроятно, Азарій и Геронтій были бы со стороны его утверждены въ монастырскихъ должностяхъ, если бы сдѣлались послушны волѣ царской. Но этого они не сдѣлали и потому остались навсегда съ характеристичнымъ названіемъ «нововыбранныхъ самовольствомъ», хотя это для нихъ не имѣло особаго значенія ([3]).

Александръ Стукаловъ не ошибся въ выборѣ новыхъ монастырскихъ властей. Азарій и Геронтій сдѣлались послушными и сильными орудіями его въ достиженіи задуманныхъ цѣлей и желаній. Между прочимъ они съ полною готовностью стали помогать ему въ дѣлѣ сверженія Варѳоломея съ настоятельства, потому что не менѣе его ненавидѣли Варѳоломея за его измѣну старообрядчеству, сами будучи строгими старообрядцами. «И тотъ новый келарь и казначей съ совѣтники своими», писалъ Варѳоломей царю въ новой челобитной, «рнять на меня, богомольца твоего, за то, что я, богомолецъ твой, твоему, великаго государя, указу и освященному собору не противенъ, и въ монастырь писалъ, чтобъ они твоему, великаго государя, указу и соборному изложенію противны не были жъ» ([4]). Геронтію не мѣшало

([1]) Солов. м. предъ возмущ. Пр. Соб. 1879 г. окт. и нояб.
([2]) Матеріалы для истор. раск. т. III стр. 189.
([3]) Тамъ же, стр. 287. Царск. грам. 27 дек. 1667 г.
([4]) Тамъ же, стр. 189.

въ этомъ случаѣ и то, что онъ нѣкогда былъ много облагодѣтельствованъ Варѳоломеемъ и ему обязанъ жизнію при братскомъ возмущеніи противъ него въ 1663 году ([1]). Съ новымъ казначеемъ Геронтіемъ мы уже довольно знакомы. Но келаря Азарія встрѣчаемъ въ исторіи возмущенія только въ первый разъ. Не мѣшаетъ нѣсколько познакомиться и съ нимъ, потому что съ этихъ поръ и ему принадлежитъ не маловажная роль въ возмущеніи. До выбора въ должность келаря старецъ Азарій былъ *простымъ* монастырскимъ будильщикомъ; онъ не былъ обученъ даже грамотѣ и всегда поручалъ подписываться за себя подъ дѣловыми бумагами старому священнику Леонтью ([2]). Но этимъ мы не должны соблазняться: келарю грамота не особенно была нужна, потому что онъ дѣло имѣетъ не съ книгами и бумагами, а съ простымъ монастырскимъ хозяйствомъ, гдѣ требуется только не особенно большая смѣтливость и расторопность, а въ этихъ послѣднихъ качествахъ нельзя было отказать Азарію,—за это ручалась самая должность будильщика. Должность эта хотя и не поражаетъ слухъ громкостью названія и не высоко стоитъ на іерархической лѣстницѣ соловецкой, но на самомъ дѣлѣ она довольно сложная и имѣетъ не малое значеніе. Она заключается не въ одномъ только обходѣ утромъ по монастырю съ колокольчикомъ въ рукахъ для призванія спящей братіи на молитву; но и въ томъ, что соловецкій будильщикъ по предварительному соглашенію съ настоятелемъ, или экклесіархомъ (нынѣ ризничимъ), а иногда и по своему усмотрѣнію, распредѣляетъ многочисленную братію—священнослужителей и церковниковъ по разнымъ церковнымъ службамъ; священнослужителей, напр., именемъ настоятеля посылаетъ служить всенощное бдѣніе, литургію, молебны, панихиды, и т. п.; церковниковъ чередуетъ въ отправленіи клиросныхъ и псаломническихъ обязанностей; всѣмъ своевременно напоминаетъ, за всѣмъ строго наблюдаетъ и обо всемъ доноситъ настоятелю. Словомъ, будильщикъ въ Соловецкомъ монастырѣ—это первый, самый

([1]) См. II гл. сего соч. «Дѣло о Геронтіѣ».
([2]) См. братскія челоб. мат. для ист. раск. т. III. напр. стр. 211.

вѣрный помощникъ, «слухъ и око» настоятеля по церковнослужебнымъ, а иногда и по другимъ монастырскимъ дѣламъ; это — личность всюду являющаяся, все знающая, всѣми повелѣвающая. Потому выбираются на эту службу люди по большей части молодые, самые юркіе, на все способные и не смѣняются иногда цѣлую жизнь. Для рядовой братіи это такая власть, которой никто не смѣетъ не повиноваться, потому что неповиновеніе ей равняется неповиновенію самому настоятелю ([1]). Такимъ образомъ, судя только по должности будильщика, которую Азарій проходилъ до келарства, можно думать, что онъ былъ далеко не изъ простыхъ и заброшенныхъ старцевъ. Но впереди мы увидимъ и другіе подтвержденія сему.

Итакъ, довольно горячая борьба между собою двухъ соловецкихъ партій: партіи умѣренныхъ старообрядцевъ съ съ архимандритомъ Варѳоломеемъ и келаремъ Савватіемъ во главѣ, и партіи старообрядцевъ строгихъ, во главѣ которыхъ послѣ Герасима сталъ Александръ Стукаловъ, кончилась въ монастырѣ полною побѣдою послѣдней надъ первою. Александръ Стукаловъ съ «нововыбранными самовольствомъ» властями теперь фактически сдѣлались полновластными управителями монастыря, безъ царскаго соизволенія, «самовольствомъ» захвативъ въ свои руки «монастырскую казну, грамоты жалованныя, крѣпости всякія, книги и соборныя кельи письма» ([2]). Варѳоломея они номинально считали уже отрѣшеннымъ отъ настоятельства; недоставало только формальнаго его удаленія, но и этого они достигли, хотя и съ большимъ трудомъ.

Какъ только былъ оконченъ выборъ новаго казначея Геронтія, Александръ Стукаловъ съ товарищами немедленно принялись за составленіе *новой братской челобитной* къ царю на Варѳоломея. Составленіе, впрочемъ, не требовало отъ нихъ большаго труда, — стоило только повторить содержаніе прежнихъ челобитныхъ — и дѣло съ концомъ. Такъ они и поступили. Но не легко было собрать подъ челобит-

---

([1]) Обязанности сол. будильщика прекрасно изложены въ соловецкомъ «Уставѣ» XVII в. Солов. библ. въ каз. дух. акад. № 1231. гл. 18.

([2]) Челоб Варѳ. Матер. для истор. раск. т. III, стр. 18.

ную, какъ можно больше братскихъ подписей; нѣкоторые изъ братіи, не смотря на свою склонность къ старообрядчеству, страшились этимъ навлечь на себя гнѣвъ царскій. Александру Стукалову, поэтому, пришлось самому ходить по братскимъ кельямъ и уговаривать братію подписаться къ челобитной; приходилось иногда противъ упорныхъ употреблять и нѣкоторыя насилія. «И какъ государь», писалъ царю Варѳоломей, «изъ Соловецкаго монастыря архимандритъ Сергій поѣхалъ, и онѣ, заводчики и бунтовщики Александръ Стукаловъ съ товарищи рняся тому твоему, великаго государя, указу и соборному архіерейскому повелѣнію, написали новую затѣйную челобитную, и съ тою челобитною въ монастырѣ по братьѣ ходили къ кельямъ руки прикладывать скопомъ, человѣкъ по десяти и больши, а иныя братія, боязя ихъ озорничества, руки прикладывали неволею» ([1]). Но какъ бы то ни было, челобитная, написанная, по обычаю, отъ всего братства, начиная съ соборныхъ старцевъ и кончая послѣдними трудниками, была подписана новымъ келаремъ Азаріемъ, старымъ казначеемъ Варсонофіемъ (онъ не успѣлъ еще сдать должность Геронтію) соборными старцами и множествомъ братіи. Между подписавшимися встрѣчается уже не мало старцевъ, которые еще въ іюлѣ мѣсяцѣ подписывали челобитную келаря Савватія на Александра съ товарищами. Таковы: старый казначей Варсонофій, новый—Геронтій, бывшій ризничій старецъ Веніаминъ и др. Однако нѣтъ руки архимандрита Никанора ([2]), хотя онъ началъ уже принимать самое живѣйшее участіе въ монастырскомъ движеніи и первымъ подписывался къ сказкамъ и челобитнымъ о вѣрѣ, начавшимся со дней пребыванія въ монастырѣ архимандрита Сергія ([3]). Впрочемъ, мы уже замѣчали, что Никаноръ не имѣлъ обычая подписываться къ челобитнымъ, когда дѣло касалось его личности; и теперь онъ не подписался потому, что братія, какъ и раньше Герасимъ съ Александромъ, про-

---

([1]) Матер. для истор. раск. т. III. стр. 192 и 193.
([2]) См. подпись челоб. Тамъ же, стр. 174. Подписалось положительно все грамотное братство, а неграмотные дали довѣріе грамотнымъ.
([3]) См. напр. 2-ю челоб. о вѣрѣ. Тамъ же, стр. 161.

сили царя на мѣсто Варѳоломея поставить настоятелемъ Никанора ([1]). Самому проситься было неудобно.

Новая челобитная должна была сослужить Александру Стукалову двѣ службы: съ одной стороны оправдать его поведеніе по отношенію къ Варѳоломею и келарю Савватію, самовольно удаленному имъ отъ должности, т. е. засвидѣтельствовать предъ царемъ, что онъ Александръ, какъ и раньше Герасимъ, хлопоталъ и хлопочетъ объ удаленіи Варѳоломея дѣйствительно съ согласія братіи, хотя послѣдняя и смѣшалась при допросахъ Сергія; съ другой — во что бы то ни стало замѣнить Варѳоломея если не Никаноромъ, то хотя кѣмъ нибудь другимъ. Это должно было и самолюбіе Александра удовлетворить, старообрядчеству въ монастырѣ дать прочность. И вотъ Александръ, въ свое оправданіе, отъ лица всего братства пишетъ царю, что первую челобитную на архимандрита Варѳоломея, «соборные старцы Ефремъ, Александръ Стукаловъ, Герасимъ, Геннадій, Іона и др. послали къ царю, радѣя о Соловецкомъ монастырѣ и о душахъ братіи, кромѣ братскаго общаго вѣдома не за большими руками того ради, чтобы угодникъ его, архимандричей, а монастырю владѣлецъ, келарь старецъ Савватій Абрютинъ не увѣдалъ, бояся отъ него безчеловѣчнаго озлобленія и скорби». Въ видахъ достиженія второй цѣли снова посыпались на несчастную голову Варѳоломея, съ его приверженцами всевозможныя обвиненія. «Онъ архимандритъ Варѳоломей съ келаремъ Савватіемъ Абрютинымъ и послушникомъ своимъ, что нынѣ на Москвѣ строителемъ Иринархомъ Торбѣевымъ», говорится въ челобитной отъ лица братіи, «пьянственнымъ и всякимъ нестройнымъ своимъ житьемъ уставъ и чинъ преподобныхъ отецъ нашихъ Зосимы и Савватія нарушили до конца, и во всю Русскую землю святую обитель начальниковъ нашихъ преподобныхъ чудотворцевъ своимъ пьянствомъ и зазорнымъ житіемъ сотворили безчестну и поносну, и монастырь истощилъ, и о нашихъ грѣшныхъ душахъ ни мало отеческаго попеченія о спасеніи нашемъ не имѣютъ, но токмо сего надзираютъ, кто про ихъ житіе и свое оскоб-

([1]) Матер. для ист. раск. т. III. стр. 171—174.

леніе что выговоритъ, и они насъ убогихъ за то оскорбляютъ всякимъ жестокимъ и безчеловѣчнымъ оскорбленіемъ, и служителей престола Божія, священниковъ и дьяконовъ, и рядовую братію напрасно плетьми бьютъ безъ милости, и въ тюрьмы глухія въ цѣпяхъ сажаютъ, и голодомъ морятъ, и и вынявъ изъ тюрьмы, ограбя до нага и платье снявъ, безмилостивно и безчеловѣчно, аки осужденниковъ, высылаютъ вонъ изъ монастыря напрасно, чтобъ про нихъ впредь никто ничего не говорилъ; а иные и нынѣ за то, по его архимандричью указу и угодника его Савватія Абрютина радѣніемъ, въ тюрьмахъ сидятъ въ заточеньѣ» (1). Наконецъ снова, устами братіи, Александръ взываетъ къ царю о новомъ настоятелѣ: «и мы, богомольцы твои, государевы», говоритъ онъ, «просимъ: пожалуй насъ нищихъ своихъ государевыхъ богомольцевъ, призри на свое царское богомолье, вели, государь, намъ вмѣсто того архимандрита Варѳоломея избрать намъ себѣ по прежнему нашему выбору (2), отца и пастыря Савы чудотворца Сторожевскаго монастыря, бывшаго архимандрита Никанора, или иного нашего же монастыря старца добра и искусна, аще твой, великаго государя указъ будетъ, чтобъ до конца твоему государеву богомолью, Соловецкому монастырю, отъ ихъ пьянственнаго и нестройнаго житія въ конецъ не раззоритися, и намъ нищимъ отъ ихъ безчеловѣчнаго озлобленія врозь не разбрестися» (3).

Въ одно и то же время и одинаковаго содержанія съ этой челобитной была составлена челобитная и къ новгородскому митрополиту Питириму, когда монахи, между прочимъ, просили быть за нихъ предъ царемъ «заступникомъ» и дать «свое благословеніе» на выборъ новаго настоятеля изъ своей среды (4).

Для представленія челобитныхъ царю и Питириму, 12-го октября «по братскому челобитью» отправился въ Москву самъ авторъ ихъ Александръ Стукаловъ со старцемъ Вар-

---

(1) Челоб. Матер. для истор. раск. т. III. стр. 172.

(2) Никаноръ былъ выбранъ братствомъ въ солов. настоятели въ 1658 г., но по волѣ царской былъ посланъ въ Саввинскій монастырь, См. 1-ю гл. «о Никанорѣ».

(3) Челоб. 173.

(4) Челоб, Питириму. Тамъ же 175.

ѳоломеемъ и слугами Ѳаддѣемъ и Иваномъ (¹). Но въ Москвѣ Александру съ Варѳоломеемъ не посчастливило. По всей вѣроятности, челобитныя имъ удалось представить царю и митрополиту Питириму. Но они сами, вмѣстѣ со слугами Ѳаддѣемъ и Иваномъ, промысломъ архимандрита Варѳоломея и строителя Иринарха», были разосланы по московскимъ монастырямъ «подъ началъ и посажены подъ стражу» (²), какъ и прибывшіе раньше ихъ старцы челобитчики Тихонъ и Тарасій (³). Въ Соловецкомъ монастырѣ, впрочемъ, долго ничего не знали о такой участи челобитчиковъ. Сами челобитчики, по всей вѣроятности, попавъ подъ стражу, лишены были возможности вести переписку съ соловецкой братіей. Но и никто другой ничего не сообщалъ о нихъ. Съ возвращеніемъ въ Москву архимандрита Сергія, который такъ недружелюбно былъ принятъ въ монастырѣ, православная Москва считала неудобнымъ имѣть сношенія съ непокорными правительству монахами, а сочувствующіе монахамъ старообрядцы частью были привлечены на судъ московскаго собора 1666 года, а частію боялись черезъ сношеніе съ ними попасть подъ опалу. Такимъ образомъ у соловецкихъ монаховъ вдругъ порвалась нить сообщеній съ Москвою въ то самое время, когда они больше всего интересовались московскими новостями и, въ частности,— участью посланныхъ старцевъ, съ новой челобитной о настоятелѣ. Нетерпѣніе и скорбь по этому поводу у монаховъ доходили до крайнихъ предѣловъ. Вотъ что они писали объ этомъ въ генварѣ 1667 г. въ Москву къ брату старца Александра Ивану Ивановичу Стукалову: «и къ намъ государь по се время вѣсти отъ нихъ (челобитчиковъ) никакой не бывало, какъ ихъ Господь Богъ сохраняетъ, и о ихъ братскомъ спасеніи и безвѣстномъ пребываніи *печалуемъ нынѣ всѣмъ монастыремъ*, что вѣдомости отъ нихъ прямой по се время переняти не можемъ» (⁴).

(¹) Матер. для истор. раск. т. III. стр. 182.
(²) Тамъ, же, стр 180, 182.
(³) Тамъ же, стр. 181
(⁴) Тамъ же, стр. 182.

Неизвѣстность участи посланныхъ въ Москву старцевъ и послѣдствій ихъ ходатайства о новомъ настоятелѣ въ тоже время побуждала соловецкую братію къ новымъ мѣрамъ. Въ случаѣ неудовлетворенія ихъ просьбы и прибытія Варѳоломея въ монастырь, они уже рѣшились не принимать его на настоятельство,—«силою милъ не будетъ», говорили они про себя. Они готовы были лучше остаться со всѣмъ безъ настоятеля, чѣмъ съ нелюбимымъ настоятелемъ. Чтобы отбить у Варѳоломея всякую охоту къ возвращенію въ монастырь, они всячески старались дать понять ему о своемъ полномъ и глубокомъ къ нему нерасположеніи. Они прервали съ нимъ всякую переписку, перестали посылать къ нему на содержаніе деньги и хлѣбные запасы, «пограбили все имущество келейное», которое онъ оставилъ въ монастырѣ; посылали старца Кирилла нарочно въ Сумскій острогъ для отысканія Варѳоломеева имущества, хотя тамъ ничего не было. Недовольствуясь этимъ, монастырскія власти отдавали приказы по всѣмъ монастырскимъ усольямъ, чтобы и тамошняя братія не считала уже Варѳоломея своимъ настоятелемъ и никакихъ сношеній съ нимъ не имѣла, а тѣмъ болѣе не посылала бы ему матеріальныхъ средствъ къ существованію ([1]). Въ генварѣ, напр., 1667 г. келарь и казначей писали въ Вологду къ приказнымъ старцамъ Марку, Паисію и Христофору: «да писали вы прежъ сего, что архимандритъ съ Москвы присылаетъ къ намъ для денегъ: и вамъ бы къ Москвѣ отнюдь денегъ имъ не посылать и о всемъ писать къ намъ; а кого архимандритъ учнетъ съ Москвы къ вамъ присылать, и вамъ бы ихъ отнюдь у себя не держать и посылать ихъ къ намъ въ монастырь, и архимандричья устрашенія ни въ чемъ (бы) не боялись, положили (бы) упованіе на Господа Бога и на великаго государя милость, потому что мы ото всего монастыря къ великомꙋ государю послали челобитную, что ему отнюдь не быть, *а чаемъ, что и самъ не поѣдетъ, а хотя и пріѣдетъ и онъ силою милъ не будетъ*, и вы на него ни въ чемъ не надѣйтеся и со всѣмъ монастыремъ за него не осту-

([1]) Матер. для истор. раск. т. III. стр. 194.

жайтеся» ([1]). Нѣкоторыхъ ненадежныхъ приказныхъ старцевъ власти спѣшили замѣнить своими, болѣе вѣрными людьми. Такъ удаленъ былъ отъ приказной службы сумскій старецъ Макарій за то, что былъ въ перепискѣ съ Варѳоломеемъ и не послалъ въ монастырь прибывшаго изъ Москвы отъ Варѳоломея за разными свѣдѣніями слуги Якова Михайлова. На мѣсто Макарія былъ присланъ изъ монастыря старецъ Геннадій, одинъ изъ главныхъ соучастниковъ въ составленіи всѣхъ челобитныхъ на Варѳоломея. Онъ посланъ былъ въ Суму «съ великою властью»; ему было приказано выбрать изъ сумскихъ монастырскихъ стрѣльцевъ сорокъ человѣкъ и бить ихъ «батоги нещадно», за то, что они съ Макаріемъ жили въ послушаніи у Варѳоломея и осенью «не дали убить» бывшаго келаря Савватія ([2]).—Точно также въ волость Колежму отосланъ былъ на мѣсто старца Маркелла «злобы ради» новый приказчикъ Кириллъ съ кривымъ Юстиномъ, но это дѣло почему-то «не сталось» ([3]).

Въ генварѣ 1667 года, наконецъ, до соловецкой братіи дошелъ слухъ о печальной участи Александра Стукалова съ товарищами. Архимандритъ Варѳоломей, не получая изъ монастыря ни извѣстій, ни денегъ, не вытерпѣлъ, и послалъ въ Сумскій острогъ къ приказному старцу Макарію съ отпиской своего келейнаго сторожа Якуньку Михайлова, чтобы «провѣдать изъ монастыря вѣстей». Въ монастырь онъ никому ничего не писалъ. Не сообщилъ братіи и старецъ Макарій о томъ, что Варѳоломей къ нему пишетъ, и отпустилъ Якуньку со своей отпиской обратно въ Москву на другой же день. Но не настолько были воздержны на языкъ и осторожны приближенные Варѳоломея сторожъ Яковъ Михайловъ и московскій строитель Иринархъ. Первый про постигшую въ Москвѣ участь Александра и др. разболтался въ Сумѣ, а послѣдній написалъ объ этомъ въ своей отпискѣ къ бывшему казначею Варсонофію, который теперь, не смотря на незаконное удаленіе его отъ казначейской должности, былъ на сторонѣ новыхъ келаря Азарія и казначея Герон-

([1]) Матер. для истор. раск. т. III. стр. 178, 179.
([2]) Тамъ же, стр. 198, 199.
([3]) Тамъ же, стр. 198.

тія, и сообщилъ имъ содержаніе письма. Такимъ образомъ соловецкіе монахи чрезъ три мѣсяца въ первый разъ узнали, что ихъ дѣло о новомъ настоятелѣ въ Москвѣ не подвинулось впередъ еще ни на одинъ шагъ. Но они не унывали и не ослабѣвали въ надеждѣ на осуществленіе своихъ желаній. Напротивъ возбуждались къ новымъ предпріятіямъ по этому дѣлу. Теперь вся забота ихъ направлена была къ тому, чтобы по возможности облегчить участь несчастныхъ челобитчиковъ и поддержать ихъ твердость и непоколебимую вѣрность себѣ.

Какъ только были получены въ монастырѣ столь непріятныя извѣстія изъ Москвы, которымъ, впрочемъ, монахи не вполнѣ вѣрили, монастырскія власти „учиня черный соборъ" порѣшили немедленно отправить въ Москву нарочныхъ «для провѣдыванія братскаго пребыванія», а вмѣстѣ и для доставленія «страдальцамъ» отъ монастыря матеріальной и духовной поддержки. Съ этою цѣлью 19 генваря 1667 г. были посланы въ столицу монастырскіе слуги Елизаръ Алексѣевъ и Максимъ Родіоновъ, снабженные деньгами и письмами отъ братіи къ челобитчикамъ и другимъ лицамъ. Денегъ «для московской харчевой издержки» челобитчикамъ было послано, правда, не много, только 50 руб., и то не прямо въ руки челобитчикамъ, мѣстопребываніе которыхъ было соловецкимъ монахамъ не вполнѣ извѣстно, а на имя Ивана Ивановича Стукалова—роднаго брата старцу Александру и монастырскаго «благодѣтеля». Но на случай недостатка матеріальныхъ средствъ къ существованію въ Москвѣ челобитчики теперь были уполномочены обращаться за ними въ Вологду къ строителю соловецкаго подворья соборному старцу Марку съ товарищами. Келарь Азарій и казначей Геронтій писали объ этомъ вологодскимъ приказнымъ старцамъ Марку, Паисію и Христофору слѣдующее: «а о чемъ онѣ (слуги Алексѣевъ и Родіоновъ), или прежніе посланные старцы наши Александръ съ товарищи и слуги, станутъ пріѣзжая вамъ докучать, или къ вамъ кого присылать, и вамъ бы имъ всякое вспоможеніе чинить и имѣть ихъ съ собою заедино» (1). Кромѣ того, въ нуждѣ

(1) Матер. для ист. раск. т. III. стр. 179.

челобитчиковъ могъ не оставить своею матеріальною поддержкою и Иванъ Ивановичъ Стукаловъ, человѣкъ, повидимому, зажиточный, почтенный и усердный старообрядецъ. Келарь и казначей разсчитывали не только на матеріальную съ его стороны поддержку челобитчиковъ, но и на его заступленіе за нихъ предъ царемъ. «Да и ты, Господа ради»; писали они къ старцу Александру «у него (Ивана Ивановича) милости проси, чтобы онъ великому государю царю, помазаннику Божію, елико ему Богъ помочи подастъ, заступилъ» ([1]). Въ особомъ письмѣ на имя Ивана Стукалова келарь и казначей сообщали ему о томъ, какъ «пріѣзжалъ въ монастырь архимандритъ Сергій и училъ ихъ по новымъ книгамъ, а они со всею братіею дали ему сказку въ томъ, что отнюдь церковнаго чину и старыхъ книгъ перемѣнить не смѣютъ и готовы за преданіе великихъ чудотворцевъ и прочихъ святыхъ отецъ съ радостью смерть пріять и тою временною смертію и животъ вѣчный получить»; писали, что «многіе старцы уже посхимились, готовясь на той вѣчный путь», и въ заключеніе просили его не оставить своею милостію и заступленіемъ посланныхъ въ Москву старцевъ и слугъ. Въ подкрѣпленіе этой просьбы были посланы Ивану Стукалову: икона великихъ чудотворцевъ Зосимы и Савватія, щоточки рыбы щедровыя, десять лѣстовокъ нерпечьихъ, связанки рыбей щедровой черни, братыночка корельчатая, и слюды пятнадцать гривенокъ ([2]). Благодаря всѣмъ этимъ мѣрамъ, положеніе соловецкихъ челобитчиковъ въ Москвѣ съ матеріальной стороны не могло быть затруднительно. Но это еще не могло успокоить соловецкую братію по отношенію къ челобитчикамъ. Братія особенно страшились измѣны ихъ старообрядчеству, въ виду преслѣдованія со стороны правительства. Примѣры тому были на лицо: измѣнилъ архимандритъ Варѳоломей, измѣнилъ старецъ Герасимъ, измѣнили почти всѣ такъ или иначе попавшіе изъ монастыря въ Москву и подвергнутые увѣщаніямъ на московскомъ большомъ соборѣ. Остаться вѣрнымъ старообрядчеству значило обречь себя на всевоз-

(1) Матер. для ист. раск. т III, стр. 185, 186

(2) Тамъ же. стр. 181.

можныя лишенія и страданія. Достанетъ ли на это мужества у Александра съ товарищами?...

Всѣми силами стараясь поддержать бодрость и вѣрность соловецкимъ старообрядческимъ интересамъ въ своихъ «страждущихъ» повѣренныхъ по дѣламъ Александрѣ Стукаловѣ и другихъ, келарь и казначей писали къ нимъ: «да въ той же отпискѣ (московскаго строителя Иринарха къ казначею Варсонофію) писано про васъ, что вы розданы подъ началъ въ разные московскіе монастыри: и вамъ бы господамъ нашимъ о томъ положить упованіе на всемогущаго Бога и на преподобныхъ отецъ Зосиму и Савватія чудотворцевъ: не попуститъ бо вамъ Господь Богъ выше мѣры вашея искуситися; точію Господа ради не унывайте, и елико вамъ Богъ помощи подастъ о монастырскомъ дѣлѣ порадѣйте, и къ намъ вѣдомо о всемъ чините; а мы грѣшные о вашемъ преподобіи соборнѣ и келейнѣ должны молити Бога и васъ не оставлять и душа своя за васъ полагати» ([1]). Независимо отъ сего келарь Азарій писалъ къ старцу Тихону: «и ты, государь, постражи аки Христовъ воинъ, не ослабѣвай ни въ чемъ, како мнѣ ты свое благословеніе предалъ, говорилъ, и мнѣ внушилъ Богъ человѣколюбецъ твое слово и благословеніе, и ты Господа ради попомни, како ты меня свѣтъ утверждалъ, тому и ты подражай» ([2]).

Послѣ этого для соловецкой братіи, повидимому, оставалось только спокойно ожидать возвращенія изъ Москвы посланныхъ слугъ Алексѣева и Родіонова, съ извѣстіями о челобитчикахъ. Но монахи и въ этомъ случаѣ, не были спокойны. Они какъ будто предчувствовали, что посланные не возвратятся въ монастырь и они останутся надолго безъ положительныхъ свѣдѣній о судьбѣ челобитчиковъ. Кромѣ того, монахи мучились нетерпѣніемъ поскорѣе узнать о томъ впечатлѣніи, какое произвело на Москву возвращеніе изъ монастыря архимандрита Сергія съ отказомъ братіи принять новыя церковныя книги и о тѣхъ намѣреніяхъ Москвы, какія она имѣетъ по отношенію къ нимъ по поводу этого

([1]) Матер. для истор. раск. т. III. стр. 184.

([2]) Тамъ же, стр. 186.

отказа. Движимые этимъ предчувствіемъ и желаніемъ келарь Азарій и казначей Геронтій хотѣли возстановить прерванное съ Москвой сообщеніе чрезъ вологодскихъ приказныхъ старцевъ Марка, Паисія и Христофора. Вотъ что они объ этомъ писали къ нимъ: „а живучи вамъ въ Вологдѣ провѣдывать, что какихъ Московскихъ вѣстей про святое мѣсто слышетъ, и вамъ бы одноконечно святому мѣсту порадѣть, тотчасъ присылать о томъ въ монастырь съ вѣстью нарочно, чтобъ про все намъ было вѣдомо. А какъ слуги Елеазаръ и Максимъ (посланные изъ монастыря) къ Москвѣ отъ васъ поѣдутъ, и вамъ бы для скораго провѣдыванія послать съ ними до Москвы своего человѣка, и что слышетъ про святое мѣсто, и про братію, и кои нынѣ на Москвѣ, подлинную вѣсть переняв воротитца бъ ему съ Москвы къ вамъ съ подлинною вѣстью назадъ, а вамъ бы пожаловать порадѣть къ намъ нарочно вѣсть прислать тотчасъ; а мы на васъ надѣемся. А какъ вы того своего человѣка къ Москвѣ пошлете и вамъ бы о томъ подумать, какъ лучше и какъ васъ Богъ вразумитъ, чтобы его архимандритъ и строитель у себя не защемили» ([1]).

Предчувствіе соловецкой братіи и опасенія подобнаго рода были не напрасны. Прибывшіе въ Москву монастырскіе слуги Алексѣевъ и Родіоновъ, дѣйствительно были задержаны въ Москвѣ. 22 февраля 1667 г. бывшій келарь Савватій изъ Сумскаго острога писалъ архимандриту Варѳоломею: «изволь спросить Макара (посланнаго отъ Савватія съ письмомъ слугу) и о слугахъ о Елезарѣ и Іоилѣ (?), которые были посланы изъ монастыря къ Стукалову» ([2]). Это было писано Савватіемъ въ то время, когда прибылъ въ Сумскій острогъ новый слѣдователь по соловецкимъ дѣламъ стольникъ Хитрово. Въ связи съ этимъ обстоятельствомъ упоминаніе Савватія въ письмѣ къ Варѳоломею о слугахъ прямо намекаетъ объ арестованіи и привлеченіи къ слѣдствію послѣднихъ. Въ этомъ случаѣ и посланныя изъ монастыря къ челобитчикамъ деньги и письма вѣроятно не дошли по назначенію.

([1]) Матер. для истор. раск. т. III стр. 180.

([2]) Тамъ же, стр. 198.

И дѣйствительно, всѣ посланныя отъ келаря и казначея со слугами Алексѣевымъ и Родіоновымъ въ Москву письма сохранились до насъ между оффиціальными соборными бумагами, а это едва ли могло случиться, если бы они дошли до рукъ тѣхъ лицъ, къ коимъ адресованы. Дальше, и старцы-челобитчики, повидимому, остались навсегда подъ началомъ въ московскихъ монастыряхъ. Въ исторіи возмущенія послѣ этого объ нихъ только разъ упоминаетъ какой-то старецъ изъ приверженцевъ Варѳоломея въ своемъ письмѣ къ нему. Увѣдомляя Варѳоломея о назначеніи новаго слѣдователя по Соловецкимъ челобитнымъ Хитрово, этотъ старецъ въ февралѣ 1667 года между прочимъ писалъ Варѳоломею: «батюшко мой государь, святой архимандритъ, вѣдомо тебѣ будь, Александръ Севастьяновичъ (Хитрово) вечеръ у руки (царской) былъ и ѣдетъ (въ Сумскій острогъ) вскорѣ, и меня бѣднаго волочетъ и *враговъ нашихъ* съ собою» ([1]). Остались ли Александръ Стукаловъ и его товарищи по крайней мѣрѣ вѣрными старообрядчеству? Положительныхъ свѣдѣній объ этомъ не сохранилось; но изъ того обстоятельства что они не упоминаются въ числѣ раскаявшихся соловецкихъ монаховъ, можно предполагать, что они не измѣнили старообрядчеству не смотря на опалу и лишенія, сопряженныя съ заключеніемъ подъ началъ. Неизвѣстно и о томъ, гдѣ и какъ они кончили свою скитальческую жизнь. Во всякомъ случаѣ роль ихъ въ соловецкомъ возмущеніи кончилась съ отъѣздомъ ихъ въ Москву. Мѣсто Александра теперь заступаютъ келарь Азарій и казначей Геронтій, руководимые Никаноромъ.

Однако поѣздка въ Москву старца Александра съ братской челобитной о новомъ настоятелѣ не осталась безъ послѣдствій. Она побудила правительство командировать въ Соловецкій монастырь новаго слѣдователя по челобитнымъ отъ братіи на архимандрита Варѳоломея и отъ Варѳоломея на братію. На этотъ разъ слѣдователемъ назначенъ былъ царскій стольникъ Александръ Севастьяновичъ Хитрово. Какъ скоро стало извѣстно объ этомъ назначеніи, архиманд-

([1]) Матер. для истор. раск. т. III. стр. 196.

ритъ Варѳоломей обратился къ царю съ просьбой такого рода: «пожалуй меня, богомольца твоего, вели, государь, противъ моего, богомольца своего, и тѣхъ мятежныхъ старцевъ Александра Стукалова съ товарищи челобитья разыскать стольнику Александру Хитрово, или кому ты, великій государь, укажешь; а для очныя ставки меня, богомольца своего, и ево старца Александра Стукалова съ товарищи отпусти въ Соловецкій монастырь для того, что у меня, богомольца твоего, о всякихъ монастырскихъ дѣлѣхъ братскія заручныя соборныя приговоры, что къ тебѣ, великому государю, монастырскія казны въ отпуску; и въ усольскіе промыслы при мнѣ дано, и тому всему записки и на нихъ доводчиковъ сыскныя всякія дѣла оставлены въ Соловецкомъ монастырѣ» (¹). Но почему-то просьба эта не была уважена; Варѳоломей остался въ Москвѣ. По всей вѣроятности не были взяты стольникомъ Хитрово и старцы Александръ съ товарищами; по крайней мѣрѣ нигдѣ не упоминается объ этомъ. Въ 20-хъ числахъ февраля 1667 г. Хитрово прибылъ въ Сумскій острогъ (на западномъ берегу Бѣлаго моря, въ 70 верстахъ отъ Соловецкихъ острововъ) и здѣсь остановился. Въ монастырь ѣхать было неудобно и по зимнему времени и по опасному настроенію соловецкой братіи, о чемъ Хитрово могъ знать отъ архимандрита Сергія; поэтому онъ и не думалъ туда отправляться, предполагая, что можно исполнить порученіе и безъ этого. Онъ немедленно началъ вызывать къ себѣ изъ монастыря братію, которыхъ необходимо было допросить по дѣлу. 22 февраля бывшій келарь Савватій Абрютинъ, проживавшій въ Сумскомъ острогѣ съ сентября 1666 г. и особенно обрадованный прибытіемъ на слѣдствіе стольника Хитрово, писалъ въ Москву къ своему другу и благодѣтелю архимандриту Варѳоломею, что Александръ Севастьяновичъ послалъ въ монастырь «по Питирима съ товарищи подъячаго, а дадутъ ли ихъ, или нѣтъ, того невѣдомо, потому что власти живутъ въ монастырѣ безбоязненно» (²). Дѣйствительно, изъ дѣла не видно,

---

(¹) Матер. для истор. раск. т. III. стр. 95.
(²) Тамъ же, стр. 197.

да и нельзя предполагать, чтобы кто нибудь изъ братіи прибылъ въ Сумскій острогъ къ стольнику Хитрово, когда они архимандриту Сергію, не хотѣли даже сказывать своихъ именъ; «и сему чиновнику бунтующіе (монахи) оказали ослушность», говориться въ соловецкой лѣтописи ([1]). Такимъ образомъ новому слѣдователю пришлось имѣть дѣло, вѣроятно, только съ тѣми немногими монахами, которые были на сумскомъ подворьѣ и по монастырскимъ усольямъ. Только отъ нихъ онъ могъ собрать кое какія справки объ архимандритѣ Варѳоломеѣ и о старцахъ челобитчикахъ, на которыхъ Варѳоломей подалъ царю свои «улики». Но и объ этомъ не имѣется положительно никакихъ свѣдѣній. Изъ всѣхъ дѣйствій стольника Хитрово по порученному дѣлу извѣстно только то, что онъ въ Сумѣ «арестовалъ и отдалъ за караулъ въ дѣлѣ великаго государя» недавно присланнаго изъ монастыря новаго строителя сумскаго подворья старца Геннадія ([2]). Во всякомъ случаѣ новый слѣдователь былъ кажется не многимъ счастливѣе архимандрита Сергія и возвратился въ Москву тоже почти ни съ чѣмъ. Развѣ могъ похвалиться только тѣмъ, что не испыталъ тѣхъ стѣсненій и опасностей, которымъ подвергался въ монастырѣ Сергій. Взаимно указанные въ челобитныхъ Варѳоломея и старцевъ Герасима и Александра съ товарищами собственные пороки остались, такимъ образомъ, навсегда не сглаженнымъ пятномъ на страницахъ соловецкой исторіи. Но не въ этомъ дѣло.

Московское правительство не видя конца ссорѣ соловецкаго настоятеля съ братіей и не имѣя возможности узнать точно, на чьей сторонѣ больше правды, однако, отдало предпочтеніе братіи. Архимандритъ Варѳоломей въ половинѣ 1667 г. былъ, наконецъ, удаленъ отъ настоятельства въ Соловецкомъ монастырѣ; удаленъ именно по ходатайству невозлюбившей его братіи. «И по нашему, богомольцевъ твоихъ, прошенію», писали въ 1668 г. монахи царю, «пожаловалъ ты, великій государь, ево Варѳоломея перемѣнити

(1) Истор. опис. Сол. м. ч. I, стр. 161.
(2) Матер. для истор. раск. т. III, стр. 198.

изволилъ» ([1]). При этомъ со стороны правительства не было высказано ни малѣйшаго гнѣва къ братіи за сопротивленіе монаховъ слѣдователямъ архимандриту Сергію и стольникъ Хитрово и за самовольный выборъ новыхъ монастырскихъ властей келаря и казначея; только въ случаѣ непослушанія новому настоятелю и непринятія новыхъ церковныхъ книгъ патріархъ Іоасафъ грозилъ братіи отлученіемъ отъ церкви и проклятіемъ ([2]). Въ этомъ удовлетвореніи упорно-настойчиваго ходатайства соловецкой братіи ясно проглядываетъ съ одной стороны—затруднительность правительства въ выборѣ мѣръ къ покоренію взволновавшихся монаховъ, съ другой—желаніе его поскорѣе успокоить ихъ, послѣ чего можно было разсчитывать, что и монахи съ своей стороны будутъ уступчивѣе въ дѣлѣ принятія новыхъ книгъ. Но надежда была совершенно напрасна: братскія волненія изъ-за настоятеля не только не прекратились съ удаленіемъ Варѳоломея, напротивъ приняли еще болѣе рѣзкій характеръ.

Но прежде чѣмъ приступить къ описанію дальнѣйшихъ соловецкихъ волненій изъ-за настоятеля, мы считаемъ необходимымъ обратить вниманіе на другую сторону дѣла; именно—на старообрядчество, которые для однихъ изъ братіи, въ дѣлѣ о перемѣнѣ настоятеля, служило прикрытіемъ своихъ низкихъ страстей, а для другихъ, можетъ быть, честныхъ, но простыхъ, искусно руководимыхъ и подстрекаемыхъ первыми,—дѣйствительнымъ побужденіемъ къ желанію видѣть у себя новаго настоятеля. Въ заключеніе настоящей статьи мы не можемъ не замѣтить только той характеристичной черты дѣла о настоятелѣ, — которой, вѣроятно, не могъ не подмѣтить и самъ читатель,—что въ этомъ случаѣ соловецкая братія вела борьбу попреимуществу съ самимъ государемъ, имѣвшимъ неограниченное право увольнять и назначать по своему усмотрѣнію соловецкихъ настоятелей. Мы видѣли, что братія исключительно къ царю обращается съ своими просьбами о новомъ настоятелѣ; ви-

---

([1]) Матер. для истор. раск. т. III, стр. 313. Варѳоломею послѣ былъ данъ въ управленіе Свіяжскій мон. казанской епархіи. Истор. Опис. Солов. м. 1836 г. ч. I стр. 156.

([2]) Тамъ же, стр. 203.

дѣли, что царь даетъ свои особые наказы о производствѣ слѣдствія по челобитнымъ; видѣли, наконецъ и то, какъ соловецкіе монахи оскорбляли царя своимъ непослушаніемъ къ слѣдователямъ и выборомъ новыхъ властей, хотя въ то же время въ каждой челобитной, каждой сказкѣ увѣряли царя, что они ни въ чемъ не противны великому государю, молятъ за него Бога и готовы положить за него свой животъ ([1]). и т. д. Дѣйствительно имъ долго не хотѣлось ничѣмъ оскорблять кроткаго, благочестиваго и добраго до нихъ царя, не хотѣлось тѣмъ болѣе, что они еще надѣялись на него въ дѣлѣ старообрядчества, и оскорбляли невольно, вопреки собственному желанію, преслѣдуя свои цѣли съ замѣчательною стойкостью. Совсѣмъ другой характеръ носитъ ихъ борьба съ духовными властями изъ-за старообрядчества; борьба эта отличается полнымъ пренебреженіемъ къ этой власти, заразившейся, по мнѣнію монаховъ, латинизмомъ; монахи не стѣсняясь ставятъ провославныхъ іерарховъ въ ряды слугъ антихристовыхъ и смѣются надъ ихъ проклятіями. Это между прочимъ выразилось и при увѣщаніи монаховъ, къ которому мы и перейдемъ.

II.

Увѣщанія соловецкой братіи въ Москвѣ и на мѣстѣ. Вызовъ братіи въ Москву.—Раскаяніе старца Герасима Фирсова.—Командированіе въ монастырь для увѣщанія братіи архимандрита Сергія.—Соборное повелѣніе къ братіи, посланное съ Сергіемъ. Вторая братская челобитная о вѣрѣ.—Бесѣды Сергія съ братіей о вѣрѣ.—Сказка, данная отъ братіи Сергію.—Докладъ собору Сергія.—Вызовъ въ Москву и раскаяніе архимандрита Никанора.

Намъ уже приходилось говорить о томъ что московское духовное правительство въ дѣлѣ водворенія въ Соловецкомъ монастырѣ спокойствія и новыхъ церковныхъ порядковъ нѣкоторое время возлагало большія надежды на вызовъ въ Москву для увѣщанія передовой соловецкой братіи. Дѣйствительно, было вызвано изъ монастыря нѣсколько человѣкъ монашествующихъ и почти всѣ они безпрекословно подчи-

([1]) Матер. для истор. раск. т. III стр. 156.

нились требованіямъ духовныхъ властей, торжественно предъ духовнымъ соборомъ раскаяваясь въ своихъ старообрядческихъ заблужденіяхъ и хулахъ на церковь Но можно быть увѣреннымъ, что и слабые изъ соловецкихъ старообрядцевъ не безъ душевнаго смущенія разставались со старыми церковными порядками, въ которыхъ они были воспитаны съ дѣтства и которые свято сохраняли въ Соловецкой обители до послѣдней возможности. Что же касается старообрядцевъ строгихъ, то они, какъ послѣ оказалось, подчинялись правительству и церкви, положительно уступая лишь необходимости. Оторванные отъ многочисленнаго сонма соловецкихъ монаховъ, съ которыми до сихъ поръ стояли за старообрядчество, они не чувствовали подъ собой твердой почвы для борьбы съ сильнымъ и грознымъ правительствомъ, а между тѣмъ и страдать за вѣру съ Аввакумомъ и Лазаремъ не хотѣли. Въ этомъ случаѣ лицемѣрное раскаяніе для нихъ было единственнымъ средствомъ къ выходу изъ опаснаго положенія, и они пользовались имъ безъ зазрѣнія совѣсти. Правительство впрочемъ было склоннно вѣрить въ чистосердечность раскаянія почти всѣхъ монаховъ. Оно повѣрило, напр., притворному раскаянію архимандрита Никанора съ его нѣсколькими учениками и отпустило ихъ въ монастырь, гдѣ они сдѣлались по прежнему первыми ревнителями старообрядчества и бунтовщиками (1). Только къ одному старцу Герасиму Ѳирсову духовныя власти отнеслись почему-то особенно подозрительно, испытывая его даже на предсмертномъ одрѣ, между тѣмъ какъ раскаяніе его по видимому было самое чистосердечное (2).

Было вызвано въ Москву соловецкой братіи сравнительно слишкомъ небольшое число. Первымъ вызванъ въ началѣ 1666 года архимандритъ Варѳоломей, о раскаяніи котораго вмѣстѣ съ прибывшими съ нимъ соловецкими старцами мы уже знаемъ. Вмѣстѣ съ Варѳоломеемъ вызывался и саввинскій архимандритъ Никаноръ, но онъ отказался отъ поѣздки въ Москву, ссылаясь на трудный зимній путь и

(1) Грам. всел. патріарховъ арх. Іосифу 1668 г. Матеріалы для ист. раск. т. III, стр. 295. Сказка служки Сеньки Ермилова. Тамъ же, стр. 284.
(2) См. дѣло о Герасимѣ. Тамъ же, стр. 107—117.

свои старческія немощи ([1]). Въ маѣ 1666 г. за архимандритомъ Никаноромъ и старцемъ Герасимомъ Ѳирсовымъ, какъ главными, по убѣжденію правительства, заводчиками соловецкихъ смутъ, былъ посланъ въ монастырь съ царскимъ указомъ особый нарочный. Но Никаноръ и на этотъ разъ «ѣхать не изволилъ» ([2]), хотя зимнее время уже прошло и немощи его были не настолько велики, чтобы совсѣмъ не позволяли ему предпринимать дальнія поѣздки, что свидѣтельствуется путешествіемъ его въ Москву по третьему вызову въ 1667 г., притомъ даже въ зимнее время ([3]). На первый вызовъ Никаноръ по крайней мѣрѣ отвѣчалъ челобитной къ царю, увѣряя его, что не поѣхалъ не для ради упрямства», а единственно «для ради немощи». Но на второй—онъ даже не счелъ нужнымъ послать и оправданіе. Мы впрочемъ знаемъ уже причины, удерживавшія Никанора отъ поѣздки въ Москву, т. е. что въ это время въ братствѣ былъ только что поднятъ вопросъ о новомъ настоятелѣ, составлялась къ царю о томъ братская челобитная, и Никаноръ былъ поставленъ первымъ кандидатомъ на настоятельство; только личное присутствіе Никанора среди братіи могло поддержать и сдѣлать общимъ это желаніе сначала небольшаго кружка братіи. Съ другой стороны Никаноръ можетъ быть боялся подвергнуться въ Москвѣ непріятностямъ, задержкѣ и принужденію оставить старообрядчество, безъ котораго братія не приняла бы его въ настоятели. Такимъ образомъ съ прибывшимъ изъ Москвы нарочнымъ пришлось отправиться только старцу Герасиму Ѳирсову ([4]). Старецъ Герасимъ намъ извѣстенъ какъ составитель тетрадокъ и посланія о крестномъ знаменіи и челобитной о новомъ настоятелѣ. Судя по тому живому участію, какое онъ принималъ въ соловецкихъ смутахъ съ 1658 года, можно было бы ожидать, что онъ особенно окажется упорнымъ при увѣщаніи въ Москвѣ. Но вышло на оборотъ: онъ безпрекословно и чистосердечно раскаялся въ прежнихъ своихъ ста-

---

([1]) Челоб. Никанора къ царю. Мат. для ист. р. т. III. стр. 43.
([2]) Отписка келаря Савватія къ Варѳоломею отъ 28 мая 1666 г. Тамъ же, стр. 73.
([3]) Испов. Никанора. Тамъ же, стр. 199.
([4]) Отписка Савватія. Тамъ, же, стр. 73.

рообрядческихъ хулахъ на церковь и не измѣнилъ затѣмъ православію до конца жизни. Мы не можемъ не остановиться нѣсколько какъ на самомъ раскаяніи, такъ и на послѣдующей судьбѣ этого старца, тѣмъ болѣе, что «посланіе его о двуперстномъ сложеніи» высоко цѣнится старообрядцами до нашихъ дней, а объ немъ самомъ старообрядцы думаютъ, что онъ не измѣнилъ своимъ прежнимъ убѣжденіямъ до конца жизни и за эти убѣжденія мученически пострадалъ, будучи, по распоряженію духовныхъ властей, задушенъ на пути въ Москву ([1]).

Призванный 1 іюля 1666 г. въ собраніе русскихъ іерарховъ (патріарховъ еще не было въ Москвѣ) старецъ Герасимъ объяснилъ собору, что въ Соловецкомъ монастырѣ до отъѣзда его въ Москву никакихъ новыхъ церковныхъ порядковъ и обычаевъ не вводилось главнымъ образомъ потому, что не было повелѣнія о томъ ни со стороны царя, ни со стороны московскихъ духовныхъ властей, ни отъ соловецкаго настоятеля: что онъ самъ въ 173 (1665 г.) лѣтомъ говорилъ архимандриту Варѳоломею, чтобъ велѣлъ служить по новымъ служебникамъ, но архимандритъ ничего на это ему не сказалъ; что къ братской челобитной о вѣрѣ, посланной съ Варѳоломеемъ, онъ подписался «страха ради» и т. д. Относительно собственныхъ убѣжденій сказалъ, что съ прибытія въ Москву онъ въ сложеніи перстовъ для крестнаго знаменія сталъ слѣдовать тому правилу, которое напечатано въ Скрижали, т. е. знаменуетъ себя уже трехперстнымъ сложеніемъ, «хотя прежде сего о томъ и соблазнялся невѣдѣніемъ»; что «крестъ который отъ двухъ древъ сложенъ (четвероконечный) признаетъ за истинный крестъ» и что, наконецъ, «и Символъ вѣры исповѣдуетъ, и держитъ и впредъ обѣщается содержать такъ, какъ напечатано въ новоисправленныхъ печатныхъ книгахъ». Отцы собора повидимому никакъ не ожидали отъ Герасима столь скорой перемѣны въ убѣжденіяхъ и не хотѣли вѣрить въ чистосердечность его словъ. Ты «прежде сего», говорили они ему,

---

([1]) Истор. о отцѣхъ солов, Денисова. Самая поѣздка Герасима въ Москву у Денисова представлена съ другою цѣлью... Л. 26 об.

«мудрствовать и писалъ многія письма про новоисправныя печатныя книги: книгу Скрижаль и др., а нынѣ что скоро обѣщеваешся все держать по новоисправнымъ печатнымъ книгамъ? Не страха ли ради и не лестно ли приходишь, и истинно ли увѣрился, яко тако истинно? «Ей, истинно тако и не лестно», отвѣчалъ Герасимъ, «и не страха ради исповѣдаю тако, како соборная апостольская церковь пріяла нынѣ и (како) въ новоисправныхъ печатныхъ книгахъ напечатано и въ Скрижали,—истинно и право то исповѣдую, и тако держати обѣщеваюсь». При этомъ Герасимъ просилъ у собора прощенія въ своихъ прежнихъ заблужденіяхъ и далъ обѣщаніе написать опреверженіе «на тѣ свои письма, что писалъ невѣдѣніемъ на новоисправныя печатныя книги» ([1]). Соборъ однако и послѣ этого не хотѣлъ вѣрить ему. 12 іюля Герасимъ былъ снова призванъ для испытанія въ собраніе іерарховъ. И на этотъ разъ онъ не только не оказался прежнимъ горячимъ защитникомъ старыхъ церковныхъ порядковъ, напротивъ «горцѣ возрыдалъ о прежнихъ своихъ хулахъ и мятежахъ и со слезами умолялъ соборъ о прощеніи» ([2]). Соборъ продолжалъ не вѣрить и для дальнѣйшихъ испытаній послалъ старца «подъ началъ» въ Іосифовскій (Волоколамскій) монастырь. Въ видѣ новаго испытанія въ августѣ 1666 г. отъ собора предписано было настоятелю Іосифова монастыря архимандриту Савватію допросить Герасима: когда онъ, по своему обѣщанію, напишетъ «на свои прелести обличительное письмо»? Герасимъ отвѣчалъ, что онъ противъ Никоновскихъ нововведеній («прелестей») ничего не писалъ; слѣдовательно и опровергать ему нечего. Но что касается того, что онъ «писалъ о сложеніи перстовъ десныя руки, имъ же воображается крестное знаменіе, и то писалъ отъ божественнаго писанія (?), и что изъ которыхъ книгъ взято, ихже соборная и апостольская церковь пріемлетъ, то въ тѣхъ тетрадяхъ помѣчено». Этимъ онъ хотѣлъ сказать, что опроверженія съ его стороны написанныхъ имъ тетрадей о крестѣ не требуется, такъ какъ соборъ самъ мо-

(1) Дѣло о Герасимѣ. Мат. для ист. раск. т. III. стр. 107—110.

(2) Братское слово 1876 г. кн. 1 Дѣянія собор. 1666—1667 г. стр. 17, 117.

жетъ видѣть по указаніямъ на источники, что правда и что неправда въ его сочиненіяхъ. Когда же окажется, что онъ погрѣшилъ въ чемъ-нибудь «невѣдѣніемъ», то въ этомъ онъ уже раньше просилъ и теперь проситъ «у великаго государя милости и у священнаго собора прощенія». Впрочемъ и на этотъ разъ Герасимъ не совсѣмъ отказывался написать опроверженіе на самого себя. «А до сего времени», говоритъ онъ дальше, «писати мнѣ было нечего и неколи; книгъ у меня съ собою нѣтъ,—сосланъ я душею и тѣломъ, а которыя книги приличны къ тому дѣлу и есть ли онѣ въ Іосифовѣ монастырѣ, или нѣтъ, того я не вѣдаю; а когда улучу великаго государя милость и священнаго собора прощенія, и отъ того я не отрицаюся». Въ заключеніе своихъ объясненій Герасимъ снова заявлялъ собору о своемъ чистосердечномъ раскаяніи. «А соборныя апостольскія церкви чину и преданіе я ничего не отметаю, и хулы никакой не полагаю, и во всемъ повинуюся соборной апостольской церкви и всему священному собору« (¹). Но соборъ былъ недоволенъ отказомъ Герасима написать на свои прелести обличительное письмо, потому что это письмо могло бы принести большую пользу при увѣщаніи упорной въ старообрядчествѣ соловецкой братіи. Поэтому Герасимъ оставленъ попрежнему подъ началомъ на испытаніи.—Такого рода недовѣріе со стороны собора къ Герасиму продолжалось до самой его кончины, послѣдовавшей, впрочемъ, чрезъ годъ послѣ перваго раскаянія. Это видно изъ слѣдующаго: въ половинѣ 1667 года старецъ Герасимъ сдѣлался тяжко боленъ,—«опухъ весь» и пожелалъ исповѣдаться и причаститься святыхъ Христовыхъ таинъ по чину православной церкви. Настоятель Іосифова монастыря Савватій не смѣлъ удостоить его исповѣди и причастія безъ особаго царскаго указа и донесъ о болѣзни его царю, спрашивая: если онъ преставится, то гдѣ будетъ повелѣно предать тѣло его погребенію—въ монастырѣ, или въ другомъ какомъ-либо мѣстѣ (²)? Въ отвѣтъ на это донесеніе Савватіемъ получена была царская грамота отъ

(¹) Матер. для истор. раск. т. III. стр. 114.

(²) Тамъ же, стр. 114, 115.

21 сентября, въ которой между прочимъ говорилось: «по нашему, великаго государя, указу, богомольцы наши, преосвященный соборъ, велѣли того подначальнаго старца Герасима допросить (въ четвертый, если не пятый уже разъ), истинное ль и неложное покаяніе къ церкви Божіей и къ священному собору приноситъ, и будетъ онъ старецъ Герасимъ въ допросѣ скажетъ, что онъ истинное и неложное покаяніе къ церкви Божіей и ко священному собору приноситъ, и символъ крѣпко держитъ и вся церковная и келейная исправляетъ, какъ напечатаны въ новоисправныхъ печатныхъ книгахъ, и его велѣли исповѣдать, и по исповѣди отца его духовнаго, будетъ достоинъ, и при смерти тѣла и крови Христа Бога нашего причастить, и какъ смерть ему случитца, и єво погребсти въ Іосифовѣ монастырѣ... А будетъ онъ до сего еще указу умре, и тебѣ бы, разсмотря по житію єво, въ какомъ онъ исповѣданіи умеръ, по тому и погрести» ([1]). Къ крайнему сожалѣнію, нѣтъ достаточныхъ свѣдѣній о томъ, застала ли эта грамота въ живыхъ Герасима и удостоился ли онъ предъ смертію исповѣди и причастія святыхъ таинъ, чего такъ искренно желалъ. Въ дѣяніяхъ московскаго собора 1667 г. въ статьѣ о Герасимѣ отмѣчено только, что онъ въ Іосифовѣ монастырѣ «въ мирѣ усну и почи о Господѣ». Судя по этому соборному отзыву, надобно думать, что онъ умеръ какъ вѣрный сынъ православной церкви, напутствованный таинствами покаянія и причащенія.

Таковы были послѣдніе дни жизни одного изъ первыхъ и ревностныхъ соловецкихъ защитниковъ старообрядчества. Вмѣсто прежняго буйнаго, пьющаго по ночамъ съ пріятелями медъ и табакъ, нечистаго на руку и дѣлающаго фальшивыя деньги и т. д., мы видимъ теперь скромнаго старца, со слезами раскаянія умоляющаго царя и духовныхъ особъ, собравшихся въ Москвѣ, простить его въ прежнихъ заблужденіяхъ и принять въ лоно матери церкви. Очевидно, время и искреннее, безпристрастное отыскиваніе истины, которое проглядываетъ въ его посланіи о крестѣ, произвели наконецъ

([1]) Матер. для истор. раск. т. III. 116, 117.

рѣшительный переломъ въ его убѣжденіяхъ. Припомнимъ, что старецъ Герасимъ не задолго до смерти помирился, по крайней мѣрѣ со своей стороны, и съ архимандритомъ Варѳоломеемъ, противъ котораго написалъ обширнѣйшую, переполненную обвиненіями братскую челобитную. Примирившись такимъ образомъ съ церковію и своими личными врагами, онъ отошелъ въ вѣчность съ совершенно успокоенною совѣстію и полною надеждою на милосердіе Божіе.

Послѣ Герасима были вызваны изъ Соловецкаго монастыря въ Москву келарь Савватій (въ октябрѣ 1666 г.) и архимандритъ Никаноръ (въ началѣ 1667 года). Когда и какимъ образомъ оставилъ старообрядчество и присоединенъ къ церкви Савватій,—мы не знаемъ; только извѣстно, что въ февралѣ 1667 г. онъ былъ уже на сторонѣ православныхъ и въ союзѣ съ архимандритомъ Варѳоломеемъ заботился объ искорененіи Соловецкаго мятежа ([1]). Никаноръ же принесъ свое мнимое раскаяніе 20 апрѣля 1667 г. ([2]). Этотъ безсовѣстный обманъ со стороны Никанора, сопровождаемый такимъ притворствомъ, что соборъ никакъ не могъ подмѣтить его,—заслуживаетъ съ нашей стороны особаго вниманія. Но мы принуждены подробности его на нѣкоторое время оставить, чтобы сказать объ одномъ довольно важномъ событіи, совершившемся между вызовомъ Герасима и Никанора; именно, объ увѣщаніи соловецкой братіи въ самомъ монастырѣ, чрезъ посланнаго туда архимандрита Сергія. Дѣло въ томъ, что московскій соборъ вслѣдъ за прибытіемъ въ Москву старца Герасима сталъ разубѣждаться въ пользѣ вызова соловецкой братіи. Дѣйствительно, вызовъ былъ совершенно безполезенъ. На отъѣздъ въ Москву и обращеніе къ церкви немногихъ изъ передовой братіи остальное братство не обращало никакого вниманія и попрежнему оставалось въ старообрядчествѣ. На мѣсто выбывшихъ и измѣнившихъ общему настроенію братства главныхъ заводчиковъ, въ родѣ старца Герасима, тотчасъ являлись новые, каковъ старецъ Александръ Стукаловъ. Соборъ те-

([1]) Истор. оп. Солов. м. ч. I. стр. 155. Матер. для истор. раск. т. III, стр. 106.

([2]) Тамъ же, стр. 201, 202.

рялся въ выборѣ братіи къ вызову, а вызывать все многочисленное братство было, естественно, невозможно—вызовъ продолжился бы безъ конца. При томъ братія отправлялись въ столицу неохотно и могли совсѣмъ отказаться отъ поѣздки подъ различными предлогами, подобно тому какъ отказывался до 1667 г. архимандритъ Никаноръ. Все это побуждало соборъ придумать какое-либо другое средство къ вразумленію остающейся въ обители братіи. Нѣкоторое время соборъ думалъ подѣйствовать на братію чрезъ архимандрита Варооломея. Дѣйствительно Варооломей послалъ въ монастырь нѣсколько увѣщательныхъ къ братіи писемъ; но на нихъ не было получено никакого отвѣта ([1]). Братія теперь были настроены противъ Варооломея; въ монастырѣ обсуждали вопросъ объ удаленіи его отъ настоятельства и потому никто изъ братіи не обращалъ никакого вниманія на его посланія. Послѣ уже этой неудачной попытки соборъ рѣшился послать въ Соловецкій монастырь ярославскаго архимандрита Сергія съ нѣсколькими товарищами изъ бѣлаго и монашествующаго духовенства. Мы уже знаемъ о томъ, какъ архимандритъ Сергій съ товарищами былъ принятъ въ монастырѣ и не будемъ объ этомъ говорить.

При отправкѣ изъ Москвы Сергій не былъ отъ собора снабженъ особой инструкціей, которой онъ могъ бы руководствоваться въ дѣлѣ увѣщанія братіи ([2]). Но онъ получилъ на имя соловецкой братіи соборное повелѣніе (отъ 11 іюля 1666 г.) о принятіи новоисправленныхъ книгъ и чиновъ, которое и могло служить ему инструкціей, такъ какъ не было запечатано и дано было не для того, чтобы передать братіи, а чтобы только прочитать вслухъ всего братства. Въ своемъ повелѣніи соборъ во-первыхъ предувѣдомлялъ соловецкую братію, что Сергій посылается къ нимъ отъ собора ради неповинующихся между ними исправленію святыхъ книгъ и непріемлющихъ въ исправленномъ видѣ сим-

([1]) Въ маѣ отъ него съ письмами пріѣзжалъ въ монастырь слуга Дороѳей Понфиловъ. Книжка казнач. Варсонофія 1666 г.—Солов. арх. Самъ Варооломей говоритъ объ этомъ въ челобитной къ царю. Матер. для истор. раск. т. III. стр. 189.

([2]) Ему данъ былъ только царскій наказъ въ руководство по сыскному дѣлу объ архим. Вароoломеѣ. Тамъ же, стр. 122.

волъ вѣры, литургіи, трехперстнаго сложенія въ крестномъ знаменіи, трегубой аллилуіи и т. д. Во-вторыхъ повелѣвалъ всѣмъ инокамъ безпрекословно соединиться съ церковію, «да будутъ въ соединеніи съ нею, какъ во единомъ тѣлеси удове подъ единою главою Христомъ». Въ 3-хъ, на случай неповиновенія братіи соборному повелѣнію,—напередъ провозглашалъ проклятіе противъ упорныхъ. «Аще ли въ чесомъ неповиноватися начнутъ» (нѣкоторые изъ братіи), говорится въ повелѣніи, «сихъ, по даннѣй намъ благодати отъ Святаго Духа, по седьмому вселенскому собору (прав. I), съ нимъ же святая правила облобызающе, пріемлемъ и держимъ святыхъ апостолъ и шести вселенскихъ соборовъ, къ симъ же и помѣстныхъ девяти, яко отъ единаго Святаго Духа вдохновенныхъ, ихъ же они прокляша, проклинаемъ, ихъ же извергоша, извергаемъ, и ихъ-же отлучиша, отлучаемъ, и ихъ же запретиша, запрещаемъ, дондеже обратятся и покаются», потому что «сіи нынѣшніи соперницы, сущіи въ Соловецкомъ монастырѣ, или кто гдѣ (по великому Василью, прав. I) подцерковницы имутъ нарещися, яко не повинуются святой каѳолической восточной церкви, и оставляютъ ю, и въ согласіи никогда же быти хощуютъ, но въ своей воли всегда быти хотятъ». Припомнимъ при этомъ, что царь Алексѣй Михайловичъ, съ своей стороны въ данномъ Сергію наказѣ повелѣвая братіи быть послушными ему во всемъ, безъ всякаго прекословія, какъ въ сыскномъ, такъ и въ церковномъ дѣлахъ, угрожалъ неповинующимся «жестокимъ наказаніемъ и дальными ссылками» ([1]). Но ни проклятія собора, ни угрозы царя не устрашили соловецкую братію. У монаховъ была уже изготовлена къ царю новая челобитная о томъ, чтобы царь не велѣлъ Сергію учить ихъ по новымъ книгамъ, которая и была послана въ Москву съ нарочными старцами Тихономъ и Тарасіемъ, лишь только Сергій прибылъ въ монастырь, не приступивъ еще къ выполненію возложенныхъ на него порученій ([2]).

([1]) Матер. для истор. раск. т. III. стр. 131.

([2]) Матер. для истор. раск. т. III. стр. 164. Истор. Россіи, Соловьева. Т, II-й стр. 399.

Не смотря на свою сравнительную краткость эта новая соловецкая челобитная, касающаяся церковной реформы, проливаетъ новый свѣтъ на соловецкое стояніе. Прежде всего изъ рукоприкладства къ этой челобитной мы узнаемъ, что архимандритъ Никаноръ, не дождавши удовлетворенія со стороны царя просьбы Герасима Ѳирсова съ товарищами объ опредѣленіи его Никанора соловецкимъ настоятелемъ, самовольно сталъ во главѣ соловецкаго братства, и что въ монастырѣ, къ этому времени (5 окт. 1666 г.), между многочисленнымъ братствомъ не оставалось уже почти ни одного человѣка (за исключеніемъ развѣ келаря Савватія), кто бы не раздѣлялъ взглядовъ Никанора на новые церковные порядки. Челобитная была подписана собственноручно почти всѣмъ грамотнымъ братствомъ (70 челов.), начиная съ соборныхъ и кончая мірскими трудниками, а безграмотные безусловно довѣряли подписаться своимъ духовнымъ отцамъ ([1]), тогда какъ въ маѣ и іюнѣ мы видѣли еще большое и рѣзкое раздѣленіе братіи на двѣ половины. Въ самой челобитной усматривается съ большею ясностію смыслъ стоянія и планъ будущихъ дѣйствій монаховъ. До сихъ поръ въ стояніи преобладалъ духъ личной вражды передовой братіи къ Варѳоломею и потому остальное братство принимало въ борьбѣ враждующихъ сторонъ нерѣшительное участіе; теперь напротивъ борьба сосредоточивается по преимуществу на церковной почвѣ, а потому и остальное братство, неимѣющее никакихъ личныхъ неудовольствій противъ Варѳоломея принимаетъ самое живое участіе въ ней. До сихъ поръ большая часть братіи знала въ церковной реформѣ только «латинскую ересь» съ ненавистнымъ «крыжемъ», а въ настоящее время они уже въ состояніи перечислить нѣсколько мнимыхъ отступленій православной цевкви отъ апостольскаго и святыхъ отцевъ преданія и представить на нихъ свои возраженія, ссылаясь на старыя книги. «Въ новыхъ, государь, книгахъ» говорится въ настоящей челобитной «преложено имя Господу нашему Іисусу Христу, Сыну Божію. По

([1]) Матеріалы для истор. раск. т. Ш. стр. 160, 164. Челоб. была послана въ двухъ редакціяхъ: краткой и пространной. Въ матеріалахъ она неправильно отмѣчена отосланною по отъѣздѣ Сергія. См. стр. 163, 165.

сему новому преданію вмѣсто *Ісуса* написано съ приложеніемъ излишней буквы (и): *Іисусъ,* его же страшно намъ грѣшнымъ не точію приложити, но и помыслити; да въ новыхъ же, государь, книгахъ повелѣваютъ намъ инако крéститися, а инако священникамъ благословляти, а не творящихъ таковая патріархъ Никонъ проклятію предаетъ... и т. д. ([1]). До сихъ поръ, наконецъ, соловецкіе монахи относились къ своему царю съ благоговѣніемъ и глубокою преданностію, а теперь это благоговѣніе начинаетъ уже сильно ослабѣвать подъ вліяніемъ мысли, что царь самъ принимаетъ «еретическое» ученіе Никона и его послѣдователей. Припомнимъ, что монахи около этого времени вопреки обычаю безъ царскаго соизволенія поставили новыхъ келаря Азарія и казначея Геронтія, и, не обращая вниманія на строгій царскій наказъ, не дали Сергію надлежащимъ образомъ произвести слѣдствіе по челобитнымъ Варѳоломея и старца Герасима. Въ настоящей челобитной монахи дѣлаютъ царю косвенные, но довольно прозрачные намеки на его собственное отступленіе отъ истинной вѣры прародителей и родителей его. «Присланъ съ Москвы къ намъ архимандритъ Сергій съ товарищами», пишутъ монахи, «учить насъ церковному преданію по новымъ книгамъ, и во всемъ велятъ послѣдовать и творить по новому преданію, а преданія великихъ святыхъ апостолъ и св. отецъ седми вселенскихъ соборовъ, *въ коемъ прародители твои государевы* и начальники преподобные отцы Зосима и Савватій, и Германъ и преосвященный Филиппъ митрополитъ, нынѣ намъ держаться и послѣдовать возбраняютъ. Въ заключеніе монахи стараются даже запугать царя тѣмъ, что въ случаѣ неудовлетворенія ихъ просьбы они оставятъ монастырь, зная, что царь дорожитъ соловецкимъ братствомъ между прочимъ въ видахъ охраненія сѣверныхъ границъ Россіи. Такимъ образомъ настоящая челобитная служитъ какъ бы образцомъ и программою остальныхъ челобитныхъ, съ которыми мы скоро встрѣтимся, и указываетъ смыслъ и планъ будущихъ дѣйствій монаховъ. Она дошла

([1]) Дальше указывается на трегубую аллилуія, трехперстное сложеніе и печатаніе просфоры «крыжемъ».

до рукъ царя и въ Москвѣ такимъ образомъ, прежде полученія отъ Сергія извѣстій изъ монастыря и прежде возвращенія его, могли уже знать, что миссія его не будетъ имѣть желанныхъ успѣховъ. Но старцы Тихонъ и Тарасій за доставленіе оной поплатились заключеніемъ подъ началъ въ московскіе монастыри, гдѣ едвали не оставались до самой смерти ([1]).

Отправивъ челобитную, монахи рѣшились выслушать торжественно на черномъ соборѣ архимандрита Сергія ([2]). Было приглашено въ храмъ Преображенія Господня все братство. Явились архимандритъ Никаноръ, бывшій келарь Савватій Абрютинъ, новый келарь Азарій, казначей Варсонофій, соборные старцы, черные попы и дьяконы, рядовая и больничная братія, слуги, работники, стрѣльцы, и всѣ временные жители монастыря. Архимандритъ Сергій прочиталъ предъ собраніемъ грамоты царскою и митрополита Питирима новгородскаго и соборное повелѣніе. Лишь только кончилось чтеніе, въ братствѣ поднялся большой шумъ, начали говорить крикомъ съ невѣжествіемъ и упорствомъ: «мы указу великаго государя послушны, и во всемъ ему, великому государю, повинуемся, а повелѣнія о символѣ вѣры и о сложеніи трехъ первыхъ великихъ перстовъ къ воображенію креста Господня на лицахъ нашихъ, и трегубыя аллилуіи, и о молитвѣ, еже есть: Господи Іисусе Христе, Боже нашъ, помилуй насъ, и новоизданныхъ печатныхъ книгъ, служебниковъ и потребниковъ и прочихъ не пріемлемъ, и слышати не хотимъ и готовы всѣ пострадать единодушно». Между тѣмъ изъ толпы монаховъ выступилъ впередъ архимандритъ Никаноръ. Братство притихло. Никаноръ высоко поднялъ свою руку, сложилъ три первые пальца и во всеуслышаніе, съ большимъ гнѣвомъ началъ говорить: «то ученіе, что велятъ креститься тремя перстами, есть преданіе латинское, печать антихристова. Вы братія того отнюдь не должны принимать, *а я за всѣхъ васъ готовъ къ Москвѣ ѣхать и пострадать*». Обратившись затѣмъ къ архиманд-

([1]) Матер. для истор. раск. т. III. стр. 181, 186.

([2]) Частнымъ образомъ, наединѣ, какъ мы знаемъ, съ Сергіемъ никто не смѣлъ сообщаться.

риту Сергію съ товарищами, Никаноръ сказалъ: «что вы соборуете (т. е. собираетесь въ Москвѣ на соборъ) и присылаете (въ Соловецкій монастырь)? У васъ и главы-патріарха нѣтъ и безъ него соборы ваши не крѣпки». Слушавшая съ большимъ вниманіемъ ораторство Никанора братія и мірскіе люди подъ конецъ рѣчи всѣмъ чернымъ соборомъ крикнули: «за нами всѣми тѣжъ рѣчи, мы готовы всѣ единодушно пострадать, а новыя вѣры, ученія и книги отнюдь всѣ не пріемлемъ»! Нѣкоторые старцы и мірскіе люди говорили при этомъ всякія неистовыя бранныя слова, а другіе готовы были съ архимандрита Сергія и его товарищей посбивать клобуки. Архимандритъ Сергій, чтобы водворить какой-нибудь порядокъ въ собраніи и начать съ братіей толковую бесѣду, предложилъ собранію выбрать изъ братіи двухъ или трехъ человѣкъ, «съ кѣмъ бы можно было о томъ церковномъ дѣлѣ говорить безъ мятежа и благочинно». Братія указали на чернаго попа Геронтія, сказавъ, что онъ у нихъ человѣкъ выборной отъ всѣхъ, который можетъ говорить съ нимъ Сергіемъ обо всемъ, а что скажетъ, съ тѣмъ вся братія будетъ согласна. Немедленно выступилъ на средину собранія Геронтій и, обратившись къ Сергію, повелъ рѣчь о молитвѣ Іисусовой. Но лишь только успѣлъ произнести: «за что вы (т. е. Сергій и др.) отъемлете изъ сея молитвы Сына Божія», какъ собраніе снова заволновалось и послышались жалобные возгласы: охъ де охъ! горе намъ! Отнимаютъ де унасъ Сына Божія! и гдѣ де вы (обращ. къ Сергію) дѣвали имя Сына Божія.» (¹)? Стонъ и крикъ братіи продолжался «на долгъ часъ». Когда нѣсколько пріутихъ,— Геронтій снова заговорилъ. Теперь рѣчь его была о трегубой аллилуіи. «Чего ради вы, спрашиваетъ онъ Сергія съ товарищами, трижды велите глаголати аллилуія, а вчетвертые: слава тебѣ Боже,—когда въ житіи святаго Евфросина псковскаго чудотворца трижды говорить аллилуіа не велѣно, и о томъ было явленіе Пресвятыя Богородицы»? Но не дождавшись отвѣта, взялъ книгу, въ которой помѣщалось житіе

(¹) Старообрядцы признаютъ только Іисусову молитву въ такой формѣ: Господи Іисусе Христе Сыне Божій помилуй мя грѣшнаго!

Евфросина, поднялся на табуретъ и началъ читать, постоянно обращаясь къ братіи и приговаривая: «не прельщайтеся и не слушайте такова ученія, что говорить аллилуіа трижды, а вчетвертые: слава тебѣ Боже»! Въ братствѣ снова на долгое время поднялся мятежъ и крикъ больше прежняго. Братія при этомъ не обращали ни малѣйшаго вниманія, ни на указъ великаго государя, ни на повелѣніе собора, призывающіе ихъ къ повиновенію, о которыхъ имъ напомнилъ Сергій. Вслѣдствіе этого Сергій долженъ былъ прекратить свои безполезныя увѣщанія братіи и оставить бурное монашеское собраніе. Впрочемъ онъ еще не терялъ надежды на какой нибудь успѣхъ своей миссіи. Онъ призвалъ къ себѣ выборнаго отъ братіи Геронтія съ немногими изъ грамотной братіи и снова завелъ съ ними бесѣду о церковномъ дѣлѣ. Въ этой болѣе спокойной бесѣдѣ Геронтій началъ свою рѣчь слѣдующимъ образомъ: «прежде, до сего отъ Соловецкаго монастыря *вся русская земля* всякимъ благочестіемъ просвѣщалась, и ни подъ какимъ зазоромъ Соловецкій монастырь не бывалъ, яко столпъ, и утвержденіе, и святило и свѣтъ сіялъ, вы нынѣ новой вѣрѣ отъ грековъ учитеся, а ихъ греческихъ властей къ намъ въ монастырь подъ началъ и самихъ присылаютъ, и они, греческіе власти, и креститись не умѣютъ, мы ихъ и сами учимъ, какъ креститись; а мы не хотимъ древняго преданія святыхъ апостолъ и святыхъ отецъ и святыхъ чудотворцевъ Зосима и Савватія нарушать; и во всемъ имъ послѣдуемъ; а на крыжахъ латынскихъ по новымъ служебникамъ служить не хотимъ; тутъ же въ новыхъ служебникахъ, въ литургіи въ концѣ тропаря: Благообразный Іосифъ и воскресенія Христова не проповѣдуютъ». Архимандритъ Сергій старался разрѣшить каждый недоумѣнный вопросъ собесѣдниковъ; но «они отнюдь ни въ чемъ ему не внимали». Тогда онъ, чтобы запутать противниковъ противорѣчіями, обратился къ Геронтію съ братіей съ такимъ вопросомъ:

— Великій государь царь Алексѣй Михаиловичъ благовѣренъ ли, благочестивъ ли, и православенъ ли и христіанскій ли царь?

Не смотря на то, что соловецкіе монахи Алексѣя Ми-

хаиловича давно уже не считали вполнѣ православнымъ, не безъ основаній предполагая о его склонности больше на сторону никоніянъ, чѣмъ старообрядцевъ, однако не рѣшались высказаться откровенно, чтобы прежде времени не навлечь на себя царскій гнѣвъ. Геронтій отвѣчалъ на предложенный вопросъ о царѣ:

Благовѣренъ, благочестивъ и православенъ и христіанскій есть царь.

— А повелѣнія его и граматы, которыя съ нами къ вамъ присланы, каковы вамъ мнятца быти,—православны ли?

На этотъ хитрый вопросъ Геронтій съ братіей не знали что отвѣчать. Они хорошо понимали, что какой бы ни былъ ихъ отвѣтъ, долженъ непремѣнно привести къ противорѣчію. Если сказать, что православны, въ такомъ случаѣ необходимо было бы имъ подчиниться, а они этого не хотѣли; когда же сказали бы, что царскія повелѣнія не православны, то этимъ обличили бы свое подозрѣніе относительно православія царя, потому что отъ православнаго царя не могли исходить повелѣнія неправославныя. Сообразивъ все это Геронтій съ товарищами оставили вопросъ Сергія безъ отвѣта, «умолчали».

— «Православны ли», спросилъ еще Сергій, «святѣйшіе четыре патріарха (восточные) и наши россійскіе преосвященные митрополиты, архіепископы, епископы и весь освященный соборъ, благочестивы ли они суть, пастыріе ли и учителіе ли, и отцы ли вамъ суть»?

— «Прежде сего», отвѣчалъ Геронтій, «святѣйшіе четыре патріарха, были православны, а нынѣ—Богъ ихъ вѣсть, потому что они сами живутъ въ неволѣ; *а россійскіе архіереи и весь освященный соборъ православны*».

— «А соборное ихъ повеленіе, за ихъ святительскими руками присланное съ нами къ вамъ, каково мните быти»? продолжалъ пытати Сергій».

— «Повелѣнія ихъ не хулимъ, а новыя вѣры и ученія ихъ не пріемлемъ, —держимся преданія святыхъ чудотворцевъ и за ихъ преданія хотимъ всѣ умрети вожделѣнно».

— «Присланная съ нами Псалтирь со возслѣдованіемъ святаго Зосима чудотворца вашея ли Соловецкія обители, и пріемлете ли ю, и честну и святу вмѣняете ли быти»?

— «Слыхали мы, что такая книга именовалась, а кто въ ней написалъ, будто она Зосиминская, того мы не вѣдаемъ, и по ней правило самъ святый чудотворецъ Зосима совершалъ ли, или нѣтъ, того мы не вѣдаемъ же,—то дѣлалось давно».

Изъ этой бесѣды архимандритъ Сергій долженъ былъ окончательно убѣдиться, что дальнѣйшія увѣщанія соловецкой братіи были бы напрасною тратою времени и силъ. Очевидно, у братіи предрѣшено было не поддаваться ни на какія убѣжденія, а твердо стоять на своемъ. Сергій готовъ былъ послѣ этого оставить монастырь, тѣмъ болѣе, что положеніе его въ монастырѣ, какъ мы уже знаемъ, было крайне стѣснительно и не безопасно. Но онъ хотѣлъ по крайней мѣрѣ взять съ собой въ Москву «ради тѣхъ великихъ церковныхъ и сыскныхъ дѣлъ» именную роспись братіи и мірскимъ людямъ и просилъ объ этомъ на соборѣ келаря, казначея, соборныхъ старцевъ и всю братію, но братія и росписи не дали и имянъ своихъ не сказали, зная хорошо, что роспись можетъ послужить московскому собору средствомъ къ привлеченію на судъ главныхъ виновниковъ возмущенія. Такимъ образомъ миссія архимандрита Сергія не принесла положительно никакихъ плодовъ (¹). Сергій поспѣшилъ обо всемъ донести въ Москву и затѣмъ 11 октября самъ выѣхалъ изъ монастыря въ обратный путь (²).

Впрочемъ Сергій отправился изъ монастыря въ Москву не совсѣмъ съ пустыми руками. Монахи снабдили его своей сказкой, подписанной Никаноромъ со всѣмъ братствомъ и мірянами и поданной 6 октября въ надеждѣ, что Сергій представитъ ее царю. Сказка по своему содержанію служитъ почти буквальнымъ повтореніемъ челобитной о вѣрѣ, посланной 5 октября со старцами Тихономъ и Тарасіемъ. Но есть въ ней и нѣкоторыя особенности, заслуживающія вниманія... Монахи, напр., хорошо сознавая свои прежнія и теперешнія вины предъ царемъ и желая предотвратить отъ себя царскій

(¹) Донесеніе въ Москву Сергія съ товарищами. Матер. для истор. раск. т. III. стр. 143—152.

(²) Кн. казначея Варсонофія, гдѣ подъ 11 ч. произведена Сергію выдача почестей и 200 р. на дорогу. Солов. арх. связка отводныхъ кн. XVII в.

гнѣвъ, въ сказкѣ съ особеннымъ усиліемъ стараются увѣрить царя, что глубоко чтутъ и преданы ему, желаютъ ему добра, молятся за него, готовы душу свою за него положить и повинуются ему во всемъ, кромѣ новаго преданія. «И мы нищіе его, государевы богомольцы, и сироты», говорится въ сказкѣ, «ему благочестивому великому государю, кромѣ сего новаго преданія, во всемъ повинны и послушны, и ни въ чемъ его царскому величеству не противны, и подъ ево, великаго государя державную и высокую руку души и главы своя преклоняемъ, и во всемъ ему, государю, трепетны и страшны, и за него благовѣрнаго и благочестиваго государя царя и великаго князя Алексѣя Михаиловича... и за ево благовѣрную и благородную государоню, нашу царицу и великую княгиню Марью Иличну, и за благовѣрныхъ и благородныхъ царевичей, государей нашихъ, и за благовѣрныя царевны должны Бога молити, и во всемъ добра хотѣти и души своя за ихъ царское величество готовы полагати». Такъ по крайней мѣрѣ монахи на словахъ были покорны царю, пока надѣялись, что царь не откажетъ имъ оставаться при старыхъ порядкахъ. Но на дѣлѣ выходило и теперь уже противное, что особенно ясно видно въ дѣлѣ перемѣны настоятеля Варѳоломея, а послѣ, чрезъ короткое время, когда у стѣнъ монастырскихъ стали появляться царскіе стрѣльцы, они, какъ увидимъ, вопреки сему увѣренію не только взялись за оружіе къ противодѣйствію царской волѣ, но и оставили за царя и за весь царскій домъ свою молитву. Другая особенность сказки та, что монахи на этотъ разъ, въ случаѣ неудовлетворенія ихъ просьбы грозятъ царю не оставленіемъ обители, а готовностію принять отъ него мученическіе вѣнцы. «Аще ли великій государь царь», говориться въ заключеніи, «на насъ грѣшныхъ фіалъ гнѣва своего изліетъ, лучше намъ убогимъ *временною смертію* животъ на вѣки получить, нежели начальниковъ своихъ, преподобныхъ отецъ нашихъ Зосимы и Савватія, и Филиппа митрополита и прочихъ святыхъ преданія оставити»(¹).

(¹) Матер. для истор. раск. т. III. стр. 160.

Архимандриту Сергію не скоро пришлось доложить собору о результатахъ своей поѣздки въ Соловецкій монастырь. Когда онъ возвратился въ Москву, здѣсь происходило торжество по поводу прибытія на соборъ восточныхъ патріарховъ Паисія александрійскаго и Макарія антіохійскаго. Съ прибытіемъ ихъ дѣла о старообрядцахъ отошли на второй планъ, потому что необходимо было прежде обсудить и рѣшить дѣло о патріархѣ Никонѣ. Такимъ образомъ вопросъ о старообрядцахъ оставался почти безъ всякаго дальнѣйшаго обсужденія нѣсколько мѣсяцевъ, до апрѣля 1667 г. Но за то съ этого времени онъ пошелъ рѣшительно и быстро къ концу. Русскіе архипастыри (безъ патріарховъ), составлявшіе соборъ 1666 г., хотя и много уже сдѣлали по этому вопросу, подтвердили, напр., опредѣленія собора 1654 г. одобрившаго исправленіе книгъ, отлучили главныхъ виновниковъ раскола: протопопа Аввакума, діакона Ѳеодора и друг.; отъ церкви изготовили противъ нихъ *Жезлъ Правленія;* но все это пока не имѣло должной силы и значенія, особенно въ глазахъ старообрядцевъ. Не даромъ же архимандритъ Никаноръ говорилъ Сергію: «что вы соборуете, у васъ и главы патріарха нѣтъ, и ваши соборы не крѣпки»! Съ прибытіемъ восточныхъ патріарховъ и съ выборомъ своего патріарха, дѣянія собора 1666 г. естественно потребовали, если не пересмотра, то по крайней мѣрѣ утвержденія со стороны патріарховъ. За утвержденіемъ впрочемъ дѣло не стало. На первыхъ же засѣданіяхъ по вопросу о реформѣ, греческіе патріархи отозвались: «книги новопреводныя и исправленныя печатныя суть правы и согласны съ нашими греческими книгами». Въ свою очередь и новый московскій патріархъ Іоасафъ благословилъ и утвердилъ опредѣленія собора 1666 г. о старообрядцахъ. 13 мая на торжественномъ засѣданіи собора изъ 3-хъ патріарховъ, 14 митрополитовъ, 8 архіепископовъ, 5 епископовъ, 25 архимандритовъ, 8 игуменовъ и 13 протопоповъ была уже окончательно рѣшена участь старообрядцевъ. Соборъ составилъ особое *повелѣніе и завѣщаніе*, которымъ заповѣдывалось всѣмъ русскимъ православнымъ христіанамъ: а) покоряться во всемъ, безъ всякаго сомнѣнія и прекословія, св. восточной и апо-

стольской церкви Христовой; б) употреблять при богослуженіи книги исправленныя и напечатанныя при Никонѣ и послѣ него, «зане суть право исправлены»; в) читать символъ вѣры безъ слова «истиннаго»; г) произносить въ опредѣленныхъ мѣстахъ «аллилуіа трижды и т. д. Всѣхъ неповинующихся этому рѣшительному опредѣленію соборъ, какъ и въ 1666 г., предалъ анаѳемѣ. «Аще ли же кто не послушаетъ повелѣнныхъ отъ насъ и не покорится святой восточной церкви и сему освященному собору, или начнетъ прекословить и противлятися намъ: и мы такого противника данною намъ властію отъ святаго и животворящаго Духа, аще будетъ отъ священнаго чина, извергаемъ и обнажаемъ его всякаго священнодѣйствія и благодати, и *проклятію* предаемъ; аще же отъ мірскаго чина,—отлучаемъ и чужда сотворяемъ отъ Отца и Сына и Святаго Духа, и *проклятію и анаѳемѣ* предаемъ, яко еретика и непокорника, и отъ православнаго всесочлененія и стада и отъ церкве Божія отсѣкаемъ, яко гнилъ и неупотребенъ удъ, дондеже вразумится и возвратится въ правду покаяніемъ» (¹). Само собой разумѣется, что эти клятвы собора всею своею тяжестію падали и на соловецкихъ монаховъ, которые до сихъ поръ ни одной іотой не поступились въ старыхъ церковныхъ порядкахъ, не смотря на неоднократное призваніе къ покорности какъ со стороны царя, такъ и со стороны русской церкви. Но соборъ пока не хотѣлъ относить своей клятвы лично къ нимъ. Онъ вообще смотрѣлъ на упорство монаховъ снисходительно, питая надежду на скорое обращеніе ихъ къ покорности при новыхъ кроткихъ мѣрахъ. Въ 16-е засѣданіе собора (²), наконецъ, былъ выслушанъ словесный докладъ Сергія о поѣздкѣ къ соловецкимъ монахамъ. «Ста посреди собранія» Сергій между прочимъ доложилъ собору: «пришедшу мнѣ въ Соловецкій монастырь и повелѣнія сотворити тщащуся, абіе того монастыря келарь (Азарій), и казначей (Варсонофій), бывшій же архимандритъ монастыря Саввина Никаноръ, а съ нимъ и прочіе іеромонахи, и іеродіа-

(¹) Дѣянія собора при служебникѣ 1668 г. стр. 458—487.

(²) Братское слово 1876 г. кн. 2. стр. 181—183. Это засѣданіе собора происходило въ концѣ іюля или нач. августа, потому что 15-е было 17 іюля.

кони и монаси, такожде слуги и вся чадь противны явишася повелѣнію благочестивѣйшаго самодержца и всему освященному собору (1666 г.) повиновенія долгъ отрекоша и даша мнѣ архимандриту сказку за руками своими, яко весьма новоисправленныхъ книгъ печатныхъ ни въ коемъ же священнодѣйствіи въ церковномъ же и келейномъ употребляти хощутъ» ([1]). Докладъ Сергія оставленъ безъ соборной резолюціи въ виду предполагаемаго назначенія въ Соловецкій монастырь новаго настоятеля и ожидаемыхъ отъ того благопріятныхъ послѣдствій.

Между тѣмъ по третьему вызову прибылъ, наконецъ, въ Москву, два раза отказывавшійся отъ поѣздки архимандритъ Никаноръ. Замѣчательно, что при третьемъ вызовѣ Никанора была употреблена со стороны правительства нѣкотораго рода хитрость. Въ приходорасходной книжкѣ новаго казначея Геронтія подъ 16-мъ февраля 1667 г. говорится: «пріѣзжалъ въ Соловецкій монастырь отъ великаго государя съ грамотою стряпчій Иванъ Петровичъ Образцовъ къ архимандриту Никанору *и на черномъ соборѣ сказывалъ словесно ко всему монастырю великаго государя милость»*. Нѣтъ положительно никакихъ основаній думать, что царь Алексѣй Михаиловичъ и послѣ того, какъ соловецкіе монахи почти насильно выпроводили изъ монастыря царскаго посланника архимандрита Сергія, питалъ къ нимъ прежнее благоволеніе. Напротивъ легче предположить, что терпѣніе царя по отношенію къ монахамъ подходило уже къ концу и эта мнимая милость была высказана на соловецкомъ соборѣ для того, чтобы избѣжать со стороны ихъ новаго сопротивленія. Въ свою очередь и монахи едвали могли ожидать теперь особаго царскаго къ себѣ благоволенія, и это неожиданное, торжественно объявленное благоволеніе тѣмъ болѣе могло ободрить ихъ и подкрѣпить въ надеждѣ на удовлетвореніе разныхъ своихъ челобитій къ царю. Подъ вліяніемъ этихъ надеждъ они за привезенное милостивое царское слово щедро наградили Образцова: поднесли ему «10 руб. деньгами, кружку серебряную, 15 гривенокъ слюды и дороги полосатые кра-

---

([1]) Братское слово 1876 г. кн. 2. стр. 181—183.

сные». Подъ вліяніемъ тѣхъ же надеждъ они охотно снарядили и Никанора въ Москву, давъ ему въ спутники черпаго попа Амвросія, дьякона Пахомія и старца Никиту ([1]). Они много разсчитывали на силу личныхъ просьбъ Никанора предъ царемъ и били ему челомъ, «чтобы онъ предъ великимъ государемъ заступникъ былъ и за нихъ стоялъ» ([2]). Самъ Никаноръ на этотъ разъ не считалъ удобнымъ и полезнымъ отказываться отъ поѣздки. 5 октября, какъ мы видѣли, онъ въ бесѣдѣ съ архимандритомъ Сергіемъ предъ всѣмъ братствомъ высказался, что готовъ ѣхать въ Москву *за всѣхъ пострадать*. Теперь настало время оправдать предъ братіей свою неосторожно высказанную храбрость,—иначе монахи потеряли бы къ нему всякое довѣріе и уваженіе. Съ другой стороны теперь и личныя дѣла Никанора не держали въ монастырѣ: онъ достигъ своей главной цѣли, склонилъ все братство на свою сторону. 18 февраля 1667 г. Никаноръ отправился изъ монастыря въ Москву съ стряпчимъ Образцовымъ и вышеупомянутой братіей, получивъ изъ монастырской казны на дорогу 200 р. ([3]); по пути заѣхалъ въ Троицкую лавру и здѣсь отслужилъ соборный молебенъ чудотворцу Сергію, вѣруя, конечно, что угодникъ Божій поможетъ ему выйти побѣдителемъ изъ предстоящей борьбы съ мнимыми врагами православія, а въ мартѣ былъ уже въ Москвѣ. Можно быть вполнѣ увѣреннымъ, что Никаноръ въѣзжалъ въ столицу полный блестящихъ надеждъ на успѣхъ въ борьбѣ за вѣру, разсчитывая на благоволеніе и защиту со стороны царя и другихъ сильныхъ міра. Онъ могъ разсчитывать на эту защиту, потому что царь, по его словамъ, до сихъ поръ имѣлъ къ нему «милость и духовную любовь», а при дворѣ и вообще въ Москвѣ было у него не мало прежнихъ знатныхъ духовныхъ дѣтей. Но надежды на первыхъ порахъ далеко не оправдались. Въ Москвѣ онъ былъ встрѣченъ крайне недружелюбно отъ всѣхъ, начиная съ царя. Онъ съ своей братіей остановился было на соловецкомъ под-

---

([1]) Книжка казн. Геронтія въ Солов. арх. Матер. для истор. раск. т. III стр. 202.

([2]) Матер. для ист раск. т. III, стр. 282.

([3]) Тамъ же, стр. 202. Дорожная его книжка Никанора Сол. арх. «отводн. кн.» XVII в.

ворьѣ, но архимандритъ Варѳоломей и строитель Иринархъ поспѣшили выжить его отсюда; пришлось пріютиться у какого то благодѣтеля. Между тѣмъ царь не думалъ приглашать его къ себѣ и вѣроятно не безъ его соизволенія надъ Никаноромъ съ братіей былъ учрежденъ строгій надзоръ, опечатано ихъ имущество и отобраны монастырскія деньги. Дѣло доходило до того, что они не знали, гдѣ взять насущный кусокъ хлѣба. Почти единственнымъ благодѣтелемъ въ этомъ случаѣ былъ для Никанора и его учениковъ стряпчій Образцовъ, съ которымъ они коротко сошлись во время пути. Нѣкоторое время онъ содержалъ ихъ на свои средства. Онъ же разъ умолилъ строителя соловецкаго подворья Иринарха дать имъ на содержаніе 8 р. Никаноръ конечно зналъ, что всѣ эти огорченія и притѣсненія исходятъ изъ того, что онъ не хочетъ измѣнить своимъ старообрядческимъ убѣжденіямъ. Не смотря на увѣщанія, ласки и угрозы святѣйшихъ патріарховъ, онъ сначала, «до дней многихъ» не хотѣлъ своей главы преклонить «къ душеспасительному послушанію». Вѣроятно не легко было ему разстаться съ мыслію, что пріѣхалъ въ столицу пострадать за соловецкую братію. Но страданія даже въ той мѣрѣ, въ какой ему приходилось испытывать ихъ теперь, оказались выше силъ его, а впереди еще можно было опасаться лишенія сана, отрѣзанія языка и ссылки въ Пустозерскую землянку, чему подвергались Аввакумъ, Лазарь и другіе,—тогда какъ оставивъ упорство можно было разсчитывать на всевозможное царское и соборное благоволеніе и милость; можно было надѣяться достигнуть на худой конецъ соловецкаго настоятельства, о чемъ такъ настойчиво просили царя соловецкіе монахи. И Никаноръ разсудилъ предпочесть страданіямъ за вѣру благоволеніе со стороны царя и духовныхъ властей. «Намыслися и смиривъ себе (¹), говорится о раскаяніи Никанора въ соборныхъ дѣяніяхъ, «пріятъ благословеніе, и камилавъ греческій («рогатый», какъ говорили тогда старообрядцы) взять на главу свою благословеніемъ святѣйшихъ патріарховъ». 20 апрѣля Никаноръ представилъ собору письменное исповѣда-

(¹) Братское слово 1876 г. книжк. 2, стр. 183.

ніе, въ которомъ между прочимъ говорилось: «аще и смущенъ бѣхъ до нынѣ въ невѣдѣніи, нынѣ же Божіею благодатію услышавъ отъ пресвятѣйшихъ патріарховъ, отъ пресвятѣйшаго папы и патріарха Паисія александрійскаго и судіи вселенскаго, и отъ пресвятѣйшаго патріарха Макарія антіохійскаго и всего востока, и отъ пресвятѣйшаго патріарха Іоасафа московскаго и всея Россіи, и отъ преосвященныхъ митрополитовъ, архіепископовъ и епископовъ, и отъ всего освященнаго собора, *безъ сомнѣнія пріемлю*, якоже исправлено, и вѣрую и исповѣдую сице: вѣрую во единаго Бога Отца (слѣд. весь символъ съ православнымъ чтеніемъ). Къ сему же (пріемлю) аллилуіа 3-жды, въ четвертое слава тебѣ Боже... Знаменіе крестное на лицѣ своемъ воображаю тремя первыми персты; крестъ четвероконечный пріемлю, яко истинный есть крестъ; и молитву Іисусову глаголю сице: «Господи Іисусе Христе Боже нашъ помилуй насъ» и прочая исправленная святѣйшими патріархи и преосвященнымъ соборомъ вся усердно пріемлю и безъ сомнѣнія *держати обѣщеваюся*» ([1]). На другой день, т. е. 21 апрѣля Никаноръ снова предсталъ предъ соборомъ вмѣстѣ съ прибывшими съ нимъ изъ Соловецкаго монастыря старцами: іеромонахомъ Амвросіемъ, дьякономъ Пахоміемъ и монахомъ Никитой. Всѣ они просили у собора прощенія въ томъ, что до сихъ поръ сомнѣвались относительно символа вѣры, трегубой аллилуіи, сложенія перстовъ въ крестномъ знаменіи и т. д., всѣ обѣщались слѣдовать тому, какъ соборная и апостольская церковь учитъ и какъ напечатано въ исправленныхъ при Никонѣ бывшемъ патріархѣ московскомъ книгахъ, обѣщались ни въ чемъ не прекословить, *и которыхъ суемудрствомъ прельщали— приводить на истину* такожде, какъ соборная и апостольская церковь содержитъ ([2]). Соборъ до того недовѣрчиво, какъ мы видѣли, принявшій раскаяніе соловецкаго старца Герасима Ѳирсова, что только предъ смертію разрѣшилъ ему пріобщиться св. таинъ, на этотъ разъ почему-то былъ опрометчиво довѣрчивъ: Никаноръ съ братіей получили не только

(1) Матер. для истор. раск. ч. III. стр. 201.
(2) Матер. для истор. раск. т. III. стр. 202.

полное прощеніе и разрѣшеніе отъ соборной клятвы, но и позволеніе возвратиться въ монастырь, чтобы, по ихъ обѣщанію, наставлять на путь истины тѣхъ изъ братіи, которыхъ они прельщали своимъ суемудрствомъ. Между тѣмъ здѣсь-то и требовалась большая осмотрительность (1). Никаноръ приносилъ раскаяніе не потому, что разубѣдился въ старообрядчествѣ, а чтобы избѣжать участи Аввакума, Лазаря и др. и возвратиться въ Соловки къ любимой братіи, если не въ санѣ соловецкаго настоятеля, то по крайней мѣрѣ съ прежнимъ званіемъ отставнаго саввинскаго архимандрита. Планъ его удался какъ только можно было желать. Лишь только было сдѣлано мнимое раскаяніе, на него отовсюду посыпались милости и ласки. Наблюдать за нимъ теперь конечно уже не считали нужнымъ; отобранное имущество и деньги были возвращены; онъ снова перешелъ жить на соловецкое подворье и т. д. Патріархъ Іоасафъ для Никанора съ братіей открылъ свои амбары и погреба, откуда они могли брать себѣ въ довольствѣ всякое пропитаніе; сверхъ того не разъ посылалъ къ нимъ на подворье съ «подачами». Въ свою очередь и царь вдругъ сдѣлался необыкновенно милостивъ. Онъ сталъ приглашать Никанора къ себѣ на бесѣды, посылалъ къ нему на подворье гостинцы, а 22 іюля въ день ангела царской супруги Марьи Ильиничны прислалъ даже свою карету, приглашая къ обѣденному столу. Словомъ Никаноръ послѣ раскаянія сталъ въ Москвѣ въ великой чести (2). Но для его честолюбивой и энергичной натуры едвали было этого достаточно. Онъ по всей вѣроятности не прочь былъ посидѣть на соборѣ рядомъ съ патріархами въ званіи соборнаго члена, не отказался бы пожалуй отъ архіерейскаго омофора и во всякомъ случаѣ могъ ожидать назначенія настоятелемъ въ Соловки; но объ этомъ ни царь ни

---

(1) Достойно замѣчанія совпаденія на одинъ день мнимаго раскаянія Никанора съ таковымъ же раскаяніемъ Никиты Пустосвята. [Матер для истор. раск. т. Ш стр. 202]. Но еще замѣчательнѣе, что оба они впослѣдствіи избрали въ старообрядческихъ смутахъ одинаковую роль, одинъ сталъ во главѣ соловецкихъ монаховъ-старообрядцевъ, другой—московскихъ стрѣльцовъ, оба довели возмущенія до послѣднихъ предѣловъ и оба умерли отъ руки палача.

(2) Всѣ свѣдѣнія о пребываніи Никанора въ Москвѣ взяты изъ его дорожной книжки. Сол. арх, связка отводныхъ книгъ XVII в.

патріархи, никто изъ присутствующихъ на соборѣ не думалъ и намекать. Въ такомъ случаѣ Никанору ничего не оставалось больше какъ только поскорѣе возвратиться въ Соловки, чтобы попрежнему въ союзѣ съ братіей стоять за вѣру и мстить своимъ обидчикамъ. Впереди мы увидимъ, что онъ такъ и сдѣлалъ.

Между тѣмъ московское правительство постепенно извлекая изъ среды соловецкаго братства передовыхъ и вліятельныхъ личностей, которые кромѣ Никанора, безусловно подчинились церкви, думало, что оно такимъ образомъ наноситъ соловецкому стоянію самые сильные удары, подрываетъ соловецкій расколъ въ самомъ корнѣ. Послѣ же обращенія отъ старообрядчества къ церкви такихъ опасныхъ передовыхъ личностей, какъ старецъ Герасимъ Ѳирсовъ и архимандритъ Никаноръ, правительство пришло наконецъ къ убѣжденію, что къ благопріятному исходу соловецкаго возмущенія со стороны его сдѣлано все необходимое; остается только назначить въ Соловецкій монастырь по просьбѣ братіи на мѣсто Варѳоломея новаго настоятеля и поручить ему ввести въ монастырѣ новые церковные порядки. И новый настоятель дѣйствительно былъ назначенъ и посланъ въ монастырь.

III.

Новый соловецкій настоятель архимандритъ Іосифъ. Назначеніе Іосифа и отъѣздъ его съ Варѳоломеемъ въ монастырь.—Патріаршій наказъ къ братіи о принятіи Іосифа.—Предостереженіе къ братіи объ Іосифѣ отъ Никанора.—Прибытіе въ монастырь Іосифа и Варѳоломея.—Прибытіе Никанора.—Отправленіе въ Москву старца Кирилла Чаплина съ отписками и новой челобитной о вѣрѣ.—Разсужденія о соловецкомъ возмущеніи на московскомъ соборѣ.—Высылка изъ монастыря Варѳоломея и Іосифа.

Къ увольненію архимандрита Варѳоломея отъ должности соловецкаго настоятеля никакихъ особенно уважительныхъ причинъ не было. Уступая до дерзости упорному ходатайству братіи о перемѣнѣ настоятеля, правительство думало чрезъ это успокоить братію, безъ чего нельзя было думать о водвореніи въ монастырѣ новыхъ церковныхъ порядковъ.

Но монахи не успокоились, потому что правительство только на половину удовлетворило ихъ просьбу, назначивъ новымъ настоятелемъ бывшаго строителя московскаго подворья старца Іосифа, а не архимандрита Никанора, котораго желали и просили у царя монахи. Іосифъ, соловецкій постриженникъ, былъ нѣсколько лѣтъ строителемъ московскаго подворья; до 1666 г. онъ, какъ и всѣ соловецкіе монахи, держался старообрядчества, но не твердо, и потому безпрекословно оставилъ старообрядчество, когда того потребовалъ отъ него соборъ 1666 г. Царь, патріархъ и прочія власти лично знали Іосифа, не сомнѣвались какъ въ искренности его раскаянія, такъ и въ способностяхъ быть хорошимъ настоятелемъ, и надѣялись на его вліяніе на соловецкихъ монаховъ. Это было поводомъ для правительства къ назначенію Іосифа соловецкимъ настоятелемъ. Но для соловецкихъ монаховъ-старообрядцевъ одинъ переходъ Іосифа на сторону православныхъ былъ уже достаточнымъ поводомъ, чтобы питать къ нему глубокое нерасположеніе. Между тѣмъ у нихъ были съ Іосифомъ и личные разсчеты: Іосифъ былъ келейнымъ братомъ Варѳоломея и «единомышленникомъ» (1), помогалъ ему обдѣлывать въ Москвѣ его личныя дѣла (2), выкупалъ братскія челобитныя на Варѳоломея (3) и т. д. Самое назначеніе его настоятелемъ, монахи приписывали поэтому проискамъ Варѳоломея. И по нашему, богомольцевъ твоихъ прошенію», писали они царю въ 1668 г., «пожаловалъ ты, великій государь, его Варѳоломея перемѣстити изволилъ: *и онъ архимандритъ Варѳоломей, умышленіемъ своимъ, въ свое мѣсто въ архимандриты вмѣстилъ келейнаго брата своего и единомышленника своего, прежняго московскаго строителя Іосифа, чтобы имъ жити во святой обители попрежнему»* (4).

Но какъ бы то ни было, Іосифъ посвященный новгородскимъ митрополитомъ Питиримомъ въ санъ архимандрита,

(1) Матер. для истор. раск. т. III. стр. 313.

(2) Тамъ, же, стр. 33.

(3) Тамъ же, стр. 65.

(4) Тамъ же, стр. 313.

въ іюлѣ 1667 г. отправился въ Соловки къ мѣсту своего служенія, имѣя при себѣ на имя соловецкой братіи патріаршій наказъ (отъ 23 іюля) о принятіи его и подчиненіи соборнымъ постановленіямъ о церковномъ богослуженіи. Вмѣстѣ съ Іосифомъ отправился въ Соловки и Варѳоломей для сдачи монастыря новому настоятелю. Святѣйшій патріархъ московскій Іоасафъ въ своемъ наказѣ, посланномъ съ Іосифомъ соловецкой братіи и вотчиннымъ крестьянамъ: а) повелѣвалъ, чтобы «архимандрита Іосифа слушали и почитали, какъ и въ прочихъ монастыряхъ властей почитаютъ»; чтобы повѣленію государя, патріарха и всего освященнаго собора, по правиламъ святыхъ апостолъ и святыхъ отецъ, повиновались и со святою восточною апостольскою соборною церковью имѣли согласіе и соединились, принявъ исправленныя книги; б) писалъ, что соборное дѣяніе объ исправленіи святыхъ божественныхъ книгъ и чиновъ и печатныя новоисправленныя книги къ нимъ будутъ присланы впредь и, наконецъ, в) ослушникамъ угражалъ, какъ и соборъ 1666 г., проклятіемъ и изверженіемъ, доколѣ не обратятся и не покаются (¹).

Но прежде, чѣмъ былъ доставленъ въ монастырь этотъ патріаршій наказъ, монахи получили изъ Москвы отъ архимандрита Никанора наставленіе относительно принятія Іосифа совсѣмъ въ другомъ тонѣ, которому и дали предпочтеніе. Никаноръ, какъ мы уже замѣчали, послѣ мнимаго раскаянія, пользуясь царскимъ и патріаршимъ благоволеніемъ и довѣріемъ, упросилъ ихъ позволить ему возвратиться въ Соловецкій монастырь, подъ предлогомъ увѣщанія соловецкихъ отцовъ, на самомъ же дѣлѣ, по выраженію Денисова, «чтобы къ покаянію обратитися за преступленіе» (²). Назначеніемъ на настоятельство Іосифа, можно полагать, честолюбіе Никанора было сильно задѣто, потому что не Іосифъ, а онъ былъ рекомендованъ царю отъ братіи. Это тѣмъ болѣе было для него непріятно, что когда-то отъ него недалеко было не только настоятельство, но и архіерей-

(¹) Матер. для истор. раск. т. III, стр. 203.
(²) Истор. о отцѣхъ и страд. сол. стр. 14.

ство. Намъ невольно думается, что Никаноръ, сдѣлавшись соловецкимъ настоятелемъ, не измѣнилъ бы, пожалуй, принесенному раскаянію и былъ бы въ состояніи уговорить соловецкую братію подчиниться церкви, потому что монахи были глубоко преданы ему и вѣрили въ его мудрость. Но если уже по какимъ-либо соображеніямъ собора нельзя было Никанора сдѣлать соловецкимъ настоятелемъ, то ни въ какомъ случаѣ не слѣдовало отпускать его въ Соловецкій монастырь, по крайней мѣрѣ до тѣхъ поръ, пока не былъ въ монастырѣ водворенъ порядокъ и спокойствіе. Въ этомъ заключается существенная ошибка московскихъ властей, давшая соловецкому возмущенію дальнѣйшее существованіе. Никаноръ, потерявъ всякую надежду быть соловецкимъ настоятелемъ, хотѣлъ по крайней мѣрѣ, чтобы и Іосифъ не былъ настоятелемъ. Подъ вліяніемъ подобнаго рода чувствъ онъ чрезъ своего вѣрнаго слугу Ѳаддея Петрова и поспѣшилъ предупредить соловецкую братію о новомъ настоятелѣ. «Въ іюлѣ соловецкіе старцы получаютъ изъ Москвы граматку», говорится въ одномъ современномъ документѣ, рука Ѳадѣйка Петрова ([1]), служки архимандрита Никанора. «Ѣдутъ къ вамъ пишетъ Ѳадѣйка, «новый архимандритъ Іосифъ, старый Варѳоломей и Никаноръ; смотрите, Іосифа къ себѣ въ архимандриты не принимайте, подъ благословеніе къ нему не ходите и другимъ ходить запретите: онъ ѣдетъ безъ государева указа (?), стакнувшись съ бывшимъ архимандритомъ Варѳоломеемъ» ([2]). Такимъ образомъ соловецкіе монахи больше, чѣмъ за мѣсяцъ до прибытія въ монастырь Іосифа узнали о назначеніи его и успѣли хорошо обдумать: какой устроить ему въ монастырѣ пріемъ. Они дѣйствительно готовились къ принятію новаго настоятеля, руководясь наставленіемъ Никанора. Чтобы, напр., при встрѣчѣ его не оказалось между ними людей нетвердыхъ въ старообрядчествѣ, готовыхъ перейти на сторону его, они

([1]) Ѳаддѣй Петровъ отправился въ Москву въ октябрѣ 1666 г. съ Александромъ Стукаловымъ и былъ вмѣстѣ съ нимъ отданъ подъ стражу, но теперь, вѣроятно по ходатайству Никанора былъ освобожденъ. Матер. для истор. раск. т. III. стр. 182.

([2]) Ист. Росс. Солов. т. II стр. 397.

позаботились заблаговременно устранить таковыхъ изъ своей среды. «А иные священники», говоритъ Варѳоломей, «хотѣли по новопечатнымъ служебникамъ служить, и они ихъ за то выслали *до насъ* въ Анзеры, а иныхъ на берегъ» (¹).

14 сентября, наконецъ, архимандриты Іосифъ и Варѳоломей, пристали къ одному изъ Соловецкихъ островокъ, Заяцкому, въ 6 верстахъ отъ монастыря, гдѣ съ давнихъ поръ существовалъ монастырскій дворъ и проживало небольшое число братіи, любящей уединеніе. Архимандритъ Никаноръ, въ одно время съ ними выѣхавшій изъ Москвы, отсталъ отъ нихъ въ Архангельскѣ. Какъ только стало въ монастырѣ извѣстно о прибытіи Іосифа и Варѳоломея, монахи тотчасъ составили черный соборъ для рѣшенія вопроса: принимать архимандритовъ въ монастырь, или нѣтъ? Рѣшено было: предварительно узнать о цѣли ихъ прибытія, хотя объ этомъ монахи уже знали изъ письма Ѳадѣйки Петрова. Были посланы на Заяцкій островъ для переговоровъ соборные старцы: Кириллъ и Тихонъ и черный попъ Митрофанъ. Руководствуясь наставленіемъ келаря, казначея и соборныхъ, они предложили прибывшимъ слѣдующій вопросъ: «съ чѣмъ вы, архимандриты, пріѣхали, т. е. какой великаго государя указъ привезли и какъ у насъ въ монастырѣ будете служить, по старому или по новому»? Причемъ предупредили Іосифа, что «если онъ станетъ служить по старому, то будетъ принятъ съ честію, что братія рады будутъ ему, аки Богу; а если—по новому, то онъ въ монастырѣ не нуженъ, сиди въ кельѣ, какую дадутъ, а въ монастырѣ и въ церкви ничего не вѣдай *до указу великаго государя*». Архимандритъ Іосифъ на это сказалъ, что онъ прибылъ съ указомъ великаго государя и по благословенію святѣйшихъ патріарховъ восточныхъ и московскаго, преосвященнаго Питирима, митрополита новгородскаго, и всего освященнаго собора, и имѣетъ при себѣ, на имя братіи указъ, повелѣвающій ему и братіи служить по новоисправленнымъ книгамъ. Тогда старцы предложили ему ѣхать въ

(¹) Сказка Варѳ. Матер. для истор. раск. т. III. стр. 291.

монастырь и прочитать указы царя и патріарховъ въ монастырѣ на соборѣ. Но Іосифъ побоялся ѣхать; узнавъ о настроеніи братіи и отвѣчалъ на это предложеніе: «велите быть ко мнѣ на Заяцкой островъ келарю и казначею, попамъ и дьяконамъ и соборнымъ старцамъ, и я здѣсь имъ великаго государя указъ и святѣйшихъ патріарховъ граматы объявлю». Съ этимъ Кириллъ съ товарищами возвратились въ монастырь ([1]). На *другой* день, т. е. 15 сентября, дѣйствительно прибылъ къ Іосифу келарь Аварій, казначей Геронтій соборные старцы и до 70 человѣкъ братіи и мірскихъ людей. Начался снова допросъ Іосифу: «зачѣмъ ты ѣдешь, съ какимъ указомъ и какъ рукою благословляешь»?—«Ѣду я», былъ опять отвѣтъ Іосифа, по указу великаго государя царя и великаго князя Алексѣя Михаиловича... и по благословенію великаго господина святѣйшаго Іоасафа патріарха московскаго... и преосвященнаго Питирима, митрополита новгородскаго и великолуцкаго съ настольною граматою, а крещуся я, какъ изложено на соборѣ и служу, какъ соборная апостольская московская церковь содержитъ». Выслушавъ такой отвѣтъ, братія не пошли къ Іосифу подъ благословеніе, какъ требовалъ монастырскій обычай «и учинили шумъ многой». Іосифъ хотѣлъ было прочитать имъ самыя граматы, но монахи отказались слушать,— «выслушаемъ де въ монастырѣ при всей братіи», сказали они,—и взяли его съ лодьею въ монастырь сильно, со всякимъ безчестіемъ». Когда лодья Іосифа пристала къ соловецкой пристани, было уже около 2 часовъ ночи. Іосифъ и Вареоломей не пошли ночью въ монастырь и расположились переночевать въ лодьѣ. Но братія не хотѣли оставить ихъ однихъ, изъ «опасенья», можетъ быть, чтобы кто-нибудь изъ обитателей монастыря—фанатиковъ не вздумалъ порѣшить съ новыми слугами антихриста. Къ лодьѣ на ночь поставленъ былъ караулъ изъ тридцати (по Вареоломею изъ пятидесяти) ([2]) человѣкъ монастырскихъ слугъ. Тогда только келарь и казначей съ братіей успокоились на счетъ ихъ и

([1]) Сказка Кирилла 29 ноября 1667 г. Матер. для истор. раск. т. III, стр. 278.
([2]) Сказка Вар. Тамъ же стр. 289.

разошлись по своимъ кельямъ. 16 сентября послѣ заутрени Іосифъ по приглашенію братіи отправился въ соборный храмъ, гдѣ его уже ожидали вся братія и всѣ мірскіе люди. Съ нимъ пошелъ и Варѳоломей. Келарь и казначей съ нѣкоторой братіей встрѣтили ихъ на монастырской оградѣ; но опять не приняли благословенія, говоря: «буде станешь насъ по старому (двуперстнымъ, а не именословнымъ сложеніемъ) благословлять, и мы у тебя благословеніе пріимать станемъ, а по новому къ благословенію нейдемъ». Съ прибытіемъ въ храмъ Іосифъ обратился къ многочисленному собранію чернецовъ и мірянъ съ такимъ воззваніемъ: «слушайте государева указа и святѣйшихъ патріарховъ повелѣнія»! На это все собраніе разомъ отвѣтило: «вели честь государевъ указъ»! Между тѣмъ на срединѣ церкви поставленъ былъ стулъ. На стулъ взобрался казначей Геронтій, взявъ предварительно отъ Іосифа отписную и настольную граматы. Граматы были прочитаны. Но Геронтій не хотѣлъ такъ скоро оставлять своей импровизованной каѳедры. По словамъ Варѳоломея онъ вслѣдъ за этимъ «учалъ свои написанныя раньше письма (тетради) чести съ великимъ шумомъ, и на святой вселенскій (т. е. московскій) соборъ и на святѣйшихъ вселенскихъ патріарховъ многія хулы износить». Между тѣмъ, когда Іосифъ и Варѳоломей предложили ему прочитать что-нибудь изъ книгъ, привезенныхъ ими изъ Москвы, отъ святѣйшихъ патріарховъ, «онъ ихъ чести не почелъ,—азъ де въ нихъ и посмотрѣть не хочу,—и возложилъ на нихъ всякую хулу». Какъ скоро было кончено чтеніе граматъ и писемъ Геронтія, соборъ объявилъ архимандриту Іосифу: «намъ ты архимандритъ ненадобенъ съ такою службою въ архимандриты, какъ написано въ граматѣ, будь ты въ своей (прежней) кельѣ». Іосифъ возразилъ было монахамъ: «для де чего вы великаго государя указу и святѣйшихъ патріарховъ повелѣнія не слушаете»? Но ему еще сказали: «намъ ты архимандритъ ненадобенъ, сиди въ кельѣ». Послѣ этого Іосифу съ Варѳоломеемъ оставалось только возвратиться на свою лодью и отправиться обратно въ Москву. Но братія думали совсѣмъ иначе. Имъ почему-то не желалось, чтобы новый и старый настоятели возвратились такъ скоро. Можетъ быть

они поджидали прибытія Никанора, чтобы съ нимъ объ этомъ посовѣтоваться. Такъ или иначе это было, только Іосифъ и Варѳоломей по рѣшенію братіи были задержаны въ монастырѣ. Съ этою цѣлію у нихъ были отобраны царскія и патріаршія отписныя и ставленныя граматы. Мало того, Варѳоломея по его словамъ, монахи въ собраніи «мало не убили, изодрали у него на головѣ клобукъ и выдрали волосы»; отъ дальнѣйшихъ оскорбленій онъ спасся только тѣмъ, что скрылся изъ соборной церкви къ чудотворцамъ (т. е. особый храмъ, гдѣ почиваютъ мощи преподобныхъ Зосимы и Савватія). Съ окончаніемъ собранія Іосифъ и Варѳоломей были сведены въ отдѣльныя кельи и къ кельямъ было поставлено по пяти человѣкъ караульныхъ; келейники ихъ, которые прибыли съ ними изъ Москвы, были посажены въ монастырскую тюрьму, а келейная рухлядь забрана и запечатана въ монастырскомъ амбарѣ (¹). Положеніе Іосифа и Варѳоломея въ монастырѣ было, очевидно, слишкомъ незавидное. Но выхода изъ него пока никакого не представлялось и они должны были по необходимости покориться своей участи. Дальнѣйшая судьба ихъ во многомъ зависѣла отъ совѣтовъ съ нетерпѣніемъ поджидаемаго братіей архимандрита Никанора.

Не долго заставилъ себя ждать и Никаноръ. 20 сентября и онъ присталъ къ соловецкимъ берегамъ. Не смотря на то, что Никаноръ въ Москвѣ измѣнилъ старообрядчеству, о чемъ братія не могли не знать, и прибылъ въ монастырь въ греческомъ «рогатомъ» клобукѣ, братія однако встрѣтили его далеко дружелюбнѣе, чѣмъ своего настоятеля. Остановившись со своей лодьей у соловецкой пристани, онъ не хотѣлъ сразу явиться въ монастырь, очевидно, ожидая приглашенія, а можетъ быть и побаиваясь братіи за свою измѣну старообрядчеству, и расположился на ночь на своемъ суднѣ. Дѣйствительно, келарь и казначей не замедлили отправить къ нему соборныхъ старцевъ Кирилла и Тихона и дьякона Еремѣя съ приглашеніемъ ѣхать къ нимъ въ мона-

(¹) Послѣ, часть изъ рухляди была отдана обратно, а остальная часть разнесена по рукамъ братіи. Матер. для истор. раск. т. III. стр 290.

стырь. Кириллъ съ товарищами явились на судно, приняли у Никанора благословеніе и передали приглашеніе. Никаноръ въ отвѣтъ сказалъ: «я васъ стану благословлять попрежнему». На другой день онъ самъ явился въ монастырь, былъ принятъ «келаремъ и казначеемъ честно»,—и приглашенъ «въ соборныя сѣни» (т. е. въ келью, гдѣ обыкновенно собирался монастырскій соборъ для обсужденія разныхъ дѣлъ). Начались разспросы и совѣщанія по дѣламъ стоянія за вѣру.

— «Что де ты скажешь и какой съ тобой есть великаго государя указъ» спрашивали Никанора братія, зная по всей вѣроятности, что онъ въ Москвѣ далъ обѣщаніе убѣждать братію къ покорности царю и церкви».

— «Со мною никакого великаго государя указу (т. е. повелѣвающаго уговаривать братію къ покорности) нѣтъ», отвѣчалъ Никаноръ, «только есть великаго государя грамата, что мнѣ велѣно быть въ кельѣ и всякой покой давать мнѣ попрежнему».

Весьма справедливо по поводу этого отвѣта замѣчаетъ старецъ Кириллъ, что если бы Никаноръ сказалъ братіи, что царь и святѣйшіе патріархи ему повелѣли убѣждать братію къ покорности, то «отъ того бъ многіе его послушали»; между тѣмъ отъ него ни теперь ни послѣ «не было о томъ никакихъ словъ, ни поученія».

Продолжая любопытствовать о московскихъ новостяхъ, келарь и казначей съ братіей съ укоризною спросили Никанора: «для де чево ты Никаноръ клобукъ перемѣнилъ»? Вопросъ этотъ для Никанора не былъ неожиданнымъ. Онъ давно уже приготовилъ на него и отвѣтъ, при помощи своей сговорчивой на все совѣсти.

— «На меня де тотъ клобукъ положили силою, я де ему не радъ». Такъ жалобно и безсовѣстно Никаноръ предъ братіей солгалъ, чтобы избѣжать укоризны, и при этомъ поспѣшилъ снять московскій клобукъ, смиренно прося у братіи прощенія въ своемъ невольномъ паденіи. «Поверже камилавъ пріятый», говоритъ о Никанорѣ соборъ 1667 г., «покаянія отречеся и со раскольники вчинися» ([1]). Но мо-

([1]) Братское слово 1876 г.

нахи и послѣ этого продолжали придирчиво пытать своего несчастнаго любимца.

— «Мы де тебѣ били челомъ», сказали ему келарь и казначей, «чтобы ты великому государю заступникъ былъ и за насъ стоялъ, а ты де къ намъ привезъ невѣдомо што»! Никаноръ, наконецъ, огорчился: «сами де поѣдете къ Москвѣ и про то отвѣдаете», сказалъ онъ на эту укоризну. Въ концѣ концевъ, разумѣется, между братіей и Никаноромъ состоялся миръ и снова началось обоюдное стояніе за вѣру. Никаноръ тутъ же передалъ братіи остатокъ отъ выданной ему на поѣздку въ Москву монастырской суммы двухъ сотъ рубл. 128 р. ([1]), чтобы показать, что онъ бережливый человѣкъ, не такой, каковъ, напр., Варѳоломей, державшій на московскія поѣздки по 200 и больше рублей. Чтобы совсѣмъ сгладить свой грѣхъ предъ братіей онъ сдѣлался затѣмъ болѣе прежняго усерднымъ защитникомъ старообрядчества, истиннымъ поджигателемъ братскихъ старообрядческихъ страстей, потому что для него уже въ мірѣ были потеряны всякія надежды на какія бы то ни было почести. Для соловецкой братіи онъ скоро сталъ и настоятелемъ, и митрополитомъ, и царемъ. Съ этихъ поръ въ глазахъ братіи только его повелѣнія имѣли законную силу, выполнялись безусловно, а повелѣнія, угрозы и проклятія всѣхъ прочихъ властей, «какъ слугъ антихриста», не имѣли совершенно никакого значенія.

По примѣру Никанора покаялись предъ братіей въ измѣнѣ старой вѣрѣ, сняли греческіе рогатые и надѣли соловецкіе клобуки и тѣ старцы, которые сопровождали его въ Москву и теперь воротились вмѣстѣ съ нимъ, т. е. попъ Амвросій, дьяконъ Пахомій и соборный старецъ Никита ([2]).

На третій день по прибытіи въ монастырь Никанора, т. е. 23 сентября, изъ монастыря былъ посланъ въ Москву съ отписками къ царю и патріарху соборный старецъ Кириллъ Чаплинъ, котораго братія опять вопреки монастырскому обычаю, самовольно безъ предварительнаго соизволенія царя,

([1]) Денежныя книжки Никанора и казначея Геронтія. Солов. арх. въ связкѣ отводн. кн. XVII в.

([2]) Матер. для истор. раск. т. III. стр. 176—284 и 291.

назначила быть строителемъ соловецкаго въ Москвѣ подворья, хотя тамъ былъ строитель Иринархъ Торбѣевъ, ученикъ Варѳоломея ([1]). Нельзя не удивляться этой новой безцеремонности, почти дерзости братіи въ дѣлѣ перемѣны московскаго строителя. Въ монастырѣ они могли сколько угодно мѣнять властей и правительство ничего съ ними не могло подѣлать. Но въ Москвѣ предъ глазами царя и патріарха это для нихъ теперь было совершенно невозможно. Они не могли не знать этого и однако посылаютъ новаго строителя, испытывая терпѣніе кроткаго государя! Само собой разумѣется Кириллъ не былъ допущенъ до строительства. Сверхъ того монахи поручили Кириллу лично бить челомъ царю и патріарху «о прежнемъ пѣніи» (т. е. о старомъ церковномъ богослуженіи). Но отъ этого Кириллъ самъ отказался, оставивъ, вмѣстѣ съ прибывшими съ нимъ слугами, старообрядчество.

Съ Кирилломъ были посланы слѣдующіе документы въ Москву: отъ архимандрита Іосифа—двѣ отписки къ царю и патріарху о томъ, какъ его приняли въ монастырѣ; отъ братіи къ царю: челобитная о вѣрѣ и отписки о прибытіи Никанора.

Не принятый на настоятельство и посаженный въ монастырскую келью подъ караулъ, архимандритъ Іосифъ въ своихъ отпискахъ докладывалъ объ этомъ царю и патріарху кратко, въ общихъ чертахъ. Эта кратность и мягкость отписокъ невольно приводитъ къ мысли, что они не миновали братской цензуры. «И въ нынѣшнемъ государь въ 176 (1667 г.) сентября въ 15 день», писалъ Іосифъ царю, «пріѣхалъ я богомолецъ твой въ Соловецкій монастырь, въ соборной церкви богоявленнаго Преображенія на черномъ соборѣ келарю старцу Азарію съ братіей, твой великаго государя указъ сказывалъ и грамату великаго господина святѣйшаго Іоасафа патріарха московскаго.... и всего освященнаго собора изложеніе всѣмъ вслухъ чли, и они, келарь Азарій съ братіею, новоисправленныхъ книгъ не приняли, и сказали мнѣ, богомольцу твоему, что де чину и преданія преподоб-

---

([1]) Ист. оп. Сол. м. 1836. ч. II. стр. 427. Матер. для ист. раск. т. III, стр. 276.

ныхъ отецъ Зосимы и Савватія чудотворцевъ нарушить не хотимъ, и меня, богомольца твоего, на архимандрическое мѣсто не возвели, а въ кельѣ, государь, дали мнѣ мѣсто, гдѣ я прежъ сего жилъ, и сказали, будетъ де и впредь буду архимандритомъ и учну служить по новымъ служебникамъ, и меня богомольца твоего, на архимандритство принять не хотятъ и подали мнѣ о томъ заручную челобитную и били челомъ, чтобы ее послалъ къ тебѣ великому государю; о томъ—какъ ты великій государь укажешь» (¹)? Монахи съ своей стороны не считали нужнымъ доносить царю о томъ, какъ они встрѣтили и приняли въ монастырь Іосифа и Варѳоломея. Въ своей челобитной, посланной при отпискѣ Іосифа, они въ четвертый уже разъ со слезами умоляли царя, чтобы онъ «помиловалъ нищихъ своихъ богомольцевъ и сиротъ, не велѣлъ бы у нихъ преданія и чину преподобныхъ отецъ Зосимы и Савватія перемѣнить, а повелѣлъ бы имъ оставаться въ той же вѣрѣ, *въ которой отецъ его государевъ и вси благовѣрные цари и великіе князи*... и всѣ святіи отцы угодили Богу». Къ сему съ рѣшительностію присовокупляютъ: «аще ли ты, великій государь, помазанникъ Божій, намъ въ прежней, святыми отцы преданѣй, въ старой вѣрѣ быть не благоволишь и книги перемѣнить изволишь, милости у тебя, государя просимъ: помилуй насъ, *не вели, государь, больши того къ намъ учителей присылать напрасно*, понеже отнюдь не будемъ прежней своей православной вѣры перемѣнить, и вели, государь, *на насъ свой мечъ прислать* царской, и отъ сего мятежнаго житія преселити насъ на оное безмятежное и вѣчное житіе; *а мы тебѣ великому государю не противны*; ей, государь, отъ всея души у тебя, великаго государя, милости о семъ (т. е. о присылкѣ царскаго меча) просимъ и вси съ покаяніемъ и воспріятіемъ на себя великаго ангельскаго чину (схимы) на той смертный часъ готовы»

(¹) Отписка патріарху почти буквально сходна съ этой отпиской. Матер. для ист. раск. т. III. стр. 207, 208, 212.

(1). Царь пока не думалъ посылать на непокорныхъ мечъ свой. Но и монахи совсѣмъ не были расположены подклонять свои головы подъ царскій мечъ, хотя и просили царя о присылкѣ его. Просьба ихъ объ этомъ имѣла не буквальный, а таинственный смыслъ, который они сами хорошо понимали и который, надѣялись, будетъ понятенъ и для царя. Мнимою просьбою о присылкѣ меча и готовностью умереть за вѣру они ни больше ни меньше какъ только хотѣли затронуть самыя живыя струны благочестиваго царя, хотѣли устрашить его отвѣтственностію предъ Богомъ за ихъ смерть. Дальнѣйшій ходъ событій подтверждаетъ эту мысль какъ нельзя лучше. Пославъ къ царю просьбу о присылкѣ меча, они стали готовиться вовсе не къ смерти отъ него, а къ отраженію, если только вѣрили въ присылку. Объ архимандритѣ Никанорѣ монахи доносили царю только, что они согласно царскому указу приняли его въ монастырь съ честію и попрежнему позволили жить въ кельѣ и пользоваться монастырскимъ содержаніемъ не скудно (2).

Такимъ образомъ изъ всѣхъ вышеприведенныхъ соловецкихъ отписокъ и челобитныхъ московскія власти могли узнать только, что дѣло водворенія въ Соловецкомъ монастырѣ мира и новыхъ порядковъ не подвинулось къ окончанію ни на одинъ шагъ; напротивъ усложняется и принимаетъ опасный характеръ. Но подробности о встрѣчѣ и принятіи соловецкими монахами трехъ архимандритовъ и судьба ихъ для властей оставались неизвѣстными, хотя они были и далеко не лишнія при рѣшеніи вопроса о новыхъ мѣрахъ къ покоренію монаховъ. Въ этомъ случаѣ имъ помогъ присланный изъ монастыря старецъ Кириллъ и прибывшіе съ нимъ слуги. Старца Кирилла съ слугами поручено было Чудова монастыря архимандриту Іоакиму и ке-

(1) Четвер. челоб. о вѣрѣ. Матер. для истор. раск. т. Ш. стр 208. Архим. Никаноръ на этотъ разъ устыдился подписатъ братскую челобитную. Подписались: келарь Азарій, казначей Геронтій, 12 поповъ (за 3 хъ, неумѣющихъ писать—старый попъ Леонтій); 5 дьяконовъ; 8 соборныхъ (3-е по безграмотству довѣрили) и 14 старцевъ; за остальную братію и мірянъ по обычаю подписались духовные отцы ихъ черные попы.
(2) Отписка братіи. Матер. для истор. раск. т. III. стр. 291.

ларю Саввѣ допросить накрѣпко, со всею подробностію: съ какою цѣлію они присланы въ Москву; съ вѣдома ли новаго настоятеля Іосифа; при нихъ ли прибыли въ монастырь архимандриты Іосифъ, Варѳоломей и Никаноръ; съ какою честію они приняты, служитъ ли Іосифъ по новымъ служебникамъ и т. д. Кириллъ и служки не скрыли правды и разсказали подробно всю исторію прибытія въ монастырь Іосифа, Варѳоломея и Никанора, которая намъ уже извѣстна. Сверхъ того они засвидѣтельствовали о всеобщемъ настроеніи соловецкаго братства противъ новоисправленныхъ книгъ и пѣнія, присовокупивъ, что монахи готовятъ въ Москву къ великому государю новыхъ челобитчиковъ каковыми уже и назначены попъ Лаврентій и два старца Іаковъ и Каллиникъ (¹). Царь и патріархъ московскій положительно не знали теперь, какія предпринять новыя мѣры противъ бунтовщиковъ, ни во что ставившихъ царскіе указы и соборную анаѳему. Къ военнымъ мѣрамъ, какъ мы уже замѣчали, пока не думали еще прибѣгать, а всѣ другія были уже испробованы. Поэтому вопросъ о соловецкомъ возмущеніи снова былъ переданъ на разсмотрѣніе и рѣшеніе собору, все еще не разъѣхавшемуся. Но и соборъ не находилъ уже средствъ къ покоренію монаховъ. Онъ продолжалъ обсуждать мѣры духовныя, готовилъ опровержение на послѣднюю соловецкую челобитную, сбирался произнести новую анаѳему, но и въ этомъ случаѣ дѣло каждый разъ откладывалъ до другаго времени. Теперь вниманіе собора особенно было обращено на архимандрита Никанора, который такъ безсовѣстно обманулъ соборъ, и царя и всѣхъ. Въ соборныхъ дѣяніяхъ мы находимъ о Никанорѣ слѣдующую замѣтку: «пришедъ (Никаноръ въ Соловецкій монастырь) паки возбѣсился; приложися несмысленнымъ мятежникомъ и во всемъ уподобися имъ; поверже камилавъ пріятый, покаянія отречеся и со раскольники вчинися»; но вмѣсто рѣшенія вопроса объ измѣнникѣ только замѣчено «здѣ докончити» (²). Очевидно соборъ не зналъ, что дѣлать и съ Никаноромъ.

(¹) Сказки Кирилла и служекъ отобр. 29 ноября 1667 г. Матер. для истор. раск. т. III стр. 276—285.

(²) Братск. слово 1876 г. кн. 2. стр. 184.

Между тѣмъ пока въ Москвѣ придумывали новыя мѣры противъ соловецкихъ бунтовщиковъ, и эти послѣдніе не оставались безъ дѣла. У монаховъ теперь стояли на очереди два неотложныхъ вопроса: вопросъ о томъ, что дѣлать съ настоятелями: новымъ Іосифомъ и старымъ Варѳоломеемъ, т. е. выслать ли ихъ изъ монастыря, или заключить подъ болѣе надежную стражу,—и вопросъ объ отправленіи въ Москву на имя царя послѣдней, обширной челобитной о вѣрѣ, сдѣлавшейся впослѣдствіи настольною книгою для всѣхъ русскихъ старообрядцевъ. Пребываніе въ монастырѣ не признанныхъ со стороны братіи настоятелей стараго Варѳоломея и новаго Іосифа составляло для передовыхъ соловецкихъ старообрядцевъ истинную тягость потому, что служило большимъ соблазномъ и камнемъ претыканія для меньшей братіи, какъ слабой, такъ и твердой въ старообрядчествѣ. Слабые колебались и готовы были склониться на сторону Іосифа, а у строгихъ до фанатизма являлась мысль о насиліи при видѣ слугъ антихриста; около келлій настоятелей они «производили крики, и шумъ и гили частые, и всякій позоръ и лай многій», называли ихъ собаками и непрочь были расправиться съ ними по своему, говоря; «какъ де собака въ церковь скочитъ, церковь де святить надобно,—а они де также вмѣсто собаки, хотя де и ушибить ихъ, одно де что собака то они, грѣха де въ томъ не будетъ».. Тѣмъ не менѣе монастырскія власти долго не рѣшались выпустить Іосифа съ Варѳоломеемъ на берегъ, опасаясь вѣроятно личныхъ жалобъ ихъ въ Москвѣ и преждевременной кары. Но за то былъ значительно усиленъ надзоръ за ними. Братіи и мирянамъ было строго воспрещено подходить близко къ кельямъ Іосифа и Варѳоломея, а тѣмъ болѣе ходить къ нимъ въ кельи и сходиться съ ними на переходахъ. Сами Іосифъ и Варѳоломей отлучены были отъ всякой святыни: имъ не позволялось ни въ алтарь входить, ни Евангелія, ни креста, ни иконъ цѣловать. Въ концѣ уже 1667 г. монахи пришли къ той мысли, что лучше будетъ, если они настоятелей выпроводятъ куда-либо изъ монастыря. Сперва былъ высланъ на берегъ архимандритъ Варѳоломей, къ которому особенно предъ этимъ братія приходили почасту со всякимъ шумомъ;

а Іосифа приговорили было къ высылкѣ на пустынный Анзерскій островъ. Но потомъ вскорѣ и его выслали на берегъ, по словамъ соловецкаго архимандрита Макарія, съ великимъ безчестіемъ въ безгодное зимнее время» ([1]). Впрочемъ сами монахи въ февралѣ 1668 г. писали царю, что Іосифъ и Варѳоломей изъ святой обители не отъ человѣкъ, но сами Божіимъ страхомъ гоними выѣхали ([2]).

Такъ рѣшенъ былъ монахами довольно нелегкій вопросъ о новомъ и старомъ настоятеляхъ. Не менѣе труда ими было предпринято и при рѣшеніи вопроса объ отправленіи въ Москву послѣдней челобитной.

IV.

Послѣдняя соловецкая челобитная о вѣрѣ, отправленная къ царю Алексѣю Михаиловичу въ концѣ 1667 г. Сравненіе настоящей челобитной съ предшествующими.—Древніе списки съ послѣдней челобитной и время отсылки оной.—Опредѣленіе мѣста послѣдней челобитной въ старообрядческой литературѣ.—Главное побужденіе къ составленію и посылкѣ оной.—Самое составленіе.—Способъ отыскиванія въ новыхъ книгахъ мнимыхъ ересей.—Сущность содержанія.—Развитіе частныхъ мыслей: а) о близкой кончинѣ міра; б) о повсюдномъ уклоненіи христіанъ, кромѣ русскихъ, отъ истинной вѣры Христовой; в) о современныхъ греческихъ и русскихъ іерархахъ и греческихъ книгахъ; г) о соборѣ 166⁶/₇ г. и о клятвахъ никоніанскихъ соборовъ; д) о новой вѣрѣ, будто бы вводимой въ Россіи учениками Никона, съ перечисленіемъ мнимыхъ отступленій православныхъ отъ вѣры Христовой и е) пламенное желаніе челобитчиковъ пострадать за вѣру «на концѣ послѣдняго вѣка».—Послѣдствія челобитной, посланной 23 сентября 1667 года.

Съ тѣхъ поръ, какъ соловецкіе монахи вступили съ московскимъ правительствомъ въ открытую борьбу, т. е. съ 1666 г., до февраля 1668 г. они имѣли оружіемъ борьбы почти исключительно челобитныя къ царю Алексѣю Михаиловичу. Въ это сравнительно короткое время они успѣли отправить въ Москву до восьми челобитныхъ, не считая

([1]) Сказка Варѳ. Матер. для ист. раск. т. III, стр. 288—291.

([2]) Предисловіе къ Ирмологу Архим. Макарія 1678 г., помѣщ. въ Чт. общ. истор. и древн. Россіи 1846 г. № 3. стр. 34—38.

нѣсколькихъ сказокъ, данныхъ увѣщателямъ, отписокъ и личныхъ челобитій архимандрита Никанора и разныхъ старцевъ, нарочно съ этой цѣлью отправлявшихся въ Москву ([1]). Но изъ всѣхъ этихъ челобитныхъ, въ числѣ коихъ четыре были исключительно «о вѣрѣ», ни одна не заняла столь почетное мѣсто въ старообрядческой литературѣ, какое досталось послѣдней челобитной о вѣрѣ, посланной въ концѣ 1667 г. Дѣло въ томъ, что монахи до сихъ поръ ни въ одной изъ своихъ челобитныхъ не излагали предъ царемъ ни своей вѣры, ни своихъ убѣжденій столь пространно и съ такою смѣлостію; какъ въ послѣдней челобитной. Всѣ предшествующія челобитныя о вѣрѣ сравнительно весьма кратки и написаны въ тонѣ смиренной покорности и преданности государю. Монахи со слезами просили царя, чтобы онъ оставилъ ихъ при старыхъ порядкахъ, выставляя на видъ почти одно только то, что при этихъ порядкахъ угодили Господу Богу соловецкіе и другіе многіе русскіе чудотворцы ([2]). Это, впрочемъ, было естественно: до самого прибытія изъ Москвы (въ сент. 1667 г.) трехъ архимандритовъ Іосифа, Варѳоломея и Никанора монахи не имѣли еще той ожесточенности, съ которой они съ этихъ поръ начинаютъ дѣйствовать, или по крайней мѣрѣ не хотѣли обнаруживать оной, чтобы преждевременно не раздражить царя и совсѣмъ не испортить дѣла, все еще питая надежду на удовлетвореніе съ его стороны ихъ просьбъ и особенно личнаго ходатайства за нихъ архимандрита Никанора; съ другой стороны они не имѣли еще и той полноты свѣдѣній о мнимыхъ отступленіяхъ греческихъ и русскихъ іерарховъ отъ православія, какая обнаружена ими въ послѣдней челобитной; не имѣли потому, что сами были плохіе мастера на выдумки подобнаго рода, всегда ожидали перваго слова изъ Москвы, и затѣмъ уже начинали шумѣть въ стѣнахъ своей обители; а между тѣмъ и московскіе расколоучители Аввакумъ съ братіей почти до 1666 г. вращались больше всего около «ла-

---

([1]) Матер. для истор. раск. т. III: челобитныя и сказки о вѣрѣ, стр. 45, 160, 164, 209, 213, 152, 297. Челобит. о наст. и по др. дѣламъ—47, 100 и 171.
([2]) См. челоб. о вѣрѣ. Тамъ же, стр. 45, 160, 164, 209.

тынскаго крыжа», трехперстнаго сложенія и трегубой аллилуіи, почти не касаясь второстепенныхъ нововведеній (¹). Но теперь было совсѣмъ не то: монахи изъ назначенія настоятелемъ не Никанора, а Іосифа, убѣдились въ полномъ невниманіи правительства къ ихъ просьбамъ, и ожесточились до послѣдней степени. Между тѣмъ Никита Пустосвятъ и попъ Лазарь въ своихъ челобитныхъ 1665 г. довели перечисленіе мнимыхъ отступленій православныхъ отъ вѣры Христовой до самого конца (²), а только что прибывшій изъ Москвы архимандритъ Никаноръ, который раньше, будучи въ монастырѣ получалъ отъ Аввакума посланія, теперь, по всей вѣроятности, могъ пояснить эти челобитныя новыми свѣдѣніями, заимствованными изъ личныхъ бесѣдъ съ Аввакумомъ, Никитой и Лазаремъ (³). Ожесточившимся монахамъ оставалось только воспользоваться новыми обвиненіями православныхъ въ отступничествѣ и, помѣстивъ ихъ въ свою челобитную, нанести послѣдній и рѣшительный ударъ последователямъ Никона. Они такъ и сдѣлали, и послѣдняя челобитная, поэтому, вышла несравненно больше предшествующихъ и назидательнѣе для всѣхъ старообрядцевъ.

Впрочемъ подлинной соловецкой челобитной до насъ не сохранилось. Но сохранились современныя ея выходу списки съ нея. Таковъ списокъ, помѣщенный въ принадлежащемъ московской синодальной библіотекѣ (№ 641) сборникѣ второй половины XVII в., написанный до 1670 г. собственноручно извѣстнымъ въ исторіи раскола духовнымъ сыномъ Аввакума инокомъ Аврааміемъ. Этотъ списокъ признается за самый древнѣйшій и несомнѣнно сходный съ подлинникомъ, такъ какъ Авраамій имѣлъ возможность пріобрѣсти соловецкую челобитную изъ первыхъ рукъ, т. е. прежде, чѣмъ она подверглась отъ переписчиковъ нѣкото-

(¹) Житіе Аввак. 18. Аввакумъ сообщалъ соловецк. братіи свое ученіе чрезъ арх. Никанора и дьякона Игнатія. Матер. т. V стр. XX.

(²) Челоб. Никиты и Лазаря были въ 1667 г. помѣщены въ «Жезлѣ Правленія», который монахи, при составленіи своей челобитной, имѣли подъ руками. Матер. для истор. раск. т. III. стр, 270.

(³) Нельзя сомнѣваться, что Никаноръ, жившій въ Москвѣ нѣсколько мѣсяцевъ, видѣлся со многими расколоучителями, бывшими въ это время тоже въ Москвѣ на увѣщаніяхъ.

рымъ, впрочемъ самымъ незначительнымъ и несущественнымъ измѣненіямъ. Поэтому мы, намѣреваясь представить содержаніе и характеристику соловецкой челобитной, предпочитаемъ этотъ списокъ всѣмъ другимъ спискамъ и печатнымъ изданіямъ (¹).

Но при этомъ возникаетъ вопросъ: когда челобитная была отправлена въ Москву и была ли подана царю? Въ спискѣ Авраамія время отсылки не обозначено; но въ другихъ нѣкоторыхъ спискахъ говорится, что она послана 22 сентября 1667 г. съ старцемъ Кирилломъ (²), а по показаніямъ печатныхъ изданій—въ октябрѣ 176 (1667 г.) и безъ обозначенія—съ кѣмъ именно. Разница, слѣдовательно, только въ мѣсяцѣ. Старецъ Кириллъ Чаплинъ дѣйствительно былъ посланъ изъ монастыря въ Москву 23 (а не 22) сентября 1667 г. съ челобитной, но не съ этой послѣдней, по счету пятой, а съ другой, по счету—съ четвертой, краткой (³). Между тѣмъ прибывшій въ Москву съ Кирилломъ служка Сенька Ермиловъ на допросѣ 29 ноября 1667 г. говорилъ, что «хотѣли послать изъ монастыря къ великому государю, послѣ нихъ вскорѣ, челобитчиковъ, а выбрали въ челобитчики чернаго попа Лаврентья, да двухъ старцевъ Іакова, да Каллиника» (⁴), и говорилъ, по всей вѣроятности, о намѣреніи послать ихъ съ этой послѣдней челобитной. Однако о прибытіи въ Москву священника Лаврентія съ новой челобитной, ни о самой челобитной, посланной послѣ отъѣзда въ Москву Кирилла, не упоминается ни въ царскомъ указѣ, ни въ соборномъ повелѣніи, посланныхъ въ монастырь 27 декабря 1667 г. по поводу прибытія Кирилла (⁵), ни въ другихъ послѣдующихъ документахъ, хотя на поѣздку до Москвы требовалось времени никакъ не больше мѣсяца. Это обстоятельство наводитъ насъ на два заключенія. Во-первыхъ, что настоящая челобитная была по-

(¹) Онъ помѣщенъ въ Матер. для истр. раск. т. III. стр. 213—262.

(²) Таковыя списки: А. И. Хлудова № 254 и Румянц. музея Опис. № CCCCLXVIII.

(³) Матер. для истор. раск. т. III. стр. 208, 276.

(⁴) Тамъ же, стр. 276, 285.

(⁵) Тамъ же, стр. 285, 292.

слана не въ сентябрѣ, а послѣ когда-то, можетъ быть и въ октябрѣ, какъ говорится въ печатныхъ изданіяхъ, и не съ Кирилломъ, а съ попомъ Лаврентіемъ. Во-вторыхъ, по какимъ-то непредвидѣннымъ для монаховъ обстоятельствамъ, она не была подана царю,—иначе царь и соборъ не упустили бы случая упомянуть объ ней, а можетъ быть и написать что-нибудь въ опроверженіе оной, при отправкѣ въ монастырь вышеприведенныхъ указовъ отъ 27 декабря 1667 г. Во всякомъ случаѣ она была пущена по рукамъ старообрядцевъ и произвела на нихъ сильное впечатлѣніе.

Послѣдняя соловецкая челобитная вся пропитана духомъ ученія первыхъ расколоучителей Аввакума, Никиты, Лазаря и др., и до нѣкоторой степени представляетъ сводъ тѣхъ понятій и взглядовъ, какія они имѣли на православныхъ іерарховъ и на доведенную въ 1667 г. до конца церковную реформу Никона. Съ этой стороны она возвышается надъ всѣми предшествующими ей и послѣдующими старообрядческими произведеніями, тѣмъ болѣе, что была написана отъ лица цѣлаго сонма глубоко чтимыхъ всѣмъ русскимъ народомъ иноковъ, тогда какъ всѣ другія челобитныя писались по преимуществу отъ одного какого либо лица. Всѣ старообрядцы сразу оцѣнили ее по этому достоинству и съ благоговѣніемъ приняли въ руководство во всѣхъ случаяхъ жизни. Сами расколоучители, при составленіи новыхъ своихъ челобитныхъ, стали брать соловецкую челобитную за образецъ и помѣщать изъ оной въ своихъ челобитныхъ большія выдержки. Такъ дѣлали напр. старецъ Авраамій, подававшій царю свою челобитную около 1670 г. (¹) и Никита Пустосвятъ, при составленіи стрѣлецкой челобитной, изъ первой челобитной котораго многое было взято въ соловецкую (²). Остальные старообрядцы, при столкновеніи съ православными, стали ссылаться на соловецкую челобитную, какъ на основаніе своихъ религіозныхъ убѣжденій (³). Со второй по-

(¹) Матер. для истор. раск. т. III. стр. 216. Авраамій сожженъ около 1675 г. Матер. т. V стр. 237.

(²) Опис. сочин. въ пользу раск. Александра Б. ч. II. стр. 128.

(³) Херсонск. напр. раск. преосв. Никифору въ 1780 г. Матер. для истор. рас. т. III. стр. 214.

ловины XVIII в. соловецкая челобитная стала въ старообрядческихъ типографіяхъ печататься при «Исторіи о отцѣхъ и страдальцахъ соловецкихъ» ([1]), тогда какъ этой чести отъ старообрядцевъ до сихъ поръ не удостоились произведенія такихъ старообрядческихъ знаменитостей, каковы Аввакумъ, Никита и Лазарь. Такимъ образомъ соловецкая челобитная заняла въ старообрядческой литературѣ почти первое мѣсто.

Настоящей челобитной соловецкіе монахи, какъ мы уже замѣтили, хотѣли нанести рѣшительный ударъ послѣдователямъ Никона и особенно московскому собору 1667 г. Имъ, какъ и всѣмъ расколоучителямъ, желалось во что бы то ни стало добиться отмѣны соборныхъ постановленій и возстановленія старыхъ церковныхъ порядковъ. Это имъ казалось весьма возможнымъ. Извѣстно, что расколоучители, какъ и соловецкіе монахи долгое время не могли отрѣшиться отъ мысли, что царь не раздѣляетъ взглядовъ Никона на церковную реформу и допускаетъ нововведенія въ церкви лишь по недостатку въ себѣ вниманія и энергіи, испытывая сильное давленіе со стороны окружающихъ его многочисленныхъ учениковъ Никона. «Единъ бысть православный царь на земли остася», писалъ Аввакумъ къ нѣкоему Іоанну, «да и того невнимающаго себѣ западніи еретицы, яко облацы темніи угасили христіанское солнце и свели въ тму многія прелести, и погрузили» ([2]). Но «кто бы смѣлъ» писалъ Аввакумъ уже къ самому царю, «рещи такія хульныя глаголы на святыхъ, аще не бы твоя держава попустила тому быти» ([3]). Составивъ такое понятіе о царѣ, расколоучители не теряли надежды на обращеніе его и на отмѣну порядковъ даже послѣ 1667 г. Аввакумъ не хотѣлъ «свести рукъ съ высоты небесныя, дондеже Богъ отдастъ ему царя» ([4]). Нужно, думали расколоучители, возбудить въ царѣ присущую ему ревность по старой вѣрѣ и энергію, и тогда для него, царя самодержавнаго, ничего не будетъ стоить свергнуть съ себя «еретическое» иго и отмѣнить соборныя

(1) Матер. для истор. раск. т. V стр. 213.
(2) Тамъ же стр. 228.
(3) Тамъ же, стр. 144.
(4) Тамъ же стр. 81.

рѣшенія, подобно тому, какъ онъ отмѣнилъ рѣшенія собора 1660 года. Возбудить же энергію въ царѣ, по мнѣнію всѣхъ челобитчиковъ, можно было только раскрытіемъ предъ его благочестивымъ взоромъ всей глубины «нечестія», куда Никоновы ученики стремились ввергнуть и его самого и весь русскій православный народъ. Такого рода соображеніями руководились Аввакумъ, Никита, Лазарь и др. расколоучители, подавая царю одну за другой лично и чрезъ юродивыхъ (1) челобитныя о вѣрѣ, которыя царь не отказывался принимать, какъ бы показывая этимъ свое сочувствіе къ челобитчикамъ (2). Это же было и для соловецкихъ монаховъ главнымъ побужденіемъ къ составленію и посылкѣ въ Москву настоящей знаменитой своей челобитной о вѣрѣ. Составленіе челобитной монастырскимъ соборомъ было возложено на казначея іеромонаха Геронтія, замѣчательнаго начетчика, бывшаго при Варѳоломеѣ соборнымъ уставщикомъ, котораго какъ мы знаемъ, въ 1663 г. братія сбирались было побить камнями. «А челобитную писалъ я по братскому велѣнію», говорилъ самъ Геронтій въ 1674 году предъ воеводою Мещериновымъ (3). Не принимавшій исправленныхъ книгъ только потому, что боялся суда Божія признать ихъ православными безъ сличенія съ харатейными книгами, Геронтій, однако, послѣ того, какъ въ 1666 г. самовольствомъ братіи былъ поставленъ казначеемъ, сдѣлался самымъ ревностнымъ защитникомъ старообрядчества и однимъ изъ главныхъ и вліятельнѣйшихъ руководителей братіи въ духѣ противленія власти гражданской и духовной. Между прочимъ за отъѣздомъ въ Москву старцевъ Герасима Ѳирсова и Александра Стукалова — составителей первыхъ соловецкихъ челобитныхъ, на Геронтіѣ теперь лежала обязанность писать отъ братіи всѣ челобитныя, сказки и отписки, и онъ выполнялъ эту обязанность настолько добросовѣстно, что остановокъ въ этомъ дѣлѣ никогда не было. Но при этомъ еще находилъ время дѣлать выписки изъ старыхъ

(1) Автобіографія Аввакума. Матер. для ист. раск. т. III, стр. 66.

(2) Собраніе челоб. Аввак. Ник. и Лазаря, см. т. IV и V. Матер. для истор. раск. г. Субботина 1878 и 1879 гг.

(3) Истор. Акт. т. IV № 148, стр. 254.

книгъ и составлять записки въ обличеніе новой вѣры, по временамъ читая ихъ братіи. Мы уже видѣли его читавшимъ таковыя 16 сентября 1667 г. на черномъ соборѣ, со стула, въ присутствіи новаго и стараго настоятелей—Іосифа и Варѳоломея, и всего братства, причемъ онъ возложилъ на новыя книги всякую хулу. На такого книжника братія вполнѣ могли надѣяться, поручая ему составленіе послѣдней самой важной челобитной, и надежды были не напрасны.

При составленіи челобитной Геронтій задался цѣлію набрать какъ можно больше обвиненій противъ новыхъ учителей и это для него было не трудно. Онъ взялъ за образецъ челобитныя Никиты и Лазаря и старался ни на шагъ не отстать отъ этихъ фанатиковъ, пользуясь изобрѣтеннымъ ими способомъ критики новыхъ книгъ. Способъ этотъ состоялъ въ слѣдующемъ: беретъ, напр. Никита первую попавшуюся подъ руку книгу Никоновскаго выпуска, положимъ Служебникъ, и,—будучи глубоко убѣжденъ, что каждое пропущенное, измѣненное, или вновь вставленное слово, каждая буква, титла и даже точка и запятая,—суть нарушеніе вѣры, ересь,—начинаетъ съ первой страницы подчеркивать эти пропущенныя, измѣненныя и вставленныя слова, буквы, точки и запятыя, приговаривая: «аполлинаріева ересь, и несторіева, и маркеллова» ([1]) и т. п. При такомъ способѣ критики и Геронтій въ новыхъ книгахъ почти на каждой страницѣ находилъ ересь. Въ одномъ мѣстѣ написано, напр.: «былъ еси», вм. «бѣяше» (265); въ другомъ: «время сотворити Господеви», вм. «время послужити» (265), въ третьемъ: недостаетъ «нашъ (н) да иже». (и)—въ словѣ «истинный» (238) и т. д. и т. д. Къ придуманнымъ такимъ образомъ отъ себя лично ересямъ, Геронтій еще больше прибавилъ въ свою челобитную придуманныхъ Никитою и Лазаремъ. Впрочемъ во внѣшней обработкѣ челобитной Геронтій является довольно самостоятельнымъ. Расположеніе, напр., обвиненій противъ православныхъ у него совсѣмъ не то, что въ челобитныхъ Никиты и Лазаря, хотя не менѣе безпорядочное и безсвязное. Притомъ его че-

---

([1]) Челоб. Ник. въ IV т. Мат. стр. 6.

лобитная написана въ болѣе умѣренномъ тонѣ. Онъ почти не бранится; нигдѣ не называетъ Никона и его послѣдователей еретиками, а только—учителями новой вѣры, и весьма рѣдко то или другое нововведеніе называетъ латинскою ересью, не упоминая о другихъ ересяхъ.

Соловецкіе монахи въ своей челобитной пишутъ царю о томъ, о чемъ не разъ уже было писано ему въ челобитныхъ Аввакума, Никиты, Лазаря и др. и что было уже опровергнуто въ «Жезлѣ Правленія», который они уже получили изъ Москвы (270); пишутъ съ тою цѣлію, чтобы и со своей стороны устрашить царя гнѣвомъ Божіимъ и подвигнуть къ возстановленію вѣры отцевъ, присовокупляя, что они во всякомъ случаѣ не измѣнятъ древнему благочестію и готовы за него предать себя на мученическую смерть (262).

Сущность содержанія соловецкой челобитной кратко можно представить въ такомъ видѣ: настали послѣднія времена «конецъ послѣдняго вѣка» (232. 249) и господство антихриста; скоро должны настать и второе пришествіе Христово и кончина міра. Это усматривается особенно изъ всеобщаго оскудѣнія вѣры Христовой. Во всемъ мірѣ, по понятіямъ монаховъ, почти нигдѣ уже не осталось и слѣдовъ истинной христіанской вѣры: Римъ, со всѣмъ западомъ отдѣлившись отъ восточной церкви, давно уже самъ собою потерялъ православіе и заразился различными ересями (л. 275). Вслѣдъ за тѣмъ и на востокѣ православная вѣра отъ насилія поганыхъ турокъ до конца изсякла (л. 253). Послѣ этого она не малое время оставалась было непоколебимою въ Россіи и русское государство за то было названо третьимъ Римомъ (247). Но духъ антихристовъ мало по малу сталъ проникать и въ Россію: въ 1595 г отпала отъ православія Малая Россія, приступивъ къ римскому костелу (275), а съ восшествіемъ на патріаршій престолъ Никона и Великая Россія стала склоняться въ бездну погибели. Объ этой опасности для Россіи было заблаговременно предсказано въ книгѣ «о Вѣрѣ» (275), но на предсказанія никто не обратилъ должнаго вниманія и съ 1667 г. православіе осталось въ Россіи развѣ только у немногихъ, непринимаю-

щихъ Никонова ученіе, каковы они—челобитчики. Вмѣсто истинной вѣры Христовой, неприкосновенно сохранявшейся въ Россіи со временъ св. Владиміра, ученики Никона, по преданію его и по новоизложеннымъ книгамъ, начали проповѣдывать какую-то *новую незнаемую вѣру*, по своему плотскому мудрованію (218): повелѣваютъ почитать *крыжъ* латинскій (225), креститься щепотью, тремя персты (229), говорить аллилуіа трижды (232) и т. д. Такимъ образомъ, по мнѣнію соловецкой братіи, начали сбываться пророческія слова Спасителя, относящіяся къ концу міра: *Сынъ человѣческій обрящетъ ли (си) вѣру на землѣ* (Лук. 18, 8) (¹). Но Россія, думаютъ монахи, не совсѣмъ еще погибла и можетъ снова стать на путь правый, съ котораго она сбита учениками Никона, если только того захочетъ царь Алексѣй Михаиловичъ. На царѣ лежитъ непремѣнный, священный долгъ возстановить вѣру, въ которой угодили Богу и благочестно кончили дни свои его предки, начиная съ св. Владиміра до Михаила Ѳедоровича (218). Въ противномъ случаѣ ни самому царю, ни всей Россіи не избѣжать гнѣва Божія и наказанія. Послѣдняя уже и начинаетъ испытывать гнѣвъ Божій въ раззореніи отъ иноплеменныхъ, въ запустѣніи Божіихъ церквей, въ еретическомъ раздраніи и истребленіи книгъ церковныхъ старыхъ и т. д. (256, 276). Таково въ общихъ чертахъ содержаніе соловецкой челобитной.

Нужно сказать, что нѣкоторые изъ высказанныхъ въ соловецкой челобитной мыслей далеко не новыя и принадлежатъ не только не соловецкимъ монахамъ, но и не Аввакуму съ братіей, у которыхъ монахи многому научились, а почти всему русскому православному народу начала XVII в., не исключая и духовенства. Таковы основныя мысли, касающіяся кончины міра и современнаго состоянія въ родѣ человѣческомъ христіанской религіи. У соловецкихъ монаховъ, какъ и у первыхъ расколоучителей, въ ихъ борьбѣ съ новымъ религіознымъ направленіемъ и особенно—съ реформой Никона, они только доведены до крайнихъ предѣловъ

(¹) Авв. челоб. третья царю Мат. т. V стр. 145.

развитія. Въ виду этого частное развитіе ихъ въ соловецкой челобитной мы считаемъ необходимымъ представить въ связи съ развитіемъ не только у первыхъ расколоучителей, но и у русскаго народа вообще.

а) Вопреки положительному и непререкаемому сказанію самого Спасителя, что *о дню томъ и часѣ* (т. е. о кончинѣ міра) *никтоже вѣсть, ни ангели небесніи, токмо Отецъ Мой единъ* (Матѳ. 24, 36) въ христіанскомъ обществѣ съ самыхъ первыхъ временъ христіанства начали являться стремленія опредѣлить время пришествія Христа, на основаніи тѣхъ признаковъ, которые указаны въ Новомъ Завѣтѣ. Въ разное время срокъ пришествія Спасителя опредѣлялся различно. Ко времени принятія христіанства въ Россіи образовалось и укрѣпилось мнѣніе, что пришествіе это послѣдуетъ по истеченіи 7000 лѣтъ отъ сотворенія міра. Мнѣніе это изъ Греціи перешло въ Россію и сдѣлалось здѣсь, особенно съ XV в., общераспространеннымъ. Но не встрѣтивъ Христа Спасителя въ 1492 г. когда онъ, по общему убѣжденію русскихъ, долженъ былъ непремѣннно явиться въ міръ какъ судья и мздовоздаятель рода человѣческаго, наши книжники стали, хотя и нерѣшительно, указывать на 1666 годъ, какъ на начало воцаренія въ мірѣ антихриста, за которымъ, само собою разумѣется, вскорѣ должно наступить и страшное пришествіе Христово. Это новое гаданіе въ началѣ XVII в. было внесено въ глубоко уважаемую раскольниками *Книгу о вѣрѣ*. Во дни патріаршества Никона эта страшная мысль особенно глубоко засѣла въ умахъ многихъ благочестивыхъ россіянъ. Совпаденіе церковной реформы Никона съ предсказаннымъ «концемъ послѣдняго вѣка», когда нужно было думать не о реформахъ, а о томъ, какъ явиться на страшный судъ Христовъ, многимъ казалось достаточнымъ подтвержденіемъ для предсказанія о наступающемъ царствованіи антихриста, которое, по св. писанію, необходимо должно сопровождаться искаженіемъ и преслѣдованіемъ вѣры Христовой. Отставленые Никономъ отъ книжнаго дѣла іосифовскіе справщики Аввакумъ съ братіей, сами раздѣлявшіе мысль о скорой кончинѣ міра и проводившіе ее въ издаваемыхъ ими книгахъ, теперь, негодуя на оскорбившаго, и опозорив-

шаго ихъ книжную мудрость «многомятежнаго Никона», съ особенною силою ухватились за эту страшную мысль и на ней основали свое упорное стояніе за старину. Они всѣ разомъ прокричали, что «нигдѣ (въ св. писаніи) того нѣтъ, чтобы въ послѣднія времена исправлять вѣру» ([1]). Реформа Никона у нихъ скоро превратилась въ то зло, которое предсказано на 1666 г. въ «Книгѣ о вѣрѣ», а самъ Никонъ былъ провозглашенъ антихристомъ ([2]).

Соловецкіе монахи въ этомъ случаѣ предупредили самихъ расколоучителей, потому что раньше ихъ столкнулись съ Никономъ и возненавидѣли его, и слышали отъ анзерской братіи, какъ Никона, когда онъ былъ еще простымъ іеромонахомъ, во время совершенія литургіи, обнималъ и лобызалъ страшный змій. Соловецкій дьяконъ Пименъ еще въ 1651 году объявилъ Никона антихристомъ ([3]). Вскорѣ затѣмъ, сосланный Никономъ на соловецкіе острова іеромонахъ Θеоктистъ, на случай, если Никонъ не окажется дѣйствительнымъ антихристомъ, придумалъ антихриста мысленнаго изъ многихъ личностей; а между тѣмъ кто-то изъ братіи высчиталъ, что самое пришествіе Христово послѣдуетъ въ 1691 г. ([4]).

Подобно тому, какъ Аввакумъ съ братіей, и соловецкіе монахи главнымъ образомъ оправдывали свое упорство наступившимъ царствованіемъ антихриста и скорою кончиною міра. Послѣдняя челобитная ихъ вся проникнута этою главною мыслію. Монахи не разъ прямо напоминаютъ царю о концѣ послѣдняго вѣка, и о томъ, что теперь совсѣмъ не время и небезопасно приступать къ реформѣ церковной, въ которой они видѣли перемѣну вѣры, т. е. уклоненіе православныхъ на сторону антихриста. «А нынѣшняго, государь, *на концѣ послѣдняго вѣка* новыя вѣры проповедницы отнюдь не терпѣливы, и немилосерды и неблагоприступны и горды»... (232). «Аще ли, государь, намъ нынѣ *на концѣ послѣдняго вѣка* учи-

---

([1]) Челоб. Лаз. т. IV. 216. Посл. Авв. къ царю т. V. 145.

([2]) См. кн. объ антихр. г. Нильскаго 1859 г. «Вступленіе» стр. I—XXXVI. Собр. соч. Аввак.—Мат. т. V, стр. 226—230, 257, 261. Челоб. Лазаря. Мат. т. IV. 201.

([3]) Пр. Соб. 1880. Янв. стр. 23.

([4]) Тамъ же, Май стр, 85, 98.

тися сызнова *новой вѣрѣ* и слушать ихъ непотребнаго ученія, егоже страшно и помыслити, то развѣ, государь, и креститися намъ будетъ сызнова»... (249). «И то, государь, всѣмъ намъ нынѣ явно, что то писаніе (въ кн. о вѣрѣ) сбылося не ложно: понеже та писанная лѣта пріидоша, а тѣ церковныя раздоры и вѣрѣ смятеніе начало быть съ того указаннаго времени (т. е. ъ 1666 г.) *якова смятенія не бывало отъ начала вѣка»* ... (247) (1). Вслѣдъ за мнимымъ наступленіемъ будто-бы предсказанныхъ церковныхъ раздоровъ и смятеній въ вѣрѣ, которыхъ Россія, по мнѣнію монаховъ, могла-бы избѣжать, но не хотѣла, не замедлило послѣдовать, по словамъ монаховъ, и заслуженное наказаніе Божіе. «Нынѣ же, государь», пишутъ монахи, грѣхъ ради нашихъ, попущеніемъ Божіимъ, отнелиже они, новыя вѣры учители, начаша измѣняти церковное пѣніе, и святыхъ отецъ преданіе и православную вѣру, и отъ того, государь, времени, въ твоемъ государствѣ, россійскомъ царствіи начаша быти вся не полезная: моры и войны безпрестанныя (съ Польшей), и пожары частыя, и скудость хлѣбная и всякое благихъ оскуденіе... (276) (2). Все это, думали монахи, будетъ служить для благочестиваго царя самымъ убѣдительнѣйшимъ и неотразимѣйшимъ свидѣтельствомъ его собственной погрѣшности, какую онъ допустилъ, позволивъ Никону-антихристу и затѣмъ собору измѣнить русскую вѣру. Но этимъ они далеко еще не хотѣли ограничиться. Имъ между прочимъ хотѣлось доказать царю, что теперь не только не время, но и не было никакой нужды измѣнять, или исправлять русскую единственно православную вѣру.

б) Въ Россіи долгимъ временемъ исторически сложилось столь высокое понятіе о русскомъ православіи, что для многихъ оно казалось единственнымъ во всемъ мірѣ. Нечего и говорить о томъ что всѣ неправославныя христіанскія вѣро-

(1) Взято изъ челоб. Никиты л. 164.

(2) У Никиты стр. 164 Аввакумъ: «сего ради открывается гнѣвъ Божій на васъ и бысть многажды ты (царь) наказанъ отъ Бога и все царство твое»... Посл. изъ Пустоз. 147. Онъ даже жаждалъ несчастій для Россіи, ради того, что она не слѣдуетъ за нимъ. «Чаю, подвигнетъ Богъ турка на отмщеніе кровей мученическихъ», писалъ онъ къ нѣкоему Симеону богопріимцу: «Пускай любодѣицу-ту потрясутъ (т. е. Россію) 205.

исповѣданія русскимъ казались немногимъ лучше язычества. Особенно не любили русскіе латинства. Римская ересь, по мнѣнію русскихъ, заключала въ себѣ всѣ, когда либо бывшія въ христіанствѣ ереси. Съ Рима началъ свои завоеванія въ мірѣ освобожденный отъ адскихъ узъ сатана (¹). Это столь невыгодное понятіе о католическомъ вѣроисповѣданіи, унаслѣдованное русскимъ отъ грековъ-просвѣтителей Россіи, послѣ смутныхъ временъ самозванства, при патріархѣ Филаретѣ завершено было особымъ «чиномъ принятія католиковъ» въ церковь православную чрезъ новое крещеніе, наряду съ язычниками. Рукописные сборники и печатныя книги XVII в. переполнены статьями о латинской прелести и о распространяющемся изъ Рима антихристовомъ духѣ. Но замѣчательнѣе всего то, что въ глазахъ русскихъ скоро потеряли довѣріе и просвѣтители ихъ—греки. Съ нѣкотораго времени и на нихъ въ Россіи стали смотрѣть какъ на пошатнувшихся въ вѣрѣ и склонившихся къ Риму, откуда вѣяло духомъ антихриста. Первымъ поводомъ къ такому предубѣжденію русскихъ противъ православныхъ грековъ были попытки ихъ къ сближенію съ католиками посредствомъ уніи. Русскіе стали понемногу уклоняться отъ общенія съ греками, не стали принимать грековъ на архіерейскія каѳедры и наконецъ обзавелись своимъ патріархомъ, чтобы ничѣмъ не заимствоваться отъ грековъ, православіе которыхъ стало сомнительнымъ. Несчастное положеніе подъ игомъ турецкимъ, собственные отзывы грековъ о разныхъ стѣсненіяхъ въ вѣрѣ со стороны поганыхъ агарянъ и преувеличенные похвалы ихъ русскому православію, наконецъ основанное на личномъ знакомствѣ свидѣтельство Арсенія Суханова о греческой вѣрѣ окончательно утвердили русскихъ въ томъ понятіи, что во всемъ мірѣ только одна Россія можетъ быть названа въ полномъ смыслѣ православною, что всякое сближеніе въ вѣрѣ съ кѣмъ бы то ни было, хотя бы то съ греками, всякое заимствованіе отъ иноземцевъ религіозныхъ обычаевъ и порядковъ будетъ нарушеніемъ собственной вѣры, которая не тре-

(¹) Книга о Вѣрѣ, л. 272.

буеть ни въ чемъ ни прибавки, ни убавки даже на одну іоту. Между тѣмъ Никонъ нашелъ въ ней недостатки и началъ исправленія при помощи грековъ. Это было для враговъ реформы и для соловецкихъ монаховъ новымъ свидѣтельствомъ, что Никонъ-антихристъ, хочетъ превратить святую вѣру на свой ладъ, и—вторымъ основаніемъ къ упорству.

Для соловецкихъ монаховъ, какъ и для другихъ старообрядцевъ, по отношенію къ Восточной церкви особенно служили камнемъ претыканія случайно высказанныя и занесенныя въ Кормчую до нельзя преувеличенныя похвалы русскому православію бывшихъ въ Россіи патріарховъ константинопольскаго Іереміи II (въ 1596 г.) и іерусалимскаго Θеофана (въ 1620 г). На этихъ собственно отзывахъ монахи и основываютъ святость, неприкосновенность и превосходство русскаго православія предъ восточнымъ. «Сами вселенскіе патріархи», пишутъ монахи царю, «прежде бывшіе у насъ въ русской земли, Іеремій цареградскій и Θеофанъ іерусалимскій, и иные многіе палестинскіе власти о нашей православней вѣрѣ свидѣтельствуютъ списаніемъ, якоже въ книгѣ Кормчей московской печати л. 15 и 26. пишетъ сице, *что де у нихъ въ Царь-градѣ* и *во Іерусалимѣ конечное православной вѣрѣ греческаго закона отъ агарянъ насиліе и погубленіе, церквамъ Божіимъ запустѣніе и раззорѣніе,* но точію единъ на всей вселеннѣй владыко и блюститель непорочныя вѣры христіанскія, самодержавный великій государь царь (русскій) благочестіемъ всѣхъ превзыде, *и все благочестиво въ твое государство едино царство собрашася* и третій Римъ благочестія ради твое государство московское царство именоваша (247) (¹). Самымъ лучшимъ подтвержденіемъ этого лѣстнаго отзыва о русскомъ православіи служатъ, по словамъ монаховъ, прославленіе отъ Бога святыхъ русскихъ мужей и чудотворныя иконы. «И аще бы, государь», говорятъ монахи, «наша православная христіанская вѣра неправа, то бы и милости и чудесъ отъ чудотворныхъ иконъ не было и прародителей твоихъ госуда-

(¹) Взято изъ челоб. Никиты. См. IV т. 158.

ревыхъ благовѣрныхъ царей и великихъ князей, и преподобныхъ и богоносныхъ отецъ нашихъ Господь Богъ во святыхъ чудесы не бы прославихъ»... (248) ([1]). Но соловецкое православіе по мнѣнію челобитчиковъ, было самое безукоризненное. Вспомнимъ бесѣду Геронтія съ архимандритомъ Сергіемъ о томъ, что отъ соловецкой обители до сихъ поръ вся *Русская земля* просвѣщалась всякимъ благочестіемъ. Восхваляя собственную чистоту вѣры и сравнивая ее съ греческою, монахи говорятъ въ челобитной: «и твое царское богомолье соловецкая обитель до сего времени во истинней православной вѣрѣ и въ благочестіи по преданію апостольскому и преподобн. отецъ нашихъ Зосима и Савватія и Филиппа митрополита, стояла непоколебима и подъ зазоромъ въ православіи отъ греческихъ и русскихъ архіерей ни въ чемъ не бывала; наипаче же отначала во святѣй обители нашей самихъ тѣхъ греческихъ и русскихъ и кіевскихъ властей, митрополитовъ, и архіепископовъ, и архимандритовъ, и игуменовъ присыльныхъ бывало много, и нынѣ есть; а присылаются все греческіе власти того ради, чтобы *имъ навыкнути у насъ въ обители православныя христіанскія вѣры истиннаго благочестія* и иноческаго чина. И аще бы, государь, до сего времени у насъ была неправославная вѣра, то бы ихъ греческихъ властей для исправленія къ намъ подъ начало въ Соловецкій монастырь не присылали. И о семъ съ клятвою вси, тебѣ, великому государю, пишемъ, и свидѣтеля Христа Бога на души своя представляемъ; яко не точію они, греченя, простые чернецы, но и самыя ихъ начальнѣйшія власти, архіереи, кои у насъ подъ началомъ бывали и нынѣ есть, нимало истиннаго благочестія, и иноческаго чина, и церковнаго и келейнаго начала не знаютъ, донелиже у насъ благочестію навыкнутъ, и лица своего перекрестити по подобію не умѣютъ; а иныхъ ссыльныхъ старцевъ гречанъ привозятъ къ намъ безъ крестовъ» ... (274, 275). Такова, по увѣренію соловецкихъ монаховъ,

---

([1]) Матер. т. IV, стр. 158 и 159. «И вѣдомъ тебѣ, великій государю», пишетъ Никита, яко ветхій Римъ падеся аполлинаріевою ересью, вторый же Римъ, еже есть Константинополь, агарянскими смуты отъ безбожныхъ туроиъ обладаетъ: твое же государство... третій Римъ... и т. дал.

была до Никона православная вѣра въ Россіи, въ чистѣйшемъ своемъ видѣ сохранявшаяся у нихъ въ обители.

в) Понятно, что современные имъ греческіе и русскіе архіереи, утвердившіе на соборѣ 166⁶/₇ г. никоновскую церковную реформу должны были казаться ересіархами, посягнувшими на чистоту древно-русской истинно-православной вѣры. Такъ дѣйствительно и отнеслись къ нимъ соловецкіе монахи и другіе вожди старообрядчества. Не такъ давно глубоко уважаемые православныя палестинскія власти, отъ которыхъ русскій народъ съ благоговѣніемъ принималъ наставленія и благодать священства и патріаршества, теперь въ глазахъ соловецкихъ монаховъ стали еретиками, которымъ было бы лучше не учить русскій народъ, а самимъ учиться вѣрѣ въ Россіи и особенно у соловецкихъ монаховъ, и которые пріѣзжаютъ въ Россію только ради наживы. «Почто имъ», (греческимъ учителямъ) пишутъ въ одномъ мѣстѣ монахи, «у насъ православная христіанская вѣра отъимати и учити насъ новой вѣрѣ и странному ученію, которые сами ничего не знаютъ, и конечнаго исправленія въ православной вѣрѣ требуютъ?» (250, 251). «Ибо и самые ихъ лушіе греческіе учители, егда пріѣзжаютъ въ русскую землю и ни *единг* лица своего перекрестити не умѣетъ и ходятъ безъ крестовъ. А у насъ государь, невѣжи и поселяне имъ дивятся и говорятъ: «что де они, палестинскіе власти, пастыри и учители нарицаютца и вышую землю учити пріѣзжаютъ, а сами и лица своего перекрестити не умѣютъ, то де чему насъ поселянъ научити, и какова де отъ нихъ научитися намъ въ православной вѣрѣ исправленія»...» (¹) (252). «Влѣпоту убо, государь, (имъ) пріѣзжать въ твое государево благочестивое россійское царствіе самимъ учитись православной христіанской вѣрѣ и благочестію навыкати, яко до довольна будутъ въ своей землѣ и иныхъ научити» (253) (²). Соловецкіе монахи, дѣйствительно, не упускали случая поучить грековъ уму-разуму, когда ихъ посылали къ нимъ для испытанія въ вѣрѣ.

(¹) Взято не буквально изъ челоб. Никиты см. 86—173.
(²) У Никиты, стр. 173.

Вспомнимъ какъ они, наприм, учили Арсенія класть поклоны, креститься двуперстно, произносить Іесусъ и т. д. и какъ Арсеній дѣйствительно хвалилъ ихъ вѣру, чтобы только не попасть въ тюрьму и не остаться безъ рыбнаго стола. «А присылаются (въ Солов. монаст.) греческія власти», говорятъ монахи въ челобитной», того ради, чтобы имъ навыкнуть у насъ въ обители православныя христіанскія вѣры.... *И (мы) кресты накладываемъ на нихъ здѣ, у себя во обители*... (275). И ссыльные греки, по словамъ монаховъ, оставались весьма довольны ихъ наставленіями и хвалили ихъ вѣру. «А которые греки и кіевскіе власти у насъ подъ началомъ не бывали (т. е. бывали) и тѣ всѣ истинное православіе, еже во обители нашей разсмотря (ѣвъ) до конца похвалили, и никто отъ нихъ преданія преподобныхъ отецъ Зосимы и Савватія не хулили» (275). Но тѣмъ не менѣе нѣкоторые изъ подобныхъ невѣждъ пріѣзжаютъ въ Россію и «учатъ русскихъ новой вѣрѣ, яко же мордву и черемисъ, невѣдущихъ Бога и истинные православные вѣры» (245). Къ этому ихъ, по словамъ монаховъ, побуждаетъ какая-то непонятная зависть къ прежнимъ своимъ благочестивымъ и мудрымъ патріархамъ. «И понеже, государь, зависть не вѣсть предпочитати полезнаго и николиже оставляетъ познати истинны, тѣ греческіе учители завистью подвижими, тѣхъ вселенскихъ прежнихъ патріархъ (Іереміи и Өеофана) богодухновенное на нашу истинную православную вѣру свидѣтельство положили ни во что» (257). Впрочемъ, по свидѣтельству монаховъ греки больше всего пріѣзжаютъ въ Россію ради сребра и злата, только подъ предлогомъ учительства. «Поистинѣ, государь, тѣ нынѣшніе греческіе учители пріѣхали (подразумѣваются присутствующіе на московскомъ соборѣ патріархи Макарій и Паисій) въ твое государство россійское не вѣры исправлять, но злата, и сребра, и вещей собирать и міръ истощать» (254). Таковы были на взглядъ соловецкихъ монаховъ православные греческіе іерархи, которые помогали русскимъ святителямъ изгладить въ русской церкви, допущенные нашимъ невѣжествомъ, безпорядки.

Русскихъ іерарховъ монахи еще въ 1666 году предъ архимандритомъ Сергіемъ называли «православными» ([1]). Но теперь и они были на взглядъ монаховъ не лучше греческихъ. Монахи въ челобитной не называютъ ихъ иначе, какъ «Никоновыми учениками и проповѣдниками новой незнаемой вѣры»(218, 229, 231и242 и др.), что равносильно тому, если бы они, по примѣру Аввакума, назвали еретиками, слугами антихриста. Впрочемъ, въ челобитной встрѣчаются иногда и такія мѣста, гдѣ монахи почти прямо причисляютъ ихъ къ слугамъ антихриста. «А нынѣшніе, государь», пишутъ напр. они въ одномъ мѣстѣ, «на концѣ послѣдняго вѣка новые вѣры проповѣдницы отнюдь нетерпѣливы, и немилосерды, и неблагопристуйны; и горды; (по ап. Павлу 2 Тим. 3, 1—15), аще и едино слово явится имъ неугодно, и они хотятъ за то и душу съ тѣломъ разлучити и смерти предати. И воистину, государь, блаженъ той, егоже сподобитъ Господь отъ таковыхъ нынѣшнихъ учителей до смерти пострадати, и вѣруемъ божественному писанію, яко тіи паче прежнихъ мучениковъ у Бога обрящутся. О семъ бо и мы молимъ человѣколюбіе Божіе, яко да и насъ грѣшныхъ сподобитъ отъ нихъ пострадати и поне малу отраду въ будущемъ вѣкѣ за своя согрѣшенія получити» (232).

Расписавъ предъ царемъ греческихъ и русскихъ іерарховъ въ столь непривлекательномъ видѣ, монахи не оставили безъ порицаній и греческія книги, служившія для святителей образцомъ и руководствомъ при исправленіи русскихъ книгъ. Вотъ что объ нихъ пишутъ монахи: «а книги, государь, у нихъ грековъ, кои прежняго благочестиваго исправленія были, послѣ цареградскаго взятія отняли римляне и перепечатали у себя по своему латинскому обычаю, и тѣ свои имъ латинскіе книги роздали, а ихъ греческія книги всѣ огнемъ сожгли. И о семъ свидѣтельствуетъ въ книгѣ своей блаженный Максимъ Грекъ» (258). По мнѣнію монаховъ даже прежнія греческія книги не были чужды разныхъ ере-

([1]) Матер. для истор. раск. т. III, стр. 148.

сей, будучи испорчены своими еретиками. «А которые, государь, старыя книги», пишутъ монахи, «у нихъ грековъ нынѣ еще есть, и тѣ книги отъ еретиковъ многія испорчены, насѣяно въ нихъ много худыхъ плевелъ: понеже *во время тѣхъ старыхъ книгъ въ грекахъ еретиковъ и богохульниковъ и иконоборцевъ было много»* (259). Такимъ образомъ, пожалуй, можно сомнѣваться въ чистотѣ и тѣхъ книгъ, съ которыхъ въ первый разъ были сдѣланы славянскіе переводы, потому что св. Кириллъ и Меѳодій жили уже послѣ упоминаемыхъ монахами еретиковъ, каковы иконоборцы!! Такъ далеко иногда заходили враги реформы въ своихъ хулахъ на все новое. Впрочемъ, монахи о послѣднемъ обстоятельствѣ, т. е. объ испорченности старыхъ греческихъ книгъ узнали только теперь. «Да и намъ, государь, тѣ ихъ греческія книги *нынѣ* стали всѣмъ явны, что они неисправны и отъ еретиковъ испорчены: понеже, государь, въ русскихъ нашихъ печатныхъ книгахъ до сего времени, покамѣста съ греческихъ книгъ не печатали, никоторые посылки (въ печатн. *новинки;* въ хлуд. № 1: *повинки;* № 2: *никоторые неповинны*) и зазоры не было, а какъ почали печатать съ греческихъ переводовъ, и въ тѣхъ новыхъ русскихъ печатныхъ книгахъ объявилось много худыхъ и богохульныхъ и непотребныхъ рѣчей.... (259) потому что, по словамъ монаховъ, «Никоновы ученицы печатаютъ съ нихъ безъ разсмотрѣнія и безъ свидѣтельства, аще что и до конца худо и непотребно, тому они не внимаютъ, точію бы имъ было противъ греческихъ книгъ, и тѣми они греческими книгами православную нашу христіанскую вѣру истребили до толика, будто и слѣда православія въ твоемъ государствѣ россійскомъ царствіи до сего времени не именовалося» (245).

г) Нѣкоторые изъ расколоучителей сами просили у царя новаго общаго собора для рѣшенія вопроса о томъ, старымъ или новымъ книгамъ слѣдовать? Такъ Никита, разсуждая о крестномъ знаменіи, писалъ царю: «и о семъ ты, великій государь, наша христіанская главо, вели *соборнѣйшимъ* разсужденіемъ разсудить: чему намъ послѣдовать,—древнихъ ли святыхъ отецъ и великихъ государей, царей и великихъ князей, многимъ книгамъ и соборнѣйшимъ

писанiемъ, или нынѣшней нововводной и многоложной никоновской книгѣ (Скрижали), иже спискано отъ вѣдомаго вора и врага Христова, отъ жидовскаго обрѣзанца Арсенiя чернца? О, великiй государь, попекися добрѣ нашимъ душамъ! Вели о семъ разсудить, чтобы намъ отъ тѣхъ проклятiй (съ одной стороны стоглаваго собора, съ другой—Никона) душъ своихъ не погубить (1). Поэтому, когда для рѣшенiя вопроса о Никонѣ царь повелѣлъ быть собору, расколоучители, вѣроятно, немало обрадовались, предполагая, что новый соборъ изъ угожденiя царю, нерасположенному по ихъ мнѣнiю къ Никоновымъ нововведенiямъ, возстановитъ и истребленную Никономъ съ его учениками вѣру, и не заявили ни малѣйшаго протеста противъ созванiя собора. Но обольщаться подобнаго рода надеждами имъ пришлось не долго; соборъ 1666/7 г. какъ извѣстно, еще прежде, чѣмъ прибыли вселенскiе патрiархи, рѣшилъ старообрядческiй вопросъ не въ пользу враговъ реформы, а вскорѣ за тѣмъ прибывшiе патрiархи утвердили это рѣшенiе. Теперь только враги реформы окончательно убѣдились, что ихъ дѣло почти совсѣмъ проиграно, если только не одумается царь и не заступится за нихъ. Разразившись вслѣдствiе этого отчаянною бранью противъ членовъ собора, греческихъ и русскихъ iерарховъ,—о самомъ соборѣ 1666/7 г. они отозвались такъ: онъ будто бы «совершенно православiе все и древнее преданiе святыхъ апостолъ и богоносныхъ отецъ отринулъ, и льстивно оболгалъ и охулилъ, нечестiе же всякое прiялъ, и оправдалъ, и укрѣпилъ, и новоразвращенныя богомерскiя книги со многими ересьми въ нихъ похвалилъ, и всѣхъ еретикъ крещенiе римское и священство ихъ гнусное прiялъ, ихъ же (т. е. римлянъ) святые отцы наши проклинаша и отъ святыя церкви отметаша,—понеже Римъ всѣхъ ересей прiятелище и источникъ всякаго нечестiя латынское мудрованiе богомерское» (2)... Съ 1666/7 г. по мнѣнiю фанатиковъ въ русской церкви окончательно водворилась предсказанная «мерзость запустѣнiя, непреподобно священство, и прелесть

(1) Матер. для истор. раск. т. IV, стр. 67 и 77.
(2) Аввакумъ. Посланiе къ нѣкоему Iоанну. Мат. т. V стр. 226.

антихристова на святомъ мѣстѣ поставилась, сирѣчь на олтарѣ неправославная служба«...». Это—послѣднее отступленіе, инаго же отступленія уже нигдѣ не будетъ: вездѣ бо быстъ; послѣдняя Русь здѣ» (¹).

Соловецкіе монахи вполнѣ раздѣляли такого рода взглядъ на соборѣ 166⁶/₇ г. По этому ни повѣленія, ни клятвы собора для нихъ не имѣли совершенно никакого значенія. Напротивъ неповиновеніе собору, особенно обнаружившееся при посѣщеніи ихъ архимандритомъ Сергіемъ и при встрѣчѣ новаго настоятеля Іосифа они считали дѣломъ святымъ. Слѣдуя во всемъ за расколоучителями, они въ послѣдней челобитной стараются рѣшеніямъ собора 166⁶/₇ г. противопоставить рѣшенія и клятвы стоглаваго собора, которому придаютъ значеніе и авторитетъ почти вселенскаго собора не смотря на то, что онъ былъ подъ предсѣдательствомъ только мѣстнаго митрополита. Вотъ что объ этомъ мы находимъ въ ихъ челобитной: «новые вѣры учители двѣма персты креститися намъ возбраняютъ, а не крестящихся щепотью проклинаютъ, и тѣмъ точію всуе себѣ труждаютъ и грѣхъ на свою главу собираютъ, понеже писано есть: «аще святитель проклинаетъ не по дѣлу Божію, сирѣчь не посвященнымъ правиламъ, не послѣдуетъ Божій судъ»; а непокаряющіися имъ, аще и прокляти отъ нихъ, но отъ Бога великимъ хваламъ достойны суть. А что при благовѣрномъ царѣ и великомъ князѣ Иванѣ Васильевичѣ всея Россіи преосвященный Макарій митрополитъ по апостольскому преданію, на освященномъ и *богодухновенномъ* своемъ соборѣ уложили и некрестящихся двѣма персты вѣчному проклятію предали, и они тому церковному уложенію и священному собору, паче же Христову и апостольскому преданію не повинуются, да и намъ тако же повиноватися не велятъ и полагаютъ то соборное проклятіе ни за что, и тѣмъ своимъ неповиновеніемъ учинили себя подъ вѣчнымъ проклятіемъ, да и насъ нынѣ грѣшныхъ съ собою ведутъ подъ тоже проклятіе» (231).

Такъ по мнѣнію ожесточенныхъ враговъ реформы вмѣсто православной Христовой вѣры явилась въ Россіи какая-то

(¹) Аввак. Матер. т. V, стр. 237.

«новая неэнаемая вѣра», которой не только соловецкіе монахи, но будто-бы «и прародители и отцы ихъ до настатія Никонова патріаршества и до сего времени и слухомъ не слыхали» (218).

д) Эта новая неизвѣстная соловецкимъ монахамъ вѣра по понятіямъ и свидѣтельству всѣхъ расколоучителей, начиная съ Аввакума, есть ничто иное, какъ латинская ересь, только въ болѣе мрачномъ смыслѣ, чѣмъ мы понимаемъ о католикахъ,—въ смыслѣ антихристовой прелести ([1]).

Въ чемъ же заключается по убѣжденію монаховъ эта, положимъ, новая вѣра? Страшно и сказать! По увѣренію монаховъ русскіе люди со временъ патріаршества Никона сдѣлались изъ православныхъ христіанъ хуже язычниковъ: они напр. не стали исповѣдывать Сына Божія ни пришедшимъ въ міръ, ни воскресшимъ; не называютъ Его даже Сыномъ Божіимъ, и дали Ему новое имя. Мало того, они и Духа Святаго не признаютъ истиннымъ и покланяются духу лукавому и т. д.

Трудно представить себѣ болѣе плачевное состояніе религіозно-умственнаго склада почти тысячнаго сонма иноковъ, которые мечтали о себѣ, что они проливаютъ свѣтъ христіанскаго ученія и благочестія на всю православную Русь, и у которыхъ, дѣйствительно, русскій народъ раньше многому учился. Но мы при этомъ не должны забывать времени и обстоятельствъ, подъ вліяніемъ которыхъ челобитная была писана. Всѣмъ извѣстно, что отсутствіе духовнаго просвѣщенія и слѣпая привязанность къ обрядовой сторонѣ религіи и къ буквѣ писанія, были въ XVII в. отличительной чертой религіозной жизни русскаго народа вообще. Простые соловецкіе монахи не стояли въ этомъ случаѣ выше другихъ. Пониманіе истиннаго смысла реформы Никона, само собою разумѣется, было выше ихъ силъ и разумѣнія, и они не могли не смутиться, когда реформаторы стали касаться тѣхъ порядковъ и обычаевъ, которыя у нихъ считались необходимымъ условіемъ къ угожденію Богу.

([1]) Указанія на это у Никиты въ челоб. 3, 15, 17, 60, 65, 75, 85, 86; у Лазаря: 181, 182, 183, 191, 195, 209; у Аввак. 309. Сами монахи не разъ упоминаютъ въ челоб. о латинской ереси, вводимой Никономъ, челоб. 225, 226, 234, 235 и т. д.

Однако не въ этомъ заключалась вся бѣда. Нельзя допустить, чтобы всѣ совершенно монахи были настолько грубы и упорны, что никакое разъясненіе для нихъ не было бы полезно. Но къ сожалѣнію этого-то и не доставало: никто изъ послѣдователей Никона до 1666 г. не позаботился о разъясненіи имъ смысла реформы. Архимандритъ Сергій въ 1666 г. въ первый разъ сталъ было разъяснять; но теперь было уже поздно: личные враги Никона, каковы архим. Илья, Никаноръ и другіе, проживавшіе постоянно въ монастырѣ, постарались разъяснить реформу въ противномъ смыслѣ. Простодушная братія усвоила изъ этого разъясненія главнымъ образомъ то, что настало послѣднее время, въ лицѣ Никона пришелъ антихристъ, который первымъ долгомъ, по предсказаніямъ св. писанія и святыхъ отцовъ, началъ извращать остатокъ вѣры Христовой. Врагамъ реформы, а можетъ быть и самаго правительства этого было достаточно для того, чтобы простую братію превратить въ слѣпое орудіе интригъ и борьбы съ правительствомъ. Братія теперь простодушно вѣрила всему, что ни скажутъ главные заводчики возмущенія. Не зная книжныхъ тонкостей, они вѣрили всякой нелѣпости, какую вздумалось Геронтію помѣстить въ челобитную и называли его за эти нелѣпости златоустомъ. Вѣрили, напр., что съ исправленіемъ тропаря *Благообразный Іосифъ*, новые учители перестали проповѣдывать воскресеніе Христово, а съ устраненіемъ изъ слова «истинный» (въ Царю небесный) двухъ буквъ «нашъ да иже», сдѣлали Духа Святаго только причастнымъ истинѣ, не равнымъ Отцу и Сыну; но въ тоже время видѣли ересь и въ томъ, что въ чинѣ литургіи, послѣ причастія тропари: *Воскресеніе Христово видѣвше.. Святися святися..* и *О пасха велика..*, въ которыхъ исключительно славится воскресшій Христосъ Спаситель, положено говорить по вся дни, а не по воскресеньямъ только (чел. 268). Словомъ, если бы исправители книгъ, вмѣсто того, чтобы въ молитвѣ Іисусовой убавить слова «Сыне Божій», прибавили, или, если бы не было этихъ словъ,—внесли бы ихъ,—монахи всетаки нашли бы въ этомъ ересь, потому что были убѣждены теперь, что худо и добро творится послѣдователями

антихриста, въ видахъ обольщенія людей. Авторъ челобитной—Геронтій, хорошо зналъ свою братію, и по какимъ-то непонятнымъ побужденіямъ не щадилъ красокъ, чтобы очернить предъ ними реформу и реформаторовъ, помѣщая въ челобитную свои и чужія нелѣпости, въ которыя едвали самъ вѣрилъ.

Челобитная заключается обще-братской слезной мольбой къ царю о томъ, чтобы онъ оставилъ старые церковные порядки по крайней мѣрѣ въ соловецкой обители неприкосновенными; при чемъ монахи рѣшительно заявляютъ царю, что они въ противномъ случаѣ готовы умереть мученическою смертію. «Аще ли твой, великаго государя, помазанника Божія и царя», пишутъ монахи, «гнѣвъ на насъ грѣшныхъ изліетцə, и православную нашу христіанскую непорочную вѣру тѣмъ новые вѣры проповѣдникомъ отнять у насъ попустити изволитъ, и чудотворцевъ нашихъ и прочихъ святыхъ отецъ преданіе измѣнить, и о семъ тебѣ, великому государю, прежде въ челобитной своей писали, и нынѣ тоже пишемъ: лучше намъ временною смертію умереть, нежели вѣчно погибнуть. Или аще, государь, огню и мукамъ насъ тѣ новые учители предадутъ, или на уды разсѣкутъ: но убо измѣнить апостольскаго пореченнаго (и отеческаго) преданія не будемъ во вѣки. Великій государь царь, смилуйся пожалуй»! (262).

Послѣдняя соловецкая челобитная, если только она дошла до рукъ царя, въ чемъ есть, какъ мы говорили, основаніе сомнѣваться,—не вызвала ни со стороны царя, ни со стороны собора никакихъ распоряженій. Но за то—предпослѣдняя, посланная 23 сентября со старцемъ Кирилломъ Чаплинымъ подвигла царя и духовныхъ властей на болѣе серьезныя мѣры по отношенію къ непокорнымъ. Царь рѣшился наказать монаховъ временнымъ отнятіемъ у нихъ богатыхъ береговыхъ вотчинъ и воспретилъ подвозъ къ монастырю изъ разныхъ городовъ и селеній хлѣбныхъ запасовъ. «За противность», писалъ онъ 27 декабря 1667 года въ монастырь, «нововыбранныхъ самовольствомъ келаря (Азарія) и казначея (Геронтія) и ихъ единомысленниковъ ко

святѣй соборнѣй и апостольской церкви и за непослушаніе къ намъ, великому государю, и ко святѣйшимъ вселенскимъ патріархомъ, того Соловецкаго монастыря вотчинныя села и деревни, и соляныя и всякія промыслы, и на Москвѣ и въ городѣхъ со всякими заводы и съ запасы, и соль (указали) отписать на насъ, великаго государя, и изъ тѣхъ (селъ) и деревень и отъ всякихъ промысловъ денегъ и хлѣбныхъ и всякихъ запасовъ, и соли и всякихъ покупокъ съ Москвы и изъ городовъ въ тотъ монастырь пропускать не велѣли, до особаго указу» ([1]). Московскій соборъ, будучи еще въ полномъ составѣ, съ своей стороны провозгласилъ по отношенію къ монахамъ послѣднюю, рѣшительную анаѳему. «И за таковое непокореніе», писали въ монастырь къ архим. Іосифу сами патріархи Паисій александрійскій, Макарій антіохійскій и Іоасафъ московскій,—«ко святѣй церкви, и къ великому государю нашему, и къ намъ патріархамъ и за ложь на святую церковь и на православную нашу христіанскую вѣру и на великаго государя нашего и за лживое ихъ писаніе (предпосл. челоб.), мы православные патріарси и и весь освященный соборъ тѣхъ непокорниковъ предаемъ *анаѳемѣ*, сирѣчь—*вѣчному проклятію*, кромѣ тѣхъ, которые вскорѣ обратятся ко святѣй церкви съ чистымъ покаяніемъ» ([2]). Съ извѣщеніемъ объ этомъ въ монастырь были посланы изъ Москвы сотникъ московскихъ стрѣльцовъ Василій Чадуевъ съ приличной командой и соловецкій старецъ Кириллъ Чаплинъ съ слугами.

Но при всемъ этомъ ни царь ни соборъ московскій не хотѣли вѣрить, что въ соловецкомъ братствѣ нѣтъ никого, кто бы готовъ былъ покориться церкви и государю, предполагая въ тоже время, что и архимандритъ Іосифъ находится еще въ монастырѣ. Въ этой надеждѣ царь и соборъ послали съ Чадуевымъ на имя «соборныхъ и рядовыхъ старцевъ и міранъ, которые святѣй соборнѣй и апостольской церкви не противны и великому государю послушны» особыя граматы, повелѣвая имъ не слушать мятежниковъ. Царь въ

([1]) Ц. грамата Истор. оп. Сол. м. ч. I. стр. 155.
([2]) Матер. для ист. раск. т. III. стр. 295.

двухъ своихъ граматахъ (на имя монаховъ и міранъ особо) обращался къ мнимымъ покорнымъ ему и церкви людямъ съ такимъ повелѣніемъ: «и какъ они (Чадуевъ и Кириллъ) въ Соловецкій монастырь съ нашею великаго государя и святѣйшихъ вселенскихъ патріарховъ съ граматами пріѣдутъ, и вы бъ, памятуя нашего великаго государя крестное цѣлованіе, Соловецкаго монастыря нововыбраннымъ самовольствомъ келарю и казначею и ихъ единомысленникамъ говорили, чтобъ они отъ противности недоумѣнія своего и отъ непослушанія отстали и у архимандрита (Іосифа) были въ послушаніи. А буде они отъ противности своей не отстанутъ и нашему велик. государя, указу учинятся непослушны, и вы бъ ихъ ни въ чемъ не слушали, а имъ противникамъ и непослушникамъ келарю и казначею и ихъ единомысленникамъ нашъ великаго государя указъ за ихъ непослушаніе и противность будетъ вскорѣ» ([1]). Соборъ въ лицѣ вселенскихъ и московскаго патріарховъ между прочимъ писалъ къ архимандриту Іосифу: «и какъ къ тебѣ ся наша грамата придетъ, и тебѣ бъ, архимандриту Іосифу, Соловецкаго монастыря выбрать братію, которые не противятся святѣй церкви и нашему благословенію и всему освященному собору, и поговоря съ ними велѣть выбрать всѣхъ того Соловецкаго манастыря непокорниковъ, и сію нашу грамату прочести: и будетъ Никаноръ бывшей архимандритъ и иные раскольники не повинутца святѣй церкви и нашему благословенію и всему освященному собору, и тѣмъ раскольникамъ сказать нашъ соборный указъ вышеписанной, яко суть прокляти по прежней насъ и святѣйшаго Іосифа патріарха московскаго и всея Русіи граматѣ, *паче же поныньшней»* ([2]).

Можетъ быть эти царскія и патріаршія граматы не остались бы хотя безъ какихъ нибудь благопріятныхъ послѣдствій, если бы были посланы пораньше, когда архимандритъ Іосифъ былъ еще въ монастырѣ. Но сотникъ Чадуевъ, прибывъ въ монастырь 23 февраля 1668 г., здѣсь уже не нашелъ его. Во главѣ братства попрежнему стояли «мятежные» келарь Азарій и казначей Геронтій, предъ которыми

([1]) Грам. отъ 27 дек. 1667 г. Истор. оп. Сол. м. ч. I, стр. 156.
([2]) Матер. для истор. раск. т. III, стр. 296.

безъ настоятеля по необходимости преклонялось все братство и міряне. Граматы были Чадуевымъ предъявлены братству, но изъ всего многочисленнаго братства и множества проживающихъ въ монастырѣ мірянъ—богомольцевъ и работниковъ ни одинъ человѣкъ не смѣлъ отозваться на призывъ къ послушанію со стороны царя и патріарховъ, потому что всякому возвысившему въ этомъ смыслѣ голосъ грозила опасность подвергнуться послѣ отъѣзда Чадуева строгому наказанію отъ монастырскихъ властей. Въ отвѣтъ на полученныя граматы монастырскія власти, презирая всякія угрозы и соборную анаѳему, поспѣшили составить отъ имени всего братства и мірянъ «отписку» къ царю, гдѣ оправдываются въ непринятіи на настоятельство и высылкѣ изъ монастыря архимандрита Іосифа, и «сказку», въ которой кратко повторяютъ послѣднюю челобитную о вѣрѣ (¹).

Отпиской и сказкой врученными сотнику Чадуеву соловецкіе монахи кончили всякое сношеніе съ царемъ. Въ свою очередь царь, съ полученіемъ этихъ послѣднихъ извѣстій изъ Соловецкаго монастыря сталъ изготовлять противъ непокрныхъ военныя мѣры. Съ открытіемъ навигаціи 1668 г. началась осада Соловецкаго монастыря, продолжавшаяся до 1676 года.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Семилѣтняя осада Соловецкаго монастыря (1668—1676 гг.).

Общій характеръ этого періода.

Съ 1668 года борьба соловецкихъ монаховъ-старообрядцевъ съ правительствомъ принимаетъ новый характеръ. До сихъ поръ правительство въ соловецкихъ монахахъ видѣло только простыхъ, неразумныхъ и не особенно опасныхъ ревнителей старины. Вслѣдствіе этого всѣ мѣры противъ нихъ исходили по преимуществу отъ правительства духовнаго,—

(¹) Матер. для истор. раск. т. III, стр. 313, 314.

царь только соглашался и отчасти помогалъ. Мѣры эти при томъ не простирались дальше отеческихъ увѣщаній, сопровождаемыхъ угрозами отлучить непокорныхъ отъ церкви. Въ началѣ 1668 года, когда возвратившійся изъ монастыря въ Москву сотникъ Чадуевъ доставилъ послѣдній рѣшительный отказъ (сказку) монаховъ въ повиновеніи царю и собору 166⁶/₇ года,—правительство наконецъ убѣдилось, что на монаховъ нельзя смотрѣть только какъ на заблуждающихся въ вѣрѣ и что противъ нихъ кроткія мѣры увѣщаній далеко недостаточны. Съ этихъ поръ соловецкіе монахи въ глазахъ правительства начинаютъ становиться бунтовщиками, презирающими власть не только соборную, но и царскую, дѣлаются государственными преступниками. Вслѣдствіе этого и мѣры противъ нихъ теперь стали исходить исключительно отъ царской власти и состояли уже не въ кроткихъ увѣщаніяхъ, а въ посылкѣ подъ монастырь вооруженныхъ стрѣльцовъ. Въ свою очередь у монаховъ взглядъ на борьбу теперь перемѣнился. До сихъ поръ они считали своими врагами исключительно представителей церкви—греческихъ и русскихъ іерарховъ, отмѣнившихъ старые церковные порядки. Съ этими только врагами они и вели борьбу, имѣя оружіемъ противъ нихъ челобитныя къ царю, котораго только отчасти подозрѣвали въ склонности къ новымъ порядкамъ. Но въ настоящее время въ глазахъ ихъ и царь Алексѣй Михайловичъ сталъ отступникомъ отъ отеческихъ преданій. «И съ нимъ» думали монахи, «вступить въ борьбу за вѣру не только не будетъ особеннаго грѣха, напротивъ можетъ вмѣниться отъ Бога въ добродѣтель». И вотъ, какъ только появились на соловецкихъ островахъ московскіе стрѣльцы, монахи, затворяются въ крѣпкихъ монастырскихъ стѣнахъ и начинаютъ борьбу съ новыми, по ихъ понятію, врагами церкви, и ведутъ борьбу уже не на бумагѣ, а съ оружіемъ въ рукахъ. Такъ простое соловецкое стояніе за вѣру превращается въ вооруженное возстаніе монаховъ противъ царской власти.

Осаждали Соловецкій монастырь попеременно три московскихъ полководца: стряпчій Игнатій Андреевичъ Волоховъ, стрѣлецкій голова Клементій Алексѣевичъ Іевлевъ и наконецъ стольникъ и воевода Иванъ Алексѣевичъ Мещериновъ. Пол-

ководцы эти имѣли неодинаковое число стрѣльцовъ, не одинаковыя инструкціи отъ царя и не одинаковую энергію; поэтому и вели осаду монастыря различно. Отъ этого прежде всего зависѣла продолжительность осады. Дѣло въ томъ, что и царь Алексѣй Михайловичъ колебался въ выборѣ мѣръ противъ непокорныхъ монаховъ и менѣе всего желалъ прибѣгать къ военнымъ средствамъ, разсчитывая покорить ихъ одной угрозой и стѣсненіемъ. Въ этомъ убѣжденіи онъ первымъ двумъ полководцамъ давалъ менѣе строгія инструкціи и меньшее число стрѣльцовъ, чѣмъ послѣднему. Только Мещеринову онъ повелѣвалъ уже «искоренить мятежъ вскорѣ», посредствомъ именно военныхъ силъ, отрядивъ подъ каманду его больше 1000 человѣкъ стрѣльцовъ. Сообразно сему и въ оборонѣ монаховъ проглядываетъ нѣкоторая постепенность. Монахи не вдругъ берутся за оружіе для сопротивленія и, взявшись, сначала больше сидятъ, затворившись въ монастырѣ, чѣмъ отстрѣливаются, и молятся за царя, отчасти сознавая еще долгъ христіанскій по отношенію къ предержащимъ властямъ, отчасти же—по привычкѣ. Затѣмъ они начинаютъ больше отстрѣливаться, чѣмъ сидѣть сложа руки и стали думать о томъ—слѣдуетъ-ли молить Бога за царя, по ихъ мнѣнію, отступника? Наконецъ стали отстрѣливаться со всею рѣшительностью и энергіей. А между тѣмъ нѣкоторые изъ братіи и бѣльцовъ дошли до полнаго фанатизма: стали неотступно требовать оставить молитву за царя и царское семейство; другіе въ неистовствѣ бросились на кресты «съ титлой», на старыя и новыя, печатныя и письменныя, книги, и принялись тѣ и другія рубить, жечь, метать въ море, или искажать, поддѣлывая подъ свои убѣжденія; немало появилось теперь въ монастырѣ и такихъ «страдальцевъ за вѣру», которое отъ постояннаго страха и умственнаго напряженія дошли до отупѣнія и скотободобія, махнувъ рукой и на вѣру и на чистоту нравственную;.. наконецъ многіе начали рваться изъ монастыря и за это испытывали тюремное заключеніе, голодъ, плети и т. п. истязанія.

Вотъ общій послѣдовательный ходъ вооруженной борьбы соловецкихъ монаховъ съ правительствомъ.

Мы прослѣдимъ печальную исторію этой борьбы по указаннымъ ступенямъ ея развитія.

I.

Командированіе къ монастырю стряпчаго Волохова. Предварительныя мѣры: отписка въ казну монастырскихъ вотчинъ и воспрещеніе подвоза въ монастырь потребныхъ запасовъ.—Тайный подвозъ запасовъ и предосторожности монаховъ на случай осады.—Прибытіе Волохова въ Сумскій посадъ.—Инструкція, данная ему.—Посылка къ монахамъ стрѣльца, съ предложеніемъ о покорности и отвѣтъ.—Ссора Волохова съ архимандритомъ Іосифомъ.—Первая и послѣдующія поѣздки Волохова на Соловецкіе острова.—Результаты трехлѣтняго пребыванія Волохова подъ монастыремъ.—Новыя столкновенія у Волохова съ Іосифомъ и удаленіе отъ дѣлъ ихъ обоихъ.

Прежде, чѣмъ прибѣгнуть къ военнымъ мѣрамъ, царь Алексѣй Михайловичъ хотѣлъ испытать противъ непокорныхъ монаховъ еще слѣдующее средство: граматой отъ 27 декабря 1667 г. на имя «Соловецкаго монастыря соборныхъ и рядовыхъ старцовъ, которые святѣй и соборной и апостольской церкви не противны и великому государю послушны», какъ мы уже знаемъ, онъ извѣщалъ братію, что «за противность нововыбранныхъ самовольствомъ келаря Азарія и казначея Геронтія святой церкви онъ указалъ» многочисленныя и богатыя соловецкія вотчины со всѣми доходами «отписать на свое имя» (¹). Угроза эта едва-ли была-бы приведена въ исполненіе, если бы посланному въ монастырь съ этою царскою и другою соборною граматами для введенія въ должность новаго настоятеля архимандрита Іосифа сотнику Чадуеву удалось ввести Іосифа, и если бы въ монастырѣ, какъ предполагалъ царь, дѣйствительно оказалось большее число братіи, «непротивной церкви и послушной царю». Но ни Чадуеву не удалось выполнить возложеннаго на него порученія, такъ какъ Іосифъ былъ раньше высланъ изъ монастыря, ни братіи, покорной царю и церкви не оказалось ни одного человѣка (²). Вслѣдствіе этого царь вынужденъ

(¹) Истор. опис. Сол. м. 1836 г. ч. I, стр. 159.
(²) Матер. для истор. раск. т. III, стр. 292, 297.

былъ свою угрозу осуществить на дѣлѣ: монастырскія вотчины съ ихъ доходами въ началѣ 1668 г. были дѣйствительно отписаны на царское имя.

Впрочемъ управленіе монастырскими вотчинами оставлено за тѣми соловецкими монахами, которые проживали по усольямъ и которые были покорны церкви и царю. Управленіе сначала сосредоточивалось въ рукахъ сумскаго приказнаго старца, которому остальные приказные должны были отдавать во всемъ отчетъ, а сумскій старецъ отдавалъ отчетъ холмогорскому воеводѣ. Но въ ноябрѣ 1668 г. въ сумскій острогъ для завѣдыванія вотчинами былъ посланъ непринятый въ Соловецкомъ монастырѣ настоятель архимандритъ Іосифъ. Архимандритъ Іосифъ, хотѣлъ управлять вотчинами ни отъ кого независимо; но на первыхъ же порахъ онъ встрѣтилъ сильныя притязанія на вмѣшательство въ вотчинное управленіе со стороны посланнаго къ монастырю перваго полководца стряпчаго Волохова, который обыкновенно въ зимнее время жилъ въ Сумскомъ острогѣ. Отсюда, какъ увидимъ, происходили у Іосифа съ Волоховымъ постоянныя столкновенія, весьма много вредившія дѣлу управленія вотчинами и осадѣ монастыря и разрѣшившіяся удаленіемъ отъ дѣлъ того и другаго.

Для проживающихъ въ Соловецкомъ монастырѣ непокорныхъ монаховъ съ отнятіемъ вотчинъ, которыя служили имъ немалой поддержкой въ жизни, настали, повидимому, дни дѣйствительнаго испытанія. Но они и теперь думали смиряться и нисколько не тужили. На самомъ дѣлѣ испытаніе это для нихъ было пока еще мало ощутительно; они легко могли обойтись въ жизни и безъ вотчинныхъ доходовъ. Благодаря ихъ бережливости и предусмотрительности ихъ амбары были полны хлѣбомъ и въ казнохранилищѣ лежало нѣсколько десятковъ тысячъ рублей (1). Между тѣмъ въ теченіи цѣлаго лѣта 1668 г. ихъ, по обычаю, свободно посѣщали усердные богомольцы, а богатые и сочувствующіе имъ поморцы, бывая въ монастырѣ подъ предлогомъ

(1) Послѣ осады у нихъ найдено въ запасѣ хлѣба 9661 четв. и денегъ 29,268 р. Истор. опис. Сол. м. ч. 1. стр. 152.

богомолья, привозили къ нимъ хлѣбъ, соль, рыбу и всякіе съѣстные запасы (1). Въ концѣ лѣта, кромѣ того, многіе изъ усольскихъ приказныхъ старцевъ, не смотря на запрещеніе, по обыкновенію, прибыли въ монастырь съ отчетами на нагруженныхъ всякими запасами лодьяхъ и остались въ монастырѣ (2). Словомъ, лѣто 1668 г. для монаховъ прошло обычнымъ порядкомъ, безъ особыхъ непріятностей. Въ то же время монахи не оставались совсѣмъ безпечными, въ виду предстоящей осады. Съ полученіемъ первыхъ извѣстій о командированіи подъ монастырь стряпчаго Волохова съ вооруженными стрѣльцами они прежде всего позаботились очистить монастырь отъ лишнихъ и безполезныхъ людей. На одномъ изъ общихъ собраній всѣхъ ревнителей старой вѣры было положено: объявить малодушной и немощной братіи и мірскимъ людямъ, чтобы удалялись изъ монастыря заблаговременно (3). Пользуясь этимъ снисхожденіемъ нѣкоторые изъ братіи дѣйствительно оставили монастырь, перебравшись на берегъ. Такъ, въ декабрѣ 1668 года выѣхали въ Сумскій острогъ 11 человѣкъ чернцевъ и 9 человѣкъ бѣльцовъ, которые «въ монастырѣ къ мятежникамъ не приставали» (4). По словамъ выходцевъ чернца Іоасафа и бѣльца Васьки монахи въ это время сами высылали изъ монастыря подобныхъ людей (5). Дѣйствительно въ іюлѣ 1669 г., до прибытія еще подъ монастырь Волохова, они выпроводили въ Сумскій острогъ, какъ негодныхъ для нихъ, даромъ поядающихъ ихъ дорогой хлѣбъ, а пожалуй и не безопасныхъ 12 человѣкъ опальныхъ людей, которые были присланы къ нимъ въ монастырь въ разное время изъ Москвы, по царскому повелѣнію... (6). Неизвѣстно только: была ли въ это время у монаховъ мысль о вооруженномъ сопротивленіи? Во всякомъ случаѣ она могла зародиться и дѣйствительно явилась вскорѣ, при первомъ

(1) Акты Эксп. т. 4. № 168, стр. 220.
(2) Дополн. къ Акт. Ист. т. V, № 67, грамата Нащокину отъ 23 іюля 1669 г.
(3) Истор. оп. Сол. м. ч. I. стр. 157.
(4) Долн. къ Акт. Ист. т. V. № 67, стр. 344.
(5) Тамъ же.
(6) Дополн. къ Ист. Акт. т. V № 67, стр. 343. Между высланными были гривенскій митр. Макарій грекъ, нѣсколько монаховъ и разстриженныхъ поповъ.

появленіи около монастыря стрѣльцовъ. Соблазнъ былъ большой: на монастырской стѣнѣ и по башнямъ стояло девяносто разнокалиберныхъ пушекъ, въ оружейной палатѣ хранились тысячи мелкаго оружія, въ пороховомъ подвалѣ было 900 пудовъ пороху и соотвѣтствующее сему количество ядеръ и свинцу; при всемъ этомъ монахи сами были не послѣдніе мастера обращаться со всякимъ оружіемъ, пріучившись къ сему по царскому повелѣнію, на случай нападенія со стороны шведовъ, и между ними было, какъ увидимъ, не мало отставныхъ и бѣглыхъ стрѣлецкихъ сотниковъ, десятниковъ и стрѣльцовъ, прибывшихъ съ берега (1). Такого рода условія жизни не могли не навести монаховъ на мысль о вооруженномъ сопротивленіи и не могли не возбудить въ нѣкоторыхъ желаніе испробовать свои силы и искусство.

Назначеніе къ Соловецкому монастырю стряпчаго Игнатія Андреевича Волохова послѣдовало въ концѣ лѣта 1668 года, и онъ къ осени успѣлъ добраться только до Сумскаго острога. На Соловецкіе острова путь чрезъ море былъ уже не безопасенъ; поэтому онъ и остался въ Сумскомъ острогѣ до лѣта 1669 г. (2). Съ Волоховымъ прибыли изъ Москвы: пять человѣкъ пушкарей и затинщиковъ, и съ Двины—157 человѣкъ двинскихъ и холмогорскихъ стрѣльцовъ Къ этимъ стрѣльцамъ были присоединены и соловецкіе стрѣльцы 125 человѣкъ. Такимъ образомъ подъ командою Волохова составился отрядъ изъ 287 человѣкъ (3). Стрѣльцы были вооружены пищалями, копьями луками. Но Волохову сверхъ того дано было право пользоваться военными орудіями и снарядами, какія найдутся при Сумскомъ острогѣ. При отправкѣ изъ Москвы Волоховъ получилъ, повидимому, довольно неопредѣленныя инструкціи отъ царя, нежелавшаго на первыхъ порахъ прибѣгать противъ монаховъ къ военнымъ мѣрамъ. Перваго указа, даннаго въ

(1) Прав. Соб. 1879 г. Октябрь. См. Сол. м. предъ возмущеніемъ. Акты Истор. т. IV. № 248, стр. 532.
(2) Истор. Росс. Соловьева т. II, стр. 400.
(3) Приходорасх. кн. Сумскаго остр. въ Соловец. архивѣ въ связкѣ «отводныхъ» XVII в.

руководство Волохову, мы подъ руками не имѣемъ. Но вотъ подтвержденіе его, данное въ 1669 году 1 сентября. Царь на этотъ разъ повелѣвалъ Волохову: «надъ непослушниками промышлять, согласно прежнему указу, смотря по тамошнему дѣлу *всякими мѣрами*, съ Заяцкаго острова, а буде пристойно и съ того бы острова переѣхать совсѣмъ на Соловецкій островъ» ([1]). Какими же это *всякими мѣрами?* Царь и самъ еще не зналъ какими, только никакъ не военными. Главнымъ образомъ Волохову рекомендовалось наблюдать, чтобы не было въ Соловецкій монастырь подвоза хлѣбныхъ и другихъ запасовъ. Когда въ 1669 году Волоховъ преждевременно оставилъ Соловецкіе острова, перебравшись въ Сумскій острогъ на зимовку, царь повелѣлъ ему снова отправиться на Заяцкіе острова «для обереганія хлѣбныхъ запасовъ» ([2]). Затѣмъ Волохову поручено было: «которые старцы и мірскіе люди изъ Соловецкаго монастыря учнутъ приходить къ нему, Волохову, въ станъ, принимать и распрашивать: кто именно въ томъ монастырѣ нынѣ пущіе непослушники и ихъ совѣтники, и которые съ ними въ совѣтѣ быть не хотятъ, и по скольку ихъ человѣкъ на обѣ стороны и въ чемъ межъ ними рознь, и есть ли у нихъ хлѣбные и иные какіе съѣстные запасы и сколько, и на сколько имъ того будетъ и отъ чего имъ чаяти скудости и вскорѣ ль? И довѣдавшись отъ нихъ (выходцевъ) про то до пряма, приказывать въ монастырь о обращеніи, и обнадеживать всякими мѣрами, чтобы они отъ непослушанія и отъ противности отстали, и святой соборной и апостольской церкви были не противны и намъ великому государю послушны» ([3]). Очевидно, царь не зналъ силъ и средствъ монаховъ къ оборонѣ и продолжительному «сидѣнію» въ монастырѣ и пока считалъ достаточными противъ нихъ двѣ мѣры: стѣсненіе въ пріобрѣтеніи насущныхъ потребностей жизни и увѣщанія, подкрѣпляемыя обнадеживаніемъ отдать имъ вины, въ случаѣ покорности; мѣры,

([1]) Дополн. къ Акт. Ист. т. V, № 67, Грам. Волохову 1 сент. 7177 г. Заяцкій островъ въ 5 верстахъ отъ монастыря.
([2]) Тамъ же, Грам. архим. Іосифу 30 сент. 7177 г.
([3]) Тамъ же, Грам. Волохову 1 сентября 7176 г.

какъ мы уже замѣтили, нетягостныя для монаховъ, запасшихся хлѣбомъ на десятки лѣтъ и имѣвшихъ сверхъ того возможность доставать себѣ изъ поморья все, что потребуется для жизни. Благодаря такой неопредѣленности инструкціи, Волоховъ дѣйствовалъ противъ монаховъ своеобразно и непрактично.

Въ генварѣ 1669 года онъ по царскому указу изъ Сумскаго острога посылалъ въ Соловецкій монастырь стрѣльца съ предложеніемъ монахамъ: принести добровольно покорность церкви и царю. Отвѣтъ послѣдовалъ таковъ: «у насъ одно положено, что по новымъ книгамъ пѣть и служить не хотимъ; на томъ мы въ монастырѣ и сѣли, чтобы помереть, и если Волоховъ впередъ къ намъ пришлетъ, то мы его посланника въ тюрьму засадимъ» ([1]). Между тѣмъ начались у Волохова съ архимандритомъ Іосифомъ непріязненныя отношенія. Въ началѣ 1669 года Волоховъ доносилъ царю на Іосифа и усольскихъ старцевъ, что Іосифъ вмѣстѣ съ монахомъ Кирилломъ только и любятъ тѣхъ, у которыхъ въ монастырѣ братія и племянники живутъ и воруютъ; что братъ бунтовщика попа Матюшки, дьячекъ Ивашка Евстратьевъ живетъ у архимандрита въ кельѣ и съ монахомъ Кирилломъ всякія тайныя письма пишетъ и посылаетъ въ монастырь; что онъ, Волоховъ, хотѣлъ ѣхать въ Кемскій городокъ, потому что кемскіе люди соловецкимъ ворамъ радѣютъ, но Іосифъ не далъ ему подводъ; что архимандритъ Іосифъ и по усольямъ старцы всѣ бражники: чернцы и служки ходятъ на волость (по деревнямъ) пьяные и государевы запасы на воровство приносятъ бабамъ. «Надобно думать», прибавлялъ Волоховъ, «что въ архимандритѣ (и въ усольскихъ старцахъ) къ тебѣ, государю, мало правды: Іосифъ за ваше здоровье въ навечеріи Рождества Христова Бога не молилъ, и дьякона возглашать не заставлялъ и говоркомъ псаломщикъ не говорилъ; за это я на архимандрита *шумѣлъ*; на 12-е число февраля на Алексѣя митрополита свадьбы вѣнчали; а про усольскихъ старцевъ сказывалъ мнѣ поповскій староста Унежемскаго усолья попъ Василій: какъ

([1]) Исторія Россіи Соловьева, т. II, стр. 459.

де ѣздилъ онъ, Василій, по соловецкимъ вотчинамъ, то замѣтилъ, что за ваше (царское) здоровье на великомъ выходѣ *Бога не молятъ,* въ церкви говорятъ не единогласно и пѣніе поютъ не нарѣчное» ([1]). Архимандритъ Іосифъ въ свою очередь жаловался царю на Волохова, что онъ надъ соловецкими мятежниками промыслу никакого не чинитъ, самъ на море не ѣздитъ и стрѣльцевъ не посылаетъ, живетъ въ Сумскомъ острогѣ и, приметываясь къ монастырскимъ служкамъ и крестьянамъ, чинитъ на нихъ налоги для своей корысти, бьетъ батогами безвинно, въ цѣпяхъ и желѣзахъ держитъ многіе дни, хвалится его, архимандрита, великому государю огласить напрасно; монастырскихъ крестьянъ, ѣздящихъ къ Архангельску, велитъ задерживать и беретъ съ нихъ деньги за пропускъ» ([2]). Царь не зналъ, кому изъ доносителей вѣрить и оставилъ ихъ доносы пока безъ вниманія. Впрочемъ, по этому, вѣроятно, поводу 3 мая 1669 г. была послана къ архимандриту Іосифу царская грамата о томъ, чтобы онъ «въ Сумскомъ острогѣ и во всѣхъ усольяхъ приказнымъ старцамъ и всякихъ чиновъ и работнымъ людямъ велѣлъ учинить заказъ крѣпкой, чтобы изъ Сумскаго острога, изъ усолій и изъ иныхъ ни изъ которыхъ мѣстъ никакіе люди въ Соловецкій монастырь отнюдь не ѣздили никакими мѣрами, ни для чего, и беречь того на крѣпко, чтобы изъ Сумскаго и ни откуда никакіе люди въ Соловецкій монастырь рыбы, и соли, и хлѣбныхъ и никакихъ запасовъ и иного ничего тайно отнюдь не привозили подъ опасеніемъ—ссылки въ Сибирь (если священническаго и иноческаго чина) и смертной казни (мірскихъ людей) безъ всякія пощады» ([3]).

Когда весной 1669 года для Волохова настало благопріятное время къ отъѣзду на Соловецкіе острова, подъ монастырь, архимандритъ Іосифъ по непріязненнымъ ли отношеніямъ къ Волохову, или по скудости монастырскихъ денежныхъ и хлѣбныхъ запасовъ, не хотѣлъ выдавать ни самому Волохову, ни стрѣльцамъ положеннаго денежнаго и

([1]) Исторія Россіи Соловьева, т. II, стр. 459.
([2]) Тамъ же.
([3]) Акты Арх. эксп. т. IV, № 168, стр. 920.

хлѣбнаго жалованья. Стрѣльцы заволновались, приступали къ архимандриту Іосифу съ шумомъ, говорили ему дерзости и рѣшительно отказывались ѣхать на Соловецкіе острова безъ жалованія. После немалыхъ споровъ Іосифъ долженъ былъ наконецъ удовлетворить справедливое требованіе Волохова и стрѣльцевъ. Но къ спѣшной поѣздкѣ на острова явилось новое препятствіе, опять благодаря враждебнымъ отношеніямъ между Волоховымъ и Іосифомъ. Волохову сверхъ стрѣльцовъ потребовались особые люди на разныя посылки и въ гребцы, при переправѣ чрезъ море въ Соловки. Онъ сталъ набирать таковыхъ изъ монастырскихъ крестьянъ; но архимандритъ Іосифъ отдалъ крестьянамъ приказаніе, чтобъ не слушали его. «Куды тѣхъ людей въ посылку посылать учну», писалъ Волоховъ царю, «и они меня не слушаютъ» (1). Въ подобныхъ дрязгахъ между Волоховымъ и архимандритомъ Іосифомъ прошла лучшая пора лѣта 1669 г. Монахи до прибытія Волохова могли свободно принимать у себя поморцевъ съ грузомъ и отправлять свои суда въ море за рыбой и въ Мезень за товарами. Только въ іюлѣ Волоховъ со стрѣльцами наконецъ прибылъ на Соловецкіе острова и остановился на Заяцкихъ островахъ, отдѣленныхъ отъ главнаго Соловецкаго, на которомъ стоитъ монастырь, проливомъ шириною версты въ четыре.

Какія Волоховъ на первыхъ порахъ принималъ мѣры къ покоренію монаховъ, объ этомъ хорошо неизвѣстно. Но можно отчасти судить по слѣдующему замѣчанію, которое сдѣлалъ ему царь, вслѣдствіе доноса на него со стороны стрѣлецкихъ полуголовъ, бывшихъ съ нимъ на Заяцкихъ островахъ. «Вѣдомо намъ учинилось», писалъ царь Волохову 1 сентября 1669 г., «что ты и полуголовы, которые посланы съ тобою съ Москвы, и стрѣльцы, стоите на Заяцкомъ острову, отъ монастыря въ пяти верстахъ; и полуголовы тебѣ говорятъ, чтобы вамъ всѣмъ съ того острова идти на Соловецкій островъ для промыслу надъ непослушными, и ты съ того острова на Соловецкій островъ нейдешь

(1) Допол. къ Акт. Ист. т. V 67. Грамата архимандриту Іосифу 30 сентября 7178 (1669) г.

невѣдомо для чего». Пребываніе Волохова на Заяцкомъ островѣ казалось царю и на самомъ дѣлѣ было невыгодно тѣмъ, что нѣкоторые изъ старцевъ и мірскихъ людей пребывающихъ въ монастырѣ, дѣйствительно хотѣли отстать отъ мятежниковъ и перейти въ станъ къ Волохову, но не могли этого сдѣлать потому, что «за морскимъ путемъ (чрезъ проливъ) приходить имъ къ нему было не мочно». Царь повелѣвалъ теперь Волохову «буде пристойно» съ Заяцкаго острова немедленно «переѣхать совсѣмъ на Соловецкій островъ» (¹). Но указъ дошелъ до Волохова уже въ то время, когда онъ былъ снова въ Сумскомъ острогѣ. Волоховъ не зналъ о сдѣланномъ на него доносѣ и вѣроятно не ожидалъ отъ царя никакихъ новыхъ распоряженій. Между тѣмъ приближалась холодная осень и пребываніе на островахъ въ лѣтнихъ палаткахъ, безъ опредѣленныхъ занятій, стало дѣлаться затруднительнымъ и скучнымъ. Поэтому онъ 8 сентября и возвратился въ Сумскій острогъ, съ намѣреніемъ провести тамъ зиму. Архимандритъ Іосифъ поспѣшилъ донести царю объ этомъ преждевременно возвращеніи Волохова на зимовку и царь по доносу Іосифа 30 сентября снова повелѣлъ Волохову «тотчасъ» отправиться хотя на Заяцкіе острова, «для обереганія хлѣбныхъ запасовъ» (²). Но было уже поздно: насталъ октябрь мѣсяцъ, а въ это время морской путь къ Соловкамъ почти прекращается—по морю начинаетъ носиться весьма опасный для половцовъ мелкій ледъ (шелуха). Притомъ вѣроятно и стрѣльцы по обычаю были уже распущены на зиму по домамъ. Волоховъ поэтому невольно долженъ былъ остаться въ Сумѣ до весны 1670 года. Такъ совершилъ Волоховъ первую поѣздку подъ Соловецкій монастырь. Подобнымъ образомъ онъ отправлялся изъ Сумскаго острога на Соловецкіе острова и къ осени возвращался на зиму въ Сумскій посадъ, распуская по домамъ стрѣльцовъ, каждое лѣто до 1672 года.

Подвинулось-ли дѣло покоренія монаховъ при Волоховѣ хотя сколько-нибудь впередъ? Нисколько. Монахи жили себѣ

(¹) Дополн. къ Акт. Ист. т. V № 67. Грамата Волохову 1 сентября 1669 г.
(²) Дополн. къ Акт. Ист. т. V. № 67, Грамата Іосифу отъ 30 сентября 1669 года.

спокойно въ монастырѣ, не нуждаясь ни въ чемъ и не думая о покорности. Во время пребыванія Волохова на Соловецкихъ островахъ, близь монастыря, они обыкновенно затворялись въ крѣпкихъ монастырскихъ стѣнахъ. Въ остальное время, рано весной и поздно осенью, спокойно принимали гостей и запасались съѣстными припасами. Не смотря на строгое царское запрещеніе ѣздить къ мятежникамъ и особенно возить имъ что-нибудь изъ необходимыхъ жизненныхъ потребностей, у монаховъ постоянно находились «благодѣтели», которые доставляли имъ все нужное для жизни, чего нельзя было пріобрѣсти на Соловецкихъ островахъ. Въ октябрѣ, напр. 1669 года муромскіе кормщики Данилко Полтининъ, Ивашко Андреевъ и Никита Козминъ и монастырскій «покрученикъ» Андрюшка Веденикъ доставили монахамъ съ мурманскаго промыслу грузъ соленой рыбы, достаточной для пропитанія не на одинъ годъ. Въ это-же время была перевезена въ монастырь съ Жигжинскаго острова рыба, выгруженная тамъ изъ пришедшей съ моря, въ бытность Волохова на Заяцкихъ островахъ, монастырской лодьи. Подобнымъ образомъ монахи доставили себѣ необходимые запасы и товары и въ другіе годы. Въ 1670 году, наприм., монахи Анзерскаго скита продали имъ 146 пудовъ свѣжепросольной щуки, сиговъ и кумежи и 320 пудовъ трески и палтосины. Въ 1671 году анзерской чернецъ Варѳоломей, двинской старецъ Никаноръ и береговые всякіе люди цѣлое лѣто провозили въ монастырь рыбу, масло, сукна, холстъ, кожи и между прочимъ 15 бечекъ вина краснаго, выгружая на противоположной отъ Заяцкихъ острововъ сторонѣ Соловецкаго острова ([1]). Единственнымъ успѣхомъ Волохова за все трехлѣтнее пребываніе его на Соловецкихъ островахъ можетъ быть названо только то, что въ 1670 году ему удалось взять въ плѣнъ неосторожно выѣхавшихъ изъ монастыря для рыбной ловли въ ближайшей морской губѣ бывшаго келаря старца Азарія и съ нимъ 13 человѣкъ монаховъ и 24 челов. мірянъ ([2]). Но для соловецкихъ монаховъ и этотъ

([1]) Приходорасх. книжка казначея Глѣба въ солов. архивѣ. Истор. Рос. Соловьева, т. II стр. 460.

([2]) Истор. опис. Сол. м. ч. I. стр. 157. Допол. къ Акт. Истор. т. V. № 67, стр. 344 Грамата Іосифу 5 окт. 1670 г. Они разосланы по разнымъ монастырямъ.

случай не сопровождался никакими вредными послѣдствіями. Убыль 38 человѣкъ больше чѣмъ изъ 500 была неособенно замѣтна.

По всей вѣроятности монахи пожалѣли объ отцѣ Азаріѣ, какъ человѣкѣ твердомъ въ вѣрѣ и отважномъ, о чемъ свидѣтельствуетъ его выѣздъ для ловли рыбы въ виду явной опасности, но они уже привыкли къ утратѣ дорогихъ людей, каковы были Герасимъ Ѳирсовъ, Александръ Стукаловъ и др. Мы сейчасъ увидимъ, что они добровольно лишились и казначея Геронтія—автора всѣхъ челобитныхъ, котораго такъ недавно называли «вторымъ Златоустомъ»,—посадивъ его въ тюрьму за нѣкоторыя несогласія съ ними. Между тѣмъ борьба за старые порядки не только не теряетъ прежней силы, напротивъ превращается въ вооруженное возстаніе. Это свидѣтельствуетъ о томъ, что павшіе герои борьбы—Ѳирсовъ, Стукаловъ и др. далеко не были главною опорою стоянія. Очевидно, стояніе поддерживалось и развивалось кѣмъ-то другимъ, кто умѣлъ подлаживаться подъ вкусъ возмутившейся братіи, разжигалъ въ нихъ страсти и самъ при всѣхъ неблагопріятныхъ и опасныхъ обстоятельствахъ оставался цѣлъ и невредимъ. Таковымъ во всей исторіи возмущенія и особенно послѣ паденія Азарія и Геронтія является извѣстный намъ архимандритъ Никаноръ съ своимъ вѣрнымъ слугой Ѳадюшкой Бородинымъ ([1]). Въ ихъ рукахъ теперь сосредоточена вся монастырская власть; они являются главными руководителями вооружённой обороны. Впрочемъ сила и власть ихъ немало зависѣла и отъ ихъ достойныхъ «товарищей». Эти товарищи Никанора и Ѳадюшки, по ихъ образу жизни и поступкамъ, на которые мы укажемъ въ своемъ мѣстѣ, намъ сильно напоминаютъ о тѣхъ темныхъ личностяхъ, которыя въ Соловецкомъ монастырѣ раньше «безъ чернаго собору игуменовъ, келарей и казначеевъ, мѣняли выбирая себѣ потаковниковъ», которыя «старцевъ, постриженниковъ старыхъ и житіемъ искусныхъ и преданія великихъ чудотворцевъ Зосимы и Савватія хранящихъ безчестили

([1]) Тотъ самый, который въ 1667 г. изъ Москвы по порученію Никанора предупреждалъ братію, что не слѣдуетъ принимать на настоятельство Іосифа.

и на соборахъ имъ говорить не давали», которыя во время смутъ въ 1666 г. готовы были спутниковъ архимандрита Сергія отправить на дно морское и у архамандрита Варѳоломея въ 1667 году рвали на головѣ «рогатый» клобукъ и волосы и т. д. Отъ подобныхъ людей меньше всего можно было ожидать благоразумія и безпристрастія въ начатомъ дѣлѣ стоянія за вѣру. И дѣйствительно у товарищей Никанора и Ѳадюшки въ ихъ вооруженной борьбѣ на первый планъ выступаютъ не благоразуміе, а личныя страсти. Какъ далеко они выходили за предѣлы благоразумія и безпристрастія въ дѣлѣ самой религіи, объ этомъ можно судить по слѣдующему отзыву одного изъ вышедшихъ изъ монастыря къ Мещеринову, Васьки Кириловщины: «И въ церковь Божію они не ходятъ, и на исповѣдь къ отцамъ духовнымъ не приходятъ, и священниковъ проклинаютъ и называютъ еретиками и богоотступниками, а исповѣдуются промежъ собою у бѣльцовъ и помираютъ безъ покаянія и безпричастія — и въ ямы ихъ кладутъ безъ отпѣванія священническаго... И новоисправленныя печатныя книги въ море пометали келарь Азарій, да служка Ѳадей Петровъ съ *товарищи*, предварительно вынявъ ихъ изъ досокъ, которыя сожгли» ([1]). «Возненстовавшеся зѣльнымъ неистовствомъ», пишетъ соловецкій архимандритъ Макарій въ предисловіи къ Ирмологію 1686 г., «собравше множество святыхъ книгъ печатныхъ и вся растерзаше и въ морѣ потопиша, иныя же и сожгоша до 200 книгъ». «Ѳадѣйчище съ товарищи» сверхъ того по словамъ Макарія, «всѣ кресты по острову съ положенной титлой посѣче и позже» ([2]). Архимандритъ Никаноръ былъ достойнымъ иредставителемъ партіи такихъ людей. Онъ говорилъ своимъ товарищамъ; «на что намъ священниковъ, мы и безъ священниковъ проживемъ, въ церкви часы станемъ говорить, а священники не нужны». Самъ лично онъ уже пять лѣтъ не пріобщался святыхъ таинъ ([3]). Таковы главные борцы за старую вѣру, съ которыми имѣлъ дѣло Волоховъ. Онъ со стрѣльцами въ теченіи трехъ лѣтъ по всей вѣроятности

([1]) Матер. для ист. раск. т. III, стр. 242 и 243.
([2]) Чтенія Общ. ист. и древн. 1846 г. №3.
([3]) Матер. для ист. раск. т. III, стр. 244.

не разъ бывалъ у самыхъ стѣнъ затвореннаго монастыря и пробовалъ пугать монаховъ выстрѣлами изъ своихъ пищалей, на которыя монахи стали отвѣчать своими. Всѣ старцы и бѣльцы, которые въ послѣдніе годы осады выбѣгали изъ монастыря въ станъ Мещеринова, единогласно говорили, что «монастырь заперли и стрѣльбу завели келарь Азарій съ таварищи» ([1]), а Азарій какъ мы уже сказали, въ 1670 году взятъ Волоховымъ и отправленъ въ Суму. Слѣдовательно отстрѣливаться начали монахи при первомъ появленіи у стѣнъ монастыря Волохова со стрѣльцами, т. е. въ 1669 году. И во всякомъ случаѣ не позже 1670 года. Въ этомъ году келарь Азарій уже и рыбу ловилъ на вооруженныхъ маленькими пушками лодкахъ ([2]).

Да и мысль о вооруженномъ сопротивленіи принадлежитъ никому другому, какъ келарю Азарію, архимандриту Никанору и служкѣ Өадюшкѣ Бородину *съ ихъ товарищами*. «А стрѣльба началась», показывалъ въ 1674 г. старецъ Митрофанъ, «отъ Никанора архимандрита, да отъ служки Өадюшки Бородина съ товарищи; и онъ, Никаноръ, по башнямъ ходитъ *безпрестанно* и пушки кадитъ и водою кропитъ и имъ говоритъ: «матушки де мои галаночки (отъ происхожденія ихъ изъ Голландіи) надежда-де у насъ на васъ, вы-де насъ обороните» ([3]). «А стрѣльба началась», показывали черный священникъ Павелъ и старецъ Діонисій, «отъ келаря Азарія, да отъ Никанора, да отъ Өадюшки Бородина» ([4]). Это же самое говорили о началѣ стрѣльбы черный попъ Геронтій, старецъ Варлаамъ и другіе выходцы ([5]). Болѣе благоразумные, смиренные, набожные и все еще сознающіе долгъ подчиненія царю монахи не только не хотѣли отстрѣливаться, но даже не совѣтовали Азарію съ товарищами затворяться въ монастырѣ. Казначей Геронтій— авторъ челобитныхъ первый протестовалъ противъ стрѣльбы.

([1]) Акты Ист. т. IV. № 248, стр. 531—539. Показаніе старцевъ Митрофана, Амбросима, Геронтья, Павла, Варлаама, бѣльца Васьки Кириловщины и др. Мат. для ист. р. т. III. стр. 325 и слѣд.

([2]) Ист. опис. Сол. м. ч. I, стр. 157.

([3]) Акты Ист. т. IV. № 248, стр. 352, 353.

([4]) Тамъ же, стр. 335—336.

([5]) Тамъ же, стр. 333, 334, 335 и далѣе до 339.

«А о стрѣльбѣ я запрещалъ», показывалъ онъ въ 1674 г. Мещеринову; «и въ монастырѣ запираться не велѣлъ,... и приговоръ о томъ я написалъ, что противъ государевыхъ ратныхъ людей не биться и монастыря не запирать, и тотъ приговоръ былъ у келаря Азарія» ([1]). Это показаніе Геронтія подтверждено многими выходцами. «А Геронтій о стрѣльбѣ запрещалъ и стрѣлять не велѣлъ», говоритъ, напр., старецъ Митрофанъ ([2]). «Черный священникъ Геронтій всѣмъ говорилъ—въ монастырѣ запираться и стрѣлять не велѣлъ», говорилъ бѣлецъ Васька Кириловщина ([3]) и т. д. Совѣтовали Азарію съ военнолюбивыми товарищами не браться за оружіе и другіе старцы. Напримѣръ, старецъ Манассія говоритъ о себѣ: «и соловецкимъ бунтовщикамъ я говорилъ, чтобы по государевымъ ратнымъ людемъ не стрѣлять» ([3]). Вообще можно сказать, большая часть братіи, именно—люди, заинтересованные исключительно религіей, смиренные, добросовѣстные, въ вопросѣ о вооруженной защитѣ совершенно отдѣлились отъ Азарія, Никанора, Ѳадюшки Бородина и ихъ товарищей.

Эта большая, но слабая половина скромной и честной братіи готовы даже были сдаться Волохову, не перемѣняя впрочемъ вѣры, готовы были страдать за вѣру, не сопротивляясь силѣ, именно такъ, какъ страдали святые мученики, какъ они сами высказывали объ этомъ въ своихъ челобитныхъ къ царю. Геронтій съ ученикомъ своимъ Манассіей могутъ быть въ этомъ случаѣ выставлены, какъ образцы такихъ страдальцевъ-героевъ: въ 1674 г., явившись въ станъ Мещеринова, они не убоялись объявить ему, что не перемѣнятъ своихъ религіозныхъ убѣжденій, хорошо зная, что ихъ твердость въ вѣрѣ можетъ, довести ихъ не только до страданій, но и до смерти ([4]). Легко могло случиться, что Геронтій, Монассія и другіе старцы, явившіеся въ 1674 г. къ Мещеринову, вышли бы и раньше, еще въ станъ Волохова, но это не отъ нихъ зависѣло. Съ одной сторо-

---

([1]) Акт. Истор. т. IV. № 248, показ. Геронтія стр. 354, 355.
([2]) Тамъ же. стр. 532.
([3]) Тамъ же, стр. 337.
([4]) Тамъ же, стр. 334 и 337.

ны—Волоховъ жилъ на Заяцкомъ островѣ, отдѣленномъ морскимъ проливомъ въ четыре версты; къ нему, слѣдовательно, можно было пробраться только на лодкахъ, но не всякій старецъ имѣлъ таковыя. Съ другой—главные бунтовщики, въ 1668 году предлагавшіе слабымъ старцамъ о выходѣ изъ монастыря и въ 1669 г. выславшіе 12 человѣкъ ссыльныхъ, вскорѣ затѣмъ признали за лучшее несогласныхъ съ ними въ вопросѣ о стрѣльбѣ морить въ монастырской тюрьмѣ. «А которые изъ братіи», показывалъ въ 1674 году старецъ Митрофанъ, «священники и старцы и служебники къ ихъ метежу не приставали и изъ монастыря просились и они мятежники изъ монастыря ихъ не выпустили» (¹). Казначея Геронтія мятежникамъ особенно не хотѣлось выпускать изъ монастыря потому, что онъ до сихъ поръ составлялъ въ монастырѣ авторитетъ и внѣ монастыря былъ извѣстенъ, по своей челобитной, какъ второй Златоустый: утрата такого старца могла быть очень замѣтна. Поэтому, когда Геронтій хотѣлъ-было отправиться по приглашенію митрополита Іоакима въ Новгородъ, чтобы «о новоисправленныхъ печатныхъ книгахъ и о крестѣ достовѣрное увѣреніе и свидѣтельство съ древними харатейными книгами воспріять, потому что Іоакимъ приглашалъ его,— мятежники его Геронтія изъ монастыря не отпустили». Но этого мало,—когда онъ сталъ говорить, что не слѣдуетъ запираться въ монастырѣ и отстрѣливаться, и составилъ объ этомъ приговоръ, его посадили въ тюрьму и содержали въ ней до 17 сентября 1674 года (²). Ученикъ Геронтія Манассія, имѣвшій дерзновеніе подать свой голосъ не въ пользу стрѣльбы, испыталъ туже участь: «и меня за то», говорилъ онъ, «держали они въ тюрьмѣ по се (17 сентября 1674 г.) числа (³). Старецъ Амвросій говоритъ о себѣ: «а какъ въ Соловецкомъ монастырѣ учинился бунтъ и мятежъ, и я въ то время изъ монастыря просился и меня не выпустили, и я изъ монастыря бѣгалъ, и воры меня поймали и въ монастырѣ держали поневолѣ... Да послѣ

(¹) Акт. Истор. т. IV. № 248, стр. 352, 534.
(²) Тамъ же, стр. 537.
(³) Тамъ же, стр. 537.

меня остался въ монастырѣ послушникъ старецъ Питиримъ Крылошанинъ, и изъ монастыря онъ со мной бѣгалъ же, и воры его изъ монастыря не выпускаютъ, а онъ къ нимъ ворамъ ни въ чемъ не пристаетъ» ([1]). Васька Кириловщина до 1674 года уходилъ изъ монастыря трижды и всякій разъ воры его возвращали, однажды даже судно, на которомъ хотѣлъ отплыть, разсѣкли, плетьми били и въ монастырѣ держали поневолѣ» ([2]). Вообще съ нѣкотораго времени бунтовщики положили «кто имъ станетъ говорить о правдѣ», т. е. что-нибудь неподходящее подъ ихъ убѣжденія и планы, бить таковыхъ людей, въ тюрьмѣ держать и морить голодомъ, а не высылать изъ монастыря ([3]). Такимъ образомъ, если и были старцы и бѣльцы, готовые сдаться Волохову, то они не имѣли средствъ къ тому, потому что принадлежали къ партіи слабой, зависѣвшей отъ архимандрита Никанора съ товарищами.

Столь слабая осада монастыря со стороны Волохова могла бы продолжаться безъ всякаго вреда для соловецкой братіи цѣлые десятки лѣтъ. Волоховъ, какъ мы видѣли, дорожилъ больше зимней резиденціей въ Сумскомъ посадѣ, чѣмъ лѣтней на Соловецкихъ островахъ. И въ Сумѣ онъ, а по примѣру его и стрѣльцы, ко вреду дѣла къ соблазну поморцевъ не переставали ссориться съ архимандритомъ Іосифомъ и производить всякіе безпорядки. Въ 1671 году 2 апрѣля архимандритъ Іосифъ жаловался царю, что 15 февраля съ Холмогоръ въ Сумскій острогъ былъ посланъ двинскій сотникъ стрѣльцовъ Степанъ Холоповъ съ сотнею холмогорскихъ стрѣльцовъ на перемѣну прежняго сотника и стрѣльцовъ. По подорожной Холопову до Сумы велѣно давать подводу (одну) да подъ ружье и подъ запасы стрѣльцовъ двадцать подводъ. Но онъ, проѣзжая мимо соловецкихъ вотчинъ, бралъ у монастырскихъ крестьянъ насильно подводъ по сороку и больше. Далѣе: въ Холмогорахъ Холопову и стрѣльцамъ было выдано хлѣбное жалованье на всю дорогу. Но они это жалованье—или оставили своимъ семей-

---

([1]) Акт. Истор. т. IV № 248, стр. 533.
([2]) Тамъ же, стр. 537.
([3]) Тамъ же, показаніе бѣльца Іудка Рогуева, стр. 333, 334.

ствамъ, или пропили, и отправились въ путь безъ хлѣба. Но такъ какъ безъ хлѣба обойтись было нельзя, то у монастырскихъ крестьянъ «у кого во дворѣхъ свѣдаютъ хлѣбныхъ и съѣстныхъ запасовъ, имали насильствомъ, чрезъ что бѣдныхъ крестьянъ, которые и безъ того по большой части ѣли «сосну, сѣно и мохъ», окончательно «оголодили и многихъ били и изувѣчили». Не довольствуясь этимъ, стрѣльцы по прибытіи въ Суму приступаютъ къ архимандриту Іосифу, чтобы выдалъ имъ дорожное жалованье, составивъ сказку за своими руками въ томъ, что «имъ на Холмогорахъ хлѣба дано въ дорогу, чѣмъ только мочно подняться»; приступали неоднократно съ шумомъ до тѣхъ поръ, пока архимандритъ Іосифъ неудовлетворилъ ихъ требованіе (¹). У самого Волохова вражда съ архимандритомъ Іосифомъ дошла до послѣдней крайности. 16-го марта 180 (1672) года онъ, по словамъ Іосифа, «составнымъ своимъ вымысломъ по прежней своей злобѣ, въ церквѣ Божіи на божественнѣй литургіи во время херувимской предъ самымъ выходомъ учиня великій мятежъ, взялъ его архимандрита Іосифа въ церкви съ великимъ поруганіемъ, билъ по щекамъ, дралъ за бороду и началъ толкать въ шею; стрѣльцы подхватили, совсѣмъ выволокли изъ церкви съ ругательствами, притащили на съѣзжій дворъ и посадили за караулъ въ тюрьму, на большую цѣпь со стуломъ. Туда же попали соборный старецъ Кириллъ и служка Іосифа. Между тѣмъ «2 апрѣля», писалъ Іосифъ новгородскому митрополиту Питириму «пріѣхалъ въ Сумскій острогъ Соловецкаго монастыря постриженникъ попъ Германъ, невѣдомо откуды и явился къ Игнатію Волохову, и онъ Игнатій, распрося и сказку у него взявъ, прислалъ его въ острогъ, на монастырскій дворъ, къ приказному соборному старцу, и велѣлъ въ кельѣ мѣсто дать, гдѣ ему жить, и кормить его и поить. Мало того, Волоховъ далъ Герману память за своею печатью, велѣлъ ему въ Сумскомъ острогѣ, у церкви Божіи служить и надъ попами и надъ всѣми церковниками вѣдать, и учинилъ его себѣ духовнымъ отцомъ; а онъ попъ учалъ жить нестройно,

(¹) Дополн. къ Акт. Ист. т. V. № 67. Грамата на двину воеводѣ Нестерову 10 апрѣля 1671 г. стр. 345.

напився пьянъ, стрѣльцовъ и крестьянъ сталъ давать за караулъ безъ вѣдома самого Игнатія Волохова, а иныхъ и бить безъ вины; а старца Никодима въ ногу покололъ, и всякія смуты учалъ Игнатію приносить, а онъ Игнатій во всемъ ему вѣрить и многихъ людей безвинно, напрасно оскорбляетъ батоги и въ тюрьму сажаетъ». Когда архимандритъ Іосифъ, освобожденный изъ подъ караула (2 мая), спросилъ Германа: по какому указу онъ въ Сумскомъ острогѣ божественную литургію служитъ? И онъ Германъ никакихъ граматъ и памятей, кромѣ данной Волоховымъ у себя не сказалъ и некакихъ священническихъ потребъ: дароносцы и ризъ, ни патрахиля и книгъ у него не оказалось; а какъ де ѣхалъ онъ попъ Германъ въ Сумскій острогъ, и въ то де время были въ посылкѣ изъ Сумскаго острога отъ стряпчаго Игнатія Волохова сотники московскихъ стрѣльцовъ Микифоръ Акининъ, да двинскихъ стрѣльцовъ Матвѣй Ясновскій со стрѣльцами, и съѣхались де съ нимъ попомъ въ Унскомъ усольѣ на стану, и просили де у него благословенія, и онъ де тогда имъ самъ сказалъ: «былъ онъ прежче сего попъ, а нынѣ де ему благословлять не велѣно» (¹). Кромѣ попа Германа Волоховъ еще подружился съ выходцами изъ монастыря чернцомъ Іоасафомъ и бѣльцомъ Васькой Токаремъ. «Эти старцы», говоритъ архим. Іосифъ «сложась съ Волоховымъ заодно, умысля воровски, его архимандрита Іосифа оболгали Волохову и сказку за своею рукою ему дали, чѣмъ бы его Іосифа не дѣломъ огласить, будто онъ бунтъ заводитъ». По ихъ именно сказкѣ Волоховъ и билъ въ храмѣ Божіемъ и за бороду дралъ Іосифа и въ тюрьмѣ многое время, до указа великаго государя держалъ (²). Вслѣдствіе этихъ жалобъ архимандрита Іосифа, царь Алексѣй Михайловичъ, 3 апрѣля 1672 года, послалъ въ Сумскій острогъ къ сотнику московскихъ стрѣльцовъ Ивану Молчанову грамату о томъ, чтобы онъ у Игнатья Волохова соловецкаго архимандрита Іосифа, и соборнаго старца Кирилла и служекъ изъ-за приставовъ взявъ, освободилъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ было пове-

(¹) Дополн. Акты, т. V. № 67, стр. 346. Грамата Іосифу отъ Питирима митрополита.

(²) Дополн. Акты, т. V № 67, стр. 346. Грамата Питирима отъ 17 іюня 180 года

лѣно Молчанову монастырскую и братскую рухлядь, которую Игнатій успѣлъ захватить, отобрать у него Волохова и отдать архимандриту Іосифу съ братіей подъ росписку при постороннихъ многихъ людяхъ. Первое повелѣніе Молчановъ исполнилъ въ точности; но послѣдняго—не могъ, встрѣтивъ отъ Волохова сопротивленіе. Однако составилъ захваченному Волоховымъ монастырскому, архимандричьему и братскому золоту и рухляди особую роспись за руками Іосифа съ братіей и 10 іюня представилъ ее царю. Волоховъ и архимандр. Іосифъ были затѣмъ отозваны въ Москву.

Такъ кончилась осада Соловецкаго монастыря со стороны Волохова. Цѣлыхъ три года Волоховъ провелъ въ Сумскомъ острогѣ и на Заяцкихъ островахъ въ совершенной бездѣятельности, если не считать дѣятельностію его дрязги съ архимандритомъ Іосифомъ. Цѣлые три года царь терпѣливо дожидалъ, что отъ «утѣсненія» монахи покорятся, но они думали не о покорности, а о томъ: какъ бы запастись новыми запасами, благодаря близорукости Волохова, и какъ бы недопустить его близко къ своимъ стѣнамъ, дѣлая по временамъ пушечные выстрѣлы. Цѣлыхъ наконецъ три года правительство старалось по крайней мѣрѣ узнать: съ чѣмъ засѣли монахи и долго ли могутъ держаться, таская изъ-за этого изъ Сумы въ Москву выходцевъ, но и это неудавалось (1).

Между тѣмъ, хотя и слабая, осада монастыря была большимъ соблазномъ для русскаго народа и особенно поморья. Въ поморьѣ всюду бродили старцы—выходцы соловецкіе и распространяли слухи о царѣ-гонителѣ, о духовныхъ и гражданскихъ властяхъ—слугахъ антихристовыхъ и о истинныхъ мученикахъ-герояхъ соловецкихъ монахахъ (2)... Голодные и забитые поморцы слушали рѣчи всякаго проходимца и готовы были къ возстанію противъ правительства.

(1) Въ 1669 г. изъ Сумы взяты въ Москву нарочно прибывшими приставами: 7 марта старецъ Ѳеодулъ, 30 марта—старецъ Матѳей Кривошеинъ. Въ 1670 г. увезены колодники Гришка Черный и Антипка Ивановъ. Въ 1672 г. взяты наконецъ старецъ Васьянъ съ товарищами 14 челов. Сумская тюрьма была переполнена старцами, которыхъ вѣроятно пыталъ и Волоховъ, имѣя порученіе, но никто лично не сообщалъ о положеніи дѣлъ въ монастырѣ. Отводн. кн. сумскаго строителя. Сол. арх.

(2) Истор. о отцѣхъ л. 99 об.

II.

Стрѣлецкій голова К. А. Іевлевъ. Назначеніе Іевлева и прибытіе на Соловецкіе острова.—Письмо къ монахамъ о покорности.—Отъѣздъ въ Сумскій острогъ.—Непріятности съ сумскимъ приказнымъ старцемъ Іоилемъ.—Милостивая царская грамата къ Соловецкимъ монахамъ.—Новая инструкція Іевлеву на случай упорства монаховъ.—Соборы къ отъѣзду на Соловецкіе острова весной 1673 г. и самый отъѣздъ.—Новыя утѣсненія монаховъ.—Отозваніе Іевлева въ Москву. Подкрѣпленія монаховъ запасами.—Неустройства въ монастырѣ.—Отмѣненіе молитвы за царя съ семействомъ.

На мѣсто неспособнаго стряпчаго Волохова подъ Соловецкій монастырь, въ іюнѣ 1672 года назначенъ голова московскихъ стрѣльцовъ Клементій Алексѣевичъ Іевлевъ (¹). Вмѣстѣ съ тѣмъ увеличено и число стрѣльцовъ до 725 (двинскихъ 600 и сумскихъ 125). Но главный способъ покоренія «мятежниковъ» оставленъ тотъ-же, именно: «утѣсненіе всякими мѣрами», не прибѣгая безъ нужды къ оружію (²). «Посланъ ты», говорится въ одной грамотѣ, «съ начальными людьми и стрѣльцами для промыслу на Соловецкомъ острову надъ соловецкими чернцами мятежники, какъ мочно *потѣснить*» (³).

Въ сентябрѣ мѣсяцѣ голова Іевлевъ со своими стрѣльцами прибылъ прямо на Соловецкіе острова и первымъ долгомъ послалъ въ Соловецкій монастырь стрѣлецкаго сотника Никифора Порошина съ письмомъ отъ себя къ мятежникамъ о томъ, «чтобы въ винахъ своихъ великому государю добили челомъ и освященному собору покореніе принесли». Въ письмѣ было сказано и то, что «государь ихъ жалуетъ, велитъ прежнія вины ихъ отдать». Соловецкіе старцы и мірскіе люди, получивъ письмо Іевлева, какъ будто нѣсколько поколебались и въ удостовѣреніе попросили у Іевлева царской граматы о томъ, что имъ въ прежнихъ винахъ дѣйствительно будетъ прощеніе. Іевлевъ такой граматы не имѣлъ, и

(¹) Дополн. къ Акт. Ист. т. V. № 67, стр. 347. Царская грамата Іевлеву отъ 18 іюня 7180 (1672) г.

(²) Тамъ же, стр. 348. отъ 23 сентября 7181 (1672) г.

(³) Тамъ же, стр. 350.

монахи поэтому остались по прежнему упорными. Послѣ этого онъ, попробовалъ пригрозить монахамъ своими пищальными выстрѣлами; но скоро «у служилыхъ людей не стало свинцу и пороху». Между тѣмъ наступила осень, и онъ оставилъ Соловецкіе острова, отступивъ на зимовку въ Сумскій острогъ. Съ прибытіемъ въ Суму 19 октября онъ поспѣшилъ донести царю о томъ, что монахи не повѣрили его письму и стоятъ упорно, ожидая отъ великаго государя грамоты «объ отдачѣ винъ ихъ». Къ этому присовокупилъ, что на случай новой осады монастыря съ весны 1673 года ни у него ни въ Сумскомъ острогѣ нѣтъ ни пушекъ, ни пороху, ни свинцу, ни фителя, ни гранатнаго мастера для приступнаго дѣла, ни гранатъ, и ему идти къ монастырю будетъ не съ чѣмъ. Въ отвѣтъ на это донесеніе въ ноябрѣ былъ полученъ царскій указъ только о томъ, чтобы Іевлевъ распустилъ по домамъ до будущей весны всѣхъ 600 человѣкъ холмогорскихъ и архангельскихъ стрѣльцовъ. Такъ легко монахи отдѣлались отъ перваго утѣсненія со стороны новаго полководца Іевлева.

Пребывая цѣлую зиму въ Сумскомъ острогѣ, Іевлевъ не хотѣлъ оставаться безъ дѣятельности. По примѣру Волохова онъ самовольно началъ вмѣшиваться въ вотчинныя монастырскія дѣла, къ которымъ послѣ архимандрита Іосифа былъ приставленъ соловецкій старецъ Іоилъ. Начались снова непріятности, дрязги и жалобы съ той и другой стороны, а неизбѣжнымъ слѣдствіемъ ихъ были—соблазнъ, притѣсненія и обиды бѣднымъ поморцамъ и замедленіе осады монастыря. Непріятности начались по слѣдующему поводу: старцу Іоилю по дѣламъ управленія многочисленными поморскими вотчинами постоянно требовались люди на посылки въ волости и усолья. Раньше эту обязанность исполняли соловецкіе стрѣльцы, которые были теперь въ распоряженіи Іевлева. Съ возвращеніемъ съ Соловецкаго острова они оставались безъ особыхъ занятій и потому старецъ Іоиль хотѣлъ-было ихъ снова употребить на посылки. Но голова Іевлевъ рѣшительно отказалъ ему въ этомъ. Это послужило первымъ поводомъ къ жалобамъ царю на Іевлева со стороны приказныхъ старцевъ сумскаго Іоиля и московскаго Иринарха. На первую

жалобу не было въ Москвѣ обращено вниманія. Но скоро явились новые поводы къ другимъ жалобамъ, которые уже не остались безъ послѣдствій, неблагопріятныхъ для Іевлева. Іевлевъ, вопреки данному изъ разряда наказу ни въ какомъ отношеніи не вмѣшиваться въ вотчинныя монастырскія дѣла потребовалъ къ себѣ въ Сумскій острогъ изъ всѣхъ монастырскихъ волостей съ соляныхъ промысловъ земскихъ старостъ съ сборными и расходными книгами и началъ повѣрять ихъ. Кромѣ того онъ хотѣлъ быть судьею надъ монастырскими крестьянами, которые до сихъ поръ не знали никакого посторонняго суда, кромѣ монастырскаго. Такъ, однажды онъ разбиралъ дѣло между двумя поссорившимися сумлянами и одного изъ нихъ Андрюшку Серебреника присудилъ бить на правежѣ скована и доправилъ на немъ въ свою пользу 52 р. и въ пользу челобитчика 40 р. ([1]). Новыя жалобы Іоиля и Иринарха на подобнаго рода вмѣшательство въ вотчинныя дѣла со стороны Іевлева побудили царя сдѣлать Іевлеву замѣчаніе и послать старцу Іоилю въ подтвержденіе его правъ по управленію вотчинами новую грамату, съ тѣмъ, чтобы онъ между прочимъ «берегъ накрѣпко и заказъ учинилъ, чтобы изъ волостей и изъ соляныхъ промысловъ въ Соловецкій монастырь къ мятежникамъ ни съ чѣмъ отнюдь никто не ѣздилъ и вѣдомости никакія къ нимъ не чинилъ», а ослушниковъ передавалъ бы Іевлеву ([2]). Но Іевлевъ, какъ увидимъ, изъ корыстныхъ видовъ и послѣ этого иногда вторгался въ запрещенную для него область дѣятельности.

Въ концѣ мая 1673 года къ Клементію Іевлеву, въ отвѣтъ на его донесеніе отъ 19 сентября 1672 года, была послана царская грамата на имя соборныхъ старцевъ, священниковъ, дьяконовъ, братіи, служебниковъ и мірскихъ людей, затворившихся въ Соловецкомъ монастырѣ. Царь еще разъ писалъ соловецкимъ мятежникамъ, чтобы они «отъ шатости и своего намѣренія отстали и соборной апостольской церкви принесли повиновеніе и ему великому государю

([1]) Приходорасх. книга Іоиля. Сол. арх. въ числѣ «отводныхъ» кн. XVII в.
([2]) Матер. для ист. раск. т. III, стр. 322.

добили челомъ», увѣряя, что «онъ великій государь пожаловалъ, велѣлъ имъ вины отдать и впредь имъ объ этомъ воспоминаніе не будетъ», и что, въ противномъ случаѣ, ни отъ него великаго государя милости и пощады, ни отъ освященнаго собора прощенія тоже не будетъ ([1]). Клементью Іевлеву повелѣвалось немедленно отправиться съ этой грамотой на Соловецкіе острова и послать ее въ Соловецкій монастырь къ старцамъ и мірскимъ людямъ съ кѣмъ пригоже. «И буде они монахи», писалъ царь Іевлеву, «отъ шатости обратятся и великому государю вину свою принесутъ и о томъ-бы ты мнѣ великому государю писалъ съ нарочнымъ гонцомъ и повинную ихъ челобитную заруками прислалъ» ([2]). Но на случай дальнѣйшаго упорства монаховъ теперь дана была Іевлеву инструкція такого рода: 1) «чинить мятежникомъ всякую тѣсноту и сторожи около монастыря устроить крѣпкія, чтобъ изъ монастыря и въ монастырь никакихъ людей и никакой живности не пропустить и тѣмъ бы притѣсненіемъ привести ихъ въ покореніе и послушаніе. 2) А которые соляныя промыслы буде близь Соловецкаго монастыря есть и промышляютъ отъ мятежниковъ жилецкіе люди и тѣмъ промысломъ чинятъ себѣ поживленіе и отъ тѣсности свобождаются: и ты бы надъ тѣми промыслы ко утѣсненію промыслъ всякій чинилъ и тѣмъ соловецкихъ мятежниковъ приводилъ въ страхъ и покореніе»... 3) «И строеніе всякое и промыслы, буде отъ которыхъ соловецкимъ мятежникомъ есть всякая свобода и ты-бъ то все... велѣлъ раззорить»... и 4) «А ратныхъ людей: стрѣльцовъ и иныхъ, которыя посланы съ тобою, по наряду, для приступовъ къ монастырю не посылать и изъ пушекъ по оградѣ не стрѣлять, и никакого воинскаго промыслу надъ монастыремъ не чинить»... ([3]).

Наступила весна 1673 г., открылась навигація и Іевлевъ долженъ былъ немедленно отправиться подъ Соловецкій монастырь; но онъ былъ еще далеко не готовъ: у него не было готовыхъ судовъ для переправы чрезъ море стрѣль-

([1]) Матер. для ист. раск т. III, стр. 318.
([2]) Тамъ же, стр. 320.
([3]) Тамъ же, стр. 318 и слѣд.

цовъ; да притомъ и двинскіе стрѣльцы еще не прибыли въ Суму, о своевременномъ сборѣ и высылкѣ коихъ было отъ царя повелѣно двинскому воеводѣ Долгорукому ([1]). Поэтому онъ послалъ вмѣсто себя ротмистра Якова Бексендена съ поручиками и наличными стрѣльцами ([2]), а самъ между тѣмъ занялся приготовленіемъ судовъ и гребцовъ для себя и для имѣющихъ прибыть съ Двины стрѣльцовъ. Покончивъ всѣ свои дѣла въ Сумѣ и дождавшись двинскихъ стрѣльцовъ, голова Клементій Іевлевъ наконецъ 20 іюня и самъ отправился на Соловки. Вмѣстѣ съ нимъ отправились и только что прибывшіе изъ Новгорода отъ новгородскаго митрополита Іоакима для увѣщанія монаховъ игуменъ Макарій и Софійскаго собора священникъ Ѳедоръ ([3]).

Съ прибытіемъ подъ монастырь Іевлевъ прежде всего послалъ къ мятежникамъ милостивую царскую грамату. Но монахи, въ 1672 году какъ будто поколебавшіеся, теперь были опять тверды въ своемъ стояніи и отвергли послѣднее милостивое приглашеніе терпѣливаго и добродушнаго царя, готоваго отдать имъ всѣ уже многочисленныя вины. Игумену Макарію съ священникомъ Ѳедоромъ не удалось и повидаться съ соловецкими монахами, а объ увѣщаніи нечего было и думать.

Послѣ отказа въ покорности головѣ Іевлеву ничего не оставалось дѣлать, какъ приступить къ точному выполненію царской инструкціи отъ 13 мая 1673 г., т. е. къ утѣсненію монаховъ всѣми мѣрами, не прибѣгая къ оружію. Онъ такъ и сдѣлалъ. Всѣ монастырскія зданія, всѣ промышленнныя заведенія и рыболовныя снасти, какія только были по Соловецкому острову, особенно близь монастыря, были сломаны и преданы огню; многочисленный рогатый скотъ—коровы и быки—былъ перебитъ и отданъ въ пищу стрѣльцамъ; 25 лошадей были отправлены въ Сумскій острогъ ([4]). Между тѣмъ стрѣльцы окружили монастырь и готовы были напасть на перваго вышедшаго изъ монастыря

([1]) Матер для истор. раск т. Ш. стр. 320.
([2]) Дополн. къ Ист. Акт. т. Ү. № 167, стр. 358—59.
([3]) Они прибыли въ Суму 18 апрѣля. Книжка Іоиля въ сол. арх.
([4]) Истор. опис. Сол. м. ч. I. стр. 160.

мятежника. Монахамъ пришлось теперь вынесть такую тѣсноту; какой до сихъ поръ они еще не видали. Но къ счастію ихъ многочисленныя жалобы со стороны старцевъ-строителей: московскаго Иринарха и сумскаго Іоиля на злоупотребленія Іевлева, побудили царя вызвать послѣдняго въ Москву къ отвѣту. Въ концѣ іюля Іевлевъ уже очистилъ Соловецкіе острова, возвратившись въ Суму со всѣмъ своимъ войскомъ. Монахи вздохнули свободнѣе. На мѣсто Іевлева никто не являлся до лѣта 1674 г. Монахи въ это время успѣли кое-какія монастырскія заведенія и промыслы по острову поправить; набрали ягодъ и грибовъ, наловили въ морѣ и по озерамъ рыбы, запаслись дровами. Сверхъ того по осени 1673 г. нѣкто Логинъ Кемлянинъ съ товарищами закупилъ въ Мезени и доставилъ въ монастырь цѣлый грузъ различныхъ товаровъ. Напримѣръ, сукна 155 арш., холста 1400 арш., кожи на 18 р., овчинъ и мерлушекъ 416 шт., семги 16 пуд., масла коровья 114 пуд. и т д. Около этого же времени доставили: сумляне—трески 45 пудовъ; кемляне—масла коровья 30 пудовъ, полотна 33 арш., сукна 24 арш. и пр. (¹) Такимъ образомъ монахи могли опять жить безъ особенныхъ нуждъ, не смотря на «утѣсненія».

Но внутренній строй жизни монаховъ началъ замѣтно самъ собой разстроиваться и главнымъ вождямъ мятежа вѣроятно стоило не малыхъ хлопотъ, чтобы не допустить его до полнаго распаденія. Это особенно видно изъ частыхъ перемѣнъ келарей и казначеевъ, которыя были слишкомъ вредны, но, по видимому, неотвратимы: служить было теперь не лестно и не легко и потому выбранные старцы то и дѣло отказывались отъ чести келаря или казначея; или же—за неспособностію были удаляемы братіей. Мы знаемъ, что въ октябрѣ 1667 года самопроизвольно братіей были поставлены въ келаря – старецъ Азарій, въ казначея—черный попъ Геронтій. Но въ октябрѣ (30) 1668 года казначеемъ былъ уже старецъ Симонъ; а въ іюлѣ (24 ч.) 1669 г. келаремъ—старецъ Епифаній. Въ сентябрѣ (1)

(¹) Расх. книга казначея Глѣба, въ сол. арх. въ связкѣ «отводныхъ» XVII в.

1669 г. казначей Симонъ замѣненъ старцемъ Глѣбомъ; но въ іюлѣ (5) 1673 г. были уже келаремъ Маркеллъ, а казначеемъ—Мисаилъ. Замѣчательно, что перемѣны происходили всегда по братскимъ приговорамъ. Только въ послѣдніе годы осады это не стало строго соблюдаться: больной или умирающій келарь или казначей передавалъ свою должность келейнымъ образомъ своему духовному старцу, или ученику. Это мы увидимъ еще впереди. Теперь же кстати представимъ полный составъ монастырскаго собора, отъ котораго конечно не мало зависѣло дѣло обороны. Въ 1673 г., напримѣръ, составляли соборъ: келарь старецъ Маркеллъ, казначей—Мисаилъ, соборные старцы: черный діяконъ Іеремей, старецъ Боголѣпъ, Макарій, Епифаній (бывшій казначей), Θеодосій, Софроній и Дороѳей—всего 10 человѣкъ. Къ отводной книгѣ казначея Мисаила они подписались такъ: «къ сей отводной книгѣ черный священникъ Леонтій вмѣсто дѣтей своихъ духовныхъ—келаря старца Маркелла, казначея—Мисаила и соборныхъ—Макарія и Епифанія по ихъ велѣнію руку приложилъ. Вмѣсто старца Дорофея—духовный отецъ его черный попъ Селивестръ». Далѣе: «черный дьяконъ Іеремјище; чернецъ Боголѣпъ, чернецъ Θеодосій». Такимъ образомъ ровно половина соборныхъ членовъ были безграмотными людьми (1).

Эти старцы съ прочей братіей въ декабрѣ (28 ч.) 1673 г. держали черный соборъ, на которомъ положили «за великаго государя богомолье отставить» (2). Надо замѣтить, что до этого времени никто еще изъ другихъ, даже самыхъ ярыхъ, приверженцевъ и проповѣдниковъ старообрядчества каковы Аввакумъ, Лазарь и т. п. не рѣшался разстаться съ молитвою за царя, помня многія заповѣди объ этомъ въ св. писаніи. Какимъ же это образомъ соловецкіе монахи дошли до такой крайности въ своемъ старообрядчествѣ? Прежде всего, конечно, ихъ привело къ этой мысли сильное раздраженіе противъ царя-утѣснителя. Уже около десяти лѣтъ они просятъ его о томъ, чтобы не касался ихъ вѣры,

(1) Отводная кн. казн. Мисаила въ сол. арх. въ связкѣ «отводныхъ» XVII в.
(2) Доп. къ Актм Ист. т. V. № 67, стр. 535, показ. старца Павла.

оставилъ бы ихъ въ покоѣ съ вѣрою отцевъ и праотцевъ, но онъ не сдѣлалъ ни одной уступки. Мало того, уже четыре года тѣснитъ ихъ всякими мѣрами, хочетъ заморить голодомъ, окружилъ монастырь войскомъ и пушками, пускающими по временамъ свои ядра въ монастырскіе храмы и жилища и т. д. Въ виду всего этого монахи-мятежники наконецъ не вытерпѣли, пожелали мщенія царю-гонителю. Но какое придумать мщеніе, имѣя далеко неравныя съ нимъ силы? Домашнія хулы и оставленіе молитвы были для нихъ пока единственнымъ средствомъ къ отмщенію за свои обиды. Къ тому же они рѣшились не молиться за царя, на ихъ взглядъ невѣрнаго, неправославнаго, слугу антихристова, вдобавокъ мучителя, успѣвшаго уже не одинъ десятокъ святыхъ мужей-старовѣровъ сжечь на кострѣ, или изуродовать пытками и отрѣзаніемъ языковъ. Съ 28 декабря монахи не только оставили молитву за царя и царское семейство, но и начали «про великаго государя говорить такія неистовыя слова, которыхъ не только написать, но и слышать страшно» (1).

Но послѣдствія такого рѣшенія были для главныхъ заводчиковъ неожиданны; они окончательно раздѣлили братство на двѣ половины и тѣмъ ускорили паденіе упорныхъ. Большая половина братіи теперь окончательно отдѣлилась отъ вождей, готова была возстать противъ нихъ и растворить монастырь, или по крайней мѣрѣ при первомъ удобномъ случаѣ удалиться изъ среды отступниковъ отъ обычныхъ церковныхъ правилъ, къ каковымъ принадлежитъ молитва за царя. Предводителямъ мятежа настали новыя хлопоты: нужно было во что бы то ни стало склонить всѣхъ къ ихъ рѣшенію и заставить слѣдовать ему, или по крайней мѣрѣ—молчать, не мѣшать имъ въ новыхъ затѣяхъ. Но это было не легко сдѣлать: несогласные заволновались, стали опасны для нихъ самихъ. Что же оставалось дѣлать? Внѣшнія силы были пока на сторонѣ собора и партіи, рѣшившейся оставить молитву за царя и теперь

(1) Доп. къ Акт. Истор. т. V № 67, стр. 532, показ. старца Митрофана и 536 показ. старца Варлаама.

эти силы были обращены всецѣло на своихъ домашнихъ враговъ—молящихся за царя. Немолящіеся начали садить непокорныхъ въ тюрьму, морить голодомъ, наказывать плетьми. Первыми жертвами ихъ истязаній были священники, потому что они первые протестовали противъ рѣшенія собора 28 декабря и къ соблазну другихъ не переставали молиться за царя при совершеніи богослуженія. «А священники—Леонтій, Митрофанъ, Селивестръ и Амбросимъ», говоритъ Васька Кириловщина, «на соборъ книги приносили и имъ. ворамъ сказали, что они богомолья за великаго государя въ церквахъ и кельяхъ не отставятъ. И они воры и на ангелъ благовѣрной государыни царевны Софьи Алексѣевны за великую государыню и за царевну Бога молить и заздравной чаши ставить не велѣли, а священницы... Бога молили и ангелу царевны Софіи Алексѣевны праздновали и молебенъ служили» ([1]). На первыхъ порахъ «воры» ихъ за это хотѣли побить ([2]), но пока ограничились заключеніемъ въ тюрьму. Бывшій казначей Геронтій, въ 1669 г. протестовавшій противъ вооруженной обороны и за то заключенный въ монастырскую тюрьму, и въ вопросѣ о молитвѣ за царя былъ однимъ изъ первыхъ протестовавшихъ противъ рѣшенія 28 декабря и потому оставленъ былъ въ тюрьмѣ. Старецъ Павелъ 28 декабря 1673 г. дерзнулъ было на самомъ соборѣ сказать, чтобы за великаго государя богомолья не оставлять, и, сверхъ того съ послушникомъ своимъ Діонисіемъ, да со старцомъ Арсеніемъ написали въ монастырскій сеноникъ (синодикъ) для поминовенія имя благовѣрной государыни царицы великой княгини Маріи Ильичны, и за это воры всѣхъ ихъ троихъ хотѣли посадить въ воду, мучили, называли еретиками и посадили въ тюрьму, въ которой морили голодомъ и держали по 16-е сентября 1674 года, а имя царицы изъ синодика выскребли ([3]). Старца Варлаама за молитву за царя держали въ тюрьмѣ и морили «голодною смертью» сперва

([1]) Доп. къ Акт. Истор. т. V. № 67, стр. 537.
([2]) Тамъ же стр. 533.
([3]) Тамъ же, стр. 535.

годъ, затѣмъ вторично шестнадцать недѣль» ([1]). Иныхъ—братію и мірянъ, которые «къ ихъ воровству не приставали и за государя Бога молили», воры держали въ тюрьмѣ и морили такъ, что нѣкоторые изъ нихъ отъ нестерпимаго голода и жажды ѣли и пили собственныя испражненія.

Замѣчательно, что самые ревностные поборники немоленія за царя сотники Исачко и Самко, которые, «божественнаго пѣнія и молитвы за великаго государя и слышать не хотѣли», требовали однако отъ братіи, чтобы молились за преосвященныхъ митрополитовъ и за всѣхъ православныхъ христіанъ» ([2]). Царь такимъ образомъ, предъ которымъ соловецкіе бунтовщики до 1667 года благоговѣли, если вѣрить ихъ челобитнымъ, презирая въ тоже время духовныхъ властей, какъ слугъ антихристовыхъ, теперь сталъ въ глазахъ ихъ самымъ первымъ врагомъ церкви и единственнымъ, за котораго не должно молиться Богу.

Въ борьбѣ у немолящихся съ молящимися за царя прошла вся зима 167³/₄ года. Между тѣмъ съ наступленіемъ новаго лѣта настали для нихъ новыя болѣе ощутительныя утѣсненія со стороны новаго усиленнаго царскаго войска.

([1]) Дополн. къ Акт. Ист. т. V. № 67. стр. 536.
([2]) Тамъ же, стр. 532 и 533.

III.

Стольникъ и воевода И. А. Мещериновъ.—Назначеніе и прибытіе въ Суму Мещеринова.—Отъѣздъ на Соловецкіе острова.—Осадныя работы въ 1674 г.—Выстрѣлы съ монастырскихъ стѣнъ.—Новый соборъ въ монастырѣ по вопросу о молитвѣ за царя.—Вылазка изъ монастыря «для языковъ».—Возмущеніе партіи молящихся за царя противъ немолящихся.—Бѣгство и высылка изъ монастыря несогласныхъ съ мятежниками.—Цѣлованіе мятежниками креста на томъ, что будутъ биться до смерти.—Свѣдѣнія о средствахъ монаховъ къ оборонѣ, сообщенныя Мещеринову выходцами.—Раскаяніе нѣкоторыхъ выходцевъ и твердость въ убѣжденіяхъ Геронтія и Манассіи.—Снятіе осады и отъѣздъ Мещеринова въ Суму.—Жалобы царю на вмѣшательство Мещеринова въ вотчинныя дѣла.—Насколько жалобы справедливы.—Новая поѣздка на Соловецкіе острова въ 1675 г.—Вызовъ изъ Поморья выборныхъ для спросовъ о проживающихъ въ монастырѣ родственникахъ.—Отправка къ Мещеринову двинскихъ стрѣльцовъ и военныхъ снарядовъ.—Новая осада и бомбардированіе монастыря.—Послѣднія усилія бунтовщиковъ удержаться въ монастырѣ.— Бѣгство изъ монастыря черница Ѳеоктиста и открытіе тайнаго хода въ монастырь.—Мещериновъ въ монастырѣ.—Расправа съ главными виновниками.—Заключеніе.

6 сентября 1673 года царь Алексѣй Михаиловичъ далъ знать сумскому строителю старцу Іоилю, что вмѣсто стрѣлецкаго головы Іевлева у Соловецкаго монастыря велѣно быть стольнику и воеводѣ Ивану Алексѣевичу Мещеринову съ начальными людьми поручиками Васильемъ Гудковскимъ и Ѳедоромъ Стахорскимъ. Съ Мещериновымъ кромѣ этихъ двухъ лицъ назначены: изъ Москвы—одинъ священникъ, лекарь Емельяновъ, для письма подъячій новгородскаго приказа Иванъ Еремѣевъ и московскихъ стрѣльцовъ 15 человѣкъ; съ Двины—двинскихъ и холмогорскихъ стрѣлецкихъ сотниковъ 5 и стрѣльцовъ 600 человѣкъ (¹). Въ генварѣ 1674 года Мещериновъ прибылъ въ Сумскій острогъ и здѣсь оставался до весны, въ ожиданіи навигаціи и прибытія стрѣльцовъ, которые съ отозваніемъ Іевлева по обычаю были на зиму распущены по домамъ.

(¹) Доп. къ Акт. Ист. т. V. № 67, стр. 357.

Между тѣмъ терпѣніе и кротость царя по отношенію къ соловецкимъ бунтовщикамъ стали истощаться. Онъ наконецъ рѣшился употребить противъ нихъ вполнѣ военныя мѣры. Въ граматахъ Мещеринову постоянно напоминалось, чтобы онъ «былъ на Соловецкихъ островахъ не отступно (т. е. не выѣзжая по обычаю на зиму въ Сумскій острогъ) и надъ соловецкими ворами чинилъ всякій воинскій промыселъ со всякимъ радѣніемъ, неотложно, чтобы ихъ воровство и мятежъ искоренить вскорѣ (¹). Наступила весна 1674 года; къ Мещеринову собрались стрѣльцы двинскіе и соловецкіе и онъ 2 іюня отправился подъ Соловецкій монастырь (²). Руководствуясь царскимъ повелѣніемъ, онъ принялся за дѣло осады Соловецкаго монастыря, со всей энергіей, по всѣмъ правиламъ военнаго искуства. У него правда пока не было достаточно средствъ къ осадѣ. Недоставало, напр. пушекъ, потому что взятыя въ Сумскомъ острогѣ соловецкія пушки оказались проржавѣвшими и почти негодными къ употребленію; совсѣмъ не было большихъ стѣнобитныхъ орудій и мастеровъ—гранатчиковъ. Все это было обѣщано ему изъ Москвы и съ Двины вскорѣ; но пока не присылалось. Нѣкоторые недостатки онъ съумѣлъ самъ устранить, напр., самъ отлилъ нѣсколько новыхъ пушекъ изъ собранной въ Сумѣ и Кеми мѣди и затѣмъ немедленно приступилъ къ осаднымъ работамъ. Вскорѣ было устроено вокругъ монастыря 13 земляныхъ городковъ; на нихъ были нарублены и наполнены камнемъ деревянныя раскаты. Начался надъ ворами жестокій промыслъ: съ городковъ полетѣли въ монастырь, какъ крупный градъ ядра и пули; нѣсколько разъ начальные люди со стрѣльцами подходили подъ самый монастырь и подвели подкопъ подъ три соловецкіе башни (³). Бился такимъ образомъ Мещериновъ съ «ворами» до тѣхъ поръ пока у него не истощился отъ многой стрѣльбы почти весь порохъ

(¹) Дополн. къ Акт. Ист. т. V. № 67, стр. 363, 364, Грам. Мещеринова отъ 19 декабря 1674 г.

(²) Тамъ же стр. 367. 368. Грам. двинскому воеводѣ Нарышкину 27 мар. 1675 г. Акты Арх. эксп. № 215, стр. 291.

(³) Дѣло о Мещериновѣ Акты Арх. эксп. т. IV. № 215, стр. 291. Челоб. къ царю Ив. Мещеринова.

(¹). Особенныхъ успѣховъ впрочемъ пока не было. Соловецкіе мятежники сами на этотъ разъ съ новыми непріятелями стали биться отчаянно.

Въ монастырѣ въ это время были «самые пущіе воры и къ бунту и воровству заводчики: архимандритъ Никаноръ, келарь старецъ Наѳанаилъ, прозвище Тугинъ, да городничей старецъ Протасей, да воры-жъ сотники Исачко Воронинъ, да Самко Васильевъ, родомъ двинянинъ Курецкія волости» (²). Архимандритъ Никаноръ снова безпрестанно ходилъ по башнямъ, кадилъ и кропилъ водою пушки, чтобы обороняли монастырь, «надежда де у насъ на васъ, матушки мои галаночки»; своимъ ратникамъ онъ повелительно приказывалъ не прекращать стрѣльбы ни на одну минуту; караульщикамъ говорилъ, чтобы хорошенько смотрѣли изъ трубокъ — гдѣ воевода, и когда усмотрятъ — стрѣляли бы въ него самого, — «какъ усмотрите и вы по немъ стрѣляйте: какъ поразимъ пастыря, — ратные люди разыдутся аки овцы» (³). Раздраженіе мятежниковъ противъ царя-утѣснителя теперь было полное. Въ сентябрѣ, 16 числа, въ монастырѣ былъ новый «воровской соборъ» по вопросу о молитвѣ за царя. Дѣло въ томъ, что «воры сотники Исачко да Самко съ товарищи», люди въ военномъ дѣлѣ незамѣнимые, вдругъ «во всей своей воровской службѣ келарю отказали, и ружья на стѣну положили и больше того служить не хотѣли для того, что они за великаго государя священникамъ Бога молить не велѣли, а священники ихъ не слушаютъ и за великаго государя Бога молятъ, а они воры того и слышать не хотятъ». «Келарь Наѳанаилъ имъ ворамъ на соборѣ добивалъ челомъ, чтобы они имъ, т. е. келарю съ другими заводчиками служили», вѣроятно обѣщаясь заставить священниковъ не молиться за царя. «Сотники по челобитью келаря снова ружья взяли и служить стали попрежнему» (⁴). Келарь Наѳанаилъ былъ вѣренъ въ словѣ, данномъ сотникамъ Исачкѣ и Самкѣ.

(¹) Допол. къ Акт Ист. т. V, стр. 363, 364. Грамата Мещеринову отъ 19 дек. 1674 года.

(²) Акты Ист. т. IV, стр. 532, 533. Показ. старца Митрофана, 537. Показ. Васьки Кириловщины.

(³) Акты Ист. т. IV, стр. 532, 533. Показ. старца Митрофана.

(⁴) Тамъ же.

На другой же день, т. е. 17 сентября случилось тезоименитство благовѣрной государони царевны Софьи Алексѣевны. Черный священникъ Митрофанъ обратился къ келарю съ просьбой, чтобы далъ на заздравную чашу меду. Келарь сказалъ: «на заздравную чашу меду тебѣ не будетъ, для того, что сотники за великаго государя Бога молить и заздравной чаши давать не велѣли». Такъ о. Митрофанъ и остался безъ заздравной чаши, которую пилъ и привыкъ пить въ этотъ день уже нѣсколько лѣтъ: «Мнѣ съ ними ворами о томъ не драться стать», говорилъ онъ чуть не со слезами, утѣшая самого себя (1).

Послѣ удовлетворенія этого каприза сотниковъ Исачки и Самки дѣло обороны пошло опять своимъ чередомъ. Въ ночь на 20 сентября часу въ шестомъ воры осмѣлились даже выйти изъ города (изъ монастыря) *для языковъ*. Но какъ скоро замѣтили, что на встрѣчу къ нимъ изъ табора Мещеринова выбѣжали государевы ратные люди, испугались и вернулись назадъ въ городъ. «Какъ-де мы на вылазку ни выйдемъ и насъ всегда страхъ великій обуяетъ», признавались они своей братіи, возвратившись въ городъ (2).

Между тѣмъ братія и міряне, молящіеся за царя грозили возстаніемъ противъ «заводчиковъ», тѣмъ болѣе, что послѣдніе ихъ морили въ тюрьмахъ голодомъ, били плетьми и въ монастырѣ держали поневолѣ. Они сдерживались пока единственно потому, что въ монастырѣ еще были священники, которые, совершая богослуженіе, не переставали молить Бога за царя, хотя и терпѣли за это не только лишеніе заздравной чаши, но и истязанія. «А какъ въ монастырѣ въ церквахъ божественная служба и за великаго государя богомолье престанетъ», говорилъ Мещеринову бѣглецъ Васька Кириловщина, «и какъ станутъ чернцы и міряне, которые къ воровству не приставаютъ изъ монастыря проситься: *и у нихъ промежъ собою будетъ усобица и сѣча большая*. А ожидаютъ они старцы (молящіеся) того времени и оплашиваютъ ихъ воровъ: какъ воевода Иванъ Алексѣевичъ Мещериновъ

(1) Акты Ист. т. IV, стр. 533.
(2) Тамъ же, стр. 537—539. Показ. Васьки Кирилловщины.

съ Соловецкаго острова въ Сумскій острогъ отъѣдетъ, а воры послѣ того разойдутся по острову, (за грибами и ягодами) и они надъ ними ворами *хотятъ промыслъ учинить, и ихъ порубить*. А какъ воевода съ Соловецкаго острова не съѣдетъ и имъ надъ ними ворами того учинить не мочно, потому что воры въ то время всѣ въ монастырѣ, а они у нихъ живутъ всѣ въ неволѣ» (1). Теперь нельзя было заводчикамъ слишкомъ надѣяться даже на тѣхъ людей, которые не протестовали противъ нихъ, слушались ихъ во всемъ, стояли съ оружіемъ на башняхъ и по городу, даже стрѣляли по государевымъ людямъ. Многіе изъ этихъ людей только о томъ и думали: какъ-бы воспользоваться случаемъ и убѣжать изъ монастыря, и слушались заводчиковъ только потому, что боялись мученій. Васька Кириловщина, выбѣжавшій къ Мещеринову 20 сентября, разсказывалъ про себя, что онъ раньше уходилъ изъ монастыря трижды; но воры каждый разъ съ дороги возвращали; разъ судно, на которомъ хотѣлъ отправиться на берегъ, разсѣкли, били плетьми и потомъ поневолѣ дали оружіе. Убѣжать ему удалось слѣдующимъ образомъ: 20 сентября воры тянули въ поваренныя ворота пушку; Васька помогалъ; но видя, что всѣ заняты хлопотами и на него никто не обращаетъ вниманія, незамѣтно отдѣлися отъ прочихъ, проскользнулъ въ ворота—и убѣжалъ (2). Другой бѣлецъ Рогуевъ, тоже поневолѣ стрѣлявшій по государевымъ людямъ, разсказывалъ Мещеринову, что онъ 17 сентября стоялъ на караулѣ на Никольской башнѣ; въ это время пришли къ нему на башню священникъ Митрофанъ и отецъ его духовный Амвросій и стали просить его, чтобы ихъ выпустилъ изъ монастыря, совѣтуя самому бѣжать съ ними; онъ выпустилъ ихъ чрезъ бойницу и съ ними бѣжалъ (3) и т. д.

Бѣгство изъ монастыря въ это время стало особенно развиваться и между прочимъ побѣжали люди самые дорогіе, именно—священники, отъ присутствія которыхъ зависѣла сдержанность противной партіи—молящихся за царя. Свя-

(1) Акты Ист. т. IV, стр. 537—539.
(2) Тамъ же, стр. 537.
(3) Тамъ же, стр. 533.

щенники и многіе изъ старцевъ и мірянъ, которые засѣли въ монастырѣ, исключительно спасая свою древне-отеческую вѣру, думали до сихъ поръ, что и главные предводители ихъ сидятъ и даже отбиваются отъ государевыхъ ратныхъ людей единственно изъ-за истинной вѣры; но теперь они стали все болѣе и болѣе убѣждаться, что у «пущихъ заводчиковъ» вѣра стоитъ далеко на заднемъ планѣ, что подъ предлогомъ вѣры они преслѣдуютъ какія-то другія темныя цѣли. Для благочестивыхъ старообрядцевъ стало наконецъ понятно, что они находятся въ союзѣ съ шайкою настоящихъ бунтовщиковъ. Поведеніе заводчиковъ служило лучшимъ доказательствомъ тому. Мало того, что заводчики «божественнаго пѣнія и молитвы за царя и слышать не хотѣли, въ церковь Божію и къ духовнымъ отцамъ на исповѣдь не ходили, а исповѣдывались у простолюдиновъ, помирали нерѣдко совсѣмъ безъ покаянія и причастія, проклиная священниковъ, называя ихъ еретиками и богоотступниками,—они сверхъ того про царя начали говорить такія рѣчи, что «не только написать, но и слышать страшно». Но и этого было еще недостаточно вождямъ соловецкаго бунта. Ихъ распаленныя страсти потребовали гнусныхъ удовольствій. Они стали жить содомски ([1]). «А которые старцы говорили имъ о томъ (что они живутъ содомски), и они ихъ били, мучили и въ тюрьму сажали» ([2]). Этого только недоставало соловецкимъ бунтовщикамъ для того, чтобы сдѣлаться въ полнѣ достойными постигшей ихъ въ 1676 году кары царей земнаго и небеснаго!.. Въ виду всего этого благочестивые старцы-старообрядцы теперь въ ужасѣ отвернулись отъ своихъ товарищей и съ новыми силами стали рваться изъ монастыря, попущеніемъ Божіимъ, превратившагося въ притонъ безумныхъ и развратныхъ людей. Они готовы были подвергнуться всевозможнымъ мукамъ отъ царя и царскихъ воеводъ, лишь бы только избѣжать сообщества съ людьми, съ которыми можно вызвать на себя гнѣвъ Божій. 17 сентября въ 8-мъ часу дня, какъ мы видѣли, удалось убѣжать чрезъ бойницу Никольской башни

([1]) Акты Ист. т. IV, стр. 533. Показанія: свящ. Митрофана стр. 532, свящ. Амбросима стр. 533, старца Варлаама стр. 536 и друг.

([2]) Тамъ же, стр. 536. Показ. ст ца Варлаама.

священникамъ Митрофану и Амвросію и бѣльцу Іудкѣ Рогуеву и 20 сентября бѣльцу Васькѣ Кирилловщинѣ. Многіе и другіе готовы были выбѣжать, но не всѣмъ удавалось. Священникъ Амвросій, напримѣръ, говорилъ, что послѣ него остался въ монастырѣ послушникъ старецъ Питиримъ, который раньше съ нимъ Митрофаномъ бѣгалъ, но удержанъ и теперь остается въ монастырѣ поневолѣ (¹). У священника Павла, выпущеннаго изъ монастыря 20 сентября, остался ученикъ старецъ Арсеній по той же причинѣ (²) и т. д.

Впрочемъ бунтовщики нѣкоторыхъ слишкомъ опасныхъ для нихъ старцевъ стали сами выгонять изъ монастыря. 17 сентября, напр., выпущены ими: священники Геронтій съ ученикомъ старцемъ Манассіей; Павелъ съ ученикомъ старцемъ Діонисіемъ и старецъ Варлаамъ. Геронтій хотя и въ тюрьмѣ сидѣлъ до самаго дня выпуска, но повидимому для бунтовщиковъ былъ страшенъ. Съ одной стороны онъ не переставалъ увѣщевать ихъ не драться съ государевыми людьми; съ другой – протестъ и страданія его, многоуважаемаго, честнаго, истиннаго старообрядца, слывшаго въ братствѣ за втораго Златоуста были большимъ соблазномъ для слабыхъ соучастниковъ бунта. Далѣе заводчики вообразили, что Геронтій съ товарищами намѣрены перемѣнить книги. И вотъ, они порѣшили выпроводить ихъ поскорѣе изъ монастыря, какъ людей не только не нужныхъ, но и опасныхъ. Однако давалась свобода подобнымъ старцамъ не всегда безусловно. Нѣкоторыхъ предварительно за ихъ непокорность бунтовщики наказали плетьми. Такъ, напр., поступили они со священникомъ Павломъ и его ученикомъ Діонисіемъ, тоже до самаго выпуска сидѣвшими въ тюрьмѣ за молитву за царя. Геронтія съ ученикомъ Манассіей, впрочемъ, не подвергли тѣлесному наказанію; вѣроятно посовѣстились, или побоялись возмущенія со стороны монастырской братіи, уважавшей Геронтія. Послѣ убѣжавшихъ и высланныхъ 17 и 20 сентября священниковъ Митрофана, Амвросія, Павла и Геронтія въ монастырѣ осталось только два священника—

(¹) Акты Ист. т. IV, стр. 533.
(²) Тамъ же, стр. 535

старикъ Леонтій и Селивестръ, но и тѣ отказались въ церквахъ служить (1). *Приближалось время усобицы и сѣчи великой*, о которомъ говорилъ бѣлецъ Васька Кирилловщина. Для тѣхъ изъ бунтовщиковъ, которые «не хотѣли слышать божественнаго пѣнія» и не страшились смерти безъ покаянія и причастія, этотъ недостатокъ въ священникахъ не только не былъ отяготителенъ, но скорѣе пріятенъ. Но не всѣ были такіе: многіе требовали божественнаго пѣнія. «И старцы, и міряне, которые къ ворамъ не приставаютъ, о священницѣхъ о Митрофанѣ и о Амбросимѣ сѣтуютъ, что они изъ монастыря отъ нихъ ушли», разсказывалъ Васька Кирилловщина. Архимандритъ Никаноръ правда утѣшалъ ихъ, говоря: «мы и безъ священниковъ проживемъ, и въ церкви часы станемъ говорить, а священницы намъ не нужны»; но такого утѣшенія для многихъ было недостаточно... Между тѣмъ, какъ священники Митрофанъ и Амвросій ушли, а Геронтій съ товарищами были выпущены, главные заводчики усовѣтовали между собой крестъ цѣловать на томъ, что они будутъ стоять другъ за друга и биться противъ государевыхъ людей, пока не помрутъ всѣ за одно,... и что великому государю бить челомъ и сдавать монастырь ни въ какомъ случаѣ не будутъ, а тѣхъ, которые къ ихъ воровству не приставали и съ ними креста не цѣловали, предположили порубить» (2).

Обо всемъ происходившемъ въ монастырѣ по 20 сентября 1674 года выходцы священникъ Митрофанъ съ прочими сообщили воеводѣ Мещеринову. Теперь только правительство могло узнать о томъ, чего тщетно добивалось чрезъ Волохова и Іевлева. Благодаря откровенности выходцевъ, оно наконецъ узнало «кто именно пущіе непослушники и ихъ совѣтники, и которые съ ними въ совѣтѣ быть не хотятъ, и поскольку ихъ человѣкъ на обѣ стороны, и въ чемъ межь ими ровнь, и есть ли у нихъ хлѣбные и иные съѣстные запасы» и т. д. Но особенно важны были сообщенныя выходцами свѣдѣнія о средствахъ обороны, потому что ясно говорятъ о нецѣле-

(1) Акты Ист. т. IV, стр. 537.
(2) Тамъ же, стр. 353, 537—В. Кирилловщина.

сообразности и безуспѣшности первоначальныхъ мѣръ, предпринятыхъ правительствомъ чрезъ Волохова и Іевлева. Между прочимъ выходцы сообщили Мещеринову, что на монастырской стѣнѣ стоитъ до 90 пушекъ, пороху сначала было 900, но теперь остается еще до 450 пудовъ; хлѣба монахамъ будетъ лѣтъ на 10 или на 15; харчевыхъ запасовъ: масла коровья—года на два, меду, сырцу—кадокъ съ полтретьядцать, а кадка вѣсомъ пудовъ по осми и по десяти; вина церковнаго восемь бочекъ цѣлыхъ и т. д. «Въ послѣднее время», говорили выходцы, «покупалъ монахамъ вино и рыбу въ Архангельскѣ Анзерскаго монастыря строитель; а раньше пріѣзжали къ нимъ въ монастырь съ рыбой и харчевыми запасами съ берегу многіе люди. Число засѣвшихъ въ монастырѣ монаховъ и мірянъ было до 500 человѣкъ и «сѣли они воры въ монастырѣ», по словамъ выходцевъ, «на смерть, сдаться и добить челомъ великому государю никоторыми дѣлы не хотятъ» (1). Получивъ такого рода свѣдѣнія о средствахъ къ оборонѣ и о рѣшительности монаховъ обороняться до смерти, Мещериновъ не могъ и думать о томъ, что можно засѣвщихъ выморить голодомъ, какъ раньше думало правительство; требовались къ покоренію засѣвшихъ соотвѣтствующія ихъ силамъ и средствамъ мѣры. Мещериновъ и началъ уже прибѣгать къ болѣе цѣлесообразнымъ мѣрамъ; но выходцы и затѣмъ недостатокъ собственныхъ военныхъ средствъ на время отвлекли его отъ этихъ мѣръ и дали засѣвшимъ монахамъ еще разъ вздохнуть свободно.

Выходцы потребовали со стороны Мещеринова не мало хлопотъ. Прежде всего нужно было допросить ихъ со всею подробностію и склонить къ полному раскаянію, а потому уже позаботиться объ ихъ судьбѣ. Нѣкоторые изъ нихъ предъ Мещериновымъ скоро, чистосердечно и вполнѣ великому государю въ винахъ своихъ челомъ добили и святой восточной и апостольской церкви во всемъ покорились, говоря, что они къ мятежникамъ не приставали, за государя Бога молили и должны молить и жили въ монастырѣ въ неволѣ. Таковы священники Митрофанъ, Амвросій и Павелъ,—стар-

(1) Акты Ист. т. IV. стр. 532, 533. Показ. свящ. Митрофана и Амбросима.

цы Варлаамъ и Діонисій и бѣльцы Іудка Рогуевъ и Васька Кирилловщина. Павелъ, при своемъ раскаяніи, сказалъ даже, что «онъ съ своими учениками Діонисіемъ и Арсеніемъ живучи въ монастырѣ, новоисправленныхъ печатныхъ книгъ изыскивали и во всемъ радѣли». Но священникъ Геронтій съ своимъ ученикомъ старцемъ Манассіей хотѣли и по выходѣ изъ монастыря остаться старообрядцами. Манассія твердо и рѣшительно заявилъ, что онъ ни въ чемъ освященному собору не покорится, новоисправленныхъ печатныхъ книгъ не слушаетъ и тремя первыми персты креста на себѣ не воображаетъ. Геронтій же готовъ былъ покориться церкви, но не прежде, чѣмъ получить отъ преосвященнаго митрополита новгородскаго достовѣрное увѣреніе въ томъ, что новоисправленныя книги сходны съ древними харатейными книгами; безъ этого увѣренія, говорилъ онъ, новоисправленныхъ печатныхъ книгъ слушать и тремя персты крестъ на себѣ воображать ему сумнительно, боится страшнаго суда Божія. Впрочемъ Геронтій и Манассія во все время пребыванія въ монастырѣ за государя Бога молили, обѣщались молиться и во всемъ, кромѣ вѣры, покориться своему государю, сознавая это долгомъ христіанскимъ. Допросы выходцевъ продолжались до 23 октября (¹). Затѣмъ покорившіеся и непокорные были отправлены въ Сумскій острогъ къ приказному старцу Игнатію, съ приказаніемъ—первыхъ кормить съ братіею; а Геронтія и Манассію «оковавъ, посадить въ тюрьму и беречь накрѣпко, до указу великаго государя» (²).

Выходцы для Мещеринова составляли пока единственный успѣхъ его довольно продолжительнаго и серіезнаго воинскаго промысла надъ соловецкими ворами и мятежниками въ 1674 году. Но онъ, повидимому былъ доволенъ и этимъ успѣхомъ и допросами выходцевъ закончилъ свои дѣла около монастыря. Въ октябрѣ онъ разрушилъ свои городки, возвратился въ Сумскій острогъ на зимнее пребываніе, хотя по инструкціи отъ царя и не долженъ былъ этого дѣлать. Въ своемъ донесеніи царю отъ 21 ноября онъ оправдывалъ сня-

---

(¹) Матер. для ист. раск. т. III, стр. 323.
(²) Тамъ же, стр. 532 и слѣд. Показанія всѣхъ старцевъ-выходцевъ. Дальнѣйшая судьба Геронтія неизвѣстна.

тіе своей осады и отъѣздъ съ Соловецкаго острова съ одной стороны тѣмъ, что у него отъ многой стрѣльбы сталъ выходить порохъ; съ другой—что стрѣльцы стали у него просить прибавки хлѣбнаго жалованья потому, что имъ по полуосьминѣ раздаточной мѣры на мѣсяцъ человѣку не доставало; между тѣмъ того хлѣба, который былъ присланъ изъ Сумскаго острога старцемъ Игнатіемъ, не могло быть достаточно на ползимы, даже при обыкновенной раздачѣ ([1]). Но царь за это на Мещеринова сильно разгнѣвался. «А что ты Иванъ», писалъ онъ 19 декабря Мещеринову, «съ Соловецкаго острова сшелъ, и городки, и шанцы, и избы, и всякое строеніе велѣлъ сжечь; и за то тебѣ учинено будетъ *жестокое наказаніе*, какъ ты будешь на Москвѣ». Однако дѣлать было нечего: время было зимнее и предписывать снова ѣхать подъ монастырь было уже нельзя; царь по необходимости долженъ былъ повелѣть Мещеринову двинскихъ стрѣльцовъ распустить до весны по домамъ. Въ тоже время царь далъ наставленіе, какъ дѣйствовать съ наступленіемъ слѣдующей весны. «А какъ Богъ дастъ», писалъ онъ, «на веснѣ ледъ скроется и дойдетъ время идти на Соловецкій островъ, и ты-бъ, собрався со всѣми нашими ратными людьми по прежнему и по сему нашимъ великаго государя указомъ, на Соловецкій островъ шолъ, не спустя времени и былъ тамъ неотступно, и надъ соловецкими мятежники и раскольники чинилъ промыслъ неотложно и въ томъ службу свою намъ, великому государю, показалъ со всякимъ радѣніемъ, и въ воинскомъ ратномъ дѣлѣ чинилъ бы промыслъ исоплошно, а съ Соловецкаго острова безъ нашего великаго государя указу отнюдь не отходилъ, чтобъ тѣхъ раскольниковъ мятежъ искоренить вскорѣ». Наставленіе подкрѣплялось слѣдующей угрозой: «а буде ты Иванъ съ Соловецкаго острова безъ нашего великаго государя указу впредь сойдешь: и *за то тебѣ учинена будетъ смертная казнь*» ([2]). Такъ нетерпѣливо теперь ждалъ покоренія соловецкихъ монаховъ!

(1) Доп. къ Акт. Истор. т. V. № 67, стр. 363, 364. Грамота Мещеринову отъ 19 декабря 1674 года

(2) Тамъ же, стр. 363 и 364.

Настала весна 1675 года. Но бѣлое море не скоро позволяетъ пускаться въ него на судахъ: въ маѣ, а пожалуй и въ іюнѣ. У Мещеринова притомъ не было въ сборѣ стрѣльцовъ, и онъ не торопился отъѣздомъ въ Соловки. Между тѣмъ сумскій старецъ Игнатій вздумалъ добить царю челомъ о разныхъ преступленіяхъ Мещеринова, отъ которыхъ «государева отчина до конца раззорилась, крестьяне нищими сдѣлались» и т. д. При этомъ онъ не упустилъ написать въ челобитье и того, что Мещеринову время бы ѣхать на Соловецкіе острова, «а онъ тѣмъ великаго государя дѣломъ не спѣшитъ *невѣдомо для какого вымыслу*». Стрѣльцовъ нѣтъ? Но стрѣльцовъ, писалъ Игнатій, при Мещериновѣ имѣется: московскихъ 15, вологодскихъ 47, сумскихъ 100 и кемскихъ 25 человѣкъ; и съ этими стрѣльцами онъ могъ бы соловецкихъ воровъ осадить и не выпускать по озерамъ рыбу ловить. И вотъ, 12 іюня царь снова повелѣваетъ Мещеринову «идти на Соловецкій островъ тотчасъ не спустя времени»; «а если ты», опять грозилъ царь, «вскорѣ къ Соловецкому монастырю на островъ не пойдешь и промыслъ учнешь чинить нерадѣтельно, и быть тебѣ Ивану за то *въ смертной казни*».

Мещериновъ на этотъ разъ былъ предупредителенъ; онъ отправился подъ монастырь прежде полученія этой граматы, сопровождаемой новою грозою—снять съ него голову, именно 25 мая; отправился притомъ такъ, какъ хотѣлось старцу Игнатію и какъ повелѣлъ царь, т. е. не дождавшись двинскихъ стрѣльцовъ, а съ одними только наличными въ числѣ 185 человѣкъ.

Прошла уже половина лѣта 1675 года, а Мещериновъ подъ монастыремъ стоялъ все еще съ отрядомъ изъ 185 только стрѣльцовъ. Не смотря на то, что царь еще 20 декабря 1674 г. послалъ указъ двинскому воеводѣ Нарышкину, чтобы распущенные на зиму двинскіе стрѣльцы 600 человѣкъ и новыхъ 200 человѣкъ, съ наступленіемъ весны 1675 г. были собраны и посланы въ Суму къ Мещеринову немедленно; не смотря на это, стрѣльцовъ не было въ Сумѣ даже въ началѣ августа. Посылка ихъ затянулась вслѣдствіе недостатка судовъ, на которыхъ можно было ихъ

отправить изъ Холмогоръ до Сумы, а потомъ и на Соловецкіе острова.

Въ августѣ мѣсяцѣ, наконецъ, прибыли на Соловецкіе острова къ Мещеринову: изъ Москвы—нѣсколько гранатчиковъ, два пушкаря и съ Двины 850 человѣкъ двинскихъ и холмогорскихъ стрѣльцовъ, и привезли съ собой 100 пудовъ пороху, верховыя пушки и къ нимъ ядра и пушечные всякіе припасы (1). Въ это-же время соловецкій приказный старецъ Исаія, по повелѣнію государя, доставилъ въ станъ Мещеринова «въ годовое число» 1639 кулей ржаной муки и всевозможные съѣстные припасы (2). Такимъ образомъ Мещериновъ теперь имѣлъ отрядъ изъ 1000 слишкомъ вооруженныхъ стрѣльцовъ, три пушки полковыхъ, десять мѣдныхъ, вылитыхъ имъ самимъ изъ пріобрѣтенной въ Сумѣ и Кеми мѣди (3), нѣсколько старыхъ сумскихъ пушекъ и нѣсколько новыхъ верховыхъ, присланныхъ съ Двины, сотни пудовъ пороху (4), всевозможные военные снаряды и годовой запасъ провизіи. Сверхъ того Мещериновъ, по словамъ Денисова, «различная градоемная орудія на раззореніе обители уготовавъ, повелѣ хитрецамъ три великія гранатныя пушки отъ древа содѣлати по множеству пороха чиненныхъ желѣзныхъ ядеръ вмѣщающія: ова бо изъ нихъ 160 ядеръ, ова-же 260, ова-же 360 ядеръ вмѣщающія бѣша» (5). При такихъ силахъ и средствахъ Мещериновъ могъ начать весьма серіезную осаду монастыря. И онъ дѣйствительно началъ дѣло вести какъ и въ прошломъ 1674 году опять серіезно. Монастырь былъ снова окруженъ батареями (6), городками и башнями, равняющи-

(1) Грам. царя отъ 27 марта 1675 г. въ солов. архивѣ, собран. копій съ граматъ № 7. Расход. книжка сумскаго старца Игнатія въ сол. арх. связка книжекъ № 4.

(2) Мука отправлена изъ Сумы 28 іюля, когда отправлялись на островъ дв. стрѣльцы. Книжка сумскаго старца сол. арх. № 4.

(3) Показ. человѣка Мещеринова Ивана Черемисинова. «Дѣло о Мещериновѣ» въ сол. ризницѣ.

(4) Осенью 1674 г. ему прислано было пороху 160 пудовъ, который еще не былъ израсходованъ. Грамата царя Мещеринову отъ 19 дек. 1677 г. Допол. къ Акт. Истор. т. V. стр. 364.

(5) Исторія о отцѣхъ. стр. 23.

(6) Батареи Мещеринова до сихъ поръ видны около монастыря разумѣется, въ развалинахъ, особенно съ восточной стороны, за версту отъ монастыря, гдѣ былъ таборъ Мещеринова и кладбище для убитыхъ воиновъ; на этомъ мѣстѣ теперь стоитъ ча-

мися по высотѣ съ монастырскою стѣною—пушками и стрѣльцами, такъ что теперь для осажденныхъ монаховъ не было рѣшительно никакой возможности ни изъ монастыря выходить, ни въ монастырь кого-либо принять. Мещериновъ притомъ рѣшился держать монаховъ въ этомъ положеніи и предстоящую зиму, пока не удастся ему такъ или иначе искоренить мятежъ, чтобы въ противномъ случаѣ самому не лишиться головы, по угрозамъ царя. Осадивъ такимъ образомъ монастырь, Мещериновъ не замедлилъ и бомбардированіемъ, «содѣланнымъ же онымъ (тремъ великимъ гранатнымъ пушкамъ) приказа начиненныя толичествомъ ядръ (въ 160, 260 и 360) на обитель пущати: удобно вознещевавъ сими, яже во обители строенія, и живущіе въ нихъ испаливъ развѣяти; яко же бо летяще огня палежемъ приближающіяся опаляху тако, разрываемы чрепами безмилостивно сокрушаху и смерти предаяху» ([1]). Бомбардированіе однако ни къ чему не приводило: крѣпостная стѣна и каменныя монастырскія зданія могли вынести въ 1854 году безъ всякаго вреда удары отъ 96 ф. англійскихъ бомбъ и ядръ, а ядра Мещеринова вѣроятно не были тяжеловѣснѣе. Независимо отъ сего Мещериновъ «бился съ ворами, не щадя головы своей на многихъ вылазкахъ, подошолъ подъ городъ (монастырь) въ самыя ближнія мѣста, подкопы многіе подъ монастырскую стѣну подвелъ и пороху множество туда закатилъ», думая при удобномъ случаѣ взорвать монастырь; 23 декабря даже «приступъ великій воины сотвориша, и лѣстницы къ стѣнѣ приставиша и всѣмъ воинствомъ на взятіе приступиша» ([2]). Успѣховъ и въ этомъ никакихъ не замѣчалось. Монахи и на вылазкахъ сражались храбро, «на смерть», и отъ стѣны отражали стрѣльцовъ съ полнымъ геройствомъ. Мещериновъ лишился одного поручика Гудковскаго и 112 человѣкъ стрѣльцовъ, тогда какъ у монаховъ не было почти ни убитыхъ, ни раненыхъ.

совня во имя Іоанна Предтечи, въ которой на стѣнѣ виситъ доска съ именами убитыхъ 112 стрѣльцовъ; по нимъ 22 янв. въ день покоренія монастыря въ 1676 г. до сихъ поръ отправляется въ этой часовнѣ панихида.

([1]) Истор. о отцѣхъ л. 23 об.

([2]) Дѣло о Мещериновѣ. Акты арх. ком. т. 4. № 215, стр. 291. Челоб. Мещеринова къ царю. «Ист. о отцѣхъ», стр. 26.

«Сущіи же во обители отцы», говоритъ Денисовъ, «въ соборную церковь стекшеся, слезами и молитвами отъ Бога помощи и отъ преподобнаго чудотворца заступленія прошаху. А иже на стѣнѣ града стражіе и слугу противу ратнымъ стоящи подобающая творяще, на стѣну взыти не даяху и охрабрившеся лѣстницы оныхъ сокрушиша и самое воинство отъ обители далече отгнаша» ([1]). Мещериновъ приходилъ отъ этихъ неудачъ въ отчаяніе. «Видѣвъ воевода яко ничто-же киновію ратующе успѣваютъ, яко ниже козньми, ниже хитростьми и умышленіи каковыми, ниже стрѣляньми, наконецъ ниже приступами потщавшеся киновнію взяти возмогоша: но бездѣльни и посрамлени вспять отхождаху, *отлагаетъ прочее надежду о киновіи, отчаявается о взятіи,* облагается безнадежіемъ весьма о стояніи, за невозможное взятія толикую крѣпость имѣющаго града, и что дѣйствовати прочее не доумѣется» ([2]).

Нельзя однако думать, чтобы монахи долго такимъ образомъ продержались въ монастырѣ. Ихъ силы видимо упадали, дѣла разстраивались не по днямъ, а по часамъ; они дѣлали послѣднія отчаянныя усилія, можетъ быть сами предчувствуя скорую гибель. Во главѣ монастырскаго собора съ осени стояли—келарь Наѳанаилъ Тугинъ и казначей Мисаилъ. Но въ генварѣ 1676 года были уже: келаремъ Левкѣй, казначеемъ черный попъ Леонтій, вступившіе въ должность безъ всякаго уже «отводу». Леонтій, наприм., предъ смертію казначея Мисаила—его духовнаго сына, просто взялъ себѣ ключи отъ казначейской палаты и сталъ казначей. Сила и власть келаря и казначея сосредоточились теперь исключительно на кладовыхъ и погребахъ монастырскихъ, которые день отъ дня становились болѣе и болѣе пустыми: не было ни рыбы, ни масла, ни толокна, ни капусты... Въ церковь почти не за чѣмъ было ходить—единственные священники Леонтій и Сильвестръ отказались служить еще въ прошломъ году. Архимандритъ Никаноръ уже усталъ кропить и уговаривать пушки, чтобы оборони-

---

([1]) Исторія о отцѣхъ, стр. 26 об.
([2]) Тамъ же, стр. 27.

ли. Оборона монастыря была отдана въ полное распоряженіе сотнику Логину съ товарищами Исачкой Воронинымъ и Самкою Кемляниномъ. Но рядовые ратники не хотѣли знать военной дисциплины, хотя и сражались иногда на вылазкахъ и со стѣны съ царскими стрѣльцами. Они, напр., не знали и не хотѣли знать обычнаго въ военной службѣ порядка смѣны съ караула: простоявъ на стѣнѣ или гдѣ-либо извѣстные часы, а можетъ быть и не достоявъ, не дожидались на свое мѣсто другаго караульнаго и спокойно оставляли свой постъ безъ караула. Въ свою очередь тѣ, для коихъ наступалъ караульный часъ, не торопились къ извѣстному мѣсту и т. д. Сверхъ всего этого въ монастырѣ отъ тѣсноты, бездѣятельности и плохой пищи развилась цынга и братія стали умирать цѣлыми десятками въ день (¹). По всему этому можно предполагать, что монастырь въ скоромъ времени самъ бы растворился предъ Мещериновымъ. Но предупредилъ растворить его одинъ выходецъ чернецъ Ѳеоктистъ, за что и заслужилъ отъ Денисова названіе Іуды предателя. Чернецъ Ѳеоктистъ тайно ушелъ изъ Соловецкаго монастыря въ полкъ къ воеводѣ Мещеринову въ ночь на 9-е число ноября. Явившись къ Мещеринову, онъ принесъ повинную во всемъ, т. е. покорился церкви и государю и сверхъ того повѣдалъ, «что-де мочно надъ соловецкими ворами промыслъ учинить отъ Ануфріевскія церкви (²) изорву, и ратныхъ людей ввести въ Соловецкій городъ окномъ, которое подъ сушиломъ у Бѣлой башни, за часъ до свѣту или въ отдачу ночныхъ часовъ, потому что-де воры въ это время съ караулу и съ башенъ и со стѣнъ сходятъ въ кельи, а остается-де на башняхъ и по стѣнамъ только по одному человѣку (³).

Не вдругъ однако былъ приведенъ въ исполненіе пред-

(¹) Ист. о отцѣхъ, стр. 22. Дѣло о Мещер. въ сол. ризницѣ. Не такъ давно въ оградѣ Соловецкаго монастыря, при постройкѣ переходовъ изъ братскаго корпуса въ трапезу, когда копали ямы для фундаментовъ подъ столбы, натинулись на одну могилу въ которой повидимому было положено когда-то нѣсколько десятковъ покойниковъ. Братія соловецкая относятъ эту могилу ко временамъ мятежа, именно ко днямъ повальной болѣзни 1676 года.

(²) Кладбищенская съ юговосточной стороны.

(³) Акты Арх. комм. т. 4. стр. 293. «Ист. о отц.» ст. 27.

ложенный Θеоктистомъ планъ покоренія монаховъ. Нужно было выждать благопріятнаго къ тому времени. Какъ бы ни были безпечны соловецкіе караульные, но надѣяться вполнѣ на ихъ безпечность было нельзя; могли усмотрѣть приближающихся людей со стороны непріятеля и во время поднять на ноги всѣхъ соловецкихъ ратниковъ. Θеоктистъ, разумѣется, долженъ былъ указать людямъ Мещеринова на окно, чрезъ которое можно имъ попасть въ монастырь. И онъ не отказался отъ этого. Воевода далъ ему въ распоряженіе до 50 воиновъ. Съ ними онъ «нощьми многое время ко оному пролазу, глаголютъ же яко отъ Рождества Христова, даже до 29 (?) генваря по вся нощи къ мѣсту оному хождаше и не можаше обрѣсти времене потребна за тишину и прозрачіе нощей» (¹).

Но вотъ наконецъ на 22 генваря 1676 г. ночь случилась безлунная и съ ненастной погодой. Въ монастырѣ главнокомандующему сотнику Логину «спящу въ своей кельѣ» три раза слышался невѣдомо чей и откуда голосъ: «Логине востани, что спиши, яко воинство ратныхъ подъ стѣною; во граду будутъ скоро»... Два раза по этому голосу Логинъ вставалъ и перекрестився снова ложился спать, «вѣдяше бо стражи хранящіи опасно». Но въ третій разъ «восрянувъ трепетенъ тече скоро къ стрегущимъ», коихъ нашелъ на своемъ мѣстѣ. Потомъ разбудилъ всю братію и разсказалъ имъ о своемъ видѣніи. Время было самое полуночное. Братія собрались въ церковь, совершили «полунощницу» и утреню и опять разошлись по кельямъ и предались сну. На зарѣ и ночная стража со стѣны и башенъ по обычаю убралась на покой,—остались два три человѣка и тѣ дремали; уснулъ почти весь монастырь. Новая денная стража пока еще не являлась, неохотно разставаясь съ покойнымъ ложемъ.

Между тѣмъ за версту отъ монастыря, въ станѣ Мещеринова не спали: самъ Мещериновъ и чернецъ Θеоктистъ, —они совѣтовались, какъ бы воспользоваться темнотою ночи и ненастною погодою. Чернецъ еще разъ указалъ вое-

(¹) Акты Арх. комм. т. 4. стр. 28. «Ист. о отц.» ст. 27.

водѣ именно на утренніе часы, когда соловецкіе защитники подъ вліяніямъ тяготившаго ихъ сна бываютъ слишкомъ безпечны. Съ концомъ совѣщаній, по командѣ воеводы, въ нѣсколько минутъ поднялся на ноги весь станъ, и отрядъ изъ 50 стрѣльцовъ, предводительствуемый маіоромъ Келинымъ и чернцомъ Ѳеоктистомъ, отправился прямо къ извѣстному Ѳеоктисту проходу. Вслѣдъ за ними тихо и безмолвно подходилъ къ стѣнамъ монастыря самъ воевода съ остальными стрѣльцами. Соловецкіе караульщики вѣроятно спали крѣпкимъ сномъ и не замѣтили подошедшаго къ самой стѣнѣ непріятеля. Передовой отрядъ скоро и легко отбилъ ломами указапную Ѳеоктистомъ калитку и свободно, въ нѣсколько минутъ проникъ внутрь монастыря, занялъ вооруженную, но оставленную соловецкими ратниками стѣну и башни и сломавъ замки, растворилъ такъ называемыя святыя ворота. Теперь только несчастные соловецкіе бунтовщики услышали шумъ вторгнувшагося къ нимъ въ обитель непріятеля и увидѣли погибель лицомъ къ лицу. Въ порывѣ отчаянія нѣкоторые пзъ нихъ бросились съ чѣмъ попало къ святымъ воротамъ на встрѣчу непріятеля, чтобы дать *бой*. Ворота были уже запружены массою хорошо вооруженныхъ стрѣльцовъ, во главѣ коихъ стоялъ самъ воевода Мещериновъ. Произошла быстрая и горячая схватка. Въ нѣсколько минутъ безумцы до 30 человѣкъ были буквально искрошены въ куски бердышами стрѣльцовъ ([1]). Остальные обезоружены и оставлены въ живыхъ для того, чтобы предать болѣе мучительной казни. Робкіе изъ братіи, услышавъ шумъ и узнавъ о происходившей въ воротахъ рѣзнѣ, поспѣшили укрыться въ своихъ кельяхъ, въ ожиданіи расправы. Нѣкоторые, впрочемъ, сбѣжались въ соборный храмъ, схватили образа и кресты и съ ними пошли на встрѣчу къ Мещеринову ([2]). Побѣдитель, сопровождаемый монахомъ Ѳеоктистомъ и своимъ войскомъ, торжественно вошелъ въ Преображенскій соборъ и приказалъ пѣть благодарственный молебенъ. Между тѣмъ нѣкоторые изъ начальныхъ людей

(1) Дѣло о Мещер. въ сол. ризн., въ копіи у авт. Мат. для ист. раск. т. III, стр. 354

(2) Тамъ же.

отправились опечатывать монастырскую всякую казну, а большая часть стрѣльцовъ поспѣшили въ пустыя кельи для отысканія богатствъ послѣ убитыхъ и умершихъ монаховъ. Все это совершилось въ нѣсколько часовъ. Затѣмъ по всему монастырю разставлены караулы. Скрывшаяся по кельямъ братія отыскана, перекована и размѣщена по тюрьмамъ до совершенія надъ ними суда и расправы. Расправа надъ ними пока была отложена: воевода хотѣлъ отдохнуть послѣ столь удачной побѣды....

Отдыхалъ Мещериновъ впрочемъ не долго. Имѣя данную отъ царя власть казнить и миловать мятежниковъ, онъ въ тотъ же день началъ призывать ихъ къ себѣ въ станъ, допрашивать, произносить надъ ними судъ и приводить свое рѣшеніе въ исполненіе. Большая часть изъ оставшихся въ живыхъ бунтовщиковъ и теперь на вопросы и предложенія Мещеринова и покорности церкви и государю отвѣчали дерзостно. Архимандритъ Никаноръ, наприм., говорилъ на допросахъ: «что ты величаешься и высишься, я не боюсь тебя, ибо и самодержца душу въ руцѣ своей имѣю» (какъ бывшій нѣкогда духовникъ) ([1]). Ризничій чернецъ Веніаминъ (который въ 1666 г. отъ братіи рекомендовался царю первымъ послѣ Никанора кандидатомъ на настоятельство), будучи за карауломъ въ своей кельѣ, караульнаго Гришку Спирева, билъ по щекамъ и за бороду дралъ за то, что онъ, Гришка, за государя Бога молитъ ([2]). Подобнымъ людямъ отъ Мещеринова пощады не было. Таковыхъ онъ немедленно «рубилъ и вѣшалъ». По собственнымъ его словамъ онъ предалъ казни однихъ только взятыхъ въ святыхъ воротахъ съ оружіемъ въ рукахъ 28 чел. «чтобы на то смотря инымъ не повадно было воровать» ([3]). Но этимъ числомъ казнь далеко не ограничилась. По словамъ чернца Ѳеоктиста, пособившаго Мещеринову растворить монастырь, Мещериновъ, кромѣ многихъ убитыхъ въ бою, «иныхъ воровъ перевѣшалъ, а многихъ чернцовъ выволоча за монастырь на

([1]) Истор. о отцѣхъ и страд. солов.
([2]) Изъ дѣла о Мещериновѣ, въ копіи у авт
([3]) Матер. для истор. раск. т. III, стр. 354.

(морскую) губу (живыхъ) заморозилъ» ([1])! Правда, Мещериновъ доносилъ царю Феодору Алексѣевичу, что онъ «достальныхъ воровъ, которые по кельямъ сидѣли, побить не велѣлъ». Не предалъ казни онъ и тѣхъ, которые вышли къ нему на встрѣчу съ крестомъ и иконами и сразу объявили себя покорными царю и церкви. Но такихъ счастливцевъ было слишкомъ не много. «Изъ пущихъ воровъ и заводчиковъ» онъ оставилъ въ живыхъ «ради взысканія монастырской казны»: келаря Левкѣя, казначея Леонтья (старшаго священника, который въ 1663 г. произвелъ «алтарный мятежъ»), ризничаго Веніамина, нѣкоторыхъ сотниковъ и рядовой братіи 32 чел. ([2]). Но изъ этихъ немногихъ не всѣмъ пришлось сохранить жизнь. Веніаминъ, напр., за нанесенныя караульному Гришкѣ Спиреву побои былъ въ тюрьмѣ подвергнутъ отъ Мещеринова такимъ истязаніямъ, что чрезъ пять дней послѣ помилованія померъ ([3]). Въ началѣ лѣта 1676 г., когда прибылъ въ Соловецкій монастырь новый настоятель архимандритъ Макарій, Мещериновъ подалъ ему «роспись за своею рукою» только о 14 уцѣлѣвшихъ черницахъ «сидѣльцахъ» ([4]). Въ это число входили не только помилованные имъ ради взысканія казны пущіе воры и заводчики Левкѣй, Леонтій и др., но и вышедшіе къ нему на встрѣчу съ крестомъ. Между тѣмъ еще въ 1674 г., по словамъ выходцевъ, сидѣло въ монастырѣ—братіи 200 и бѣльцовъ 300 чел. ([5]). Изъ нихъ вышло изъ монастыря въ станъ Мещеринова въ 1674 и 1675 гг. 16 и въ 1675 г. взято на островѣ 7 человѣкъ, всего 23 чел. ([6]). Куда же дѣвались остальные? Можетъ быть немалая часть изъ нихъ померли отъ повальной болѣзни, развившейся въ стѣнахъ монастыря незадолго до покоренія ([7]), а всѣ прочіе были такъ или иначе преданы отъ руки Мещеринова казни. Насколько можно вѣрить преданію, сохранившемуся

([1]) Матер. для ист. раск. т. III, стр. 411.
([2]) Тамъ же, стр. 354.
([3]) Изъ дѣла о Мещер. въ копіи у автора. Матер. для ист. раск. т. III, стр. 383.
([4]) Тамъ же, стр. 441.
([5]) Тамъ же, стр. 330.
([6]) Тамъ же, стр. 441.
([7]) Тамъ же, стр. 429.

у старообрядцевъ и у соловецкой братіи, послѣ покоренія, монастыря морская губа, омывающая монастырь съ западной стороны, была завалена тѣлами убитыхъ въ послѣдней стычкѣ, заживо замороженныхъ и казненныхъ монаховъ и бѣльцовъ. Не малая часть ихъ валялась около стѣнъ монастыря и болталась на висѣлицахъ и деревьяхъ. Въ такомъ положеніи тѣла погибшихъ оставались въ теченіи всей зимы 1676 г., пока нѣкоторыхъ не поглотило раскрывшееся весной отъ льдовъ море, а другихъ—не распорядился новый настоятель Макарій собрать и предать землѣ, безъ христіанскаго, впрочемъ, погребенія, не на кладбищѣ, а на особомъ маленькомъ островѣ, называемомъ «Бабьимъ» (¹). Вмѣсто казненной, перекованной и разсаженной по тюрьмамъ братіи монастырь былъ населенъ стрѣльцами Мещеринова, которые и оставались здѣсь до прибытія лѣтомъ 1676 г. архимандрита Макарія съ новой братіей, набранной изъ русскихъ монастырей (²).

Такъ кончилось слишкомъ двадцатилѣтнее стояніе соловецкихъ иноковъ за «старую вѣру».

Не хотѣлось бы вѣрить въ столь печальное событіе въ исторіи нашей православной церкви; но къ несчастію оно на лицо и съ неотразимою убѣдительностію свидѣтельствуетъ, что въ XVII в. на Руси были возможны и такія событія... Темное время и недостаточная еще прочность государственной и церковной жизни какъ нельзя луше благопріятствовали подобнаго рода явленіямъ. Достаточно въ этомъ случаѣ припомнить, что XVII в. былъ временемъ переходнымъ какъ для государства, такъ и для церкви. Государство утверждало на царскомъ престолѣ новую династію Романовыхъ и вело усиленную борьбу съ самозванцами, которые какъ тѣни прервавшейся династіи не переставали появляться на окраинахъ Россіи даже въ царствованіе Алексѣя Михайловича. Русская церковь заботилась объ утвержденіи только что возникшаго патріаршества и опредѣляла отношенія его къ царскому престолу. При этомъ были неизбѣжны ощутитель-

(¹) Исторія о отцѣхъ и страд. солов. Общая могила этихъ несчастныхъ до настоящаго времени замѣтна. Авторъ.

(²) Матер. для истор. раск. т. III, стр. 440.

ныя столкновенія между царскою и патріаршею властію, неизбѣжна нѣкотораго рода борьба за права первенства въ государствѣ. Силы были почти равныя и поэтому немудрено, что по временамъ патріаршая власть иногда застѣняла царскую (при Филаретѣ и Никонѣ). Независимо отъ сего въ церковную и государственную жизнь неотразимо вторгался духъ новаго времени и настойчиво требовалъ постановки жизни на новыхъ началахъ,—на началахъ западнаго просвѣщенія. Ко всему этому русскій народъ и духовенство относились не безучастно. Но въ то время, какъ одни безмолвно, а иногда и охотно подчинялись требованіямъ времени и историческихъ событій и шли—или за государемъ, или за патріархомъ,—другіе упорно стояли на утоптанной отцами и дѣдами дорогѣ и не хотѣли двинуться впередъ ни на одинъ шагъ. Они не были довольны ни государственной жизнію съ новой династіей, ни церковною съ патріархомъ, ни вѣяніемъ духа просвѣщенія, и готовы были на борьбу противъ всякихъ внѣшнихъ и внутреннихъ преобразованій русской жизни. Въ результатѣ было по всей Россіи броженіе умовъ, шаткость патріотизма, ослабленіе церковной дисциплины и упадокъ нравственный. Все это рѣзко выразилось въ исторіи соловецкаго возмущенія. Соловецкіе монахи были дѣти своего времени, изъ класса сыновъ отечества, недовольныхъ ничѣмъ новымъ въ жизни. Богатый Соловецкій монастырь, находившійся на морскихъ островахъ, въ дали отъ правительственнаго контроля и пользовавшійся почти полною независимостію и разными привиллегіями былъ лучшимъ мѣстомъ, гдѣ можно было недовольнымъ людямъ скрыться отъ ненавистныхъ требованій времени и правительства гражданскаго и церковнаго и пожить свободно, въ свое удовольствіе. И мы видѣли, что не задолго предъ возмущеніемъ монастырь былъ переполненъ людьми, совершено не призванными къ монашеской жизни,—людьми, которые изъ своихъ личныхъ выгодъ убѣжище пустынниковъ превратили въ торговый, шумный городъ, со всѣми недостатками мірской жизни ([1]). Эти люди жили и наслаждались нѣкоторое время жизни въ монастырѣ спокойно,

([1]) См. Солов. м. предъ возмущеніемъ. Пр. Соб. 1879 г. Октябрь и ноябрь.

ничѣмъ особенно не обнаруживая своихъ непріязненныхъ отношеній къ высшему правительству и только по временамъ сталкиваясь съ мѣстными властями—новгородскимъ митрополитомъ и архангелогородскими чиновниками, неумѣстно вторгавшимися въ ихъ привиллегированную область жизни и дѣятельности. Такъ безмятежно и мирно текла ихъ жизнь, потому что высшее правительство гражданское и духовное благоволило къ нимъ, покровительствовало и ничѣмъ не касалось ни ихъ матеріальныхъ интересовъ, ни ихъ нравственнаго строя жизни. Но вотъ со одной стороны Никонъ—сначала митрополитъ, а потомъ патріархъ, съ другой—царь Алексѣй Михайловичъ начинаютъ ощутительно затрогивать ихъ нравственные и матеріальные интересы: первый требуетъ строгой монашеской жизни, а послѣдній повелѣваетъ высылать изъ монастырскихъ сокровищъ въ государственную казну то десять, то двадцать тысячъ рублей и не возвращаетъ ихъ. Такого рода притязанія, хотя и законныя, естественно, должны были вызвать въ привыкшемъ къ независимой жизни соловецкомъ братствѣ, на первый разъ хотя домашнее смущеніе противъ правительства. Противъ царя Алексѣя Михаиловича, впрочемъ, соловецкіе монахи долгое время и домашнимъ образомъ не обнаруживали своихъ неудовольствій, считая его дѣйствующимъ подъ вліяніемъ Никона. Но не то было по отношенію къ Никону. Онъ еще будучи новгородскимъ митрополитомъ въ соловецкомъ братствѣ заслужилъ имя «врага Соловецкой обители», «антихриста». На патріаршемъ престолѣ онъ тѣмъ болѣе для монаховъ сталъ ненавистенъ, потому что началъ отписывать къ своимъ монастырямъ лучшія соловецкія вотчины. Недоставало только случая, чтобы выразить предъ нимъ эту ненависть. Но и случай не замедлилъ явиться: Никонъ приступилъ къ исправленію церковныхъ книгъ и въ 1655 г. выпустилъ въ свѣтъ новый служебникъ. Монахи, получивъ въ 1657 г. служебникъ, не задумались отвергнуть его, какъ еретическій; на самомъ же дѣлѣ потому, что онъ былъ произведеніемъ ненавистнаго человѣка.

Между тѣмъ Никонъ оставилъ патріаршій престолъ, а блюститель патріаршаго престола крутицкій митрополитъ Пи-

тиримъ съ прочими духовными властями не понялъ надлежащимъ образомъ поступка монаховъ и до 1666 г. не только не былъ расположенъ наказывать ихъ, но и не рѣшался напоминать имъ о новомъ служебникѣ. Царь попрежнему благоволилъ къ монахамъ, но въ то же время продолжалъ требовать отъ нихъ въ казну высылки суммъ. Въ это время ненависть, которую монахи раньше питали только къ одному Никону, переносится на все духовное правительство, потому что оно не выводило изъ употребленія разосланнаго по Россіи при Никонѣ новаго, ненавистнаго для монаховъ служебника. Начинаютъ монахи теперь неделикатно отзываться и о самомъ царѣ, какъ наученномъ отъ Никона латинской ереси, хотя и питаютъ еще большія надежды на обращеніе его къ старой церковной жизни и на благоволеніе къ себѣ. Переселеніе въ Соловецкій монастырь на покой Саввинскаго Архимандрита Никанора, который въ Москвѣ былъ обиженъ невниманіемъ къ нему и со стороны царя и особенно со стороны Никона; присылка «на смиреніе» многихъ государственныхъ и церковныхъ преступниковъ,—наконецъ добровольное стеченіе съ разныхъ концовъ Россіи людей, недовольныхъ новыми церковными порядками,—все это окончательно утвердило коренную соловецкую братію въ томъ настроеніи, начало которому было положено при Никонѣ и обнаружилось въ 1657 г. при полученіи новаго служебника.—Въ 1666 году правительство духовное, наконецъ, обратило вниманіе на непокорность соловецкихъ монаховъ и начало принимать духовныя мѣры къ вразумленію ихъ. Но было уже поздно: давнее глубокое нерасположеніе къ правительству въ умахъ передовой братіи теперь уже вполнѣ созрѣло и опираясь на простоту и суевѣрія остальной братіи сдѣлалось почти всеобщимъ. На призывъ правительства къ покорности изъ всего многочисленнаго (около 1000 челов.) братства отозвалось не больше 10 человѣкъ—изъ вызванныхъ въ Москву. Все прочее братство вступило съ духовнымъ правительствомъ въ упорную борьбу, имѣя оружіемъ челобитныя къ царю. Ни увѣщанія, ни угрозы отлученія отъ церкви не производили на нихъ рѣшительно никакого дѣйствія. Въ отвѣтъ на эти угрозы они въ своихъ челобитныхъ

къ царю заявляютъ о своей готовности умереть за вѣру, а между тѣмъ смѣло и рѣшительно защищаютъ свою независимость: прибывшему изъ Москвы съ царскимъ наказомъ и соборнымъ повелѣніемъ архимандриту Сергію не позволяютъ приступить къ производству слѣдствія по челобитнымъ старца Герасима Ѳирсова и архимандрита Варѳоломея; новаго настоятеля архимандрита Іосифа не принимаютъ на настоятельство и высылаютъ изъ монастыря; произвольно ставятъ келарей и казначеевъ и т. д. Духовное правительство, истощивъ противъ непокорныхъ свои мѣры, наконецъ отступилось и предоставило покореніе ихъ царю. Царь, какъ и правительство духовное не рѣшается вдругъ на крутыя мѣры. Сначала онъ въ видѣ угрозы только отписываетъ въ казну всѣ соловецкія вотчины. Но и въ этомъ случаѣ монахи не думаютъ о покорности. Напротивъ свои предубѣжденія и непріязненныя отношенія переносятъ на самаго царя и готовятся вступить въ борьбу съ нимъ. Царь посылаетъ затѣмъ къ монастырю подъ командою сперва стряпчаго Волохова, потомъ стрѣлецкаго головы Іевлева отрядъ стрѣльцовъ, поручая имъ тѣснить монаховъ всѣми мѣрами, не прибѣгая къ оружію. Но и это не помогло: монахи воспользовались пушками, разставленными на монастырской стѣнѣ и открыли противъ царскихъ стрѣльцовъ огонь, въ то же время по близорукости и нерачительности полководцевъ и благодаря сочувствію поморцевъ, свободно подкрѣпляя себя хлѣбомъ и другимъ необходимымъ запасомъ. Назначенный въ 1674 г. къ монастырю на мѣсто оказавшихся неспособными полководцевъ Волохова и Іевлева стольникъ и воевода Мещериновъ съ увеличеннымъ числомъ стрѣльцовъ, по повелѣнію царя, приступаетъ наконецъ къ настоящей военной осадѣ. Но монахи отъ этого только больше раздражаются: они оставляютъ молитву за царя и начинаютъ поносить своего государя, какъ только можно. Только измѣна одного изъ нихъ монаха Ѳеоктиста кладетъ конецъ борьбѣ, даетъ торжество надъ ними воеводѣ Мещеринову. Такова въ общихъ чертахъ вся разсмотрѣнная нами исторія соловецкаго возмущенія. Изъ этого, мы думаемъ, не трудно убѣдиться, что главнымъ мотивомъ въ исторіи соловецкаго возмущенія отъ начала его

до конца были воспитанныя привиллегированными условіями соловецкой жизни и возбужденныя случайнымъ столкновеніемъ съ правительствомъ духовнымъ и гражданскимъ личныя страсти нѣкоторыхъ изъ передовой братіи, каковы архимандритъ Никаноръ, священникъ Леонтій, старецъ Веніаминъ и др. Старая вѣра для этихъ людей была только хорошей опорой въ борьбѣ съ правительствомъ. Опираясь на нее, первые возмутители легко могли поднять на ноги противъ правительства остальную братію, которая по своей простотѣ и по внушенію возмутителей въ обрядовыхъ перемѣнахъ видѣла дѣйствительное нарушеніе христіанскихъ истинъ, превращеніе православія въ латинскую ересь. Эти несчастные, какъ мы видѣли, только въ періодъ вооруженной обороны сознали свою ошибку, именно тогда, когда главные заводчики совсѣмъ почти оставили религію и взялись за оружіе, чтобы отстоять свою прежнюю свободу и независимость. Увидѣвъ свою ошибку, они поспѣшили отстать отъ бунтовщиковъ, побѣжали изъ монастыря и такимъ образомъ ускорили гибель своихъ вождей. Но не могло бы соловецкое возмущеніе продолжаться столь долго и едвали бы дошло до столь печальной развязки, если бы само правительство на первыхъ же порахъ поняло смыслъ его, какъ слѣдуетъ и во время приняло бы болѣе цѣлесообразныя мѣры. Но оно, какъ мы уже не разъ замѣчали, сначала думало, что въ упрямствѣ монаховъ не заключается ничего опаснаго и потому около десяти лѣтъ не принимало къ погашенію его никакихъ мѣръ, затѣмъ стало прилагать мѣры, совсѣмъ несоотвѣтствовавшія смыслу возстанія, въ то же время дѣлало иногда большіе промахи, каковы, напр., увольненіе въ 1667 году изъ Москвы обратно въ монастырь ложно раскаявшагося архимандрита Никанора, который раньше стоялъ и по возвращеніи снова сталъ во главѣ возстанія. Таковъ, по нашему крайнему убѣжденію, долженъ быть смыслъ соловецкаго возмущенія.

Но каковъ бы нибылъ смыслъ этого возмущенія, однако оно дало силу и авторитетъ всему русскому расколу и положило основаніе безпоповству, со всѣми его крайностями. Не будемъ перечислять тѣхъ обрядовыхъ мелочей, которыя

для первыхъ расколоучителей—Аввакума, Лазаря и друг. были достаточнымъ основаніемъ къ обвиненію православной церкви въ латинской ереси и которыя получили, такъ сказать, санкцію въ послѣдней соловецкой челобитной 1667 г. Укажемъ только на тѣ основы, которыя даны соловецкимъ возмущеніемъ безпоповству. Это 1) ученіе объ антихристѣ мысленномъ, заключающееся въ сочиненіи соловецкаго узника іеромонаха Ѳеоктиста ([1]). 2) Ученіе о томъ, что можно въ жизни обходиться, не опасаясь лишиться надежды на спасеніе, безъ помощи священниковъ, высказанное предъ соловецкой братіей архимандритомъ Никаноромъ и практиковавшееся въ монастырѣ послѣдніе годы вооруженнаго возстанія. 3) Ученіе о томъ, что не слѣдуетъ молиться за царя-нестарообрядца, не разъ подтвержденное на черныхъ соборахъ соловецкой братіи и практиковавшееся въ монастырѣ. 4) Ученіе о томъ, что не слѣдуетъ почитать крестъ съ «титлой» (І. Н. Ц. І.) и наконецъ 5) самое ужасное ученіе о самосожигательствѣ, которое по примѣру Аввакума проповѣдывали въ Поморьѣ Соловецкіе выходцы старцы Игнатій, Германъ и Іосифъ, совершивъ проповѣдь сожженіемъ себя и не одной тысячи простыхъ людей ([2]). На этихъ началахъ, вслѣдъ за казнію соловецкихъ старообрядцевъ, какъ бы изъ ихъ пепла въ Поморьѣ возникла знаменитая Выговская пустынь, существовавшая почти два столѣтія, которая такимъ образомъ соловецкое ученіе перенесла въ старообрядческій міръ. Въ нынѣшнемъ столѣтіи погибла и Выговская пустынь; но не погибло безпоповство—это наслѣдіе соловецкаго возмущенія, до настоящаго времени руководствующееся въ въ жизни соловецкой челобитною 1667 г. и «Исторіею о отцѣхъ и страдальцахъ соловецкихъ», составленною однимъ изъ основателей Выговской пустыни Семеномъ Денисовымъ изъ рода князей Мышецкихъ. Какими ужасными послѣдствіями сопровождалось и до настоящаго времени сопровождается соловецкое возмущеніе въ старообрядческомъ безпоповствѣ, объ

([6]) Пр. Соб. 1880 г. Май.
([4]) Ист. Выговской пустыни И. Филиппова, стр. 37, 54 и 62.

этомъ извѣстно всякому, кто знакомъ съ вѣковой исторіей и нынѣшнимъ состояніемъ безпоповства.

Въ утѣшеніе православныхъ сыновъ отечества мы можемъ сказать только то, что соловецкое возмущеніе не сопровождалось столь печальными послѣдствіями собственно для Соловецкаго монастыря. Соловецкій монастырь, правда, въ 1676 г., при покореніи бунтовщиковъ лишился почти всего братства и подвергся разграбленію со стороны воеводы Мещеринова и стрѣльцовъ. Но правительство въ этомъ случаѣ во время подало ему помощь и такимъ образомъ спасло отъ окончательнаго разрушенія. На мѣсто погибшей братіи въ томъ же 1676 году было прислано изъ русскихъ монастырей нѣсколько монаховъ съ архимандритомъ Макаріемъ во главѣ, которые вмѣстѣ съ немногими оставшимися при покореніи въ живыхъ и раскаявшимися и составили новое покорное церкви и государю братство (1). Мещериновъ, польстившійся на соловецкое богатство и нагрузившій было драгоцѣнными церковными и келейными вещами цѣлую ладью, съ прибытіемъ на мѣсто его князя Волконскаго и дьяка Алмаза Чистаго, былъ уличенъ въ ограбленіи монастыря тѣми монахами, которыхъ онъ не успѣлъ казнить и которые изъ опасенія лишиться жизни сами раскрывали ему монастырскія сокровища. Все захваченное имъ богатство было у него княземъ Волконскимъ отнято и возвращено въ монастырь, а самъ онъ за это подвергся суду и четырехлѣтнему тюремному заключенію (2). Затѣмъ соловецкая жизнь пошла обычнымъ порядкомъ: Соловецкій монастырь снова сталъ славиться и многочисленностію братства, и строгостію жизни иноковъ, и богатствомъ. Таковымъ онъ остается до настоящаго времени.

(1) Матер. для ист. раск. т. III, стр. 368 и сл.
(2) Тамъ же, стр. 353 и сл.

ОГЛАВЛЕНІЕ.